

Вестник университета № 10/2024

Теоретический и научно-методический журнал

Издаётся с января 1999 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов В.С. — д-р психол. наук, проф.
Агранат Д.А. — д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф.
Азоев Г.А. — д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. — д-р психол. наук, проф.
Верещагина А.В. — д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. — д-р психол. наук, проф.
Грошев И.В. — д-р экон. наук, д-р психол. наук, проф.
Долматович И.А. — д-р экон. наук, проф.
Дубицкий В.В. — д-р социол. наук, канд. хим. наук, проф.
Ионцева М.В. — д-р психол. наук, проф.
Каменева Т.Н. — д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. — д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
Ковалев В.В. — д-р социол. наук, проф.
Красовский Ю.А. — д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. — д-р психол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. — д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф.
Ломовцева О.А. — д-р экон. наук, проф.
Магомедов М.А. — д-р экон. наук, проф.
Максимова С.Г. — д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. — д-р экон. наук, проф.
Мищенко В.В. — д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. — д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. — д-р экон. наук, проф.
Сорокина Г.П. — д-р экон. наук, проф.
Строев В.В. — д-р экон. наук, проф.
Тихонова Е.В. — д-р социол. наук, проф.
Чудновский А.А. — д-р экон. наук, проф.
Шаповалова И.С. — д-р социол. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. — д-р экон. наук, канд. юрид. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК (K2) рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 5.2.1 — Экономическая теория (экономические науки), 5.2.2 — Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки), 5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4 — Финансы (экономические науки), 5.2.5 — Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 — Менеджмент (экономические науки), 5.3.1 — Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.3 — Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки), 5.3.4 — Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки), 5.3.5 — Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки), 5.3.7 — Возрастная психология (психологические науки), 5.4.1 — Теория, методология и история социологии (социологические науки), 5.4.2 — Экономическая социология (социологические науки), 5.4.3 — Демография (социологические науки), 5.4.4 — Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.5 — Политическая социология (социологические науки), 5.4.6 — Социология культуры (социологические науки), 5.4.7 — Социология управления (социологические науки).

Главный редактор

В.В. Строев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редакторы

А.А. Капачук

Выпускающий редактор

и компьютерная верстка

Е.А. Гусева

Технический редактор

А.Р. Волкова

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

На сайте «Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rg.ru можно оформить подписку на 2024 год на печатную версию журнала «Вестник университета» по подписному индексу 42517, а также подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.

Подп. в печ. 08.11.2024 г.

Формат 60×90/8

Объем 30,5 печ. л.

Бумага офисная

Печать цифровая

Тираж 1000 экз.

(первый завод 25 экз.)

Заказ № 249_Г

Издается в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Издательство: Издательский дом ГУУ

(Государственный университет управления)

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

Статьи доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>



EDITORIAL BOARD

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Agranat D.L. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Jur.), Prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Vereshchagina A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy), Prof.
Dolmatovich I.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Dubitsky V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Chem.), Prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kameneva T.N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member
Kovalev V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krasovsky Yu.D. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Engr), Prof.
Lomovtseva O.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Magomedov M.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Maximova S.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Mishchenko V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Raychenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Sorokina G.P. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Stroev V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Tihonova E.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Shapovalova I.S. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), Prof.

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principal scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 5.2.1 – Economic theory (economic sciences), 5.2.2 – Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences), 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4 – Finance (economic sciences), 5.2.5 – World economy (economic sciences), 5.2.6 – Management (economic sciences), 5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics (psychological sciences), 5.3.4 – Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences), 5.3.5 – Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences), 5.3.7 – Age psychology (psychological sciences), 5.4.1 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 5.4.2 – Economic sociology (sociological sciences), 5.4.3 – Demography (sociological sciences), 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.5 – Political sociology (sociological sciences), 5.4.6 – Cultural sociology (sociological sciences), 5.4.7 – Sociology of management (sociological sciences).

Editor-in-chief

V.V. Stroev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editors

A.D. Kaparchuk

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

A.R. Volkova

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI No. FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI No. FS 77-76215 from 12.07.2019

I.R. No. 020715 from 02.02.1998
Signed to print 08.11.2024
Format 60×90/8
Size 30,5 printed sheets
Offset paper
Digital printing
Circulation 1000 copies
(the first factory 25 copies)
Print order No. 249_T

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a peer review procedure

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office:

109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99
State University of Management
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
<http://www.vestnik.guu.ru>

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0. This license allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format, so long as attribution is given to the creator. The license allows for commercial use.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>



СОДЕРЖАНИЕ

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

Иванов С.А.

Методические основы идентификации перспективных отраслей специализации бизнеса в российских регионах с целью развития в них цифровых технологий5

Свиридова С.В., Хорошилов Д.Н.

Повышение цифровой зрелости при управлении инновационным развитием предприятия24

Тяпухин А.П., Стародубцев В.С.

Цифровизация интегрированных логистических потоков фокусного предприятия.....36

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО
И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Насретдинова З.Т., Хазиева А.М., Насретдинова А.Р.

Проблемы и перспективы развития отрасли животноводства в условиях цифровизации агропромышленного комплекса региона (на материалах Республики Башкортостан Российской Федерации).....50

Султанмахмедов Ш.А.

Деревообрабатывающая промышленность в Российской Федерации: анализ отраслевой структуры и перспективы развития.....62

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ,
РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аникин О.Б., Шешин В.Д.

Сравнительная характеристика рейтинговых агентств Standard&Poor's, Moody's и Fitch.....69

Вандышева С.В., Бойкова А.А.

Факторы эффективной коммерческой деятельности компании в условиях цифровой экономики.....76

Дикарев А.С.

Оценка деловой активности российской промышленности85

Егоров В.В.

Компаративный обзор видов надбавок при дележе блага с неделимыми составляющими.....92

Лазник А.А., Гордеева Т.С.

Оценка уровня влияния организаций стран-экспортеров нефти на мировой рынок нефти.....100

Лисачкина Ю.С.

Влияние уровня долговой нагрузки на устойчивое развитие регионов Российской Федерации.....108

Лысенко Е.А., Фомин С.В.

Применение таможенной процедуры переработки на таможенной территории при совершении внешнеторговых операций114

Махамат М.М.

История развития международных отношений Российской Федерации и африканских стран в начале XXI в.126

Речкина Е.А., Терехов А.М.

Энергетический кризис 2021–2022 гг. как предвестник смены энергетического уклада в мире.....131

Смирнов Е.Н., Карелина Е.А., Плетнев М.Г.

Глобальная архитектура торговли сельскохозяйственной продукцией: современные триггеры.....142

Трегубова Е.А., Городилов М.А., Люшнин А.С.

Экономическая эффективность накопителей электроэнергии при интеграции электростанций на возобновляемых источниках энергии в энергосистеме150

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

Афонин С.Е.

Анализ текущего положения и трендов в области инновационного развития региональных экономических систем Российской Федерации.....161

ФИНАНСЫ
И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Зотиков Н.З.

Введение прогрессивной шкалы по налогу на доходы физических лиц как необходимое условие обеспечения социальной справедливости.....167

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ПРОЦЕССЫ

Ефимова Г.З.

Преимущества и недостатки работы в университете: по оценкам научно-педагогических работников.....180

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ПСИХОЛОГИИ

Дементьев А.С., Цветкова Н.А.

Чувствительность к справедливости молодых людей с различным уровнем достатка как актуальная социально-психологическая проблема.....196

Захарова И.О., Орлова С.Н.

Предметные олимпиады как эффективный инструмент подготовки управленческих кадров в вузах в современных условиях205

Истомина Е.В.

Социально-обусловленные факторы позитивной трансформации профессионально-трудовой Я-концепции лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата.....212

Козырева В.В., Фам В.А.Т.

Влияние взаимоотношений с матерью на романтические отношения дочерей221

Мишенин Е.С.

Психологические факторы принятия экономических решений229

Уманская Э.Э.

Профессиональная мотивация как фактор эмоционального выгорания тренеров-преподавателей по шахматам.....236

CONTENTS

STRATEGIES AND INNOVATIONS

- S.L. Ivanov**
Methodological basis for identifying promising industries of business specialization in Russian regions while developing digital technologies5
- S.V. Sviridova, D.N. Horoshilov**
Increasing digital maturity in innovative development management in a company 24
- A.P. Tyapukhin, V.S. Starodubtsev**
Digitalizing an integrated logistics flows of a focus enterprise... 36

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

- Z.T. Nasretidinova, A.M. Khazieva, A.R. Nasretidinova**
Problems and prospects for livestock industry development in the context of digitalization of the agro-industrial complex in the region (based on the materials of the Republic of Bashkortostan of the Russian Federation) 50
- S.A. Sultanakhmedov**
Woodworking industry in Russia: analysis of the industry structure and development prospects 62

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

- O.B. Anikin, V.D. Sheshin**
Comparative characteristics of the Standard&Poor's, Moody's and Fitch ratings 69
- S.V. Vandysheva, A.L. Boykova**
Effective commercial activity of a company factors in digital economy 76
- A.S. Dikarev**
Assessing business activity of the Russian industry 85
- V.V. Egorov**
Comparative review of allowances types for dividing a benefit with indivisible items 92
- A.A. Laznik, T.S. Gordeeva**
Assessment of the level of influence of oil exporting countries' organizations on the world oil market 100
- Yu.S. Lisachkina**
Debt load impact on sustainable development of Russian regions 108
- E.A. Lysenko, S.V. Fomin**
Application of the customs procedure of processing in the customs territory when performing foreign trade operations 114
- M.M. Mahamat**
History of international relations development among Russia and African countries in the beginning of the XXI century 126
- E.A. Rechkina, A.M. Terekhov**
Energy crisis of 2021–2022 as a harbinger of a change in the global energy system 131
- E.N. Smirnov, E.A. Karelina, M.G. Pletnev**
Global agricultural trade architecture: contemporary triggers 142
- E.A. Tregubova, M.A. Gorodilov, L.S. Lyushnin**
Economic efficiency of energy storage systems for renewable energy power plants integration in the energy system 150

INVESTMENT VALUATION

- S.Ye. Afonin**
Analysis of the current situation and trends in the field of innovative development of Russia's regional economic systems 161

FINANCE AND BANKING

- N.Z. Zotikov**
Progressive scale implementation for personal income tax as a necessary condition for ensuring social justice 167

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

- G.Z. Efimova**
Advantages and disadvantages of working at university: estimates of scientific and pedagogical employees 180

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

- A.S. Dementiev, N.A. Tsvetkova**
Justice sensitivity of youth with different levels of income as an actual socio-psychological problem 196
- I.O. Zakharova, S.N. Orlova**
Subject Olympiads as an effective tool of management personnel training in universities in modern conditions 205
- E.V. Istomina**
Socially-determined factors of positive transformation of the professional and labor self-concept of persons with musculoskeletal disorders 212
- V.V. Kozyreva, V.A.T. Pham**
Influence of relationships with mothers on romantic relationships of daughters 221
- E.S. Mishenin**
Psychological factors of economic decision-making process ... 229
- E.E. Umanskaya**
Professional motivation as a factor in emotional burnout of chess coaches and teachers 236

Методические основы идентификации перспективных отраслей специализации бизнеса в российских регионах с целью развития в них цифровых технологий

Иванов Семен Леонидович

Канд. экон. наук, науч. сотр.

ORCID: 0000-0002-4647-5824, e-mail: slivanov2020@mail.ru

Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия

Аннотация

Разработан методический подход для выявления перспективных отраслей специализации бизнеса в регионах Российской Федерации с целью развития в них конкретных видов цифровых технологий. Реализация подхода оценивалась в несколько этапов. На первом этапе были определены регионы-лидеры по темпам роста показателей, характеризующих использование цифровых технологий в организациях, за период с 2020 г. по 2022 г. На втором этапе выявлены группы отраслей специализации бизнеса, в которых развивать цифровые технологии наиболее приоритетно. Это стало возможным благодаря идентификации «переходных» групп отраслей по уровню цифровизации. Выделены регионы-лидеры по использованию в организациях цифровых технологий в зависимости от темпов роста уровня их распространения. Идентифицированы приоритетные отрасли специализации бизнеса по доле организаций, использующих цифровые технологии. В частности, установлено, что потенциал распространения технологий сбора, обработки и анализа больших данных имеют оптовая и розничная торговля, а также отрасль информационных технологий. Потенциалом распространения цифровых платформ обладают обрабатывающая промышленность, оптовая и розничная торговля, информационные технологии.

Ключевые слова

Цифровая технология, цифровизация, цифровая трансформация, отрасль специализации, развитие, предпринимательство, регион

Благодарности. Статья подготовлена в соответствии с темой государственного задания № FMGZ-2022-0002 «Методы и механизмы социально-экономического развития регионов России в условиях цифровизации и четвертой промышленной революции».

Для цитирования: Иванов С.Л. Методические основы идентификации перспективных отраслей специализации бизнеса в российских регионах с целью развития в них цифровых технологий // Вестник университета. 2024. № 10. С. 5–23.



Methodological basis for identifying promising industries of business specialization in Russian regions while developing digital technologies

Semyon L. Ivanov

Dr. Sci. (Econ.), Researcher

ORCID: 0000-0002-4647-5824, e-mail: slivanov2020@mail.ru

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

Abstract

A methodological approach has been developed to identify promising sectors of business specialization in the Russian regions in order to develop specific types of digital technologies in them. The approach implementation has been evaluated in several stages. At the first stage, the leading regions have been identified in terms of growth rates of indicators characterizing the use of digital technologies in organizations for the period from 2020 to 2022. At the second stage, business specialization industries groups have been revealed in which the digital technologies development is the highest priority. It became possible thanks to the identification of “transition” groups of industries by the level of digitalization. The leading regions in terms of the use of digital technologies in organizations depending on the growth rate of the level of their dissemination have been identified. Priority sectors of business specialization have been revealed by the share of organizations using digital technologies. In particular, it has been found that wholesale and retail trade, as well as the information technology industry have the potential for the spread of technologies for collecting, processing, and analyzing big data. The manufacturing industry, wholesale and retail trade, and information technologies have the potential to spread digital platforms.

Keywords

Digital technology, digitalization, digital transformation, industry of specialization, development, entrepreneurship, region

Acknowledgments. The article was prepared in accordance with the thesis of state assignment No. FMGZ-2022-0002 “Methods and mechanisms of socio-economic development of Russian regions in the context of digitalization and the Fourth industrial revolution”.

For citation: Ivanov S.L. (2024) Methodological basis for identifying promising industries of business specialization in Russian regions while developing digital technologies. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 5–23.

ВВЕДЕНИЕ

Задачи по обеспечению и реализации процессов цифровизации в предпринимательском секторе приобретают важное значение в условиях современной экономики, что обусловлено необходимостью повысить эффективность деятельности компании, оптимизировать некоторые бизнес-процессы, расширить клиентскую базу и др. Эти процессы стали неотъемлемой частью деятельности российского предпринимательства. В то же время предприятия по уровню цифровизации существенно дифференцированы. Как показывает практика, «масштабы» цифровизации объясняются различными факторами, к числу которых следует отнести отраслевую принадлежность. Так, по данным Министерства цифрового развития Российской Федерации (далее – РФ, Россия), максимальная доля внутренних затрат предприятий на цифровую экономику свойственна для таких отраслей, как телекоммуникации (29,4 %), информационные технологии (12,7 %), финансовый сектор (12,9 %), обрабатывающая промышленность (8,7 %), розничная торговля (9,2 %)¹. Более того, конкретные цифровые технологии имеют различную степень распространения в разрезе регионов страны.

Целью настоящего исследования является разработка методического подхода, позволяющего выполнить комплексную оценку развития процессов цифровизации предпринимательских структур на отраслевом и региональном уровнях. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи:

- 1) проведен анализ профильной литературы и интернет-ресурсов, содержащих наиболее актуальную информацию касательно распространенности процессов цифровизации в отдельных отраслях специализации бизнеса;
- 2) выполнен статистический анализ, позволяющий оценивать уровень цифровизации бизнеса с учетом регионального и отраслевого признака (в частности, темпов развития отрасли и скорости цифровизации предприятий).

Научная проблема исследования заключается в том, что на данный момент отсутствует методический подход, который бы позволял не только идентифицировать перспективные отрасли народного хозяйства по развитию в них конкретных видов цифровых технологий, но и выявлять лидеров среди регионов в отношении развития данных технологий, опыт которых впоследствии может быть транслирован в другие субъекты.

Научная новизна исследования связана с разработкой и апробацией соответствующего методического подхода.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты тестирования методического подхода на фактических данных могут быть использованы представителями органов федеральной и региональной власти в отношении идентификации приоритетных направлений цифровизации бизнеса в субъектах РФ.

ОБЗОР ПРОФИЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Процессы цифровизации предпринимательского сектора находят отражение в научной литературе. В частности, вопросу исследования причин, которые побуждают руководителей компаний внедрять цифровые технологии, свою статью посвятил автор К.Н. Тушиков [1]. В работе рассмотрены основные причины цифровизации бизнес-процессов, сосредоточено внимание на важности цифровизации для компаний сегмента малого и среднего предпринимательства (далее – МСП). Кроме того, автором затронута проблема дефицита кадров, в ведении которых должны быть сосредоточены вопросы обеспечения цифровизации в различных фирмах.

Проблемы и перспективы цифровой трансформации российского предпринимательства представлены в статье В.А. Бондаренко и Н.В. Гузенко [2]. В частности, приведены результаты социологического опроса, содержащие сведения о наиболее существенных направлениях цифровой трансформации отечественных компаний, а также о проблемах, появляющихся в процессе реализации этих направлений. К их числу авторы относят наличие инфраструктурных барьеров, недостаток поддержки проектов со стороны руководства фирмы, низкий уровень финансирования, инвестиционные риски, недостаточность квалифицированных кадров и др.

Важно понимать, что процессы цифровизации и цифровой трансформации бизнеса – это не только российские, но и общемировые тренды. В связи с этим одним из значимых исследовательских направлений является межстрановое сравнение распространения данных процессов.

¹ Перемена мест: какие отрасли успешно прошли цифровую трансформацию. Режим доступа: <https://iz.ru/1605503/alena-svetunkova/peremena-mest-kakie-otrasli-ushpeshno-proshli-tcifrovuiu-transformatciu> (дата обращения: 05.07.2024).

В исследовании Т.А. Дубровой и М.А. Есенина представлены результаты сравнительного анализа цифровизации в предпринимательском секторе России и странах-членах Европейского Союза [3]. Авторами установлено, что, несмотря на тенденцию распространения отдельных видов цифровых технологий (в частности, широкополосного интернета, ERP-систем и др.) в предпринимательском секторе России, темпы этого распространения остаются недостаточными для того, чтобы преодолеть цифровой технологический «разрыв» с европейскими странами. Данный вывод побудил авторов решить задачу, связанную с выявлением факторов, сдерживающих процессы цифровой трансформации отечественных предприятий (на основе использования инструментария экономической социологии), а также предложить рекомендации, направленные на преодоление последствий влияния негативных факторов, таких как нехватка квалифицированных кадров, инфраструктурные ограничения и др.

Некоторые особенности цифровизации бизнеса в России и Китае раскрыты в работе В.И. Тарасова [4]. Отмечено, что процессы цифровизации на уровне не только МСП, но и крупного бизнеса в Китае реализуются более интенсивно, чем в России. Кроме того, оценки в области цифровизации как отечественных, так и китайских экспертов дали возможность автору выполнить уточнение прогнозов, связанных с цифровизацией предприятий обеих стран.

Научный интерес также представляют работы, в которых производится оценка влияния цифровых технологий на деятельность предприятий. В частности, Е.Ю. Белова и М.О. Шевченко провели эмпирический анализ, который позволил доказать, что динамика рентабельности отечественных предприятий напрямую связана с динамикой интегрального показателя уровня их цифрового интеллекта [5]. Также значительный интерес представляют исследования, посвященные оценке организационных изменений в компаниях, использующих цифровые технологии [6].

Значительный вклад в изучение процессов цифровизации в предпринимательском секторе внесли зарубежные ученые и специалисты. Отдельные особенности цифровизации бизнес-моделей в компаниях исследованы в работе T. Ritter и C.L. Pedersen [7]. В частности, авторы на основе проведенного литературного обзора предложили концептуализацию возможностей цифровизации применительно к бизнес-модели как «связующего механизма» для взаимного обогащения исследований.

В статье А.М. Исус основное внимание уделяется перспективам внедрения цифровых технологий в предпринимательском секторе [8]. Автором представлены и научно обоснованы отдельные преимущества внедрения подобных технологий.

В научной литературе широкое распространение получили исследования, затрагивающие отдельные аспекты цифровизации предпринимательства в различных отраслях народного хозяйства. Тенденции развития и совершенствования бизнес-процессов в фармацевтической отрасли освещаются С.А. Сусловым и А.А. Хасамовой [9]. Сравнение уровней цифровизации предприятий энергетического сектора представлено в работе М.Б. Крупиной [10]. Предложения по формированию цифровой бизнес-модели функционирования сельскохозяйственной организации раскрыты Д.В. Сердобинцевым, Е.А. Алешиной и И.В. Шариковой [11]. В работе А.М. Закиряновой обоснована актуальность антикризисного управления в условиях цифровой трансформации промышленных предприятий [12]. Результаты исследования особенностей цифровой трансформации на предприятиях обрабатывающего сектора показаны в статье И.С. Лолы, М.Б. Бакеева [13].

Данные труды представляют большой научный и практический интерес, однако они не позволяют провести сравнительный анализ цифровизации различных отраслей народного хозяйства, в том числе с учетом региональной специфики рассматриваемого вопроса. В связи с этим в рамках исследования разработан авторский методический подход, который позволяет идентифицировать отрасли и перспективные с точки зрения развития отдельные цифровые технологии, а также определить регионы, на опыт которых следует опираться при развитии этих отраслей. Его характеристика и результаты апробации на фактических данных представлены в последующих разделах настоящего исследования.

ОБЗОР МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ, КАСАЮЩИХСЯ ИССЛЕДУЕМОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Считаем целесообразным провести анализ существующих методик оценки развития процессов цифровизации с точки зрения их преимуществ и возможных ограничений.

1. Методика расчета индекса «Цифровая Россия» на базе открытых источников [14]. Рассматриваемый индекс позволяет выполнить совокупную оценку процессов цифровизации по сведениям, размещенным

в открытом доступе, в том числе в средствах массовой информации. Для проведения оценки в рамках методики применяется ряд подындексов, характеризующих отдельные направления цифровизации. Представленная методика дает возможность комплексно оценить процессы цифровизации на уровне субъектов РФ, поскольку она основана на информации из открытых источников. Однако ее существенным ограничением является то, что она практически не учитывает отраслевой аспект процессов цифровизации. Более того, в ее рамках предпринимательский сектор не выделяется в отдельную категорию субъектов цифровизации.

2. Методика расчета интегрального показателя цифровизации регионов-субъектов РФ, основанная на методах многомерного статистического анализа, а также данных статистической отчетности [15]. Ее преимуществом в контексте настоящего исследования является то, что большая часть отобранных для анализа показателей напрямую касается предпринимательского сектора. Более того, она учитывает региональную составляющую вопроса. Однако результаты, полученные автором по итогам апробации методики, не позволяют делать выводы о том, в каких отраслях развитие процессов цифровизации является наиболее востребованным.

3. Методика оценки уровня цифровизации регионов РФ [16]. Она базируется на ранжировании субъектов РФ по уровню цифровизации организаций за период с 2013 г. по 2018 г. на основе построения интегрального индекса и представляет большой научно-практический интерес. В то же время основными ограничениями ее применения для целей настоящего исследования является то, что, во-первых, она так же, как и предыдущие методики, не учитывает отраслевую специфику исследуемого вопроса, а во-вторых – проведенные автором расчеты ограничены 2018 г.

4. Методика оценки уровня цифровизации регионов РФ с позиции межрегионального взаимодействия [17]. Она включает следующие этапы: оценку уровня цифровизации регионов страны на основе расчета соответствующего индекса и оценку межрегиональных взаимодействий с помощью методов пространственной автокорреляции. Методика обладает рядом преимуществ, в том числе учитывает не только региональную специфику цифровизации, но и оценку межрегиональных взаимодействий. Однако для ее построения использовались только пространственные наблюдения (данные были взяты за 2020 г.). Таким образом, не был учтен динамический фактор изменения положения регионов по уровню цифрового развития.

5. Комплексная методика оценки уровня цифровизации организаций [18]. Разработанная пошаговая методика позволяет оценить степень использования систем решений на основе современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении различных бизнес-процессов организаций и определить уровень их цифровизации. Ее явным преимуществом выступает использование при определении уровня цифровизации компаний методов социологических исследований (сбор данных осуществлялся путем анкетирования топ-менеджеров компаний). Однако ее недостатком является то, что региональная специфика бизнес-процессов затронута в меньшей степени, чем отраслевая.

Рассмотренные методики представляют большую ценность с точки зрения оценки развития процессов цифровизации. При этом они не лишены отдельных недостатков, которые следует учесть при разработке авторской методики. В частности, речь может идти о необходимости одновременного учета как региональной, так и отраслевой составляющих рассматриваемого вопроса.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При подготовке исследования использовались следующие научные методы: анализ, синтез, индукция, сравнение и др. Они применялись как при проведении литературного обзора, так и при разработке авторского методического подхода, позволяющего идентифицировать перспективные отрасли специализации бизнеса с целью развития в них конкретных видов цифровых технологий, а также выявлять лидеров среди регионов в отношении развития данных технологий.

Реализация методического подхода оценивалась в несколько этапов.

На первом этапе построения методического подхода определены регионы-лидеры по темпам роста показателей, характеризующих использование цифровых технологий в организациях, за период с 2020 г. по 2022 г.

На втором этапе выявлены группы отраслей специализации бизнеса, в которых развивать цифровые технологии наиболее приоритетно. Это стало возможным благодаря выделению «переходных» групп отраслей по уровню цифровизации.

Интервалы групп определялись по следующей формуле:

$$i = \frac{X_{\max} - X_{\min}}{n}$$

где i – интервал группы, $X_{\max}$ – максимальное значение признака в совокупности, $X_{\min}$ – минимальное значение признака в совокупности, n – число групп.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Использование цифровых технологий организациями в регионах РФ за последние годы преимущественно демонстрирует тенденцию роста, о чем свидетельствуют официальные статистические данные (табл. 1).

Наиболее распространенными цифровыми технологиями в большей части федеральных округов РФ стали «облачные» сервисы, а также технологии сбора, обработки и анализа больших данных. В частности, последние получили наибольшее распространение в регионах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов (темпы прироста значений показателя за период с 2020 г. по 2022 г. составили 11,2 и 9,9 п.п. соответственно). Интернет вещей и цифровые платформы менее распространены и их использование в большей части федеральных округов снижается за рассматриваемый период.

Для осуществления межрегионального сравнительного анализа в части распространенности цифровых технологий рассчитаны темпы роста показателей, характеризующих динамику использования организациями цифровых технологий, по каждому субъекту РФ за период с 2020 г. по 2022 гг. (табл. 2, 3).

Группировка рассмотренных показателей по значениям темпов их роста за рассматриваемый период позволила выделить лидеров среди регионов по использованию организациями цифровых технологий².

Среди регионов-лидеров в части использования организациями технологий сбора, обработки и анализа больших данных находятся Чукотский автономный округ (24,4 п.п.), Чеченская Республика (21,9 п.п.), Московская область (19,1 п.п.), Новгородская область (18,1 п.п.), Владимирская область (15,5 п.п.), Пермский край (15,3 п.п.) и Ярославская область (15,2 п.п.).

Лидирующие позиции по использованию в организациях облачных сервисов заняли Республика Тыва (11,6 п.п.), Чукотский автономный округ (11,2 п.п.), Республика Саха (11,0 п.п.), Республика Дагестан (10,9 п.п.), Чеченская Республика (10,2 п.п.), Республика Северная Осетия – Алания (10,1 п.п.), Волгоградская область (9,3 п.п.), Курганская область (9,2 п.п.), Чувашская Республика (9,0 п.п.).

По темпам роста значений показателей «Организации, использовавшие цифровые платформы» и «Организации, использовавшие Интернет вещей» к числу регионов-лидеров были отнесены следующие субъекты РФ: в первом случае – Кабардино-Балкарская Республика (5,4 п.п.), во втором – Чеченская республика (18,4 п.п.).

Лидером по использованию в организациях технологий искусственного интеллекта является Чеченская республика с показателем темпов роста 7,5 п.п.

Результаты представленного выше анализа могут быть дополнены с учетом сведений о распространенности цифровых технологий в отраслевом разрезе.

Согласно результатам «Мониторинга цифровой трансформации бизнеса» Института статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики, цифровые технологии наиболее востребованы в производстве продуктов и услуг – в этой сфере их используют 50,5 % организаций^{3,4}. Чаще всего для этих целей применяются робототехника и сенсорика (72,6 %) и цифровые двойники (65,9 %). На втором месте (28,6 %) по внедрению «цифры» стоит разработка продуктов и услуг с применением цифрового проектирования и моделирования (47,1 %) и аддитивных технологий (46,1 %). На третьем месте – продажи, доставка и пост продажное обслуживание (26,2 %) – чаще всего применяются автоматизация бизнес-процессов (57,5 %) и искусственный интеллект (46,7 %).

Также в рамках исследования проведен контент-анализ интернет-ресурсов, содержащих сведения о распространенности процессов цифровизации в различных секторах российской экономики⁵. Его результаты позволили определить лидеров и аутсайдеров среди сфер цифровизации (табл. 3).

² В расчет включали только те регионы, которые имеют положительные темпы роста.

³ Высшая школа экономики. Мониторинг цифровой трансформации бизнеса. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/digbiz> (дата обращения: 05.07.2024).

⁴ Дорогая цифра не дается в руки. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6466899> (дата обращения: 05.07.2024).

⁵ Объем текстовых блоков контент-анализа не превышает 0,5 печатного листа. Ключевые слова, которые были использованы при подборе контента: цифровые технологии, предпринимательство, бизнес, отрасль специализации.

Таблица 1

Использование цифровых технологий в организациях в разрезе федеральных округов РФ

Организации, использовавшие серверы, % от общего числа обследованных организаций												
Года	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2022/2015	
Российская Федерация	9,3	18,2	47,7	50,8	50,6	53,4	53,8	46,4	42,2	41,2	31,9	
Центральный федеральный округ	10,5	17,2	52,0	54,9	55,3	56,8	57,5	49,5	43,5	43,0	32,5	
Северо-Западный федеральный округ	8,9	18,3	53,4	58,0	57,4	58,6	58,6	49,8	44,2	43,9	35,0	
Южный федеральный округ	9,3	18,4	43,0	45,7	46,7	50,3	50,4	40,7	39,3	38,2	28,9	
Северо-Кавказский федеральный округ	7,7	17,1	41,7	43,4	40,7	39,4	37,2	34,6	37,2	35,8	28,1	
Приволжский федеральный округ	8,4	17,3	45,0	48,1	48,2	52,0	53,2	45,1	41,0	38,9	30,5	
Уральский федеральный округ	12,5	24,8	54,9	57,0	56,0	58,3	59,1	51,8	46,0	44,9	32,4	
Сибирский федеральный округ	7,8	16,9	42,9	45,8	45,3	50,1	50,5	44,7	40,2	39,7	31,9	
Дальневосточный федеральный округ	7,9	17,1	45,3	49,1	48,5	51,3	52,5	46,2	42,0	41,2	33,3	
Организации, использовавшие «облачные» сервисы, % от общего числа обследованных организаций												
Года	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2022/2015	
Российская Федерация	–	–	18,3	20,3	22,9	26,1	28,1	25,7	27,1	28,9	10,6	
Центральный федеральный округ	–	–	19,9	22,7	25,8	29,7	31,5	28,5	28,9	30,3	10,4	
Северо-Западный федеральный округ	–	–	20,0	21,6	23,8	26,3	28,5	27,5	28,2	30,5	10,5	
Южный федеральный округ	–	–	17,5	19,2	21,9	24,9	26,4	22,3	24,7	27,4	9,9	
Северо-Кавказский федеральный округ	–	–	20,5	19,9	22,2	21,3	24,9	22,2	26,0	27,9	7,4	
Приволжский федеральный округ	–	–	16,0	17,3	20,5	25,4	28,5	26,5	27,8	28,4	12,4	
Уральский федеральный округ	–	–	19,7	22,0	24,1	27,1	27,2	26,0	26,8	28,9	9,2	
Сибирский федеральный округ	–	–	18,1	20,6	22,1	24,3	25,9	23,2	25,1	27,4	9,3	
Дальневосточный федеральный округ	–	–	17,3	19,3	21,8	22,7	24,3	22,0	23,8	26,7	9,4	
Организации, использовавшие технологии сбора, обработки и анализа больших данных, % от общего числа обследованных организаций												
Года	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2022/2020	
Российская Федерация	–	–	–	–	–	–	–	22,4	25,8	30,4	8,0	
Центральный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	22,8	25,0	32,4	9,6	
Северо-Западный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	21,9	25,6	29,8	7,9	
Южный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	21,9	26,3	33,1	11,2	
Северо-Кавказский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	20,6	28,6	30,5	9,9	
Приволжский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	20,2	23,8	27,6	7,4	

Продолжение табл. 1

Организации, использующие технологии сбора, обработки и анализа больших данных, % от общего числа обследованных организаций												
Год	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2022/2020	2022/2020
Уральский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	27,6	30,8	32,6	5,0	5,0
Сибирский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	22,6	25,1	26,7	4,1	4,1
Дальневосточный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	23,3	28,2	29,1	5,8	5,8
Организации, использующие Интернет вещей, % от общего числа обследованных организаций												
Год	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2022/2020	2022/2020
Российская Федерация	–	–	–	–	–	–	–	13,0	13,7	10,0	– 3,0	– 3,0
Центральный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	14,3	14,2	9,8	– 4,5	– 4,5
Северо-Западный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	13,5	13,5	10,6	– 2,9	– 2,9
Южный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	11,8	13,1	10,5	– 1,3	– 1,3
Северо-Кавказский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	10,6	17,2	11,9	1,3	1,3
Приволжский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	12,8	13,0	9,0	– 3,8	– 3,8
Уральский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	14,9	15,4	11,3	– 3,6	– 3,6
Сибирский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	11,5	12,1	8,8	– 2,7	– 2,7
Дальневосточный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	11,6	13,3	10,8	– 0,8	– 0,8
Организации, использующие технологии искусственного интеллекта, % от общего числа обследованных организаций												
Год	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2022/2020	2022/2020
Российская Федерация	–	–	–	–	–	–	–	5,4	5,7	6,6	1,2	1,2
Центральный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	6,4	6,6	7,8	1,4	1,4
Северо-Западный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	5,2	5,4	6,9	1,7	1,7
Южный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	5,2	5,5	6,7	1,5	1,5
Северо-Кавказский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	4,0	5,3	6,8	2,8	2,8
Приволжский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	5,8	5,5	6,5	0,7	0,7
Уральский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	5,8	6,2	5,7	– 0,1	– 0,1
Сибирский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	4,3	4,7	5,1	0,8	0,8

Окончание табл. 1

Организации, использовавшие технологии сбора, обработки и анализа больших данных, % от общего числа обследованных организаций												
Год	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2022/2020	2022/2020
Дальневосточный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	3,8	3,9	5,0		1,2
Организации, использовавшие технологии цифровые платформы, % от общего числа обследованных организаций												
Год	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2022/2020	2022/2020
Российская Федерация	–	–	–	–	–	–	–	17,2	14,7	14,9		– 2,3
Центральный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	18,8	15,5	15,5		– 3,3
Северо-Западный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	17,4	14,9	15,2		– 2,2
Южный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	15,5	14,0	14,3		– 1,2
Северо-Кавказский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	13,0	14,6	12,8		– 0,2
Приволжский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	17,0	14,1	14,5		– 2,5
Уральский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	18,5	16,3	16,6		– 1,9
Сибирский федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	17,5	14,4	14,8		– 2,7
Дальневосточный федеральный округ	–	–	–	–	–	–	–	14,9	12,6	13,4		– 1,5

Источники⁶

⁶ Федеральная служба государственной статистики. Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 05.07.2024).

Таблица 2
Темпы роста показателей, характеризующих динамику использования организациями цифровых технологий, за период с 2020 г. по 2022 г.

Организации, использующие технологии сбора, обработки и анализа больших данных, % от общего числа обследованных организаций		Организации, использующие «облачные» сервисы, % от общего числа обследованных организаций		Организации, использующие цифровые платформы, % от общего числа обследованных организаций		Организации, использующие Интернет вещей, % от общего числа обследованных организаций		Организации, использующие технологии искусственного интеллекта, % от общего числа обследованных организаций	
Наименование региона	Значение показателя	Наименование региона	Значение показателя	Наименование региона	Значение показателя	Наименование региона	Значение показателя	Наименование региона	Значение показателя
Топ-10 регионов с наибольшими темпами роста показателей, характеризующих динамику использования организациями цифровых технологий, за период с 2020 г. по 2022 г.									
Чукотский автономный округ	24,4	Республика Тыва	11,6	Кабардино-Балкарская Республика	5,4	Чеченская Республика	18,4	Чеченская Республика	7,5
Чеченская Республика	21,9	Чукотский автономный округ	11,2	Республика Дагестан	2,6	Республика Дагестан	1,7	Вологодская область	4,7
Московская область	19,1	Республика Саха (Якутия)	11,0	Чувашская Республика	2,2	Удмуртская Республика	1,3	Воронежская область	4,4
Новгородская область	18,1	Республика Дагестан	10,9	Чукотский автономный округ	1,7	Чукотский автономный округ	1,3	Владимирская область	4,3
Владимирская область	15,5	Чеченская Республика	10,2	Республика Калмыкия	1,6	Волгодонская область	0,9	Волгодонская область	4,3
Пермский край	15,3	Республика Северная Осетия – Алания	10,1	Тульская область	1,5	Курская область	0,6	Республика Адыгея	4,0
Ярославская область	15,2	Волгодонская область	9,3	Республика Адыгея	1,0	Кабардино-Балкарская Республика	0,4	Ульяновская область	4,0
Чувашская Республика	14,9	Курганская область	9,2	Хабаровский край	0,8	Республика Саха (Якутия)	0,2	Республика Магний Эл	4,0
Калужская область	13,7	Чувашская Республика	9,0	Омская область	0,7	Хабаровский край	0,2	Камчатский край	3,9
Волгодонская область	13,0	Удмуртская Республика	7,7	Республика Северная Осетия – Алания	0,6	Чувашская Республика	0,1	Карачаево-Черкесская Республика	3,6

Окончание табл. 2

Организации, использующие технологии сбора, обработки и анализа больших данных, % от общего числа обследованных организаций		Организации, использующие «облачные» сервисы, % от общего числа обследованных организаций		Организации, использующие цифровые платформы, % от общего числа обследованных организаций		Организации, использующие Интернет вещей, % от общего числа обследованных организаций		Организации, использующие технологии искусственного интеллекта, % от общего числа обследованных организаций	
Наименование региона	Значение показателя	Наименование региона	Значение показателя	Наименование региона	Значение показателя	Наименование региона	Значение показателя	Наименование региона	Значение показателя
Топ-10 регионов с наиболее низкими темпами роста показателей, характеризующих динамику использования организациями цифровых технологий, за период с 2020 г. по 2022 г.									
Брянская область	1,8	Москва	0,7	Новгородская область	– 4,2	Пензенская область	– 5,1	Белгородская область	– 1,2
Республика Татарстан	1,3	Челябинская область	0,6	Чеченская Республика	– 4,4	Калужская область	– 5,3	Республика Ингушетия	– 1,2
Республика Коми	1,2	Республика Мордовия	0,5	Московская область	– 4,7	Республика Татарстан	– 5,4	Тюменская область без автономных округов	– 1,2
Республика Алтай	0,9	Калужская область	0,4	Орловская область	– 4,8	Республика Карелия	– 5,6	Ненецкий автономный округ	– 1,5
Республика Ингушетия	– 1,1	Московская область	0,1	Республика Алтай	– 5,0	Челябинская область	– 5,6	Брянская область	– 1,6
Иркутская область	– 1,5	Республика Карелия	– 0,5	Пензенская область	– 5,1	Республика Ингушетия	– 5,8	Новгородская область	– 1,8
Красноярский край	– 1,6	Республика Ингушетия	– 1,9	Пермский край	– 5,1	Пермский край	– 7,9	Республика Карелия	– 1,8
Республика Хакасия	– 1,7	Смоленская область	– 4,4	Смоленская область	– 9,1	Московская область	– 10,3	Иркутская область	– 2,2
Республика Карелия	– 8,0	Республика Татарстан	– 5,9	Республика Ингушетия	– 9,2	Смоленская область	– 10,7	Смоленская область	– 5,8
Челябинская область	– 8,9	Кабардино-Балкарская Республика	– 14,3	Иркутская область	– 11,5	Новгородская область	– 12,0	Пермский край	– 7,6

Источники⁷

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 05.07.2024).

Результаты контент-анализа

Источник	Сферы-лидеры цифровизации	Сферы-аутсайдеры цифровизации
Национальная электронная платформа педагогического образования (НЭППО)	Нефте- и газодобыча, финансовые учреждения, сфера розничных продаж, мультимедиа	Нет данных
РБК Тренды	Банковский сектор, сфера торговли, телекоммуникационная отрасль	Топливо-энергетический комплекс, металлургия, медицина и фармацевтика, машиностроение
Известия – iz	Финтех, ритейл, сельское хозяйство, строительство, промышленность, транспорт	Машиностроение, металлургия, здравоохранение, топливо-энергетический комплекс

Источник^{8,9,10}

Наибольшее распространение цифровые технологии получили в таких отраслях, как телекоммуникация, мультимедиа, торговля, финтех. Однако данные из разных источников не всегда согласуются между собой: в частности, в контексте источника «Национальной электронной платформы педагогического образования» (далее – НЭППО) отмечается, что наиболее активно процессы диджитализации происходят в сфере нефтегазодобычи, в то время как в информационном источнике «Известия» отмечается, что в топливно-энергетическом комплексе цифровизацию тормозит наличие большого количества накладываемых государством ограничений, что вызывает дефицит частной инициативы^{11,12}.

Тем не менее делать выводы о том, какие отрасли наиболее развиты в цифровом отношении только на основе данных, представленных в интернет-ресурсах, некорректно, поскольку, с одной стороны, они остаются на наблюдения, которые не носят регулярный характер, а с другой – такие наблюдения не обладают полнотой охвата проблематики вопроса (например, в данных НЭППО отсутствует информация о том, какие сферы являются аутсайдерами цифровизации, но приводится информация только о лидерах). К тому же выявленные расхождения в результатах контент-анализа не позволяют интерпретировать полученные сведения однозначно.

В связи с этим было принято решение обратиться к официальным статистическим данным. За основу взяты показатели, представленные в статистических сборниках Высшей школы экономики¹³. Поскольку зачастую именно темпы развития отрасли и скорость цифровизации предприятий в отрасли определяют потребность в цифровизации, рассмотрены значения показателя «Использование цифровых технологий в организациях по максимальной скорости передачи данных и видам экономической деятельности».

Значения отобраны за период с 2020 г. по 2022 г. По каждому отдельно взятому году рассчитаны группы отраслей по доле организаций, использующих цифровые технологии (табл. 4). Выделены следующие группы:

- группа I – группа отраслей с высокой долей организаций;
- группа II – группа отраслей со средней долей организаций;
- группа III – группа отраслей с низкой долей организаций.

Шкала отнесения отрасли к той или иной группе рассчитана автором в соответствии с методом структурной группировки отдельно для каждой отрасли (информация представлена в примечаниях к табл. 4).

⁸ Национальная электронная платформа педагогического образования. Что такое цифровизация и в каких сферах она применяется. Режим доступа: <https://clck.ru/3AjF3j> (дата обращения: 05.07.2024).

⁹ Эксперты назвали лидирующие и отстающие по цифровизации отрасли в России. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6054b0a89a7947fd6076994e?from=soru> (дата обращения: 05.07.2024).

¹⁰ Перемена мест: какие отрасли успешно прошли цифровую трансформацию. Режим доступа: <https://iz.ru/1605503/alena-svetunkova/peremena-mest-kakie-otrasli-uspeshno-proshli-tcifrovuiu-transformatsiiu> (дата обращения: 05.07.2024).

¹¹ Национальная электронная платформа педагогического образования. Что такое цифровизация и в каких сферах она применяется. Режим доступа: <https://clck.ru/3AjF3j> (дата обращения: 05.07.2024).

¹² Перемена мест: какие отрасли успешно прошли цифровую трансформацию. Режим доступа: <https://iz.ru/1605503/alena-svetunkova/peremena-mest-kakie-otrasli-uspeshno-proshli-tcifrovuiu-transformatsiiu> (дата обращения: 05.07.2024).

¹³ Высшая школа экономики. Цифровая экономика: краткий статистический сборник. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/892383987.html> (дата обращения: 05.07.2024).

Таблица 4

Группы отраслей по доле организаций, использующих цифровых технологий, за 2020–2022 гг.

Отрасли	Технологии сбора, обработки и анализа больших данных, %	Облачные сервисы, %	Цифровые платформы, %	Интернет вещей, %	Технологии искусственного интеллекта, %
2020 г.					
Сельское хозяйство	17,2 (III)	17,8 (III)	10,2 (III)	11,6 (III)	2,2 (III)
Добыча полезных ископаемых	21,8 (III)	19,0 (III)	13,2 (III)	14,6 (II)	2,5 (III)
Обрабатывающая промышленность	26,5 (II)	27,1 (II)	16,0 (III)	15,8 (II)	3,6 (III)
Обеспечение энергией	23,7 (III)	19,4 (III)	16,6 (III)	15,9 (II)	3,3 (III)
Водооснабжение, водоотведение, утилизация отходов	20,8 (III)	19,4 (III)	11,9 (III)	12,3 (III)	2,5 (III)
Строительство	16,3 (III)	16,0 (III)	8,9 (III)	8,6 (III)	1,3 (III)
Оптовая и розничная торговля	25,9 (II)	38,3 (I)	30,3 (I)	24,4 (I)	13,0 (II)
Транспортировка и хранение	21,0 (III)	20,1 (III)	14,8 (III)	13,6 (III)	3,7 (III)
Гостиницы и общественное питание	28,8 (II)	27,5 (II)	15,7 (III)	21,4 (I)	9,7 (II)
Информация и связь	29,1 (II)	31,9 (II)	22,6 (II)	14,6 (II)	7,8 (III)
Отрасль информационных технологий	29,5 (II)	34,6 (I)	24,2 (II)	12,8 (III)	8,1 (III)
Финансовый сектор	44,4 (I)	41,0 (I)	36,3 (I)	10,8 (III)	22,8 (I)
Операции с недвижимым имуществом	15,9 (III)	16,7 (III)	9,1 (III)	8,5 (III)	1,8 (II)
Профессиональная, научная и техническая деятельность	18,6 (III)	21,1 (III)	11,4 (III)	8,2 (III)	2,1 (II)
Примечание:					
Шкала отнесения отрасли к той или иной группе рассчитана автором в соответствии с методом структурной группировки:					
1) технологии сбора, обработки и анализа больших данных: III группа – от 15,9 до 25,4, II группа – от 25,5 до 35,0, I группа – от 35,1;					
2) облачные сервисы: III группа – от 16,0 до 24,3, II группа – от 24,4 до 32,7, I группа – от 32,8;					
3) цифровые платформы: III группа – от 8,9 до 18,0, II группа – от 18,1 до 27,2, I группа – от 27,3;					
4) Интернет вещей: III группа – от 8,2 до 13,6, II группа – от 13,7 до 19,1, I группа – от 19,2;					
5) технологии искусственного интеллекта: III группа – от 1,3 до 8,5, II группа – от 8,6 до 15,8, I группа – от 15,9.					

Продолжение табл. 4

Отрасли	Технологии сбора, обработки и анализа больших данных, %	Облачные сервисы, %	Цифровые платформы, %	Интернет вещей, %	Технологии искусственного интеллекта, %
2021 г.					
Сельское хозяйство	23,3 (III)	21,5 (III)	9,8 (III)	14,4 (II)	2,9 (III)
Добыча полезных ископаемых	25,0 (III)	19,8 (III)	10,8 (III)	15,4 (II)	2,9 (III)
Обрабатывающая промышленность	29,9 (II)	28,9 (II)	14,5 (III)	17,6 (II)	3,9 (III)
Обеспечение энергией	25,1 (III)	20,6 (III)	13,4 (III)	16,8 (II)	3,7 (III)
Водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов	26,0 (III)	22,2 (III)	10,6 (III)	14,8 (II)	3,2 (III)
Строительство	20,9 (III)	19,3 (III)	8,5 (III)	10,6 (II)	1,7 (III)
Оптовая и розничная торговля	32,3 (II)	39,8 (I)	24,6 (II)	23,0 (I)	14,4 (I)
Транспортировка и хранение	23,5 (III)	21,2 (III)	12,7 (III)	15,0 (II)	4,4 (III)
Гостиницы и общественное питание	31,9 (II)	29,9 (II)	15,5 (III)	21,5 (I)	8,6 (II)
Информация и связь	32,9 (II)	33,9 (I)	21,3 (II)	15,1 (II)	9,8 (II)
Отрасль информационных технологий	33,3 (II)	37,3 (I)	23,2 (II)	13,7 (II)	9,6 (II)
Финансовый сектор	45,5 (I)	38,9 (I)	33,2 (I)	11,2 (III)	13,0 (I)
Операции с недвижимым имуществом	18,3 (III)	17,0 (III)	7,5 (III)	9,4 (III)	2,3 (III)
Профессиональная, научная и техническая деятельность	20,3 (III)	21,6 (III)	9,3 (III)	8,2 (III)	2,6 (III)
Примечание:					
Шкала отнесения отрасли к той или иной группе рассчитана автором в соответствии с методом структурной группировки: 1) технологии сбора, обработки и анализа больших данных: III группа – от 18,3 до 27,4, II группа – от 27,5 до 36,4, I группа – от 36,5; 2) облачные сервисы: III группа – от 17,0 до 24,6, II группа – от 24,7 до 32,3, I группа – от 32,4; 3) цифровые платформы: III группа – от 7,5 до 16,1, II группа – от 16,2 до 24,8, I группа – от 24,9; 4) Интернет вещей: III группа – от 8,2 до 13,1, II группа – от 13,2 до 18,1, I группа – от 18,2; 5) технологии искусственного интеллекта: III группа – от 1,7 до 5,9, II группа – от 6,0 до 10,2, I группа – от 10,3.					

Окончание табл. 4

Отрасли	Технологии сбора, обработки и анализа больших данных, %	Облачные сервисы, %	Цифровые платформы, %	Интернет вещей, %	Технологии искусственного интеллекта, %
2022 г.					
Сельское хозяйство	23,7 (III)	25,5 (III)	9,1 (III)	11,9 (II)	4,7 (III)
2022 г.					
Добыча полезных ископаемых	25,6 (III)	20 (III)	10,6 (III)	13,9 (I)	3,4 (III)
Обрабатывающая промышленность	32,9 (II)	30,7 (II)	14,3 (II)	15,6 (I)	5,5 (III)
Обеспечение энергией	25,2 (III)	23,5 (III)	13,4 (III)	16,5 (I)	4,8 (III)
Водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов	26,1 (III)	27 (II)	9,3 (III)	12,9 (II)	5,6 (III)
Строительство	20,2 (III)	20,5 (III)	8,8 (III)	9,2 (III)	3,4 (III)
Оптовая и розничная торговля	57,1 (I)	40,7 (I)	28,2 (I)	13,8 (I)	15,4 (I)
Транспортировка и хранение	28,9 (III)	23,1 (III)	14,1 (III)	11,2 (II)	5,1 (III)
Гостиницы и общественное питание	31,9 (II)	29,9 (II)	12,3 (III)	12,7 (II)	3,9 (III)
Информация и связь	41,3 (II)	34,5 (I)	21,3 (II)	13,0 (II)	10,1 (II)
Отрасль информационных технологий	45,4 (I)	35,9 (I)	22,6 (I)	11,7 (II)	8,6 (II)
Финансовый сектор	47,7 (I)	33,8 (I)	26,9 (I)	8,8 (III)	7,7 (II)
Операции с недвижимым имуществом	18,1 (III)	19,6 (III)	7,2 (III)	7,0 (III)	3,8 (III)
Профессиональная, научная и техническая деятельность	20,6 (III)	23,6 (III)	9,4 (III)	6,7 (III)	3,9 (III)
Примечание:					
Шкала отнесения отраслей к той или иной группе рассчитана автором в соответствии с методом структурной группировки:					
1) технологии сбора, обработки и анализа больших данных: III группа – от 18,1 до 31,1, II группа – от 31,2 до 44,2, I группа – от 44,3;					
2) облачные сервисы: III группа – от 19,6 до 26,6, II группа – от 26,7 до 33,7, I группа – от 33,8;					
3) цифровые платформы: III группа – от 7,2 до 14,2, II группа – от 14,3 до 21,3, I группа – от 21,4;					
4) Интернет вещей: III группа – от 6,7 до 10, II группа – от 10,1 до 13,4, I группа – от 13,5;					
5) технологии искусственного интеллекта: III группа – от 3,4 до 7,4, II группа – от 7,5 до 11,5, I группа – от 11,6.					

Источники¹⁴

¹⁴ Высшая школа экономики. Цифровая экономика: краткий статистический сборник. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/892383987.html> (дата обращения: 05.07.2024).

Сравнение полученных групп отраслей по доле организаций, использующих цифровые технологии, за весь период наблюдения позволило идентифицировать «переходные» группы, которые представляют особый интерес с исследовательской точки зрения. Предполагается, что, если та или иная отрасль от года к году переходит к группе с более высоким уровнем распространения цифровых технологий, она имеет потенциал цифровизации и, как следствие, заслуживает особого внимания со стороны органов власти региона.

Однако встречаются и такие отрасли, где происходил переход от группы с более высоким к группе с более низким уровнем распространения цифровых технологий. Такие отрасли также заслуживают особого внимания с позиции необходимости выявления проблем, которые замедляют распространение в них данных технологий.

Сводная таблица групп отраслей по доле организаций, использующих цифровые технологии за 2020–2022 гг., представлена ниже (табл. 5).

Таблица 5

**Сводная таблица групп отраслей по доле организаций, использующих
цифровых технологий за 2020-2022 гг.**

Отрасли	Технологии сбора, обработки и анализа больших данных	Облачные сервисы	Цифровые платформы	Интернет вещей	Технологии искусственного интеллекта
Сельское хозяйство	III	III	III	III→II	III
Добыча полезных ископаемых	III	III	III	II→I	III
Обрабатывающая промышленность	II	II	III→II	II→I	III
Обеспечение энергией	III	III	III	II→I	III
Водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов	III	III→II	III	III→II	III
Строительство	III	III	III	II→III	III
Оптовая и розничная торговля	II→I	I	II→I	I	II→I
Транспортировка и хранение	III	III	III	III→II	III
Гостиницы и общественное питание	II	II	III	I→II	II→III
Информация и связь	II	II→I	II	II	III→II
Отрасль информационных технологий	II→I	I	II→I	III→II	III→II
Финансовый сектор	I	I	I	III	I→II
Операции с недвижимым имуществом	III	III	III	III	III
Профессиональная, научная и техническая деятельность	III	III	III	III	III

Источник¹⁵

«Переходный» характер с точки зрения распространения технологий сбора, обработки и анализа больших данных (переход от группы с более низким уровнем к группе с более высоким) имеют оптовая и розничная торговля, а также отрасль информационных технологий, относительно распространения технологии облачных сервисов – отрасли водоснабжения, водоотведения, утилизации отходов, а также информации и связи, относительно цифровых платформ – обрабатывающая промышленность, оптовая и розничная торговля, информационные технологии. Развитие технологии Интернета вещей имеет «переходный» характер в сельском хозяйстве, обрабатывающей и добывающей промышленности,

¹⁵ Высшая школа экономики. Цифровая экономика: краткий статистический сборник. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/892383987.html> (дата обращения: 05.07.2024).

энергетике, отрасли водоснабжения, водоотведения, утилизации отходов, отрасли транспортировки и хранения, а также информационных технологий. Технологии искусственного интеллекта имеют «переходный» характер распространения в оптовой и розничной торговле, а также в отрасли информационных технологий. «Переходный» характер с точки зрения распространения технологии Интернета вещей (переход от группы с более высоким уровнем к группе с более низким) характерен для отраслей строительства, гостиничного сектора и общественного питания, а технологий искусственного интеллекта – для гостиничного сектора, общественного питания и финансового сектора.

Обобщение результатов проведенных расчетов позволяет идентифицировать отрасли, перспективные с точки зрения развития отдельных цифровых технологий, а также определить регионы, на опыт которых следует опираться при развитии данных отраслей (табл. 6).

Таблица 6

Сведения о перспективных отраслях по развитию конкретных цифровых технологий, а также о регионах, в которых данные технологии получили наибольшее развитие

Цифровые технологии	Регионы, в которых данные технологии получили наибольшее развитие	Отрасли, в которых следует делать основной акцент на развитие данных технологий
Технологии сбора, обработки и анализа больших данных	Чукотский автономный округ, Чеченская Республика, Московская область, Новгородская область, Владимирская область, Пермский край, Ярославская область	Оптовая и розничная торговля, отрасль информационных технологий
Облачные сервисы	Республика Тыва, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Волгоградская область, Курганская область, Чувашская Республика	Водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов, информация и связь
Цифровые платформы	Кабардино-Балкарская Республика, Чувашская Республика, Тульская область и др.	Обрабатывающая промышленность, оптовая и розничная торговля, отрасль информационных технологий
Интернет вещей	Чеченская Республика, Вологодская область, Воронежская область, Владимирская область, Волгоградская область, Республика Адыгея, Ульяновская область и др.	Сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, обрабатывающая промышленность, энергетика, водоснабжение, водоотведение и утилизация отходов, строительство, транспортировка и хранение, гостиницы и общественное питание, отрасль информационных технологий
Технологии искусственного интеллекта	Чеченская Республика, Вологодская область, Воронежская область, Владимирская область, Волгоградская область и др.	Оптовая и розничная торговля, гостиницы и общественное питание, информация и связь, отрасль информационных технологий, финансовый сектор

Составлено автором по материалам исследования

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, хотелось бы особым образом отметить результаты, которые представляют приращение научного знания и содержат элементы научной новизны.

1. Выделены регионы-лидеры по использованию в организациях цифровых технологий в зависимости от темпов роста уровня их распространения. В частности, по темпам роста значений показателя «Организации, использовавшие технологии сбора, обработки и анализа больших данных» к числу регионов-лидеров были отнесены Чукотский автономный округ, Чеченская Республика, Московская область,

Новгородская область, Владимирская область, Пермский край и Ярославская область. Важно подчеркнуть, что опыт данных регионов по развитию конкретных цифровых технологий в дальнейшем следует транслировать в другие субъекты федерации, имеющие более низкие показатели распространения этих технологий.

2. Установлены приоритетные отрасли специализации бизнеса по доле организаций, использующих цифровые технологии за период 2020–2022 гг. Приоритетность развития цифровизации в этих отраслях обусловлена их «переходным» характером с точки зрения проведенной структурной группировки. Предполагается, что, если та или иная отрасль от года к году переходит к группе с более высоким уровнем распространения цифровых технологий, она имеет потенциал цифровизации и, как следствие, заслуживает особого внимания со стороны органов власти региона. В частности, потенциал распространения технологий сбора, обработки и анализа больших данных имеют следующие отрасли: оптовая и розничная торговля, а также отрасль информационных технологий, относительно распространения технологии облачных сервисов – отрасли водоснабжения, водоотведения, утилизации отходов, а также информации и связи, относительно цифровых платформ – обрабатывающая промышленность, оптовая и розничная торговля, информационные технологии.

Список литературы

1. Туников К.Н. Основные причины цифровизации бизнес-процессов как стратегия развития для малого и среднего бизнеса. Вестник науки. 2024;3(3):147–151.
2. Бондаренко В.А., Гузенко Н.В. Проблемы и перспективы цифровой трансформации российского бизнеса. Учет и статистика. 2024;1(21):70–82. <https://doi.org/10.54220/1994-0874.2024.90.97.008>
3. Дуброва Т.А., Есенин М.А. Цифровизация в предпринимательском секторе России и европейских стран. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2019;10(180):32–39.
4. Тарасов В.И. Цифровизация как очередной этап информатизации малого и среднего бизнеса в аграрной сфере России и Китая. Экономика и бизнес: теория и практика. 2021;4-2(74):185–189. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-4-2-185-189>
5. Белова Е.Ю., Шевченко М.О. Трансформация систем менеджмента предприятий в контексте цифровизации. E-Management. 2023;1(6):17–28. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-1-17-28>
6. Жерегеля А.В. Управление бизнес-процессами организации в контексте цифровой трансформации. Управление. 2023;1(11):105–112. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-1-105-112>
7. Ritter T., Pedersen C.L. Digitization capability and the digitalization of business models in business-to-business firms: past, present, and future. Industrial Marketing Management. 2020;86:180–190. <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2019.11.019>
8. Ilcus A.M. Impact of Digitalization in Business World. Revista de Management Comparat International. 2019;4:350–358.
9. Сулов С.А., Хасанова А.А. Тенденции развития и совершенствования бизнес-процессов в фармацевтической отрасли. Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2023;2(19):25–29.
10. Крупина М.Б. Сопоставление уровня цифровизации предприятий энергетической отрасли. В кн.: World Science: Problems and Innovations: материалы LXI Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 января 2022 г. Пенза: Наука и Просвещение; 2022. С. 98–101.
11. Сердобинцев Д.В., Алешина Е.А., Шафикова И.В. Формирование цифровой бизнес-модели функционирования сельскохозяйственной организации. Научное обозрение: теория и практика. 2021;8(11):2452–2467. <https://doi.org/10.35679/2226-0226-2021-11-8-2452-2467>
12. Закирянова Л.М. Антикризисное управление в условиях цифровой трансформации промышленных предприятий. Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022;8-1(12):39–46. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.35.37.005>
13. Аола И.С., Бакеев М.Б. Цифровая трансформация в отраслях обрабатывающей промышленности России: результаты конъюнктурных обследований. Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2019;4(35):628–657. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.407>
14. Виноградов А.И. Методические подходы к оценке уровня развития процессов цифровизации в регионах. Стратегии бизнеса. 2021;6(9):167–173. <https://doi.org/10.17747/2311-7184-2021-6-167-173>
15. Казанбиева А.Х. Оценка уровня цифровизации российских регионов. Инновации и инвестиции. 2023;4:369–375.
16. Садырдинов Р.Р. Уровень цифровизации регионов России. Вестник Челябинского государственного университета. 2020;10(444):230–235. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-11029>
17. Красных С.С. Оценка уровня цифровизации регионов России с позиции межрегионального взаимодействия. Информационное общество. 2023;3:120–128. https://doi.org/10.52605/16059921_2023_03_120

18. Мерзлов И.Ю., Шилова Е.В., Саникова Е.А., Сединин М.А. Комплексная методика оценки уровня цифровизации организаций. Экономика, предпринимательство и право. 2020;9(10): 2379–2396. <https://doi.org/10.18334/epp.10.9.110856>

References

1. Tupikov K.N. Main reasons for digitalization of business processes as development strategy for small and medium-sized businesses. Vestnik nauki. 2024;3(3):147–151. (In Russian).
2. Bondarenko V.A., Guzenko N.V. Problems and prospects of digital transformation of Russian business. Accounting and Statistics. 2024;1(21):70–82. (In Russian). <https://doi.org/10.54220/1994-0874.2024.90.97.008>
3. Dubrova T.A., Yessenin M.A. Digitalization in the business sector of Russia and EU countries. Vestnik of Samara State University of Economics. 2019;10(180):32–39. (In Russian).
4. Tarasov V.I. Digitalization as the next stage of informatization of small and medium-sized businesses in the agricultural sector of Russia and China. Economy and business: Theory and Practice. 2021;4-2(74):185–189. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-4-2-185-189>
5. Belova E.Yu., Sherchenko M.O. Transformation of enterprise management systems in the context of digitalization. E-Management. 2023;1(6):17–28. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-1-17-28>
6. Zheregelya A.V. Management of business processes of the organization in the context of digital transformation. Upravlenie / Management (Russia). 2023;1(11):105–112. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-1-105-112>
7. Ritter T., Pedersen C.L. Digitization capability and the digitalization of business models in business-to-business firms: past, present, and future. Industrial Marketing Management. 2020;86:180–190. <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2019.11.019>
8. Ilcus A.M. Impact of Digitalization in Business World. Revista de Management Comparat International. 2019;4:350–358.
9. Suslov S.A., Khasanova A.A. Trends of development and improvement of business processes in the pharmaceutical industry. Bulletin of the Volga State University of Service. Series: Economy. 2023;2(19):25–29. (In Russian).
10. Krupina M.B. Comparison of the level of digitalization of energy industry enterprises. World Science: Problems and Innovations: Proceedings of the LXI International Scientific and Practical Conference, Penza, January 30, 2022. Penza: Nauka i prosveschenie; 2022. Pp. 98–101. (In Russian).
11. Serdobintsev D.V., Aleshina E.A., Sharikova I.V. Formation of a digital business model for agricultural organization functioning. Science Education. 2021;8(11):2452–2467. (In Russian). <https://doi.org/10.35679/2226-0226-2021-11-8-2452-2467>
12. Zakiryanova L.M. Anti-crisis management in the conditions of digital transformation of industrial enterprises. Economics: yesterday, today, tomorrow. 2022;8-1(12):39–46. (In Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2022.35.37.005>
13. Lola I.S., Bakeev M.B. Digital transformation in the manufacturing industries of Russia: an analysis of the business tendencies observations results. St Petersburg University Journal of Economic Studies (SUJES). 2019;4(35):628–657. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.407>
14. Vinogradov A.I. Methodological approaches to assessment of the level of development of digitalization processes in regions. Business Strategies. 2021;6(9):167–173. (In Russian). <https://doi.org/10.17747/2311-7184-2021-6-167-173>
15. Kazanbiera A.Kb. Assessment of the level of digitalization of Russian regions. Innovations and Investments. 2023;4:369–375. (In Russian).
16. Sadyrtidinov R.R. The level of digitalization of the regions of Russia. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020;10(444):230–235. (In Russian). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-11029>
17. Krasnykh S.S. Measuring the level of digitalisation of Russian regions from the position of inter-regional interaction. Information Society. 2023;3:120–128. (In Russian). https://doi.org/10.52605/16059921_2023_03_120
18. Merzlov I.Yu., Shilova E.V., Sannikova E.A., Sedinin M.A. Comprehensive methodology for assessing the level of digitalization in the organizations. Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo. 2020;9(10): 2379–2396. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/epp.10.9.110856>

Повышение цифровой зрелости при управлении инновационным развитием предприятия

Свиридова Светлана Викторовна¹

Д-р экон. наук, декан экономического факультета, проф. каф. бухгалтерского учета, анализа и аудита
ORCID: 0009-0005-2163-1578, e-mail: svsh1977@mail.ru

Хорошилов Дмитрий Николаевич²

Ассист. каф. экономической безопасности
ORCID: 0009-0004-7889-1357, e-mail: horoshilov3@yandex.ru

¹Воронежский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, г. Воронеж, Россия

²Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия

Аннотация

Уровень цифровой зрелости определяет способность предприятия быстро и эффективно внедрять цифровые инструменты управления, в том числе в инновационную деятельность. Повышение цифровой зрелости становится необходимой задачей для инновационно-активных предприятий, нацеленных на рост устойчивости бизнеса. Рассмотрение теоретических и методических аспектов цифровой зрелости предприятий позволило определить круг актуальных проблем. Проведено теоретическое обоснование понятия и содержания цифровой зрелости предприятия, сформированы ее ключевые характеристики. Выделены этапы оценки цифровой зрелости и задачи повышения цифровой зрелости при управлении инновационным развитием предприятия. Методологические подходы к оценке цифровой зрелости позволили сформировать авторский способ организации и управления уровнем цифровой зрелости. Рекомендовано создание рабочей группы и Координационного совета по управлению цифровой зрелостью предприятия. Предложено функциональное наполнение деятельности совета и его специалистов разных уровней. Для решения задачи определения затрат времени на управление и мониторинг цифровой зрелости разработана математическая модель перераспределения времени на операции. Проведена оптимизация перераспределения трудоемкости операций при мониторинге цифровой зрелости предприятия. Сделан вывод о том, что эффективное организационно-технологическое управление предприятием будет открывать возможность повышения уровня его цифровой зрелости.

Ключевые слова

Инновационное развитие, управление инновационной деятельностью, цифровая зрелость, оценка цифровой зрелости, оптимизация распределения времени, повышение цифровой зрелости, цифровизация предприятия, цифровая трансформация

Для цитирования: Свиридова С.В., Хорошилов Д.Н. Повышение цифровой зрелости при управлении инновационным развитием предприятия // Вестник университета. 2024. № 10. С. 24–35.



Increasing digital maturity in innovative development management in a company

Svetlana V. Sviridova¹

Dr. Sci. (Econ.), Dean of the Faculty of Economics, Prof. at the Accounting, Analysis and Audit Department
ORCID: 0009-0005-2163-1578, e-mail: svsh1977@mail.ru

Dmitry N. Horoshilov²

Assistant at the Economic Security Department
ORCID: 0009-0004-7889-1357, e-mail: horoshilov3@yandex.ru

¹Voronezh branch of Plekhanov Russian University of Economics, Voronezh, Russia

²Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

Abstract

Digital maturity level determines the ability of an enterprise to quickly and effectively implement digital management tools, including in innovative activities. Increasing digital maturity is becoming a necessary task for innovative and active enterprises aimed at increasing business sustainability. Studying theoretical and methodological aspects of enterprises' digital maturity allowed us to identify a range of current issues. Theoretical substantiation of the concept and content of an enterprise's digital maturity has been carried out, and its key characteristics have been formed. Digital maturity assessment stages and tasks of increasing digital maturity in managing an enterprise's innovative development have been highlighted. Methodological approaches digital maturity assessment has made it possible to form an authors' way of organizing and managing digital maturity level. The authors recommend to create a working group and a Coordinating council for managing an enterprise's digital maturity. The functional content of the activities of the council and its specialists at different levels has been proposed. To solve the problem of determining the time spent on managing and monitoring digital maturity, a mathematical model for time redistribution for operations has been developed. The optimization of operations complexity redistribution in monitoring an enterprise's digital maturity has been carried out. The article concludes that effective organizational and technological management of an enterprise will open up the possibility of increasing its digital maturity level.

Keywords

Innovative development, innovation management, digital maturity, digital maturity assessment, time allocation optimization, increasing digital maturity, enterprise digitalization, digital transformation

For citation: Sviridova S.V., Horoshilov D.N. (2024) Increasing digital maturity in innovative development management in a company. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 24–35.



ВВЕДЕНИЕ

Проведение цифровизации предприятий промышленности даже в условиях санкционного развития предполагает достижение определенного уровня цифровой зрелости. Понятие цифровой зрелости связано с готовностью к внедрению цифровых технологий в управление, увязкой с основными целями функционирования и развития предприятия, способностью предлагать наилучшее ценностное предложение клиентам¹. Анализ цифровой зрелости можно определить как разноуровневое, постоянно реализуемое исследование компании или предприятия, которое позволяет оценить цифровой потенциал ее роста, выявить зоны развития и разработать стратегию проведения цифровой трансформации².

В целом тенденции развития цифровизации и предпосылки проведения цифровой трансформации в промышленности связаны с общемировой практикой внедрения цифровых инструментов, сервисов и методов управления в разных отраслях экономики. При этом важно формировать понимание нового цифрового пространства как единой системы, интегрирующей все функциональные области деятельности предприятия, а также анализировать все производственные объекты в единой виртуальной системе³.

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Цифровизация различных сфер деятельности активно проводилась уже в 2017–2020 гг., однако в большей степени это касалось цифровизации государственного управления или отдельных аспектов развития крупных предприятий, готовых к цифровой трансформации и имеющих на это ресурсы [1]. В Российской Федерации (далее – РФ, Россия) за последние несколько лет издан ряд важных документов, которые определяют стратегические направления и тактические действия по цифровизации промышленных предприятий^{4,5,6}.

На федеральном уровне цифровизация проводилась с 2016 г. под эгидой Департамента цифровых технологий, который являлся структурным подразделением Министерства промышленности и торговли РФ (далее – Минпромторг России). Для целей развития цифровизации промышленности автором изучены некоторые задачи Департамента цифровых технологий, наиболее важные для активизации использования цифрового потенциала в настоящее время⁷:

- формирование государственной политики и актуальных проектов по нормативному регулированию в области развития цифровых технологий и их адаптации через проектирование промышленной продукции;
- разработка мероприятий по развитию потенциальных цифровых технологий в промышленности для применения в различных отраслях;
- построение единого промышленного цифрового пространства, которое будет позволять внедрять и применять технологии цифровизации при разработке, проведении испытаний, опытном и расширенном производстве, а также продаже, эксплуатации и сервисном обслуживании продукции [2];
- создание типовых сценариев цифрового взаимодействия предприятий промышленности для построения единого цифрового поля партнеров и потребителей;
- обеспечение цифровой разработки отраслевых технологических решений в промышленности с учетом преимуществ интеграции информационных и цифровых систем;
- методическое сопровождение реализации планов цифровизации отраслей (предприятий) [3].

¹ Цифровая зрелость. Методология оценки цифровой зрелости организации. Режим доступа: <https://cpur.ru/wp-content/uploads/2020/10/Metodologiya-oczenki-czifrovoj-zrelosti-organizaczii.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).

² Адаптируемая методология оценки цифровой зрелости организации на примере Счетной палаты Российской Федерации. Режим доступа: <https://cpur.ru/digitalconsulting/> (дата обращения: 15.07.2024).

³ Цифровизация промышленности. Режим доступа: <https://center2m.ru/tsifrovizatsiya-promishlenosti> (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 15.07.2024).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/#1000> (дата обращения: 15.07.2024).

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Программа "Цифровая экономика Российской Федерации"». Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).

⁷ Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 24 июля 2020 г. № 2397 «Положение о Департаменте цифровых технологий». Режим доступа: https://minpromtorg.gov.ru/ministry/organization/dep/#!28&click_tab_vp_ind=3 (дата обращения: 15.07.2024).

В настоящее время в рамках Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее – Минцифры России) функционирует Департамент развития отрасли информационных технологий и реализуется государственная программа «Информационное общество»⁸.

На федеральном уровне создана отраслевая рабочая группа по промышленности, а Минпромторг России ведет проект ведомственной программы «Цифровая промышленность», в котором выделено три направления: создание регуляторной среды для промышленных предприятий, интеграция и развитие платформ государственной информационной системы в промышленности, поддержка обрабатывающих предприятий промышленности по проведению цифровой трансформации. Данный проект для предприятий, ведущих инновационную деятельность, является значимым, поскольку позволяет нивелировать факторы, тормозящие развитие инновационной деятельности:

- недостаток квалифицированных инновационно-восприимчивых кадров;
- риски введения санкций на импортозамещаемую инновационную продукцию;
- недостаточно использованный потенциал цифровых и инновационных решений российских предприятий⁹.

На региональном уровне в Воронежской области развитие цифровизации активно началось в 2019 г. В рамках национального проекта в 2022–2024 гг. реализован ряд цифровых программ: «Цифровое государственное управление», «Цифровые технологии», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная инфраструктура» и «Информационная безопасность». Они объединяют мероприятия по цифровизации промышленности региона:

- создана технологическая платформа, которая интегрирует разрозненные ресурсы в единое информационное пространство Воронежской области;
- реализуется электронная торговая площадка-маркетплейс, которая предоставляет возможности для развития кооперации широкого круга участников, включая логистические услуги, страхование, взаимодействие с государственными структурами;
- проводится тестирование отечественного системного программного обеспечения, подаются заявки на реализацию проектов по цифровизации технологического процесса для ведущих промышленных предприятий;
- создан проектный офис региона, который организует региональные проекты в составе национальных проектов, но с учетом стратегических задач развития цифровизации и перехода предприятий региона к цифровой трансформации.

Факторами, которые тормозят развитие цифровизации и инновационной деятельности предприятий в регионе, являются следующие¹⁰:

- отсутствие конвергенции отрасли информационных технологий (далее – ИТ) с другими отраслями экономики региона;
- ограниченность доступа компаний цифровой экономики к информации о цифровизации и интеграции с отраслевыми предприятиями;
- руководители промышленных предприятий часто не имеют необходимой инновационной восприимчивости роли цифровых технологий и компетенций;
- нет четкой связи между развитием предприятия, расширением цифровизации и повышением конкурентных преимуществ и перспектив развития.

Отдельные сферы деятельности в регионе также охвачены цифровизацией, но основное внимание Министерства цифрового развития Воронежской области (до 2023 г. – Департамент цифрового развития Воронежской области) направлено на активизацию цифровой трансформации именно промышленных предприятий¹¹. При этом развитие инновационной деятельности предприятий в условиях цифровизации в регионе сдерживается наличием следующих условий:

- отсутствует инновационная инфраструктура для реализации проектов в сфере ИТ;
- нет необходимого доступа к производственным мощностям воронежских предприятий;

⁸ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. Департамент развития отрасли информационных технологий. Режим доступа: <http://government.ru/department/387/activities/> (дата обращения: 15.07.2024).

⁹ Отраслевая рабочая группа по промышленности планирует создать банк решений для цифровой трансформации. Режим доступа: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!otraslevaya_rabochaya_gruppa_po_promyshlennosti_planiruet_sozdat_bank_resheniy_dlya_cifrovoy_transformacii (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁰ Что тормозит цифровизацию региона, выяснили эксперты по цифровой экономике. Режим доступа: <https://www.govrn.ru/novost/-/~id/5106761> (дата обращения: 15.07.2024).

¹¹ PRO Цифровизация и технологии. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4046719> (дата обращения: 15.07.2024).

- наблюдается дефицит специалистов в области отраслевой цифровизации в условиях инновационной деятельности;
- отсутствуют необходимые меры стимулирования предприятий, активно внедряющие цифровые технологии;
- санкционные условия хозяйствования тормозят развитие цифровизации управления и сокращают финансовые ресурсы на эту статью затрат;
- недостаточность популяризации лучших практик в области отраслевой цифровизации и развития инновационной деятельности.

Следует отметить, что в рейтинге Ассоциации инновационных регионов России еще в 2018 г. Воронежская область имела сильную позицию и заняла 17 место по удельному весу организаций, в том числе малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, а также имевших высокий уровень вовлеченности компаний в сетевое взаимодействие в рамках кластеров и технопарков. За последние 6 лет рейтинг понизился, что говорит о снижении инновационной активности и подверженности сферы экономическим и социально-политическим кризисам.

Таким образом, в условиях развития цифровизации промышленности управление инновационной деятельностью приобретает особое значение, а также становится источником позитивных изменений в направлении активного внедрения цифровизации в работу предприятия.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ УРОВНЯ ЦИФРОВОЙ ЗРЕЛОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Уровень цифрового развития предприятия предполагает способность создавать стоимость (в том числе на основе инновационной продукции) при помощи цифровых технологий. Кроме того, она служит ключевым прогностическим параметром для оценки возможности проведения и успеха реализации цифровой трансформации. Если предприятие является зрелым и готовым к цифровой трансформации, это существенно повышает его конкурентные преимущества по ряду показателей, включая рост выручки, сроки вывода продуктов на рынок, эффективность затрат, качество продуктов и удовлетворенность потребителей¹².

Для предприятий с низким уровнем развития цифровых технологий инновационное развитие осуществляется с гораздо большими затратами и более низкой эффективностью. В условиях санкционной экономики не стоит снижать темпы развития собственных технологических решений, что влечет за собой необходимость продолжения цифровизации управления и, в частности, повышения цифровой зрелости.

Характеристика цифровой зрелости пока не имеет единого и четко определенного подхода к ее пониманию. Часто говорят об уровне, степени или величине цифровой зрелости. Иногда в качестве ключевого показателя выступает индекс зрелости¹³. Российский автор Т.А. Гилева доказала возможность построения модели цифровой зрелости, которая служит для оценки цифрового потенциала предприятия с учетом следующих измерений: потребители, стратегия, технологии, производство, структура компании, организационная культура [4].

Практический опыт внедрения цифровизации в управление промышленными предприятиями (например, в компаниях «Росатом», «Цифровая экономика», «Почта России», «Газпром Нефть») также предполагает регулярное проведение оценки цифровой зрелости¹⁴. Компании и предприятия чаще всего формируют собственные методики «оценки и управления цифровой зрелостью», «достижения порога цифровой зрелости», «повышения уровня цифровой зрелости».

В качестве координирующего органа при анализе и повышении цифровой зрелости российских компаний, также формирующего аналитическую базу, работает отраслевая рабочая группа «Цифровая промышленность» при автономной некоммерческой организации «Цифровая экономика». Она реализует методику оценки фактического уровня внедрения цифровых технологий, анализа степени организационной и управленческой готовности к цифровизации/цифровой трансформации¹⁵.

¹² Оценка цифровой зрелости для повышения эффективности. Режим доступа: <https://www.bcg.com/ru-ru/capabilities/digital-technology-data/digital-maturity> (дата обращения: 15.07.2024).

¹³ Индекс зрелости Индустрии 4.0. Управление цифровым преобразованием компаний: исследование acatech. Режим доступа: https://www.acatech.de/wp-content/uploads/2018/03/acatech_STUDIE_rus_Maturity_Index_WEB.pdf (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁴ Как оценить цифровую зрелость предприятия? Режим доступа: <https://www.secret-net.ru/company/news/kak-otsenit-tsifrovuyu-zrelost-predpriyatiya/> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁵ Оценка цифровой зрелости. Режим доступа: <https://cdto.wiki/%D0%92%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%> (дата обращения: 15.07.2024).

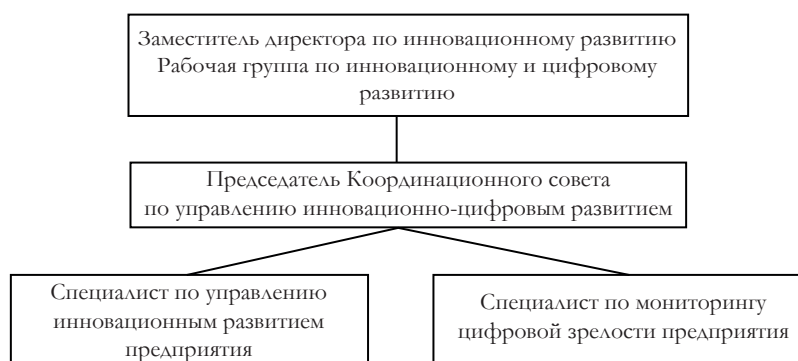
Однако в настоящее время основным методом оценки цифровой зрелости является сравнительный анализ предприятия с ведущими компаниями цифровой экономики в соответствующих сферах и отраслях. Он не является полностью достоверным, однако позволяет в первом приближении оценить динамику цифровой зрелости за несколько периодов и сделать выводы о потенциале развития цифровизации в компании.

МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЗРЕЛОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ

В качестве действенного метода по организации управления цифровизацией и уровнем цифровой зрелости предприятия можно рекомендовать формирование Координационного совета и создание рабочей группы, которая не только проводит оценку инновационных целей, но и анализирует процессы внедрения, координации и контроля реализации инновационных решений в условиях повышения уровня цифровизации. При этом будет прослеживаться положительная динамика как самого инновационного процесса, так и цифровизации управления им, повышения инновационной и цифровой восприимчивости и в итоге увеличения уровня цифровой зрелости на предприятии в целом.

С учетом санкционных ограничений формирование и реализация собственных технологических инноваций являются приоритетом для большинства промышленных предприятий. Для развития цифровой зрелости организация может сотрудничать со специализированными компаниями по планированию и проведению цифровой трансформации, повышению цифровизации управления, созданию собственных локальных цифровых сервисов. При условии полной автономии в разработке, освоении и производстве новшеств предприятие должно иметь специализированное подразделение, объединяющее научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, производство и взаимодействие с потребителями. В такой отдел (службу, бюро) должны быть включены сотрудники функциональных подразделений предприятия, которые становятся более активными участниками процесса в зависимости от вида разрабатываемой и реализуемой инновации (продуктовой, технологической, управленческой), а также имеющегося уровня цифровой зрелости и готовности к восприятию новых цифровых решений в инновационной сфере¹⁶.

Авторами рекомендовано в качестве основы методологии повышения цифровой зрелости создание Координационного совета по управлению инновационно-цифровым развитием предприятия. Такой орган характеризуется следующей простой структурой (рис. 1).



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Рекомендуемая структура Координационного совета по управлению инновационно-цифровым развитием предприятия

К функциям совета относятся не только собственно координация принятия инновационных решений, но и анализ инновационного потенциала, отслеживание текущего уровня цифровой зрелости предприятия. Он должен регулировать внедрение процессов цифровизации на всех уровнях предприятия, а также увязывать реализуемые цифровые и инновационные стратегии и политики, долгосрочные программы предприятия с возможностями повышения количества и качества цифровых продуктов и решений. Еще одной функцией может стать регулярный мониторинг цифровой зрелости предприятия и всех его подразделений, участвующих в инновационных процессах.

¹⁶ Цифровую зрелость предприятий можно будет оценить по методике. Режим доступа: <https://iecp.ru/news/item/424949-rabochaya-gruppa-tsifrovaya-promyshlennost-predlozhit-metodiku-otsenki-tsifrovoy-zrelosti> (дата обращения: 15.07.2024).

Следует более подробно описать особенности работы Координационного совета и роль каждого участника в организации управления цифровой зрелостью предприятия. Простота структуры позволяет оперативно проводить любые решения и взаимозаменять роли участников при необходимости. В составе совета выделены специалист по управлению инновационным развитием предприятия, специалист по мониторингу цифровой зрелости предприятия, председатель Координационного совета, рабочая группа инновационному и цифровому развитию. Общее руководство находится в ведении заместителя директора по инновационному развитию.

Функциями специалиста по управлению инновационным развитием предприятия являются те задачи по управлению инновационной деятельностью, которые включают внедрение элементов цифровизации в управление и в технологические процессы, то есть планирование инновационного развития с учетом повышения уровня цифровизации, формирование тактических инновационных решений, связанных с внедрением цифровых подсистем, сервисов.

Специалист по мониторингу цифровой зрелости предприятия закрывает функции отслеживания динамики уровня цифровой зрелости, расчет и корректировку показателей цифровой зрелости, а также разработку мероприятий по повышению цифровой зрелости. Кроме того, он находится в постоянном взаимодействии с рабочей группой по инновационному и цифровому развитию в части выполнения индикаторов цифрового развития предприятия в целом.

Председатель Координационного совета по управлению инновационно-цифровым развитием взаимодействует со специалистом по управлению инновационным развитием и специалистом по мониторингу цифровой зрелости в формате передачи решений рабочей группы по инновационному и цифровому развитию, контролю их выполнения и корректировке, получению обратной связи от этих специалистов. Он также проводит общее управление инновационно-цифровым развитием предприятия и его функциональными подразделениями.

Рабочая группа по инновационному и цифровому развитию подчиняется непосредственно заместителю директора по инновационному развитию предприятия и включает ряд привлекаемых специалистов из разных функциональных подразделений с целью решения конкретных проектных задач, связанных с инновационными и цифровыми процессами. Она взаимодействует со специалистом по мониторингу цифровой зрелости предприятия при необходимости принятия решений по внедрению цифровых инструментов управления в проекты.

Заместитель директора по инновационному развитию осуществляет общее руководство развитием инновационных процессов на предприятии, но в то же время курирует развитие цифровизации как одного из направлений инновационного развития.

Следует отметить, что Координационный совет дает комплексную оценку существующих способов анализа, планирования и управления организационно-технологическим профилем, особенностей и результатов мониторинга цифровой зрелости, а также перераспределяет все управленческие функции относительно инновационного и цифрового развития, анализирует одновременно и инновационные решения, и показатели цифровой зрелости. Его работа обеспечивает качественную и эффективную организацию инновационной деятельности предприятия для максимизации прибыли при использовании имеющегося инновационного потенциала и потенциала цифровизации.

Авторы полагают, что для эффективного управления Координационный совет должен своевременно реагировать на ситуацию в разных аспектах инновационного развития предприятия при постоянном мониторинге цифровой зрелости. Для этого необходимо быстро подстраиваться под возникающие условия и менять планы инновационной деятельности с учетом динамики экономической ситуации. С учетом этих постоянных изменений нормы затрат времени на управление инновационным развитием и мониторинг цифровой зрелости не являются постоянными – их необходимо корректировать в зависимости от ситуации. Все это требует построения и апробации оптимизационной модели трудоемкости отдельных работ.

ОПТИМИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННО-ЦИФРОВЫМ РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИЯТИЯ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЗРЕЛОСТИ

Авторами предлагается провести оптимизационное моделирование повышения цифровой зрелости для системы управления предприятия, чтобы работа его инновационной подсистемы была результативной. В условиях необходимости повышения цифровой зрелости требуется пересмотр длительности отдельных работ по инновационно-цифровому развитию. При этом моделирование является основным методом исследований и научно обоснованным методом оценок характеристик сложных систем, используемым

для принятия решений в различных сферах деятельности. В целом процесс моделирования включает, как правило, формализацию (проектирование и настройка моделей), проведение моделирования (решение задач с применением модели), обсуждение и интерпретацию результатов моделирования.

В рамках исследования разработана математическая модель перераспределения времени на операции по управлению инновационно-цифровым развитием предприятия. Она предполагает, что можно увеличивать нормы времени для одних операций на основе сокращения времени на другие [5].

С привлечением экспертов из числа сотрудников предприятия, участвующих в проведении инновационных процессов и процессов цифровизации, а также членов Координационного совета определяется степень важности и своевременности проведения каждой операции (или их веса) на конкретный период. При этом важность операций оценивается экспертами с учетом их трудоемкости, то есть более трудоемкая операция рассматривается, как правило, как более важная, поскольку может увеличивать длительность инновационного процесса и быть ключевой при введении цифровых инструментов управления. Таким образом, операция с более высокой трудоемкостью в средневзвешенной оценке экспертов может занимать больший удельный вес, однако она является необходимой, может не быть цели ее сокращения при проведении оптимизации управления инновационно-цифровым развитием предприятия.

Если обозначить нормированные на единичную шкалу полученные экспертные оценки весов всех операций через U_i , где $i = 1, 2, \dots, 12$ – номер операции, а за средний уровень взять 0,5, то при меньших оценках трудоемкость операции уменьшится, а при больших, наоборот, увеличится. Для того чтобы проконтролировать изменения в трудоемкости проводимых операций, можно использовать коэффициент вариативности K_v , который показывает степень изменений трудоемкости. При этом он колеблется в промежутке значений $[0; 1]$ и показывает, как максимально может изменяться (увеличиваться или уменьшаться) трудоемкость. Тогда относительное изменение трудоемкости ΔT_i по каждой операции равно:

$$\Delta T_i = (U_i - 0,5) \cdot 2K_v = (2U_i - 1)K_v, \quad (1)$$

где ΔT_i – относительное изменение трудоемкости, U_i – относительное изменение веса операций, K_v – коэффициент вариативности.

Новая величина времени, выделяемая на каждую операцию T_i^k , составит:

$$T_i^k = (1 + \Delta T_i) \cdot T_i, \quad i = 1, 2, \dots, 12, \quad (2)$$

где T_i^k – новое время на каждую операцию, T_i – базовое время на проведение операции, i – порядковый номер операции.

Поскольку общее время не должно меняться, необходимо, чтобы выполнялось следующее ограничение:

$$\sum_{i=1}^{12} T_i^k = \sum_{i=1}^{12} T_i, \quad (3)$$

где T_i^k – новое время на каждую операцию, T_i – базовое время на проведение операции.

Приближение к значению 1 можно провести с использованием математического метода наименьших квадратов, что позволяет получить следующую целевую функцию:

$$\sum_{i=1}^{12} (\Delta T_i - (2U_i - 1)K_v)^2 \rightarrow \min, \quad (4)$$

где ΔT_i – относительное изменение трудоемкости, U_i – относительное изменение веса операций, K_v – коэффициент вариативности.

С учетом ограничений и условий, что поправки не должны быть больше значения коэффициента вариативности, для проведения корректировки времени выполнения работ и получения оптимального варианта перераспределения трудоемкости операций запишем следующую оптимизационную задачу:

$$\begin{aligned}
T_i^k &= (1 + \Delta T_i) \cdot T_i, \quad i = 1, 2, \dots, 12 \\
\sum_{i=1}^n (\Delta T_i - (2U_i - 1)K_v)^2 &\rightarrow \min, \\
\begin{cases} \sum_{i=1}^{12} T_i^k = \sum_{i=1}^{12} T_i; \\ -K_v \leq \Delta T_i \leq K_v, \quad i = 1, 2, \dots, 12. \end{cases} &, \quad (5)
\end{aligned}$$

где T_i^k – новое время на каждую операцию, T_i – базовое время на проведение операции, i – порядковый номер операции, ΔT_i – относительное изменение трудоемкости, U_i – относительное изменение веса операций, K_v – коэффициент вариативности.

При этом следует осуществлять проверку на предмет изначально завышенного времени выполнения каждой операции. Если будет обнаружено такое завышение при планировании инновационно-цифрового процесса, необходимо пересмотреть нормативы, принятые на предприятии. Для работ высокой степени важности необходимо осуществлять пересмотр норм времени перед каждым новым производственно-инновационным циклом или новым внедрением цифрового решения.

В результате решения задачи и установления поправок определяются новые значения трудоемкостей операций T_i^k . Решение задачи (5) целесообразно провести на основе расчетного листа в среде MS Excel. Оптимизацию можно реализовать на основе надстройки «Поиск решений». Результаты расчетов приведены в таблице. Следует отметить, что в столбце «Часы базовые» должны быть заданы именно базовые часы (минуты), отводимые на операции. Мнения экспертов и полученные оценки относительно важностей операций определены в столбце «Оценка U_i ».

Таблица

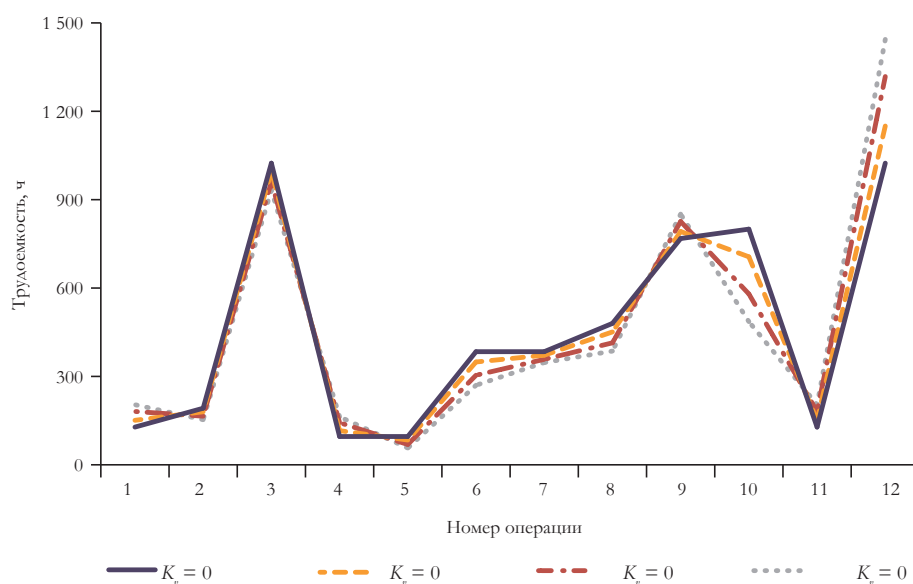
Расчетный лист для решения задачи оптимального перераспределения трудоемкости операций на управление инновационно-цифровым развитием предприятия

Планирование времени на организацию и управление инновационно-цифровым развитием			K_v	0,7	Часы новые
Наименование операции	Часы базовые	Оценка U_i	Поправка	Расчет	
Разработка годового плана инновационной деятельности с учетом уровня цифровой зрелости	128	0,80	0,420945	8,939E-07	182
Разработка месячных планов работы	192	0,40	– 0,138580	2,013E-06	165
Участие в разработке инновационных проектов	1 024	0,45	– 0,062430	5,727E-05	960
Составление сметы затрат на инновационную деятельность и развитие цифровизации управления	96	0,85	0,490709	5,031E-07	143
Прогнозирование возможных изменений и подготовка планов возможного использования данных изменений	96	0,30	– 0,279290	5,031E-07	69
Изучение тенденций и конъюнктуры рынка	384	0,35	– 0,207160	8,054E-06	304
Изучение деятельности конкурентов	384	0,45	– 0,067160	8,053E-06	358
Оценка инноваций и анализ конкурентоспособности продукции	480	0,40	– 0,136450	1,258E-05	415
Организация и координация деятельности подразделений, участвующих в инновационной деятельности	768	0,55	0,075676	3,222E-05	826
Участие в разработке новых товаров и снятие старых с производства	800	0,30	– 0,274090	3,495E-05	581
Разработка нормативно-методических документов по управлению инновационным потенциалом и повышению цифровой зрелости	128	0,80	0,420946	8,943E-07	182

Окончание таблицы

Планирование времени на организацию и управление инновационно-цифровым развитием			K_v	0,7	Часы новые
Наименование операции	Часы базовые	Оценка U_i	Поправка	Расчет	
Подготовка и участие в семинарах, конференциях, производственных совещаниях по инновационному и цифровому развитию предприятия	1 024	0,70	0,287567	5,727E-05	1 318
Всего	5 504				
Целевая функция				0,0002152	5 504

Составлено авторами по материалам исследования



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Пример перераспределения трудоемкости операций в ходе оптимизации управления инновационно-цифровым развитием предприятия

На рис. 2 дана иллюстрация расчетов по перераспределению трудоемкости операций с учетом разных вариантов значений коэффициента вариативности и для весов операций, указанных в столбце С. При этом базовое значение трудоемкости указано при $K_v = 0$. Коэффициент вариативности сильно влияет на размах перераспределения часов. Для целей практического применения авторами рекомендуется использовать его значение в промежутке от 0,3 до 0,5.

После проведения оптимизации перераспределения трудоемкости операций можно осуществлять разработку проектов на предприятии, которые соответствуют его текущему состоянию инновационного и цифрового развития. С учетом ситуации санкционных ограничений и наличия повышенных инновационных рисков авторами сделан акцент на новых проектах развития технологического суверенитета, проектах повышения цифровой зрелости, которые позволят проводить инновационное развитие предприятия более динамично [6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате формирования пула инновационных проектов необходимо сформировать единую программу их реализации, разбить ее по этапам и источникам финансирования, оценить потенциальные риски краткосрочного и долгосрочного периодов. Все инновационные идеи должны быть сведены в единую стратегию инновационного развития, протестированы на предмет восприимчивости цифровизации управления, а также достигнутого уровня цифровой зрелости. Дальнейшая корректировка инновационной стратегии и изменения в стратегии развития предприятия необходимы, если будут существенные

изменения в структуре финансирования его инновационной или цифровой деятельности, видении и миссии, существенном усилении санкций.

Пересмотр существующей инновационной политики при активизации санкционной политики «недружественных» государств является по большей мере внешним фактором. В случае, если активно проводится цифровизация управления, изменение имеющейся стратегии также может привести к корректировке инновационной политики, что будет уже внутренним фактором изменений. Если стратегия меняется незначительно, цели инновационной деятельности могут быть немного изменены. Источником изменений может стать увеличение или снижение уровня инновационного потенциала, а также уменьшение или отсутствие дальнейшего роста уровня цифровой зрелости. Тогда следует вернуться на шаг назад и провести переоценку характеристик инновационного развития предприятия.

Авторы полагают, что особенность предложенной оптимизационной модели управления инновационно-цифровым развитием для повышения цифровой зрелости предприятия состоит в том, чтобы выбрать приоритетность в реализации отдельных этапов и оценить необходимость усиления цифровизации для достижения инновационных целей. Ключевым показателем при этом является повышение уровня инновационной восприимчивости, инновационной активности, уровня цифровой зрелости предприятия.

В целом цифровая зрелость предприятия определяет его место и роль в развитии региональной цифровизации, а также характеризует степень его участия в процессах инновационного развития отрасли, производственного комплекса, кластера. В связи с этим авторами сделан акцент на развитии цифровизации управления и повышении уровня цифровой зрелости предприятий для обеспечения инновационного развития. Исследование подходов к анализу и оценке уровня цифровой зрелости дало возможность предложить оптимизацию работ по их трудоемкости.

Рекомендовано создание Координационного совета по управлению инновационно-цифровым развитием предприятия и мониторингу его цифровой зрелости, что дает возможность не привлекать дополнительных специалистов при разработке принципиально новых инновационных проектов и при этом постепенно повышать цифровую зрелость. Предложенный расчет затрат времени и проведение оптимизации распределения трудоемкости операций могут быть адаптированы к работе любого промышленного предприятия, внедряющего цифровые методы управления и производства в процессе инновационной деятельности.

Список литературы

1. *Большаков С.Н.* (ред.) Государственное управление: концепции и технологии в эпоху цифровизации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 31 января – 1 февраля 2019 г. СПб: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; 2019. 208 с.
2. *Семенова А.А.* Трансформация организационных структур органов государственной и муниципальной власти в связи с диджитализацией государственного управления. *Современные инновации.* 2018;6(28):48–51.
3. *Никонорова А.В.* Цифровизация экономики и ее влияние на процессы государственного управления. *Экономика и предпринимательство.* 2019;5(106):213–216.
4. *Гилева Т.А.* Цифровая зрелость предприятия: методы оценки и управления. *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика.* 2019;1(27):38–52. <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2019-1-27-38-52>
5. *Кириллина Ю.В.* Цифровая трансформация и цифровая зрелость. *Актуальные научные исследования в современном мире.* 2020;7-3(63):72–80.
6. *Гольцев А.А., Сумина Е.В.* Цифровая зрелость высокотехнологичных отраслей как условие инновационного развития региона. В кн.: *Актуальные проблемы авиации и космонавтики: материалы IX Международной научно-практической конференции*, Красноярск, 10–14 апреля 2023 г. Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева; 2023. С. 1012–1015.

References

1. *Bolshakov S.N.* (ed.) Public administration: Concepts and technologies in the era of digitalization: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, January 31 January – February 1, 2019. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University; 2019. 208 p. (In Russian).
2. *Semenova A.A.* Transformation of organizational structures of state and municipal authorities in connection with public administration digitalization. *Modern innovations.* 2018;6(28):48–51. (In Russian).

3. *Nikonorova A.B.* Digitalization of economy and its impact on the processes of public administration. *Ekonomika i predprinimatelstvo*. 2019;5(106):213–216. (In Russian).
4. *Gileva T.A.* Digital maturity of the enterprise: Methods of assessment and management. *Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy*. 2019;1(27):38–52. (In Russian). <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2019-1-27-38-52>
5. *Kirillina Yu.V.* Digital transformation and digital maturity of the organization. *Actual scientific research in the modern world*. 2020;7-3(63):72–80. (In Russian).
6. *Goltsev A.A., Sumina E.V.* Digital maturity of high-tech industries as a condition for innovative development of the region. In: *Current issues of aviation and cosmonautics: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, April 10–14, 2023*. Krasnoyarsk: Reshetnev Siberian State University of Science and Technology; 2023. Pp. 1012–1015. (In Russian).

Цифровизация интегрированных логистических потоков фокусного предприятия

Тяпухин Алексей Петрович¹

Д-р экон. наук, проф. каф. цифровой экономики и логистики
ORCID: 0000-0002-1819-5905, e-mail: aptyapuhin@mail.ru

Стародубцев Владимир Сергеевич²

Преп. каф. менеджмента
ORCID: 0009-0009-4613-5377, e-mail: vstarodubtsev95@mail.ru

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

²Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Аннотация

Целью настоящего исследования является уточнение и дополнение теории и методологии проектирования, формирования и оптимизации управления интегрированными, гомогенными и гетерогенными потоками материальных, информационных, финансовых и человеческих ресурсов в каналах, цепях, фронтах, эшелонах и сетях различного типа. В качестве методов исследования выбраны дескрипторный и фасетный методы классификации, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а в качестве инструментов использованы бинарные матрицы, сформированные на основе качественных признаков и дихотомий объектов и компонентов управления интегрированными логистическими потоками. Обоснованы варианты интеграции субъектов и объектов управления бизнес-системой. Разработана сквозная классификация предприятий и отношений между ними, процессов и логистических операций с целью цифровизации интегрированных логистических потоков и бизнес-систем различного типа. Определены и оцифрованы варианты данных потоков, а также созданы теоретические и методические предпосылки для моделирования данных потоков. Ценность исследования заключается в создании теоретических и методических предпосылок для цифровизации нефизических субъектов и объектов управления интегрированными логистическими потоками, а также их интеграции с прочими физическими субъектами и объектами с целью выработки рациональных управленческих решений как на уровне звеньев, так и на уровне бизнес-системы.

Ключевые слова

Интеграция, логистика, поток, цифровизация, бизнес-система, модель, прототип цифрового двойника, управление

Для цитирования: Тяпухин А.П., Стародубцев В.С. Цифровизация интегрированных логистических потоков фокусного предприятия // Вестник университета. 2024. № 10. С. 36–49.



Digitalizing an integrated logistics flows of a focus enterprise

Alexey P. Tyapukhin¹

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Digital Economy and Logistics Department
ORCID: 0000-0002-1819-5905, e-mail: aptyapuhin@mail.ru

Vladimir S. Starodubtsev²

Lecturer at the Management Department
ORCID: 0009-0009-4613-5377, e-mail: vstarodubtsev95@mail.ru

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

²Orenburg State University, Orenburg, Russia

Abstract

The purpose of the study is to clarify and supplement the theory and methodology of design, formation, and optimization of management of integrated, homogeneous, and heterogeneous flows of material, information, financial, and human resources in channels, chains, fronts, echelons, and networks of various types. The descriptor and facet classification methods and methods of analysis and synthesis, induction and deduction have been chosen as research methods, and binary matrices formed on the basis of qualitative attributes and dichotomies of objects and components of integrated logistics flows management were used as tools. The variants of business system management subjects and objects integration have been substantiated. An end-to-end classification of enterprises and relations among them, processes, and logistics operations has been developed for the purpose of digitalization of integrated logistics flows and business systems of various types. The variants of these flows have been defined and digitized, and theoretical and methodological prerequisites for modeling these flows have been created. The value of the study lies in theoretical and methodological prerequisites creation for digitalization of non-physical subjects and objects of integrated logistics flows management, as well as their integration with other physical subjects and objects in order to develop rational management decisions both at the level of links and at the level of the business system.

Keywords

Integration, logistics, flow, digitalization, business system, model, digital twin prototype, management

For citation: Tyapukhin A.P., Starodubtsev V.S. (2024) Digitalizing an integrated logistics flows of a focus enterprise. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 36–49.



ВВЕДЕНИЕ

Использование компьютерных технологий при принятии управленческих решений улучшает их качество и способствует повышению конкурентоспособности цепей поставок за счет снижения упущенной выгоды и лояльности конечных потребителей продукции и услуг. Однако решение данной проблемы сопровождается рядом негативных факторов, таких как:

- сложность исследования разнообразных бизнес-систем, таких как каналы, цепи, фронты, эшелоны, а также сети, теория и методология проектирования, формирования и оптимизации которых требуют совершенствования;
- наличие нескольких объектов управления бизнес-системами, к числу которых относятся предприятия, отношения, процессы и потоки, имеющие сложную структуру [1];
- необходимость учета специфики и вариантов поведения значительного количества лиц, принимающих управленческие решения (субъектов управления), вследствие чего каждое звено бизнес-системы может достигать собственные цели в ущерб ее цели;
- ограниченные возможности измерения, идентификации и цифровизации нефизических субъектов и объектов управления бизнес-системой, а именно ценностей и поведения конечных потребителей продукции и услуг, отношений в системе, управленческих решений ее звеньев, целей, задач и принципов управления, факторов внешней среды и др.

Особую сложность при создании и внедрении информационных технологий, в частности цифровых двойников управления бизнес-системами, представляют вопросы структуризации, цифровизации и моделирования интегрированных потоков материальных, информационных, финансовых и человеческих ресурсов, являющихся объектами исследования логистики. Данные вопросы по-прежнему не решены по причине необоснованного включения объекта управления «поток» в компетенцию управления цепями поставок, в результате чего внимание специалистов переключилось на объект управления «цепь», сущность и содержание которого не могут быть конкретизированы без уточнения сущности и содержания первого объекта [2]. Ориентация на управление не одним, но несколькими потоками ресурсов одновременно или интегрированным, в том числе гетерогенным, или логистическим, потоком создает ряд конкурентных преимуществ для создания потока ценностей конечных потребителей продукции и услуг, устранения межорганизационных и межфункциональных барьеров в бизнес-системах и повышения качества продукции и услуг.

В настоящем исследовании впервые предложена сквозная классификация объектов управления бизнес-системами: предприятий, отношений и процессов, на основе которых определены базовые варианты интегрированных логистических потоков и созданы теоретические и методические предпосылки для их цифровизации, структуризации, стандартизации, моделирования и последующего проектирования прототипа цифрового двойника управления бизнес-системами, включающими физические и нефизические субъекты и объекты управления с дальнейшим созданием их экземпляров и агрегатов [3].

В рамках исследования предполагается решение следующих задач:

- обоснование вариантов интеграции субъектов и объектов управления бизнес-системой;
- разработка сквозной классификации предприятий и отношений между ними, объектов управления, процессов и логистических операций с целью цифровизации бизнес-систем различного типа;
- определение вариантов интегрированных логистических потоков ресурсов, а также их шифров и кодов;
- создание теоретических и методических предпосылок для моделирования данных потоков в различных управленческих ситуациях.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Термины «интеграция» и «интегрированный» широко и неравномерно распространены в теории и методологии управления бизнес-системами и логистического менеджмента. Исследование литературы по данному аспекту позволило выявить несколько вариантов их использования.

1. Вариант уточнения сущности и содержания данных терминов в целом и по основным объектам управления бизнес-системой в частности, поскольку «это слово имеет множество значений, которые неправильно понимаются» [4]. Применительно к управлению определение термина «интеграция» может быть следующим – «качество взаимодействия, существующего между подразделениями, необходимое

для достижения единства усилий в соответствии с требованиями окружающей среды» [5]. Из этого следует, что интеграция является внутренней для объекта управления «предприятие». Кроме того, объектами исследований являются термины «интеграция отношений» и «интеграция процессов» [6; 7]. Сочетания слов «поток» и «интеграция», а также «движение» и «интеграция» также встречаются в литературе, но в первом случае они характеризуют сферу управления информационными потоками, а во втором – «непрерывный сбор и перемещение любых корпоративных данных в режиме реального времени» [8; 9]. Это означает, что задача создания теории и методологии управления интегрированными, в первую очередь материальными, потоками на данный момент не считается актуальной.

2. Вариант взаимосвязей терминов «интеграция» и «логистика», поскольку «логистическая интеграция относится к операционной деятельности, которая координирует поток материалов от поставщиков к клиентам», причем эта деятельность относится к компетенциям логистического менеджмента, интегрированного логистического менеджмента, и, наконец, «интегрированной логистики» [10–14]. Данный аспект исследования в очередной раз подтверждает сложность цифровизации объектов управления бизнес-системой без доработки содержания терминологических словарей.

3. Вариант создания логистических бизнес-систем, таких как «интегрированная система управления логистикой», «интегрированная система распределения», призванных воздействовать на логистические потоки ресурсов в соответствии с «интегрированной концепцией управления физическим распределением», поскольку именно она должна обеспечить эффективное обслуживание конечных потребителей продукции и услуг [15–17].

4. Вариант разработки и использования иерархически взаимосвязанных «интегрированных логистических стратегий» и «стратегий интегрированной цепи поставок», которые могут использоваться совокупностью звеньев бизнес-системы или же на уровне функциональных областей управления бизнес-системой, включая логистический менеджмент [18; 19].

5. Вариант учета структуры «интегрированной цепи поставок», формируемой с помощью «интеграции цепи поставок» [20; 21]. Последний вариант интеграции предназначен для того, чтобы «предоставить эффективные потоки продуктов, услуг, информации, денег и решений с целью обеспечения максимальной отдачи для своих клиентов» [22].

6. Дефицит терминов, близких по содержанию к термину «интегрированный поток ресурсов», который в дальнейшем планируется структурировать, оцифровать и моделировать. На данный момент специалистами предложены термины «интеграция потоков в цепи поставок», «интеграция логистических ресурсов» и «интеграция информационных потоков» [23–25]. Авторам настоящего исследования не удалось найти информацию об интеграции материальных, финансовых и человеческих потоков как по гомогенному, так и по гетерогенному признаку, хотя именно данная функция придает необходимую специфику исследованию.

Таким образом, изучение литературы позволило прийти к следующим выводам:

- несмотря на значимость управления интегрированными логистическими потоками, специалистами не используется термин, отражающий его сущность и содержание, или же он им не известен;
- теория и методология управления потоками данного типа не проработаны в должной степени, хотя для конечных потребителей продукции и услуг их потоки или потоки ценностей важнее, чем бизнес-системы, их производящие и перемещающие;
- одними из главных причин данной проблемы являются преждевременный отказ специалистов от изучения термина «поток» и логически необоснованный переход к изучению термина «цепь поставок» – поскольку поставка является процессом, основным и объектам и интеграции стали не потоки, а процессы, примером чему являются, в частности, такие информационные продукты, как SCOR- и DCOR-модели;
- термины логистики и управления бизнес-цепями, в состав которых входят слова «интеграция» и «интегрированный», не представляют целостную систему элементов, в связи с чем качественная цифровизация данных терминов проблематична;
- подавляющее большинство изложенных выше терминов являются нефизическими объектами управления, которые трудно поддаются измерению, поэтому теория и методология создания цифровых двойников физических объектов цепей поставок не могут быть основой для создания цифровых двойников управления бизнес-цепями и интегрированными логистическими потоками.

В настоящем исследовании под интегрированным логистическим потоком будем понимать совокупность гомогенных и гетерогенных объектов и компонентов, перемещаемых в пространстве и во времени и адаптированных к количественным и качественным изменениям в соответствии с воздействием на них субъекта управления.

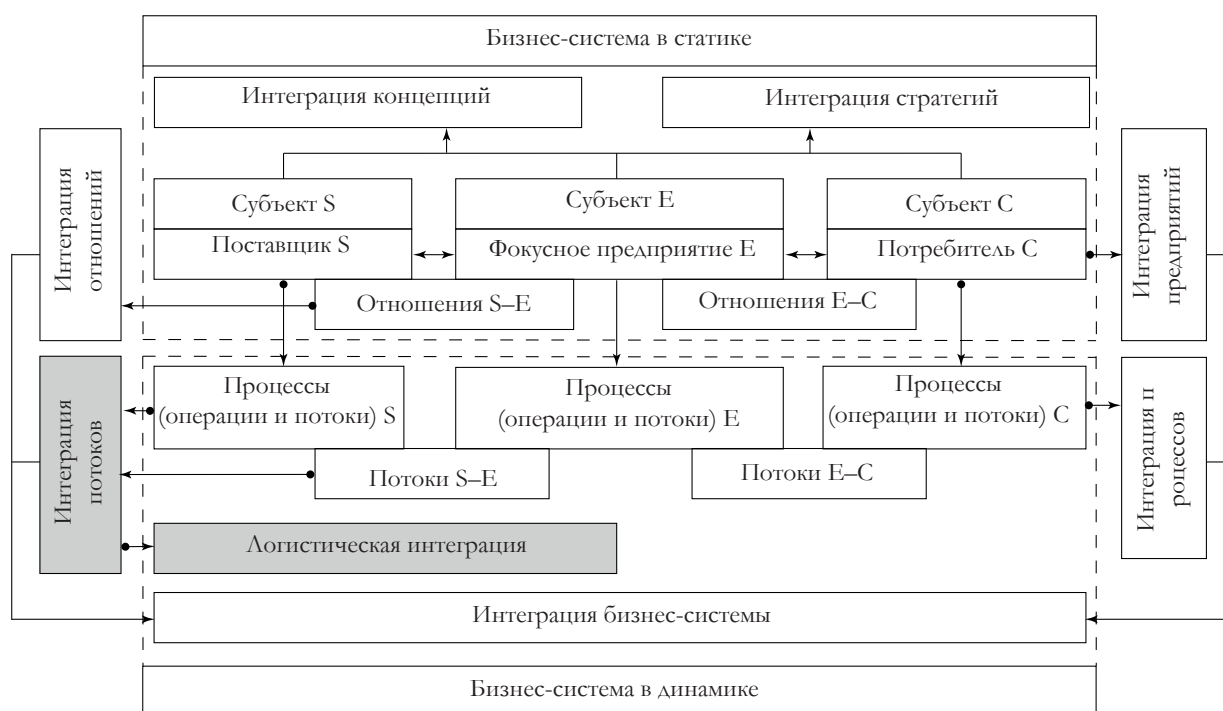
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поскольку бизнес-система и управление бизнес-системой являются сложными как по структуре, так и по вариантам использования, их цифровые двойники состоят из совокупности цифровых двойников не только физических (транспорт, склады, запасы, тара, станки, оборудование и др.), но и нефизических объектов. Наибольшую сложность создания цифровых двойников данного типа представляет вопрос обоснования шкал и инструментов измерения нефизических объектов. В связи с этим в качестве основных методов исследования выбраны качественные, к числу которых относятся:

- дескрипторный метод, основанный на определении совокупности актуальных качественных признаков субъектов и объектов управления и их дихотомий, или раздвоенностей, предусматривающих последовательное деление субъектов и объектов на две части, более связанные внутри, чем между собой, – данные признаки и дихотомии определяются с помощью анализа литературных источников и социологических опросов;
- фасетный метод, позволяющий определить рациональные сочетания актуальных качественных признаков по два, три и более и идентифицировать различные варианты субъектов и объектов управления бизнес-системой, расположенные в ячейках бинарных матриц (например, совместное использование двух качественных признаков и их дихотомий позволяет получить четыре варианта субъекта или объекта управления, три признака, используемые одновременно, способствуют обоснованию 8 их вариантов и т.д.).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Достижение цели исследования должно носить системный характер. Иными словами, нужно показать место объекта исследования «интегрированный логистический поток» при управлении бизнес-системами. Одно из решений данной задачи представлено на рис. 1.



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Структура бизнес-системы и вариантов интеграции субъектов и объектов управления

Содержание рисунка позволяет сделать следующие выводы:

- целесообразно разграничивать бизнес-цепи в статике (предприятия и отношения между ними) и бизнес-цепи в динамике (процессы и связывающие их потоки ресурсов), при этом на уровне предприятий следует выделять субъекты управления или лица, принимающие управленческие решения, и исполнителей, связанных с выполнением заказов потребителей;
- типовая бизнес-цепь включает три объекта управления: поставщика «S», фокусное предприятие «E» и потребителя «C», связанных отношениями «S–E» и «E–C» и выполняющих процессы, состоящие из операций и внутренних для предприятий потоков, а также перерабатывающих входящие и выходящие потоки ресурсов «S–E» и «E–C»;
- каждый объект управления разрабатывает и внедряет концепцию и стратегию управления, что предполагает согласование их содержания и формирование интегральных концепции и стратегии;
- целесообразно решить проблему интеграции основных объектов управления бизнес-цепью: предприятий, отношений, процессов и потоков (последний вариант интеграции может быть назван логистической интеграцией).

Методология исследования позволяет не только получить новые варианты известных решений, но и подтвердить правильность этих решений, создав тем самым теоретические предпосылки для цифровизации исследуемых субъектов и объектов. Поскольку управление интегрированными логистическими потоками предполагает выбор связанных с ним конкретных объектов управления по количеству и качеству в той или иной их комбинации, целесообразно разработать сквозную классификацию данных объектов, что способствует формированию логически обоснованной системы шифров и кодов, используемых при их цифровизации.

Для того чтобы определить роль предприятия, управляющего интегрированными логистическими потоками, целесообразно использовать следующие признаки и дихотомии:

- «тип создаваемых предприятием ценностей»: нематериальные (символ «0») и материальные (символ «1»);
- «тип функции субъекта управления»: поставка ресурсов (символ «0») и переработка ресурсов (символ «1»).

Совместное использование данных признаков и дихотомий позволяет определить, что основной ролью данного предприятия является роль «логист» (код «10») наряду с такими ролями, как «партнер» (код «00»), «собственник» (код «01») и «технолог» (код «11»). Таким образом, начальным кодом для цифровизации интегрированного логистического потока является код «10».

Предприятие как объект управления располагает минимально необходимым имуществом, обеспечивающим эффективное управление не только интегрированными логистическими потоками, но и его компонентами (далее именуемые струями), причем каждый вид имущества создает предпосылки для выделения локальной струи данного потока. Для обоснования данных компонентов рекомендуется использовать следующие качественные признаки и дихотомии:

- «автономность объектов интегрированного логистического потока»: автономные (символ «0») и неавтономные (символ «1»);
- «назначение объектов интегрированного логистического потока»: содействие решению задачи (символ «0») и решение данной задачи (символ «1»).

На основе данных признаков и дихотомий может быть создана бинарная матрица, в ячейках которой располагаются следующие компоненты управления: подъемно-транспортное средство (код «00»), упаковка (код «01»), транспортное средство (код «10») и материальный ресурс (код «11») в определенном количестве и качестве, рассматриваемый либо как «продукт», либо как «партия». Предприятие, выступающее в роли логиста (код «10»), воздействуя, например, на транспортное средство (код «10»), образует более сложный объект управления бизнес-системой, который имеет код «10.10».

Объект управления «отношения» также отличается разнообразием, упорядочить которое можно с помощью таких качественных признаков и дихотомий, как:

- «длительность отношений»: краткие (символ «0») и длительные (символ «1»);
- «наличие общей цели с контрагентом (поставщиком S или потребителем C)»: нет (символ «0») и есть (символ «1»);
- «приоритет контрагента при принятии решений»: нет (символ «0») и есть (символ «1»).

Совместное использование данных признаков и дихотомий позволяет обосновать 8 вариантов отношений исследуемого предприятия с контрагентом (табл. 1).

**Классификация типов отношений субъектов управления интегрированным
логистическим потоком (контрагентов)**

Классификационные признаки			Тип отношений
Длительность отношений: краткие (0); длительные (1)	Наличие общей цели: нет (0); есть (1)	Приоритет контрагента: нет (0); есть (1)	
0	0	0	Неопределенность
0	0	1	Диктат
0	1	0	Взаимодействие
0	1	1	Субординация
1	0	0	Сотрудничество
1	0	1	Принуждение
1	1	0	Партнерство
1	1	1	Доверительность

Составлено авторами по материалам исследования

Если данное предприятие находится в длительных отношениях, имеет общую цель и учитывает приоритет контрагента, к полученному ранее коду «10.10» следует добавить код «111», и в результате исследователь может использовать семизначный код «10.10.111», обозначающий доверительные отношения предприятия, воздействующего на транспортное средство, используемого в интересах контрагента или в собственных целях.

Если поставить задачу классификации объекта «процесс», выполняемые компонентами управления операции могут совпадать и в то же время различаться. Учитывая данный аспект, целесообразно обосновать двухуровневую классификацию процессов, выполняемых с компонентами управления, которые могут быть представлены в движении, то есть как струи и как интегрированный логистический поток. Первый уровень классификации направлен на выделение базовых, или унифицированных, процессов. Для решения данной задачи целесообразно использовать следующие качественные признаки и дихотомии:

- «цель воздействия на компоненты управления»: создание ценности (символ «0») и сохранение потребительских свойств (символ «1»);
- «стадии жизненного цикла компонентов управления»: создание и упадок (символ «0») и развитие и зрелость (символ «1»).

Совместное использование данных признаков и дихотомий позволяет обосновать четыре базовых процесса, выполняемых предприятием в роли логиста:

- приобретение (изготовление), код «00»;
- хранение (переработка/утилизация), код «01»;
- использование (эксплуатация), код «10»;
- подготовка (обслуживание и ремонт), код «11».

Для обоснования каждого из них необходимо использовать соответствующие актуальные качественные признаки и их дихотомии, что является задачей будущих исследований. Для дальнейшей классификации объекта управления «процесс» примем за основу такой его вид, как «использование (эксплуатация)», код «10».

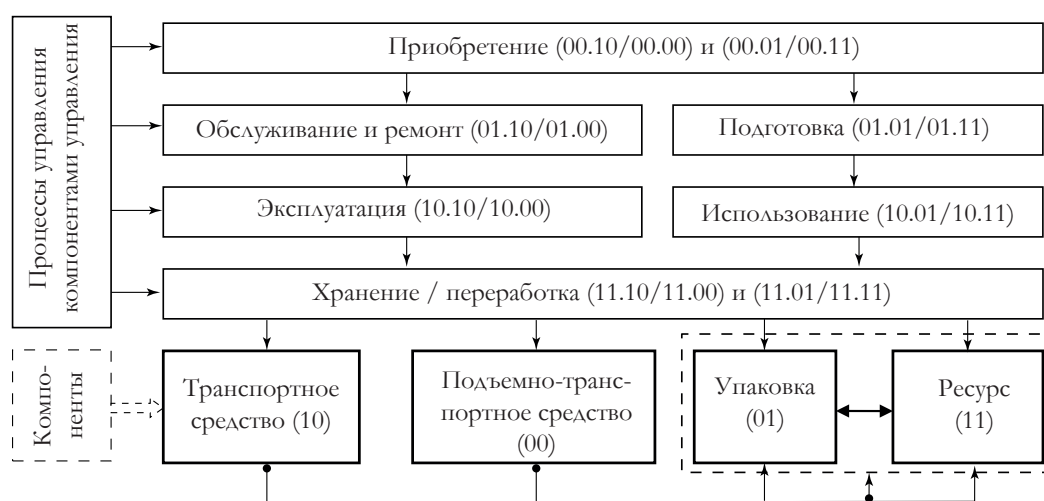
Если учесть, что одни компоненты управления являются автономными (подъемно-транспортное и транспортное средства, символ «1»), а другие – неавтономными (упаковка и ресурс, символ «0»), выполняемые ими логистические операции различаются. Так, например, для обоснования количества и качества операций, выполняемых автономными компонентами управления, целесообразно использовать следующие качественные признаки и дихотомии:

- «компонент “место” комплекса маркетинга»: место приемки (символ «0») и место передачи (символ «1»);
- «тип логистической операции»: начально-конечная (символ «0») и основная (символ «1»).

Данные признаки и дихотомии позволяют обосновать четыре логистические операции, выполняемые автономными компонентами управления: соединение (шифр «s», код «1.00»), разъединение (шифр «t», код «1.01»), маневрирование (шифр «m», код «1.10») и транспортировка (шифр «b», код «1.11»).

Аналогичным образом при совместном использовании тех самых качественных признаков и дихотомий можно определить логистические операции, выполняемые неавтономными компонентами управления, такие как хранение (шифр «h», код «0.00»), складирование (шифр «w», код «0.01»), манипуляции (шифр «n», код «0.10») и перемещение (шифр «r», код «0.11»). Разделение логистических операций по признаку автономности компонента управления актуально с точки зрения определения и назначения владельца логистической операции или собственника данного компонента, заинтересованного в его максимальной эффективности. При этом логистические операции «хранение» или «простой» распространяются также на автономные компоненты управления.

Изложенная выше информация позволяет установить взаимосвязи и оцифровать компоненты управления интегрированным логистическим потоком, а также выполняемые ими процессы (рис. 2).



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Взаимосвязи и коды компонентов управления интегрированным логистическим потоком, а также логистических процессов и операций

На верхней части рисунка представлены процессы, выполняемые транспортным средством (код «10») и подъемно-транспортным средством (код «00»), и процессы, связанные с воздействием на упаковку (код «01») и ресурс (код «11»). Каждый процесс обозначен четырехзначным бинарным кодом, первая часть которого содержит код процесса, а вторая – код компонента управления. В нижней части рисунка отражены возможности транспортировки транспортным и подъемно-транспортным средствами упаковки и ресурса по отдельности и ресурса в упаковке.

Каждый из компонентов управления может двигаться (транспортироваться или перемещаться) и в связи с этим рассматриваться как струя или часть интегрированного логистического потока. При этом совместное движение двух и более струй создает предпосылки для исследования интегрированных логистических потоков, которые могут быть элементарными в случае совместного движения компонентов управления (морского судна с материальными ресурсами) или сложными в случае параллельного движения нескольких автономных компонентов управления (видов городского пассажирского транспорта). Рассмотрим простейший случай формирования элементарных интегрированных потоков компонентов управления.

Поскольку основу данных потоков составляют четыре компонента управления, можно выделить 16 вариантов интегрированных потоков, причем один из них с кодом «0000» представляет запас, четыре варианта могут рассматриваться как струи, 6 – как двухкомпонентные интегрированные потоки, три – как трехкомпонентные интегрированные потоки, один – как четырехкомпонентный интегрированный поток (табл. 2).

Таблица 2

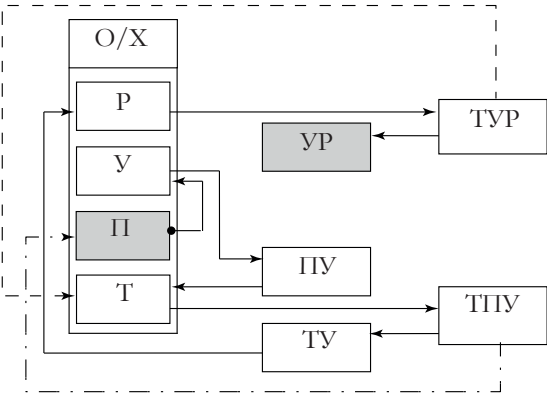
Варианты интегрированных логистических потоков
(процесс «эксплуатация/использование»)

Транспортное средство (Т)	Подъемно-транспортное средство (П)	Упаковка (У)	Ресурс (Р)	Шифры вариантов
Коды объектов потока				
1000	1001	1010	1011	
0	0	0	0	О/Х
0	0	0	1	Р
0	0	1	0	У
0	0	1	1	У1Р2
0	1	0	0	П
0	1	0	1	П1Р2
0	1	1	0	П1У2
0	1	1	1	(ПУ)1Р2; (ПР)1У2; (УР)1П2; ТРП
1	0	0	0	Т
1	0	0	1	Т1Р2
1	0	1	0	Т1У2
1	0	1	1	(ТУ)1Р2; (ТР)1У2; (УР)1Т2; ТУР
1	1	0	0	Т1П2
1	1	0	1	(ТП)1Р2; (ТР)1П2; (ПР)1Т2; ТРП
1	1	1	0	(ТП)1У2; (ТУ)1П2; (ПУ)1Т2; ТРП
1	1	1	1	(ТП)1(УР)2; (ТУ)1(ПР)2; (ТР)1(ПУ)2; (ТПУ)1(Р)2; (ТУР)1(П)2; (ПУР)1(Т)2; (ТПР)1(У)2; ТПУР

Составлено авторами по материалам исследования

Информация, представленная в таблице, позволяет сделать следующие выводы.

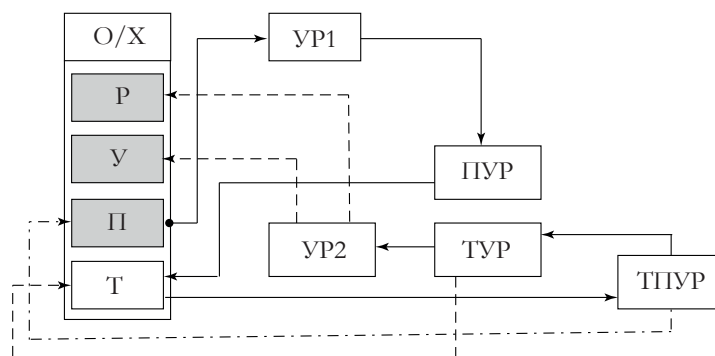
- 1. Интегрированные логистические потоки могут создаваться по принципу «от простого к сложному», и наоборот.
- 2. Содержание таблицы может быть конкретизировано или адаптировано под определенные управленческие задачи, например, «упаковку ресурса» и «отделение упаковки от ресурса» с использованием транспортного и подъемно-транспортного средств (рис. 3, рис. 4).



Примечание: Т – транспортное средство, Р – ресурс, У – упаковка, П – подъемно-транспортное средство

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Модель управления интегрированными потоками, ориентированными на упаковку ресурса (УР)



Примечание: Т – транспортное средство, Р – ресурс, У – упаковка, П – подъемно-транспортное средство

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Модель управления интегрированными потоками, ориентированными на отделение упаковки (У) от ресурса (Р)

При решении первой задачи подъемно-транспортное средство «П» транспортируется к месту приемки (хранения) упаковки «У» и захватывает ее, формируя двухкомпонентный поток «ПУ». Он движется к транспортному средству «Т» и образует трехкомпонентный поток «ТПУ», целью которого является перевалка упаковки «У» с подъемно-транспортного средства «П» на транспортное средство «Т». После этого подъемно-транспортное средство «П» возвращается к месту хранения, а вновь образованный двухкомпонентный поток «ТУ» движется к месту приемки (хранения) ресурса «Р», трансформируясь в трехкомпонентный поток «ТУР». После разгрузки упаковки «У» (например, с помощью подъемно-транспортного средства «П» – на рис. 3 не показано) транспортное средство «Т» возвращается к месту хранения. Далее ресурс «Р» упаковывается, образуя двухкомпонентный поток (вернее, запас) «УР». Аналогичным образом можно моделировать решение задачи «отделение упаковки от ресурса» (рис. 4), осуществляемое по алгоритму: струя «П» к компоненту «УР» → поток «ПУР» к компоненту «Т» → поток ТПУР → струя «П» и поток «ТУР» → поток (запас) «УР» и струя «Т» → струя (запас) «Р» и струя (запас) «У».

3. При управлении интегрированными логистическими потоками возможны различные варианты движения (транспортировки и/или перемещения) компонентов управления. Данные варианты можно обосновать на основе таких качественных признаков и дихотомий, как «состояние компонента «1» и «состояние компонента «2»: пассивное (символ «0», ожидает) и активное (символ «1», движется). Созданная на основе данных признаков и дихотомий бинарная матрица включает следующие блоки:

- «А»: объекты 1 и 2 ожидают (код «000»);
- «Б»: объект 1 движется либо к объекту 2 (код «010»), либо от объекта 2 (код «011»);
- «В»: объект 2 движется либо к объекту 1 (код «100»), либо от объекта 1 (код «101»);
- «Г»: объекты 1 и 2 движутся либо друг к другу (код «110»), либо друг от друга (код «111»).

Данная матрица также учитывает направления движения компонентов «1» и «2»: к объекту или от объекта. Например, шифр двухкомпонентного потока типа «Т1П2» (код «1100») означает, что в первом варианте транспортное средство «Т» движется к подъемно-транспортному средству «П» (блок «Б»), во втором варианте, наоборот, подъемно-транспортное средство «П» движется к транспортному средству «Т» (блок «В»), в третьем варианте они движутся друг к другу или друг от друга (блок «Г»).

4. Информация таблицы может быть дополнена сведениями о количестве струй потока ресурсов «N» (увеличиваются (символ «0») или уменьшаются (символ «1»), их качестве «Q» (гомогенные (символ «0») и гетерогенные (символ «1»), а также о модели потока, в состав которого входят данные струи. Базовые виды данной модели можно обосновать на основе следующих качественных признаков и дихотомий:

- «состояние потока ресурсов»: не движется (символ «0») и движется (символ «1»);
- «состояние струи потока ресурсов»: не движется (символ «0») и движется (символ «1»).

Совместное использование данных признаков и дихотомий позволяет выделить такие виды искомой модели, как стационарная (код «00»), мобильная (код «01»), статическая (код «10») и динамическая (код «11»).

Изложенный выше материал позволяет оцифровать интегрированные логистические потоки, то есть присвоить им логически увязанные коды с учетом вариантов их движения (транспортировки и/или перемещения) (табл. 3).

Таблица 3

Коды вариантов интегрированных логистических потоков

Количество компонентов	Структура кода									
	Таблица 2			Блоки				Модель	–	–
	Шифр	Код	Тип	А	Б	В	Г	–	N	Q
Один компонент	Р	0001	–	–	–	–	–	–	–	–
	У	0010								
	П	0100								
	Т	1000								
Два компонента	У1Р2	0011	000	000	010 или 011	100 или 101	110 или 111	00, 01,10 или 11	0 или 1	0 или 1
	П1Р2	0101								
	П1У2	0110								
	Т1Р2	1001								
	Т1У2	1010								
	Т1П2	1100								
Три компонента	(ПУ)1Р2	0111	000	000	010 или 011	100 или 101	110 или 111	00, 01,10 или 11	0 или 1	0 или 1
	(ПР)1У2		001							
	(УР)1П2		010							
	ПУР		011							
	(ТУ)1Р2	1011	000							
	(ТР)1У2		001							
	(УР)1Т2		010							
	ТУР		011							
	(ТП)1Р2	1101	000							
	(ТР)1П2		001							
	(ПР)1Т2		010							
	ТПР		011							
	(ТП)1У2	1110	000							
	(ТУ)1П2		001							
	(ПУ)1Т2		010							
	ТПУ		011							
Четыре компонента	(ТП)1(УР)2	1111	000	000	010 или 011	100 или 101	110 или 111	00, 01,10 или 11	0 или 1	0 или 1
	(ТУ)1(ПР)2		001							
	(ТР)1(ПУ)2		010							
	(ТПУ)1(Р)2		011							
	(ТУР)1(П)2		100							
	(ПУР)1(Т)2		101							
	(ТПР)1(У)2		110							
	ТПУР		111							

Составлено авторами по материалам исследования

Информация, представленная в таблице, позволяет сделать следующие выводы.

1. Классификация логистических потоков основана на таких качественных признаках, как «тип компонента управления», «вариант движения компонентов потока», «направление движения компонентов потока», «модель потока», «количество струй потока» и «качество струй потока». На их основе можно создать бинарный код интегрированного потока из 14 символов. Например, код «0111.010.100.11.0.1»

с использованием таблицы означает «интегрированный трехкомпонентный логистический поток, включающий подъемно-транспортное средство, упаковку и ресурс, в котором подъемно-транспортное средство движется к упакованному ресурсу, используя динамическую модель с увеличивающимся количеством гетерогенных струй».

2. Представленные коды используются на стадии разработки прототипа цифрового двойника управления бизнес-системой для того, чтобы:

- получить системное представление о субъектах, объектах, компонентах, элементах и взаимосвязях между ними;
- создать представление о возможностях их структуризации, формализации, идентификации, цифровизации и моделирования бизнес-системы с помощью информационных технологий и компьютерного обеспечения;
- разработать техническое задание исполнителям на создание экземпляров и агрегатов цифрового двойника управления бизнес-системой, в котором данные субъекты, объекты, компоненты, элементы и взаимосвязи между ними будут оцифрованы другими методами и кодами;
- обосновать своевременный переход от одного набора субъектов, объектов, компонентов, элементов и взаимосвязей между ними к другому в связи с заменой классификационных признаков и дихотомий на более актуальные признаки и дихотомии, что позволяет переформатировать бизнес-систему.

3. В случае необходимости количество компонентов управления и классификационных признаков интегрированных логистических потоков может быть дополнено. Однако решение более сложной задачи цифровизации и моделирования объектов управления бизнес-системой может быть получено исключительно с помощью информационных технологий и компьютерного обеспечения.

4. Более сложная задача цифровизации и моделирования возникает в случае исследования бизнес-систем различного типа: каналов, цепей, фронтов, эшелонов, а также сетей, в которых интегрированные логистические потоки являются одним из основных объектов управления. Данная задача не может быть решена с помощью преобладающих на сегодняшний день субъективных методов исследования, поскольку бизнес-системы нельзя отнести к физическим объектам, однозначно структурируемым на субъекты, объекты, компоненты, элементы и взаимосвязи между ними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вклад результатов настоящего исследования в теорию заключается в разработке матричного подхода к цифровизации нефизических субъектов, объектов, компонентов управления, а также взаимосвязей между ними, основанного на дескрипторном и фасетном методах качественного исследования, позволяющего гибко реагировать на изменения внутренней и внешней среды бизнес-систем различного типа в условиях их глобальной конкуренции.

Вклад в практику обусловлен возможностью создания прототипов цифровых двойников управления интегрированными логистическими потоками, а также бизнес-системами, на основе которых можно разработать техническое задание на проектирование экземпляров и агрегатов данных цифровых двойников, позволяющих существенно сократить упущенную выгоду субъектами управления.

Результаты исследования являются новыми и нуждаются в плодотворной дискуссии. К ним относятся:

- выявление совокупности качественных признаков и дихотомий, позволяющих упорядочить термины субъектов, объектов и компонентов управления бизнес-системами;
- формирование теории и методологии создания прототипов цифровых двойников управления интегрированными логистическими потоками и бизнес-системами, описываемых в основном качественными характеристиками и дихотомиями;
- актуальность создания методологии ручного кодирования данных объектов на стадии подготовки технического задания (в том числе на основе компьютерных программ с учетом того факта, что ручные и машинные коды между собой не совпадают);
- методы согласования параметров и характеристик цифровых двойников различного типа и др.

В настоящем исследовании получены следующие результаты, имеющие признаки научной новизны:

- на основе системного подхода обоснованы варианты интеграции субъектов и объектов управления бизнес-системой;

– разработана сквозная классификация предприятий и отношений между ними, объектов управления, процессов и логистических операций с целью цифровизации интегрированных логистических потоков и бизнес-систем различного типа;

– определены и оцифрованы варианты данных потоков, а также созданы теоретические и методические предпосылки для моделирования данных потоков в различных управленческих ситуациях.

В ходе дальнейших исследований предполагается создать целостную теорию и методологию проектирования и совершенствования цифровых двойников управления бизнес-цепями и перейти к созданию цифровых двойников более сложных бизнес-систем, таких как фронты, эшелоны и сети субъектов и объектов управления, обеспечивая при этом лояльность конечных потребителей продукции и/или услуг, а также их устойчивость в непрерывно усложняющихся условиях деятельности.

Список литературы / References

1. *Tyapukhin A.P.* Matrix approach to digitalization of management objects. *Journal of Modeling in Management*. 2024;1(19):119–144. <https://doi.org/10.1108/JM2-02-2022-0057>
2. *Rogers D.S., Leuschner R.* Supply chain management: retrospective and prospective. *Journal of Marketing Theory and Practice*. 2004;4(12):60–67. <https://doi.org/10.1080/10696679.2004.11658533>
3. *Grieves M., Vickers J.* Digital Twin: Mitigating Unpredictable, Undesirable Emergent Behavior in Complex Systems. In: Kahlen F.-J., Flumerfelt S., Alves A. (eds.) *Transdisciplinary Perspectives on Complex Systems: New Findings and Approaches*. Springer: Cham; 2017. Pp. 85–113.
4. *Gulledge T.* What is integration? *Industrial Management & Data Systems*. 2006;1(106):5–20. <https://doi.org/10.1108/02635570610640979>
5. *Lawrence P.R., Lorsch J.W.* *Organization and Environment: Managing Differentiation and Integration*. Boston, MA: Harvard Business School Press; 1986. 279 p.
6. *Fayez S., Zomorodi M.* The role of relationship integration in supply chain agility and flexibility development: An Australian perspective. *Journal of Manufacturing Technology Management*. 2015;8(26):1126–1157. <https://doi.org/10.1108/JMTM-11-2014-0123>
7. *Berente N., Vandenbosch B., Aubert B.* Information flows and business process integration. *Business Process Management Journal*. 2009;1(15):119–141. <https://doi.org/10.1108/14637150910931505>
8. *Kolinski A., Dujak D., Golinska-Dawson P.* *Integration of Information Flow for Greening Supply Chain Management*. Springer: Cham; 2020. 409 p.
9. *Wilkes S., Parcek A.* *Streaming Integration A Guide to Realizing the Value of Real-Time Data*. Sebastopol: O'Reilly Media Inc; 2020. 108 p.
10. *Kim S.T., Lee H.H., Hwang T.* Logistics integration in the supply chain: a resource dependence theory perspective. *International Journal of Quality Innovation*. 2020;5(6):1–14. <https://doi.org/10.1186/s40887-020-00039-w>
11. *Stock G.N., Greis N.P., Kasarda J.D.* Enterprise logistics and supply chain structure: the role of fit. *Journal of Operations Management*. 2000;5(18):531–547. [https://doi.org/10.1016/S0272-6963\(00\)00035-8](https://doi.org/10.1016/S0272-6963(00)00035-8)
12. *Hlali A., Wanis A.* Theoretical highlights in container port logistics systems. *Journal of Marine and Island Cultures*. 2020;2(9):181–185. <https://doi.org/10.21463/jmic.2020.09.2.13>
13. *Frikha R., Hlali A.* The evolution of logistics management toward the digital transition. *International Journal of Commerce, Industry and Entrepreneurship Studies*. 2023;1(3):66–75.
14. *Gustin C.M.* Integrated logistics: the perceptions and the future. *Production and Inventory Management*. 1991;6(11):1–4.
15. *Hart M.* The Design of Integrated Logistics Management System of an Industrial Company. In: *LOGI 2017: Proceedings of the 18th International Scientific Conference, November 8, 2017. MATEC Web Conferences*; 2017. <https://doi.org/10.1051/mateconf/201713400018>
16. *Shah S.K.* Designing an integrated distribution system. *Journal of Systems Management*. 1989;8(40):27–32.
17. *Lambert D.M., Robeson J.F., Stock J.R.* An appraisal of the integrated physical distribution management concept. *International Journal of Physical Distribution & Materials Management*. 1978;1(9):74–88. <https://doi.org/10.1108/eb014439>
18. *McKinnon A.* Integrated Logistics Strategies. In: *Brewer A.M., Button K.J., Hensher D.A. (eds.) Handbook of Logistics and Supply-Chain Management*. Leeds: Emerald Group Publishing Limited; 2017. Pp. 157–170. <https://doi.org/10.1108/9780080435930-010>
19. *Vickery S.K., Jayaram J., Droge C., Calantone R.* The effects of an integrative supply chain strategy on customer service and financial performance: an analysis of direct versus indirect relationships. *Journal of Operations Management*. 2003;5(21):523–539. <https://doi.org/10.1016/j.jom.2003.02.002>

20. Bowersox D.J., Closs D.J., Cooper M.B. Supply chain logistics management. New York: McGraw-Hill Companies, Inc.; 2002. 656 p.
21. Srinivasan R., Swink M. Leveraging supply chain integration through planning comprehensiveness: An organizational information processing theory perspective. *Decision Sciences*. 2015;5(46):823–861. <https://doi.org/10.1111/deci.12166>
22. Zhao X., Huo B., Flynn B.B., Yeung J.H.Y. The impact of power and relationship commitment on the integration between manufacturers and customers in a supply chain. *Journal of Operations Management*. 2008;26:368–388. <https://doi.org/10.1016/j.jom.2007.08.002>
23. Rahman Z., Qureshi M.R. Integrating the supply chain flows for Business Effectiveness. *Studies in Business and Economics*. 2007;1(13):5–19. <https://doi.org/10.29117/sbe.2007.0027>
24. Lihui S., Zhongyi Z., Xifu W., Zhiwei C. Integration of Logistics Resources Based on Logistics Network. *Contemporary Logistics*; 2011. <https://doi.org/10.5503/J.CL.2011.03.009>
25. Rai A., Patnayakuni R., Patnayakuni N. Firm Performance Impacts of Digitally-enabled Supply Chain Integration Capabilities. *MIS Quarterly*. 2006;2(30):225–246.

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 636.08.003

JEL Q13, Q16

DOI 10.26425/1816-4277-2024-10-50-61

Проблемы и перспективы развития отрасли животноводства в условиях цифровизации агропромышленного комплекса региона (на материалах Республики Башкортостан Российской Федерации)

Насретдинова Зульфия Табрисовна¹

Канд. экон. наук, ст. преп. каф. финансов, анализа и учетных технологий
ORCID: 0000-0003-3159-0675, e-mail: zulf.2018@ya.ru

Хазиева Айгуль Мунавировна¹

Ст. преп. каф. финансов, анализа и учетных технологий
ORCID: 0009-0008-9905-5672, e-mail: energy_girl_88@mail.ru

Насретдинова Альфия Радиковна²

Студент
ORCID: 0000-0002-8118-2736, e-mail: alfiya_yo@mail.ru

¹Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Россия

²Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация

Проанализированы текущее состояние и перспективы развития животноводства в Республике Башкортостан в условиях активной цифровизации агропромышленного комплекса. Несмотря на стремление к внедрению инновационных технологий, процесс сталкивается с рядом препятствий, требующих комплексного решения для устойчивого развития отрасли. Освещены ключевые проблемы, такие как: отсутствие единой цифровой платформы, низкий уровень цифровых компетенций, финансовые ограничения, отсутствие единой стратегии, сопротивление цифровой трансформации. Рассмотрены перспективы развития цифровизации животноводства в регионе, такие как: развитие «умных» животноводческих хозяйств при помощи автоматизированных систем контроля климата, кормления, доения и мониторинга здоровья животных; использование датчиков и Интернета вещей; применение искусственного интеллекта для анализа данных, прогнозирования урожайности, оптимизации процессов кормления и лечения; разработка единой цифровой платформы для обмена информацией между фермерами, ветеринарными службами, поставщиками кормов и другими участниками отрасли; непрерывное обучение специалистов по использованию цифровых технологий в животноводстве. Подчеркнута важная роль государства и регионов в развитии цифрового животноводства, включая финансовую поддержку, создание правовой базы, развитие инфраструктуры и проведение научных исследований. Сделан акцент на том, что цифровизация животноводства в Республике Башкортостан обладает огромным потенциалом для повышения эффективности и конкурентоспособности отрасли, но для его реализации необходимы комплексные меры, направленные на преодоление существующих проблем и создание благоприятных условий для внедрения новых технологий.

Ключевые слова

Агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, цифровые технологии, цифровое животноводство, «умные» хозяйства, цифровая трансформация

Для цитирования: Насретдинова З.Т., Хазиева А.М., Насретдинова А.Р. Проблемы и перспективы развития отрасли животноводства в условиях цифровизации агропромышленного комплекса региона (на материалах Республики Башкортостан Российской Федерации) // Вестник университета. 2024. № 10. С. 50–61.

© Насретдинова З.Т., Хазиева А.М., Насретдинова А.Р., 2024.

Статья доступна по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).



Problems and prospects for livestock industry development in the context of digitalization of the agro-industrial complex in the region (based on the materials of the Republic of Bashkortostan of the Russian Federation)

Zulfiya T. Nasretdinova¹

Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer at the Finance, Analysis and Accounting Technologies Department
ORCID: 0000-0003-3159-0675, e-mail: zulf.2018@ya.ru

Aigul M. Khazieva¹

Senior Lecturer at the Finance, Analysis and Accounting Technologies Department
ORCID: 0009-0008-9905-5672, e-mail: energy_girl_88@mail.ru

Alfiya R. Nasretdinova²

Student
ORCID: 0000-0002-8118-2736, e-mail: alfiya_yo@mail.ru

¹Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

²Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract

The current state and prospects of livestock breeding development in the Republic of Bashkortostan in the conditions of active digitalization of the agro-industrial complex have been analyzed. Despite the desire to introduce innovative technologies, the process faces a number of obstacles that require a comprehensive solution for sustainable development of the industry. The key problems have been highlighted, such as lack of a unified digital platform, low level of digital competencies, financial constraints, lack of a unified strategy, and resistance to digital transformation. Prospects for livestock farming digitalization development in the region have been considered, such as smart livestock farms development through automated systems for climate control, feeding, milking, and animal health monitoring, use of sensors and the Internet of Things, artificial intelligence application for data analysis, yield forecasting, feeding and treatment processes optimization, development of a single digital platform for information exchange between farmers, veterinary services, fodder suppliers, and other participants, and development of a single digital platform for the exchange of information among farmers, veterinary services, feed suppliers, and other stakeholders. The important role of the state and the regions in digital livestock farming development has been emphasized, including financial support, legal framework implementation, and infrastructure and research development. Emphasis has been placed on the fact that livestock breeding digitalization in the Republic of Bashkortostan has great potential for increasing efficiency and competitiveness of the industry, but its implementation requires comprehensive measures aimed at overcoming existing problems and creating favorable conditions for new technologies implementation.

Keywords

Agro-industrial complex, agriculture, digital technologies, digital husbandry, smart farms, digital transformation

For citation: Nasretdinova Z.T., Khazieva A.M., Nasretdinova A.R. (2024) Problems and prospects for livestock industry development in the context of digitalization of the agro-industrial complex in the region (based on the materials of the Republic of Bashkortostan of the Russian Federation). *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 50–61.



ВВЕДЕНИЕ

Современное сельское хозяйство сегодня переживает революционные изменения, обусловленные стремительным развитием цифровых технологий и их внедрением во все сферы деятельности, в том числе и агропромышленный комплекс (далее – АПК). Эта трансформация, затрагивающая все сферы комплекса, не оставила без внимания и отрасль животноводства. Республика Башкортостан, будучи одним из ключевых сельскохозяйственных регионов Российской Федерации (далее – РФ, Россия), активно включается в процесс цифровизации своих аграрных предприятий [1]. Однако путь к успешной цифровизации животноводства в данном субъекте федерации непрост и сопряжен с рядом проблем, которые требуют комплексного подхода и решения для достижения целей устойчивого развития отрасли.

Цель настоящего исследования – анализ актуальных проблем и перспектив развития отрасли животноводства в Башкортостане в условиях цифровизации АПК. Изучение опыта внедрения цифровых технологий в животноводческих предприятиях региона, анализ информационных ресурсов и опросов специалистов позволят выявить ключевые препятствия на пути к цифровой трансформации отрасли и определить направления для ее успешной реализации.

В исследовании рассмотрены следующие вопросы:

- актуальные проблемы цифровизации животноводства в Башкортостане – определены основные препятствия на пути к цифровой трансформации отрасли, включая отсутствие единой цифровой платформы, низкий уровень цифровых компетенций, финансовые ограничения, отсутствие единой стратегии цифровизации и сопротивление изменениям;
- перспективы развития цифровизации животноводства в Башкортостане – рассмотрены ключевые направления для успешной цифровой трансформации отрасли, такие как развитие «умных» животноводческих хозяйств, использование датчиков и Интернета вещей, применение искусственного интеллекта, разработка единой цифровой платформы и обучение специалистов;
- роль государства в развитии цифровизации животноводства – рассмотрен вклад государства в процесс цифровизации, включая финансовую поддержку, создание правовой базы, развитие инфраструктуры и проведение научно-исследовательских работ.

В заключении сформулированы рекомендации по преодолению существующих проблем и успешной реализации потенциала цифровизации отрасли животноводства в Башкортостане.

Настоящее исследование имеет практическую ценность для руководителей животноводческих предприятий, государственных структур, занимающихся развитием АПК, а также для специалистов, работающих в области цифрового животноводства. Его результаты могут быть использованы для разработки эффективных стратегий и программ по цифровизации отрасли животноводства в Башкортостане и других регионах РФ.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование будет проводиться с использованием комплексного подхода, объединяющего качественные и количественные методы сбора и анализа информации.

Сбор данных:

- обзор литературы – изучение научных статей, отчетов и публикаций по темам цифровизации сельского хозяйства, животноводства, развития АПК в Республике Башкортостан и РФ;
- анализ документации – изучение документов, относящихся к развитию животноводства в Башкортостане, включая стратегические планы, программы поддержки сельского хозяйства, отчеты о финансовых показателях предприятий.

Анализ данных:

- количественный анализ – обработка данных из анкет и статистических отчетов с использованием статистических методов (например, корреляционный анализ, регрессионный анализ);
- качественный анализ – анализ текстовой информации из интервью и документов с использованием методов контент-анализа и кодирования;
- синтез результатов – объединение количественных и качественных данных для формирования всестороннего анализа проблем и перспектив развития отрасли.

На основе анализа собранных данных сформулированы выводы о текущем состоянии цифровизации животноводства в Башкортостане, основных проблемах и перспективах развития; представлены рекомендации

по улучшению ситуации, включая меры по созданию единой цифровой платформы, повышению уровня цифровых компетенций, обеспечению финансовой поддержки, разработке единой стратегии цифровизации.

Все участники исследования проинформированы о его целях и гарантиях конфиденциальности данных; вся собранная информация использована исключительно в научных целях.

Настоящее исследование основано на ограниченном количестве источников информации и может не отражать все аспекты проблематики. Выводы исследования могут быть применимы только к животноводству в Башкортостане и могут не отражать ситуацию в других регионах.

Выбранная методология позволит получить объективную картину состояния цифровизации животноводства в Башкортостане, выявить ключевые проблемы и наметить перспективные направления развития.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В Республике Башкортостан по итогам 2023 г. на поддержку племенного животноводства было выделено 404,5 млн руб.: из федерального бюджета – 245 млн руб., что на 17,6 % больше, чем в 2022 г.; объем субсидий племенным животноводом составлял 344 млн руб¹.

Племенная работа в Башкортостане демонстрирует высокие результаты: средняя молочная продуктивность коров в сельхозпредприятиях за 2022 г. составила 6,6 тыс. кг, что на 22 % выше уровня 2018 г. (+ 1,2 тыс. кг); средний показатель в племенных предприятиях – 8,1 тыс. кг.

В целом в Республике Башкортостан за 2023 г. «увеличено производство мяса (без птицы) в 2,6 раза, мяса птицы – в 3,4, полуфабрикатов мясных – в 2, масла растительного нерафинированного – на 17,4 %, масла рапсового – в 1,6 раза, молока (кроме сырого) – на 3,6 %, крупы – на 17,5 %, хлебобулочных изделий – в 1,6 раза, макаронных изделий – на 11 %, кондитерских изделий – на 12,4 %, кормов для сельскохозяйственных животных – на 27,5 %, сахара – на 4,7 %, сыров – на 1,4 %».

В 2023 г. регион полностью покрыл свои потребности в молоке и молочных продуктах (самообеспеченность составляет 121,6 %), говядине (108,1 %), свинине (140,1 %), сахаре (в 6,8 раз больше потребности), растительном масле (также в 6,8 раз больше потребности), картофеле (148,6 %), огурцах (107,7 %) и томатах (152,1 %).

По объему валовой продукции (2023 г.) сельского хозяйства Республика Башкортостан занимает девятое место в РФ (доля – 2,7 %) и третье место в Приволжском федеральном округе (11,9 %).

Объем производства валовой сельскохозяйственной продукции по всем категориям хозяйств в 2023 г. составил 225,7 млрд руб., в том числе по продукции растениеводства – 93,7 млрд руб., животноводства – 132 млрд руб. Индекс валовой сельскохозяйственной продукции (в сопоставимых ценах) составил 88,9 % к уровню 2022 г. (рис. 1)². По стране данный показатель сложился на уровне 99,7 %.

АПК Республики Башкортостан практически полностью обеспечивает население мясом за счет собственного производства – это 70,2 кг на человека при норме в 71,1 кг. Производство скота и птицы на убой в 2023 г. составило 423,5 тыс. т (100,1 % к уровню 2022 г). Всего за 2019–2023 гг. производство скота и птицы (на убой в живом весе) увеличено на 22,1 тыс. т, или на 5,5 % (таблица).

По итогам 2023 г. индекс производства продукции животноводства в Республике Башкортостан составил 97,4 %, где наблюдалась отрицательная динамика, обусловленная возникновением неблагоприятной эпизоотической ситуации (Указ Главы Республики Башкортостан от 11 августа 2023 г. № УГ-682), на территории акционерного общества (далее – АО) «Птицефабрика «Башкирская» и Уфимского района установлен карантин по высокопатогенному гриппу птиц, где ликвидировано 3,5 млн голов птиц [4].

За январь–апрель 2024 г. выявлено, что в крестьянских (фермерских) хозяйствах произведено скота и птицы на убой 5,6 тыс. т, в хозяйствах населения – 20,4 тыс. т, а в сельскохозяйственных организациях – 91,5 тыс. т (рис. 2).

Доля производства продуктов животноводства в хозяйствах всех категорий январь–апрель 2024 г. в % к январю–апрелю 2023 г. составила 102,1 (рис. 3).

На 1 мая 2024 г. численность крупного рогатого скота в хозяйствах всех сельхозпроизводителей составила 858,3 тыс. голов (97,4 % к 2022 г.), в том числе коров – 352,6 тыс. голов (97,3 %), поголовье свиней – 565,7 тыс. голов (97,7 %), овец и коз – 608,8 тыс. голов (96,4 %) (рис. 4)³.

¹Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Режим доступа: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/26015> (дата обращения: 03.07.2024)

² Там же.

³ Там же.

Таблица

Поголовье скота и птицы на конец года

Наименование поголовье скота и птиц	2021 г., тыс. голов	2022 г., тыс. голов	2023 г., тыс. голов
Хозяйства всех категорий			
Крупный рогатый скот, в том числе:	868,0	852,4	827,4
коровы	372,2	360,5	349,2
свиньи	485,2	573,6	569,7
овцы и козы	581,6	564,3	538,5
лошади	121,1	125,8	128,0
птица	10 824,9	11 178,1	7 135,4
пчелосемьи, тыс. шт.	290,2	299,9	284,0
Сельскохозяйственные организации			
Крупный рогатый скот, в том числе:	277,5	265,1	256,5
коровы	110,6	103,4	100,1
свиньи	454,5	548,5	549,3
овцы и козы	14,5	16,9	18,0
лошади	25,4	24,0	22,7
птица	8 414,2	8 933,7	5 047,8
пчелосемьи, тыс. шт.	4,5	5,1	5,1
Хозяйства населения			
Крупный рогатый скот, в том числе:	448,6	444,5	433,6
коровы	191,4	186,0	181,3
свиньи	28,2	22,2	18,3
овцы и козы	500,7	485,6	466,3
лошади	54,4	57,7	61,5
птица	1 973,5	1 884,7	1 796,1
пчелосемьи, тыс. шт.	257,2	268,1	254,7
Крестьянские (фермерские) хозяйства			
Крупный рогатый скот, в том числе:	141,9	142,8	137,3
коровы	70,2	71,1	67,8
свиньи	2,5	2,9	2,1
овцы и козы	66,4	61,8	54,2
лошади	41,3	44,1	43,8
птица	437,2	359,7	291,5
пчелосемьи, тыс. шт.	28,5	26,7	24,2

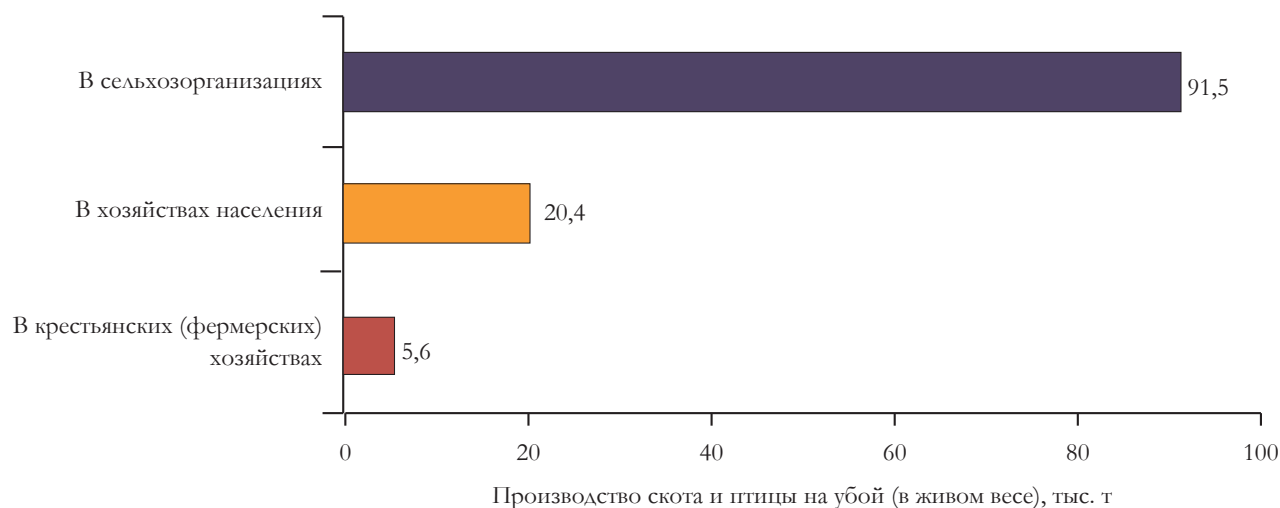
Источник⁴

⁴Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Режим доступа: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/26015> (дата обращения: 03.07.2024).



Источник⁵

Рис. 1. Динамика производства продукции сельского хозяйства во всех категориях хозяйств в Республике Башкортостан за 2020–2023 гг.

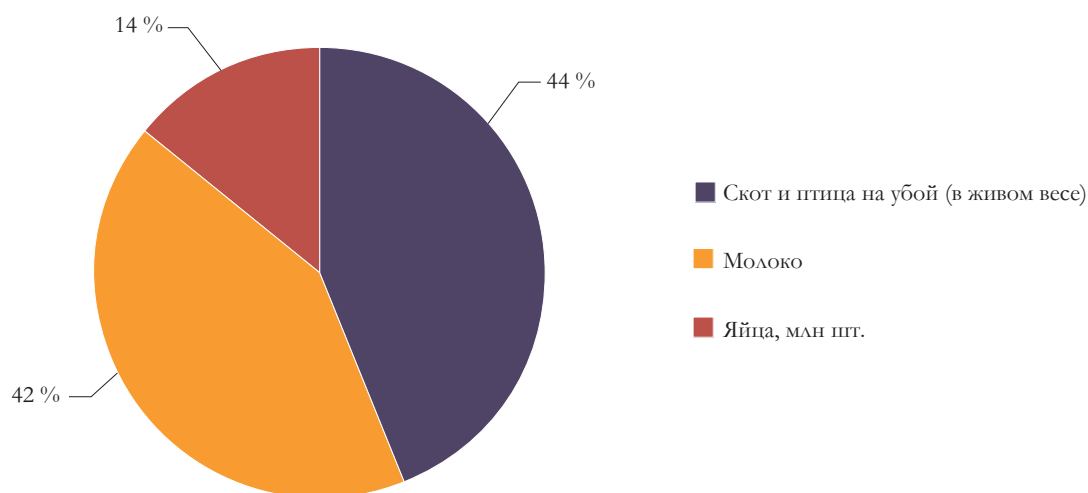


Источник⁶

Рис. 2. Производство продуктов животноводства в хозяйствах всех категорий за январь–апрель 2024 г.

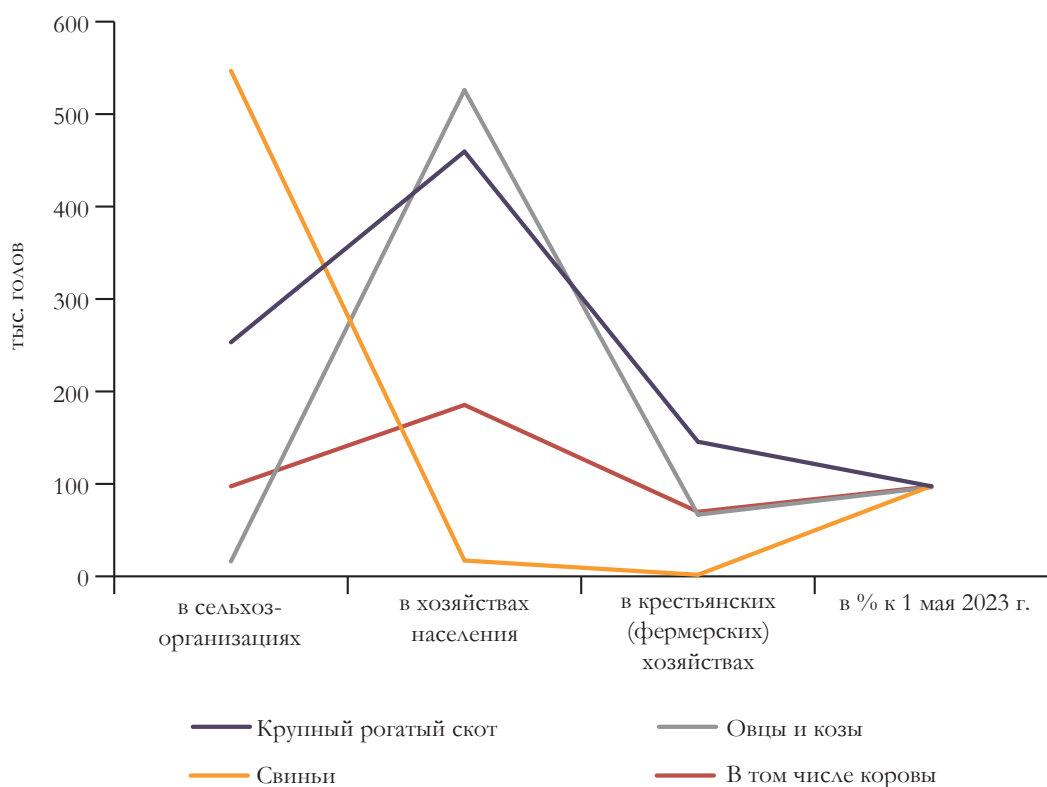
⁵ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Режим доступа: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/26015> (дата обращения: 03.07.2024).

⁶ Там же.



Источник⁷

Рис. 3. Производство продуктов животноводства в хозяйствах всех категорий январь–апрель 2024 г. в % к январю–апрелю 2023 г.



Источник⁸

Рис. 4. Поголовье скота в хозяйствах всех категорий на 1 мая 2024 г.

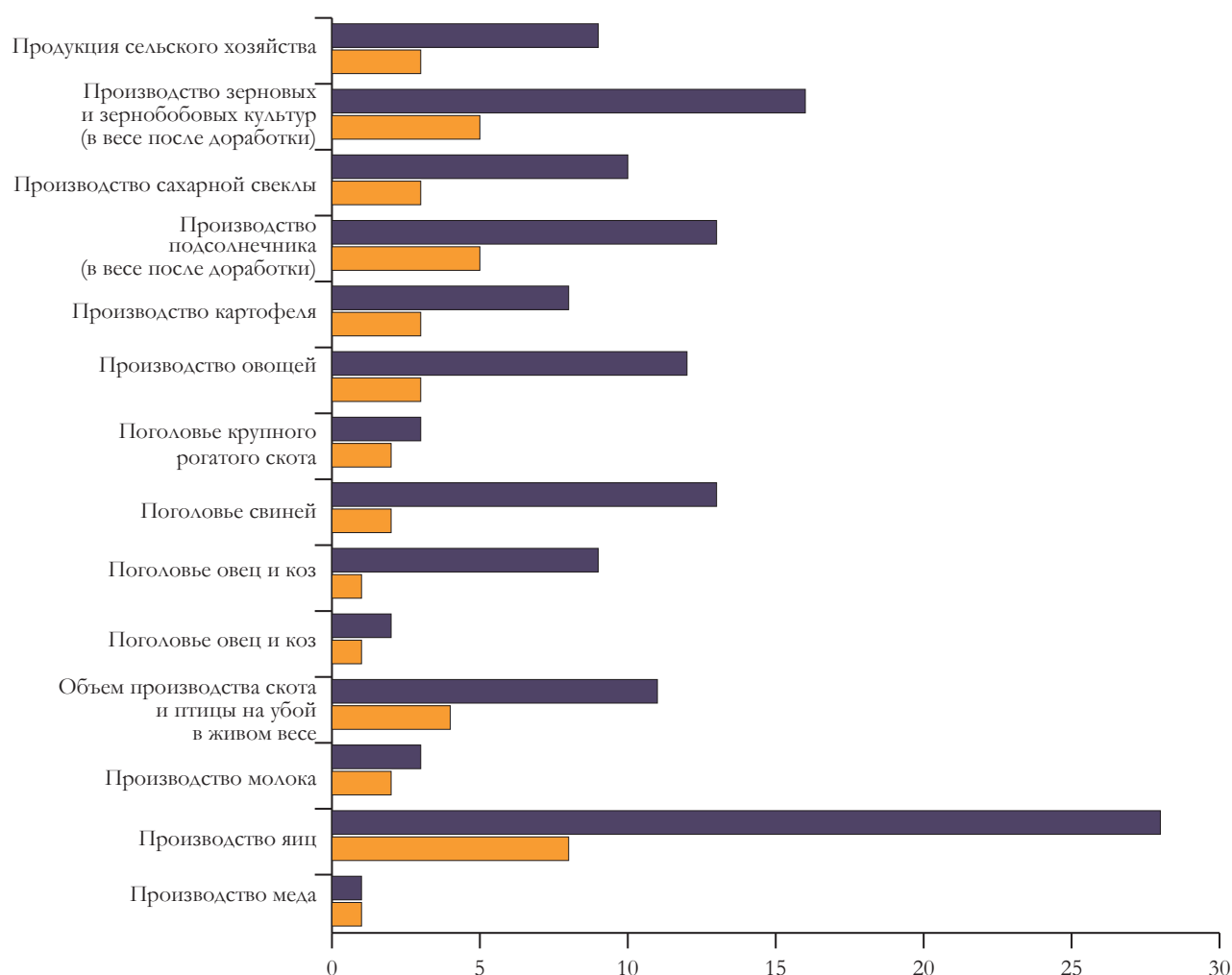
Отрасль животноводства в республике развивается за счет реализации инвестиционных проектов группой компаний «Таврос»: введены два свинокомплекса и селекционно-генетический центр, которые в отчетном году вышли на полную проектную мощность до 100 тыс. т свинины и поголовьем свиней около 500 тыс. голов.

⁷ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Режим доступа: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/26015> (дата обращения: 03.07.2024).

⁸ Там же.

Росту производства мяса птицы способствовали ввод производственных мощностей общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) Птицеводческий комплекс «Урал» (ООО «СоюзПромПтица», Мелеузовский район) и модернизация и реконструкция производств на ключевых птицефабриках республики (акционерное общество «Турбаслинские бройлеры» группы компаний «Черкизово», акционерное общество «Птицефабрика Башкирская» группы компаний «Таврос»). Увеличение производства мяса птицы в республике планируется обеспечить за счет модернизации птицефабрики «Юбилейная» под выращивание бройлеров, проведенной в 2023 г. группой компаний «Черкизово», а также реализации проекта ООО «СоюзПромПтица» по увеличению производства индейки до 45 тыс. т (на 15 тыс. т) в 2024 г. [2;3;4].

Республика Башкортостан по итогу 2023 г. занимает одиннадцатое место в России по производству скота и птицы (рис. 5). В 2023 г. республика произвела 150,6 тыс. т мяса крупного рогатого скота (далее – КРС), демонстрируя рост на 99,6 % по сравнению с 2022 г. Эти цифры свидетельствуют о динамичном развитии отрасли и инвестициях в ее модернизацию.



Источник⁹

Рис. 5. Место Республики Башкортостан среди субъектов РФ за 2023 г.

Сегодня в Башкортостане функционируют 33 кормовые площадки общей мощностью около 28,8 тыс. скотомест. С 2019 г. в республике открылось 15 новых кормовых площадок различной мощности. Это подтверждает стратегическое направление развития отрасли, ориентированное на увеличение объемов производства высококачественного мяса. В планах строительство двух крупных площадок в Караидельском и Иглинском районах, что позволит значительно увеличить поголовье КРС.

⁹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Режим доступа: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/26015> (дата обращения: 03.07.2024).

Реализация крупных инвестиционных проектов в молочном и мясном скотоводстве ведет к развитию племенного животноводства и постепенной замене поголовья КРС на более высокопродуктивный скот. В 2023 г. сельхозтоваропроизводители республики приобрели 4,041 тыс. голов племенного молодняка КРС, из них 3,363 тыс. – молочного направления продуктивности, 678 – мясного. Важно отметить, что более 96 % приобретенного поголовья – это отечественный племенной скот, лишь 160 голов симментальской породы были закуплены из Чехии.

В республике функционируют 68 племенных организаций, занимающихся разведением сельскохозяйственных животных и птиц, а также обслуживанием, консультированием, производством и реализацией семени быков-производителей. С 2019 г. по 2023 г. хозяйствами республики было приобретено 30,965 тыс. голов племенного скота общей стоимостью 4,7 млрд руб. Это еще раз подтверждает активное развитие племенного животноводства в субъекте федерации и привлечение значительных инвестиций в эту сферу.

Одной из ключевых задач является сохранение и развитие таких традиционных отраслей, как коневодство. Коневодство Башкортостана также занимает лидирующие позиции в России. В республике развито как племенное коневодство, так и производство коневодческой продукции, включая мясо, молоко, кожу и шерсть. Важными задачами являются сохранение и популяризация традиционного башкирского коневодства, что включает сохранение уникальных пород лошадей, традиций верховой езды и использования лошадей в различных отраслях.

Благодаря активной государственной политике, инвестиционным проектам и разработке инновационных технологий Башкортостан уверенно движется к лидерству в области мясного и молочного скотоводства. Дальнейшее развитие видится во внедрении цифровых решений, что позволит отрасли укрепить экономику региона, обеспечить население качественной продукцией, а также сохранить и развивать традиционные отрасли сельского хозяйства.

Современное сельское хозяйство немыслимо без использования высокотехнологичного оборудования, особенно отрасль животноводства. В республике активно реализуется комплексная программа по обновлению парка сельскохозяйственной техники, направленная на повышение эффективности производства и снижение зависимости от импортных поставок.

Ключевым фактором стимулирования обновления технической базы является государственная поддержка, которая в 2023 г. составила 1,2 млрд руб. Эти средства направлены на частичную компенсацию затрат сельхозтоваропроизводителей при приобретении современной техники.

В рамках программы «Росагролизинг» в 2023 г. было поставлено 444 единицы техники на сумму 2,9 млрд руб. Благодаря льготным условиям лизинга фермерские хозяйства получили доступ к новейшим тракторам, комбайнам, посевным комплексам и другому оборудованию, значительно повышающему производительность труда [5].

Для дальнейшего снижения стоимости техники заключены соглашения с 14 крупными российскими и белорусскими заводами-изготовителями, которые предоставляют сельхозпредприятиям скидки от 5 до 10 %. Такое сотрудничество стимулирует развитие отечественного сельхозмашиностроения и снижает зависимость от импорта.

Программа модернизации сельского хозяйства в Республике Башкортостан показывает впечатляющие результаты. В результате реализации этой программы обновлен парк сельскохозяйственной техники; снижена зависимость от импортных поставок, повышена эффективность производства, созданы новые рабочие места в сельском хозяйстве. В перспективе планируется продолжить реализацию этой программы, направленной на дальнейшее развитие отечественного сельхозмашиностроения, повышение эффективности производства и укрепление продовольственной безопасности региона.

Одними из приоритетных задач в области развития агропромышленного производства республики на 2024 г. являются:

- обеспечение развития птицеводства за счет реализации инвестиционных проектов по созданию новых и модернизации действующих птицеводческих ферм в рамках Комплексной программы развития птицеводства в Республике Башкортостан до 2030 г.;
- обеспечение цифровой трансформации сельскохозяйственных организаций и органов управления отраслью с переходом на электронный обмен данными (бездокументарный), в том числе для получения государственной поддержки через личные кабинеты в государственных информационных системах «ИАС АПК РБ» и «Электронный бюджет».

Таким образом, Республика Башкортостан как один из ключевых сельскохозяйственных регионов России стремится к цифровизации своих аграрных предприятий. Однако этот процесс сопряжен с рядом проблем и требует комплексного подхода для достижения целей устойчивого развития отрасли.

В условиях стремительной цифровизации АПК животноводство в регионе сталкивается с рядом актуальных проблем, препятствующих его эффективному развитию:

- отсутствие региональной единой цифровой платформы приводит к недостатку интеграции данных (разрозненность систем и учреждений, собирающих информацию о поголовье, производстве, кормах, климате и т.д.) и затрудняет анализ данных и оперативное принятие решений;
- отсутствие открытого единого цифрового модуля данных для обмена информацией между фермерами, ветеринарными службами, поставщиками кормов и другими участниками отрасли приводит к потере времени и снижению эффективности;
- недостаток прозрачности – отсутствие открытого информационного пространства создает трудности в мониторинге ситуации в отрасли и контроле за ее развитием;
- низкий уровень цифровых компетенций – отсутствие достаточного числа специалистов, владеющих цифровыми технологиями в сфере сельского хозяйства в целом и в животноводстве в частности, тормозит внедрение инноваций, фермеры и менеджеры часто не обладают достаточными знаниями о возможностях цифровых технологий и не умеют их эффективно использовать;
- отсутствие системы обучения специалистов животноводства работе с цифровыми решениями затрудняет их адаптацию к новым технологиям;
- отсутствие доступных программ кредитования и инвестирования, специально разработанных для финансирования цифровизации в животноводстве, ограничивает доступ фермеров к необходимым средствам (среди актуальных проблем цифровизации животноводства республики необходимо обозначить финансовые ограничения, а именно высокую стоимость цифровых решений – внедрение цифровых технологий требует значительных инвестиций, которые могут быть недоступны для многих фермерских хозяйств);
- отсутствие механизма государственной поддержки в сфере цифровизации животноводства ограничивает возможности для развития отрасли;
- отсутствие единой республиканской стратегии цифровизации – нечеткие цели и задачи (отсутствует четкий план цифровизации отрасли с конкретными целями и сроками, что приводит к неэффективному расходованию имеющихся ресурсов);
- нет структурного подразделения в уполномоченном региональном органе власти, ответственного за координацию процесса цифровизации животноводства, что создает хаос и препятствует слаженному развитию отрасли;
- недостаток анализа потребностей аграриев республики – нет регионального анализа потребностей отрасли в цифровых решениях, что затрудняет разработку эффективных стратегий и программ в данной области;
- сопротивление изменениям – часть фермеров-животноводов региона предпочитают использовать традиционные методы управления отраслью, не желая переходить на новые технологии, также есть фермеры, которые опасаются сложностей в освоении цифровых технологий и возможных рисков, что усложняет процесс цифровизации отрасли животноводства республики и создает недостаток информации о преимуществах цифровых технологий и доступных решениях.

Важно понимать, что эти проблемы взаимосвязаны и для достижения успехов в цифровизации животноводства в Башкортостане необходимо решать их комплексно:

- развивать «умные» животноводческие хозяйства, которые позволят внедрить в управление животноводческим хозяйством автоматизированные системы контроля климата, кормления, доения и мониторинга здоровья животных, в том числе путем государственно-частного партнерства [6];
- аграриям необходимо использовать цифровые датчики и Интернет вещей, которые позволят собрать данные о параметрах животных, почвы, кормов и климатических условиях для анализа и прогнозирования отрасли;
- внедрить в управление животноводством искусственный интеллект, который будет самостоятельно анализировать данные, оптимизировать процессы кормления и лечения животных;
- разработать региональную единую цифровую платформу для обмена информацией между фермерами, ветеринарными службами, поставщиками кормов и другими участниками отрасли;

– в рамках государственной поддержки развития непрерывного образования необходимо на постоянной основе проводить обучение персонала и участников животноводческой отрасли по использованию цифровых технологий в практической деятельности;

– развитие конкуренции на основе партисипаторных принципов управления позволит повысить эффективность внедрения цифровых технологий в управление животноводческим комплексом.

Для повышения уровня цифровизации отрасли животноводства необходимо разработать региональные программы по предоставлению грантов и субсидий для инвестирования в цифровые технологии и нормативно-правовые акты, благодаря которым будут созданы благоприятные условия для внедрения цифровых технологий в животноводческую отрасль сельского хозяйства. Решение проблем цифровизации животноводства Республики Башкортостан также видится в развитии информационной и цифровой инфраструктуры в сельских районах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация отрасли животноводства в Башкортостане имеет огромный потенциал для повышения ее эффективности и конкурентоспособности. Для успешной реализации этого потенциала необходимо преодолеть существующие проблемы и создать благоприятные условия для внедрения новых технологий. Региональные власти республики должны играть активную роль в развитии цифрового животноводства, предоставляя финансовую поддержку, создавая правовую базу и развивая информационную и цифровую инфраструктуру.

Проведенная научно-исследовательская работа в области цифрового животноводства позволила выявить проблемные зоны и разработать необходимые рекомендации по их разрешению. Перспективными направлениями для дальнейшего исследования станут анализ экономической эффективности применения цифровых технологий в животноводстве, изучение влияния цифровизации на качество и безопасность продукции животноводства, оценка социальных аспектов цифровизации (например, воздействие на занятость и качество жизни сельского населения).

Список литературы

1. Жадан С.В., Беспалова Д.П. Перспективы развития отрасли животноводства Краснодарского края в условиях цифровой трансформации АПК. Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2022;17:41–45.
2. Жилияков Д.И., Плахутина Ю.В., Зарецкая В.Г., Соколов О.В., Соклаков А.А. Проблемы и перспективы развития отрасли животноводства в регионе. Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022;1:97–105.
3. Игнатьева О.Н., Галимуллина Н.А., Гафиров Р.Р. Анализ методов управления в органах государственной исполнительной власти. Евразийский юридический журнал. 2019;7(134):356–358.
4. Даутова Т.А. Социальные последствия пандемии Ковид-19 (по материалам Республики Башкортостан). Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022;4(166):120–126. <https://doi.org/10.34773/EU.2022.4.22>
5. Амирханова Л.Р., Бикметов Е.Ю. Управление социально ориентированной конкуренцией на основе территориального маркетинга. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022;4:156–174. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.4.12>
6. Буранбаева Л.З., Гафифуллина А.Ф., Жилина Е.В. Государственно-частное партнерство в системе регионально-го управления. Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022;3(56):48–53. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-48-53>

References

1. Zhadan S.V., Bepalova D.P. Prospects for the development of the livestock industry of the Krasnodar Territory in the context of the digital transformation of the agro-industrial complex. Education and Science Without Borders: Social and Humanitarian Sciences. 2022;17:41–45. (In Russian).
2. Zhihiyakov D.I., Plakbutina Yu.V., Zaretskaya V.G., Sokolov O.V., Soklakov A.A. Problems and prospects for the development of the animal breeding industry in the region. Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2022;1:97–105. (In Russian).
3. Ignatieva O.N., Galimullina N.A., Garipov R.R. Analysis of management methods in the public executive authorities. Eurasian Law Journal. 2019;7(134):356–358. (In Russian).

4. *Dautova T.A.* Social consequences of the Covid-19 pandemic (based on the materials of the Republic of Bashkortostan). *Economics and Management: Scientific and Practical Journal*. 2022;4(166):120–126. (In Russian). <https://doi.org/10.34773/EU.2022.4.22>
5. *Amirkhanova L.R., Bikmetov E.Yu.* Managing socially oriented competition based on territorial marketing. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 2022;4:156–174. (In Russian). <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.4.12>
6. *Buranbayeva L.Z., Garifullina A.F., Zbilina E.V.* Public-private partnership in the system of regional management. *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):48–53. (In Russian). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-48-53>

Деревообрабатывающая промышленность в Российской Федерации: анализ отраслевой структуры и перспективы развития

Султанахмедов Шамиль Азизайевич

Аспирант

ORCID: 0009-0007-3597-6782, e-mail: shamil6666@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Рассмотрено состояние отраслевой структуры деревообрабатывающей промышленности в Российской Федерации. В качестве методов исследования использовались статистические методы сравнения, методы аналитической обработки информации. Целью настоящего исследования является анализ отраслевой структуры, а также выявление перспектив развития. Проанализированы количество фирм в отрасли, производство основных видов продукции деревообработки в динамике. Рассмотрены экспорт товаров из различных отраслей лесной промышленности в стране и индекс физического объема инвестиций в основной капитал в рассматриваемой отрасли. Отдельно выделена проблема утилизации отходов на деревообрабатывающих производствах из-за низкой степени использования отходов древесины, а также подчеркнута важность разумного использования лесных ресурсов. Сделан вывод, что в целом реальный вклад деревообрабатывающей промышленности в экономическое развитие страны пока что отстает от потенциала, однако выделяются основные перспективы выхода из данного состояния, такие как развитие экспорта, уменьшение транспортных расходов, усиление государственной поддержки в отрасли, улучшение работы по утилизации отходов на деревообрабатывающих производствах.

Ключевые слова

Деревообрабатывающая промышленность, экспорт, лесное хозяйство, инвестиции, утилизация отходов, статистические данные, глубокая переработка древесины

Для цитирования: Султанахмедов Ш.А. Деревообрабатывающая промышленность в Российской Федерации: анализ отраслевой структуры и перспективы развития // Вестник университета. 2024. № 10. С. 62–68.

Woodworking industry in Russia: analysis of the industry structure and development prospects

Shamil A. Sultanakhmedov

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0007-3597-6782, e-mail: shamil6666@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The state of the woodworking industry sectoral structure in Russia has been considered. The main sources for the present study were regulatory legal acts of the Russian Federation, statistical data of the Federal Forestry Agency, Federal State Statistics Service, international analytical reviews, and scientific articles. Statistical methods of comparison and analytical processing of information were used as research methods. The purpose of the study is to analyze the industry structure, as well as to identify development prospects. The number of firms in the industry and production of the main types of woodworking products in dynamics have been analyzed. The export of goods from various branches of the wood industry in the country and the index of physical volume of investment in fixed capital in the industry under consideration have been studied. The issue of waste utilization in wood processing industries due to low utilization of waste wood has been separately highlighted, and the importance of reasonable use of forest resources has been emphasized. The author concludes that, in general, the real contribution of the woodworking industry to the country's economic development is still lagging behind the potential, but the main prospects for overcoming this condition have been highlighted, such as exports development, transportation costs reduction, state support strengthening in the industry, and improvement of waste disposal in woodworking industries.

Keywords

Woodworking industry, exports, forestry, investments, waste management, statistical data, deep processing of wood

For citation: Sultanakhmedov S.A. (2024) Woodworking industry in Russia: analysis of the industry structure and development prospects. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 62–68.



ВВЕДЕНИЕ

Текущие глобальные экологические проблемы, такие как изменение климата, побуждают искать возобновляемые альтернативы с низким уровнем выбросов для замены продуктов, получаемых из ископаемого топлива. Древесина зарекомендовала себя как универсальный возобновляемый материал, способный заменить материалы на основе ископаемых [1]. Современные тенденции в использовании лесных ресурсов тесно связаны со значительными масштабами и количеством ресурсов. По запасам древесины Российская Федерация (далее – РФ, Россия) занимает ведущее место в мире, также по площади лесов она находится на лидирующих позициях [2]. В связи с этим тема анализа и оценки отраслевой структуры деревообрабатывающей промышленности в России является актуальной.

Согласно Лесному кодексу РФ, лесная промышленность является совокупностью отраслей промышленности, связанных с заготовкой, вывозом из леса и хранением древесины, ее первичной и последующей обработкой, производством продукции ее переработки на объектах лесоперерабатывающей инфраструктуры¹. Следовательно, деревообрабатывающая отрасль является частью лесной промышленности. Деревообрабатывающая промышленность страны обладает значительным потенциалом и является важным поставщиком материалов для многих отраслей отечественной экономики. Необходимо на основании достоверных статистических данных, научных статей и исследований проанализировать текущее состояние отраслевой структуры и определить перспективы развития. Предполагается, что показатели в отрасли ухудшились по сравнению с предыдущими периодами, однако необходимо подтвердить данную гипотезу официальными данными. В нынешних экономических условиях неопределенности и внешних рисков возрастает научный и практический интерес к изучению данного вопроса.

АНАЛИЗ КОЛИЧЕСТВА ФИРМ

Для того чтобы проанализировать состояние деревообрабатывающей промышленности в России, необходимо сначала установить число фирм и рассмотреть их в динамике за последние годы. Для анализа количества организаций, занимающихся деревообработкой, были отобраны данные из информационной системы СПАРК (табл. 1, 2)².

Таблица 1

Динамика количества юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (деревообработка)

Субъекты предпринимательства	2019 г.	2023 г.	Изменение, %
Кол-во ЮЛ, чел.	20 879	16 779	– 24,4 %
Кол-во ИП, чел.	26 122	22 227	– 17,5 %
Итого, чел.	47 001	39 006	– 20,5 %

Примечание: ЮЛ – юридические лица, ИП – индивидуальные предприниматели

Источник³

Согласно данным табл. 1, за последние четыре года (с 2019 г. по 2023 г.) количество юридических лиц (далее – ЮЛ), основным видом деятельности которых является деревообработка, снизилось на 24,4 % (с 20,9 тыс. до 16,8 тыс. чел.), количество индивидуальных предпринимателей (далее – ИП) снизилось на 17,5 % (с 26,1 тыс. до 22,2 тыс. чел.).

Согласно данным табл. 2, общее количество ЮЛ в отрасли обрабатывающего производства снизилось лишь на 11,5 % (с 283,2 тыс. до 253,8 тыс. чел.), а количество ИП в этой же отрасли возросло на 0,6 % (с 216,5 тыс. до 218 тыс. чел.) за рассматриваемый период. Следовательно, тенденция к снижению количества организаций, занимающихся деревообработкой, не связана с общим снижением количества организаций обрабатывающих производств. Однако это не всегда может являться негативным фактором.

¹ Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ, ст.12, п.3. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/4cf71dd615b8146cae1c69ab0288d04c15618250/?ysclid=lsnkh51las653701998 (дата обращения: 10.07.2024).

² Информационная система СПАРК. Статистика. Режим доступа: <https://spark-interfax.ru/statistics> (дата обращения: 10.07.2024).

³ Там же.

Таблица 2

Динамика количества ЮЛ и ИП (обрабатывающие производства)

Субъекты предпринимательства	2019 г.	2023 г.	Изменение, %
Количество ЮЛ, чел.	283 189	253 802	– 11,5 %
Количество ИП, чел.	216 526	218 009	+ 0,6 %
Итого, чел.	499 715	471 811	– 5,9 %

Источник⁴

Согласно проведенному экономическому анализу реализации инвестиционных проектов в России в области леса, выполненному Е.Д. Ивановой и А.И. Пыжевым, расширение и модернизация уже имеющихся производств могут являться чертой наиболее успешных проектов [3]. Тем не менее информации о расширении и модернизации остающихся в отрасли фирм в рассматриваемом периоде нет.

ПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНЫХ ВИДОВ ПРОДУКЦИИ ДЕРЕВООБРАБОТКИ

Проанализированы данные официальной статистики по производству основных видов продукции деревообработки⁵. На данный момент есть возможность рассмотреть данные за 2019–2022 гг. (табл. 3).

Таблица 3

Производство основных видов продукции деревообработки

Вид продукции	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Изменение 2019–2022 гг., %	Изменение 2021–2022 гг., %
Плиты древесноволокнистые, млн условных м ²	691	648	739	659	– 5 %	– 11 %
Лесоматериалы, млн м ³	30	29	32	30	– 1 %	– 8 %
Двери, их коробки, млн м ²	14	17	22	21	+ 51 %	– 1 %
Плиты древесностружечные, млн условных м ³	10	10	12	10	+ 4 %	– 10 %
Фанера, млн м ³	4	4	5	3	– 20 %	– 27 %
Окна и их коробки деревянные, млн м ²	1	1	1	–	– 20 %	– 20 %

Источник⁶

По данным табл. 3 видно, что производство фанеры снизилось больше всего (– 20 % по сравнению с 2019 г.). Единственными направлениями, которые показали рост, являются производство дверей (+ 51 %), а также производство плит (+ 4 %). Динамика по остальным видам отрицательная. Сравнив данные 2022 г. с данными 2021 г., автор отмечает отрицательную динамику по всем направлениям производства.

Таким образом, общая тенденция по производству основных видов продукции деревообработки идет к снижению. В отрасли наблюдается снижение объема производства из-за ряда проблем. В первую очередь это связано с тем, что сбыт продукции стал затруднен для отечественных организаций вследствие введения санкций, компании стали адаптироваться к новым условиям, перестраивая свою работу. По этой же причине возникли сложности с поставкой оборудования, комплектующих. Еще одна проблема отрасли – это высокие логистические затраты, глубокая переработка древесины не всегда происходит с местами добычи сырья.

⁴ Информационная система СПАРК. Статистика. Режим доступа: <https://spark-interfax.ru/statistics> (дата обращения: 10.07.2024).

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Промышленное производство. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 10.07.2024).

⁶ Там же.

Данный вывод подтверждается анализом ежегодного исследования лесопромышленного комплекса России, проведенного группой компаний Б1⁷. В исследовании опрошены более 20 компаний, проанализирована ситуация на рынке. Так, 76 % участников потеряли крупные географические рынки из-за санкций, для 60 % актуальной является проблема роста тарифов на транспорт и транспортных издержек, 76 % не смогли своевременно закупить оборудование и испытали трудности с покупкой производственного оборудования. Данные опроса подтверждают наличие ряда проблем в отрасли для большинства компаний лесопромышленного комплекса России.

Большую часть продукции деревообработки составляет производство древесноволокнистых плит из древесины. Согласно ежегодному обзору рынка лесных товаров за 2022–2023 гг., объем экспорта древесноволокнистых плит из России сократился на 31 % с 644 млн долл. США в 2021 г. до 440 млн долл. США в 2022 г.⁸. Экспортные поступления от торговли упали на 60 % к концу 2022 г. до 75 млн долл. США в IV квартале 2022 г., что на 190 млн долл. США меньше, чем в IV квартале 2021 г. Это подтверждает информацию, полученную из Российской ассоциации мебельной и деревообрабатывающей промышленности, о том, что производство древесноволокнистых плит в 2022 г. сократилось на 12 %⁹.

ЭКСПОРТ И ИНВЕСТИЦИИ

Проанализированы данные официальной статистики по экспорту за 2019–2022 г. (табл. 4).

Таблица 4

Экспорт товаров

Товар	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение 2019–2021 гг., %
Лесоматериалы распиленные или расколотые вдоль, млн т	19,7	18,1	17,0	– 13,8 %
Лесоматериалы необработанные, млн м ³	15,8	15,4	13,9	– 12,6 %
Целлюлоза древесная, млн т	2,1	2,3	2,0	– 0,4 %
Бумага газетная, млн т	1,2	1,1	0,9	– 26,0 %

Источник¹⁰

Объемы экспорта сократились в рассматриваемом периоде в связи с введением государственных мер по ограничению экспорта (особенно круглого леса) с целью стимулирования глубокой переработки древесины, увеличения добавочной стоимости в доле экспорта. После 2021 г. также наблюдалось увеличение заградительных экспортных пошлин в отношении круглого леса, следовательно, тенденция к снижению экспорта продолжилась. Не каждая организация готова быстро перестроиться и найти спрос на российском рынке. Более того, может возникнуть ситуация затоваренности рынка и, как следствие, снижения стоимости лесоматериалов.

Проанализирован индекс физического объема инвестиций в основной капитал, который характеризует изменение объемов инвестиций в динамике (табл. 5).

Итак, индекс физического объема инвестиций в 2022 г. относительно 2021 г. ниже, следовательно, наблюдается снижение инвестиций, что является негативным фактором при оценке состояния отрасли, так как инвестиции являются необходимым элементом развития. Обеспечение их стабильного притока должно стать приоритетной задачей для государства [4]. Однако, согласно исследованию, проведенному С.А. Хаджегуровым на примере Красноярского края, ряд инвестиционных проектов в России

⁷ Группа компаний Б1. Лесопромышленный комплекс России: результаты ежегодного исследования: ноябрь 2023. Режим доступа: <https://b1.ru/upload/sprint.editor/e9a/dig6z14fd9u2k141v3gc31jew5qnmckp/b1-russian-forest-industry-2023-overview.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).

⁸ UNECE. The Forest Products Annual Market Review 2022–2023. Режим доступа: <https://unece.org/forests/publications/forest-products-annual-market-review-2022-2023> (дата обращения: 10.07.2024).

⁹ Ассоциация предприятий мебельной и деревообрабатывающей промышленности России. Режим доступа: <http://amedoro.com/ru/> (дата обращения: 10.07.2024).

¹⁰ Федеральная служба государственной статистики. Промышленное производство. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 10.07.2024).

в области освоения леса остаются нереализованными [5]. Основные проблемы, которые выделил эксперт, – это недобросовестность частных инвесторов, реализация проектов не в полном объеме, высокая доля незаконной вырубki, а также недостаточное обеспечение охраны лесов от лесных пожаров.

Таблица 5

Индекс физического объема инвестиций в основной капитал

Отрасль	2020 г., % к предыдущему году	2021 г., % к предыдущему году	2022 г., % к предыдущему году
Лесоводство и лесозаготовки	86,4	114,3	66,8
Обрабатывающее производство: обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки	110,0	125,1	84,0

Источник¹¹

УТИЛИЗАЦИЯ ОТХОДОВ

Стоит отдельно отметить проблему утилизации отходов на деревообрабатывающих производствах. Согласно Стратегии развития промышленности РФ, на лесопромышленных комплексах и деревоперерабатывающих комбинатах ежегодно образуется свыше 200 млн м³ отходов древесины¹². Однако отходы плохо утилизируются и не используются в дальнейшем. Точной статистики по сбору и структурированию вторичной древесины в стране нет.

Низкая степень использования отходов древесины и низкая инвестиционная привлекательность создания новых производств по переработке леса относятся к проблемам, сдерживающим развитие лесного комплекса в России. Согласно данным исследований европейского проекта, посвященного обобщению знаний и передовой практики по деревообработке, одним из ключевых стал вывод о том, что в отрасли необходимо ориентироваться на модель экономики замкнутого цикла¹³. Достижение этой цели возможно благодаря эффективным и отлаженным производственно-сбытовым цепочкам, включающим в первую очередь эффективное управление отходами и вторичную переработку. Согласно публикации Европейского центра исследований и инноваций в лесной биоэкономике, посвященной видению лесного сектора в 2040 г., разумное использование лесных ресурсов является краеугольным камнем в работе лесной промышленности¹⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ключевые аспекты деревообрабатывающей промышленности, рассмотренные в статье, могут послужить отправной точкой для более углубленных исследований. Проанализировав имеющиеся статистические данные из официальных источников, автор делает вывод о том, что в целом реальный вклад отрасли в экономическое развитие страны пока что отстает от потенциала. Снижаются объемы производства, показатели экспорта, инвестиционная привлекательность, есть проблемы с логистикой и утилизацией отходов. Данный вывод подтверждает проведенное группой компаний Б1 исследование, согласно которому российские лесопромышленники преодолевают серьезные трудности, которые начались еще в 2023 г.: потеря географических рынков сбыта, рост транспортных издержек, трудности с покупкой импортного оборудования и комплектующих. Однако меняющаяся экономическая ситуация привела к появлению новых возможностей и вызовов для деревообработки в России. Можно выделить определенные перспективы развития по выходу из данной ситуации:

¹¹ Федеральная служба государственной статистики. Промышленное производство. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 10.07.2024).

¹² Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/y8PMkQGZLfY7jhn6QMruaKoferAowzJ.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).

¹³ Wood Circus project. Main conclusions. Режим доступа: <https://woodcircus.eu/index.php/swot-analysis-for-woodworking-industries-in-the-4-european-macro-regions/> (дата обращения: 10.07.2024).

¹⁴ The Forest-based Sector Technology Platform: The European hub for research and innovation in the forest-based bioeconomy «Vision 2040 of the European forest-based sector» Режим доступа: https://www.forestplatform.org/wp-content/uploads/2019/11/ForestBased-Vision2040-Brochure-V9_final.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

- развитие экспорта – увеличение поставок в Китай, страны Ближнего Востока;
- уменьшение транспортных расходов – оптимизация логистических цепочек;
- усиление государственной поддержки в отрасли – развитие глубокой переработки древесины;
- улучшение работы по утилизации отходов на деревообрабатывающих производствах.

Будущее конкурентного развития деревообрабатывающей отрасли связано с переориентацией на азиатские рынки. В то же время существует реальная возможность возродить производство специализированной техники внутри страны при использовании новейших научно-технических достижений в рамках государственных программ поддержки.

Список литературы

1. *Валюс В., Кунтту Ё.И., Лескинен П. и др.* Восприятие акционерами изделий из древесины в архитектурной среде: обзор литературы. Европейский журнал древесины и изделий из дерева. 2023;81:287–299. <https://doi.org/10.1007/s00107-022-01905-4>
2. *Шум Н.М.* Современные тенденции в использовании лесных ресурсов. В кн.: Современные социально-экономические процессы: проблемы, закономерности, перспективы: материалы II международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 12 марта 2020 г. М.: Новая Наука; 2020. С. 35–39.
3. *Иванцова Е.Д., Пыжжев А.И.* Факторы успешности приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов в России: эконометрический анализ. Российский журнал экономики и права. 2022;2(16):315–330. <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.315-330>
4. *Репринцева Е.В.* Анализ инвестиционной активности в отраслях российской экономики. Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020;2(31):277–280. <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0902-006>
5. *Хадзегуров С.А.* Реализация инвестиционной политики лесной отрасли в Красноярском крае. Прогрессивная экономика. 2023;12:110–135. https://doi.org/10.54861/27131211_2023_12_110

References

1. *Wallius V., Kunttu J., Leskinen P. et al.* Stakeholder perceptions of wood-based products in the built environment: a literature review. European Journal of Wood and Wood Products. 2023;81:287–299. (In Russian). <https://doi.org/10.1007/s00107-022-01905-4>
2. *Shum N.M.* Modern trends in the use of forest resources. In: Modern socio-economic processes: problems, regularities, prospects: Proceedings of the II International Scientific and practical conference, Petrozavodsk, March 12, 2020. Moscow: Novaya Nauka; 2020. Pp. 35–39. (In Russian).
3. *Ivantsova E.D., Pyzhev A.I.* Factors of success of priority investment projects in the sphere of forest exploitation in Russia: econometric analysis. Russian Journal of Economics and Law. 2022;2(16):315–330. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.315-330>
4. *Reprintseva E.V.* Analysis of investment activity in sectors of the Russian economy. Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration. 2020;2(31):277–280. (In Russian). <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0902-006>
5. *Khadzhegurov S.A.* Implementation of the investment policy of the forest industry in the Krasnoyarsk Territory. Progressive economy. 2023;12:110–135. (In Russian). https://doi.org/10.54861/27131211_2023_12_110

Сравнительная характеристика рейтинговых агентств Standard&Poor's, Moody's и Fitch

Аникин Олег Борисович

Д-р экон. наук, проф. каф. мировой экономики и международных экономических отношений
ORCID: 0000-0002-3826-6774, e-mail: anikin-oleg-b@mail.ru

Шешин Владислав Дмитриевич

Студент
ORCID: 0000-0002-9054-0291, e-mail: vladsheshin@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Рассмотрены деятельность ведущих международных кредитных рейтинговых агентств Standard&Poor's (S&P), Moody's и Fitch, особенности их работы и существующие отличия. Актуальность исследования заключается в проведении сравнительной характеристики перечисленных агентств в современных условиях расширения антироссийских санкций и их усиления после начала проведения специальной военной операции на территории Украины. Целью исследования является сравнение деятельности ведущих мировых рейтинговых агентств S&P, Moody's и Fitch в современных условиях. Предметом исследования выступают особенности деятельности данных агентств и произошедшие изменения в условиях действия антироссийских санкций. Проверены анализ деятельности ведущих кредитных рейтинговых агентств, сравнение их методологических подходов и используемых шкал оценивания кредитного рейтинга стран. Приведены выводы о месте и важной роли международных кредитных рейтинговых агентств в современной мировой финансовой системе, отличиях, выставляемых агентствами оценок, специфическом отношении агентств S&P, Moody's и Fitch к кредитному рейтингу Российской Федерации в современных условиях расширения антироссийских санкций и проведения специальной военной операции.

Ключевые слова

Кредитные рейтинговые агентства, кредитные рейтинги, кредитоспособность, шкала оценивания, Standard&Poor's, Moody's, Fitch, антироссийские санкции, специальная военная операция

Для цитирования: Аникин О.Б., Шешин В.Д. Сравнительная характеристика рейтинговых агентств Standard&Poor's, Moody's и Fitch // Вестник университета. 2024. № 10. С. 69–75.

Comparative characteristics of the Standard&Poor's, Moody's and Fitch ratings

Oleg B. Anikin

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the World Economy and International Economic Relations Department
ORCID: 0000-0002-3826-6774, e-mail: anikin-oleg-b@mail.ru

Vladislav D. Sheshin

Student
ORCID: 0000-0002-9054-0291, e-mail: vladsheshin@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The activities of the leading international credit rating agencies Standard&Poor's (S&P), Moody's and Fitch, peculiarities of their work and existing differences have been considered. The relevance of the study lies in the comparative characterization of the listed agencies in the current conditions of the anti-Russian sanctions expansion and their strengthening after the beginning of the special military operation in Ukraine. The purpose of the study is to compare the activities of the world's leading rating agencies S&P, Moody's and Fitch in modern conditions. The subject of the study is the peculiarities of these agencies' activities and changes that have occurred in the conditions of the anti-Russian sanctions. To achieve the set goal the following tasks have been set: the leading credit rating agencies' activities analysis, comparison of their methodological approaches and the scales used to assess the credit rating of countries. The conclusions about the place and important role of international credit rating agencies in the modern world financial system, differences in the assessments made by the agencies, the specific attitude of S&P, Moody's and Fitch to the credit rating of Russia in the current conditions of the anti-Russian sanctions expansion and the special military operation have been presented.

Keywords

Credit rating agencies, credit ratings, creditworthiness, rating scale, Standard&Poor's, Moody's, Fitch, anti-russian sanctions, special military operation

For citation: Anikin O.B., Sheshin V.D. (2024) Comparative characteristics of the Standard&Poor's, Moody's and Fitch ratings. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 69–75.

ВВЕДЕНИЕ

Кредитные рейтинговые агентства занимают особое место в современном финансовом мире. Они выпускают рейтинги для компаний и стран, которые используются инвесторами в качестве ориентира для оценки рисков, связанных с принятием решений о размещении финансовых активов в странах и в финансовых инструментах. Рейтинги показывают способность фирм вернуть долговое обязательство с начисленными %, а также вероятность дефолта. В рейтинг попадают ценные бумаги, долговые обязательства и другие финансовые инструменты. При этом никогда не проводится оценка платежеспособности физических лиц. Оценка качества прогнозов дефолта в финансовом секторе является предметом анализа и имеет важное значение для надзора за рынком¹.

Основная функция рейтингов компаний заключается в объективной оценке финансового состояния компании. Кроме того, рейтинги обеспечивают одинаковые средства сравнения альтернативных инвестиций, что означает установление общего стандарта, который будет использоваться для оценки кредитного риска. Рейтинг компании отражает количественный показатель или уровень. Нужно учитывать, что за такое приходится платить определенную цену. Все переменные, определяющие экономическое и финансовое положение компании и ее окружение (на рынке, в стране, а также в ситуации с внутренними и внешними характеристиками), сводятся к порядковому номеру, некоему показателю в виде рейтинга, полученного внешним оценщиком или агентством.

Для многих фирм и стран нередко существует несколько рейтингов, предоставляемых различными агентствами. Теоретически они должны совпадать, поскольку они оценивают кредитоспособность одних и тех же компаний и стран, но на практике они не взаимозаменяемы, как и рейтинги S&P, Moody's и Fitch [1].

Целью настоящего исследования является сравнение деятельности ведущих мировых рейтинговых агентств Standard&Poor's (S&P), Moody's и Fitch в современных условиях. При написании статьи были использованы материалы, представленные на сайтах Fitch Ratings, Moody's, S&P Global, FasterCapital, Countryeconomy.com, Центрального банка Российской Федерации (далее – РФ, Россия), статьи отечественных и зарубежных авторов L. Caridad, J. Núñez-Tabales, P. Seda, O. Arencibia, A.M. Карминского, В.В. Сосюрко, А.А. Пересецкого, И.А. Уличкиной, А.П. Уличкиной, посвященные кредитным рейтинговым агентствам, их роли в мире, а также крупнейшим мировым рейтинговым агентствам так называемой «большой тройки»: Standard&Poor's, Moody's и Fitch.

РОЛЬ КРЕДИТНЫХ РЕЙТИНГОВЫХ АГЕНТСТВ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ

Кредитные рейтинговые агентства сегодня являются важной составной частью мировой финансовой системы. На протяжении долгого времени они играли и продолжают играть ключевую роль в оценке риска инвесторами, регуляторами и другими участниками финансового рынка. Высокий кредитный рейтинг указывает на низкий риск дефолта, что может уменьшить стоимость заимствований и обеспечить лучшие условия для заемщиков. Низкий кредитный рейтинг может затруднить заимствование и привести к более высоким процентным ставкам. Они важны для финансовой системы, поскольку они помогают предоставить информацию о ценах на финансовые инструменты, такие как облигации и деривативы. Инвесторы анализируют их, чтобы оценить риск тех или иных инструментов и определить их стоимость. Таким образом, кредитные рейтинги играют важную роль в определении общего уровня риска анализируемой финансовой системы [2; 3].

Рейтинги составляются на основе двух типов информации. Первый тип базируется на финансовых данных и публичных отчетах компаний, то есть на информации, которую можно считать «объективной». Второй составляется на основе новостей, комментариев о рынках и экспертных оценках. При этом методологические подходы, используемые различными рейтинговыми агентствами, известны лишь частично. Конечная цель работы агентств – это составление качественного рейтинга, который основывается на точности текущих и прогнозных оценок. Именно на благодаря качеству подготовленных рейтингов формируется репутация рейтинговых агентств [1].

¹ Банк России. Кредитные рейтинговые агентства. Режим доступа: https://www.cbr.ru/finm_infrastructure/ra/ (дата обращения: 01.07.2024).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЙТИНГОВЫХ АГЕНТСТВ S&P, FITCH И MOODY’S

Standard and Poor’s, Moody’s и Fitch являются основными глобальными игроками. Сама природа деятельности рейтинговых агентств порождает саморегуляцию, которая сохраняется и сегодня. Агентства, оплачиваемые инвесторами, как правило, улучшают качество рейтингов, в то время как агентства, оплачиваемые эмитентами, могут давать менее качественные результаты. Модель «платит эмитент» может привести к завышенным рейтингам фирм, но большинство агентств стараются поддерживать свою репутацию, которая будет способствовать привлечению новых клиентов [4].

Кредитные агентства сталкиваются с критикой своей деятельности. Среди основных замечаний часто упоминается конфликт интересов. Сегодня эмитенты сами финансируют исследования своих рейтингов, то есть существует явная заинтересованность в повышении рейтинга компании, которая за это платит, что противоречит первоначальной цели существования агентств. При этом качество рейтингов контролируется не контрагентом, но репутацией агентств. Некоторые финансисты задаются вопросом, достаточно ли этого. Данный конфликт интересов может привести к ситуации, когда агентства дают более высокие рейтинговые оценки, чтобы угодить своим клиентам и поддержать деловые отношения.

Следующее замечание касается отсутствия прозрачности деятельности рейтинговых агентств. Методология, лежащая в основе составления кредитных рейтингов, раскрывается не полностью, что не позволяет участникам финансовых рынков понять до конца структуру рейтингов и оценить их. Отдельные замечания касаются использования агентствами исторических данных вместо текущих и отсутствия конкуренции на рынке кредитных рейтинговых агентств, где более 90 % оказываемых услуг приходится на компании «большой тройки»: Standard&Poor’s, Moody’s и Fitch².

Падение рейтингов во время финансового кризиса 2008 г. вызвало волну регулятивной активности в отношении кредитных рейтинговых агентств. Так, в 2010 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам Соединенных Штатов Америки (англ. U.S. Securities and Exchange Commission – SEC) ввела новые требования для организаций, которые хотят получить статус «национально признанной статистической рейтинговой организации» (англ. Nationally recognized statistical rating organization – NRSRO)³.

Рейтинговые агентства S&P, Fitch и Moody’s являются самыми популярными и крупными агентствами в современном мире. В целом все три рейтинговых агентства имеют долгую историю и являются авторитетными в мировой финансовой системе. Они оценивают кредитную и платежную способность различных организаций, государств и финансовых инструментов, предоставляют информацию о кредитоспособности для инвесторов и других заинтересованных сторон, что помогает последним принимать обоснованные финансовые решения. Методологические подходы к составлению кредитных рейтингов S&P, Moody’s и Fitch имеют много общих черт, но есть и различия. В табл. 1 представлена сравнительная характеристика данных рейтинговых агентств.

Таблица 1

Сравнительная характеристика рейтинговых агентств S&P, Fitch и Moody’s

Критерий	Standard&Poor’s	Moody’s	Fitch
Год основания	1860 г.	1909 г.	1913 г.
Штаб-квартира	Нью-Йорк, США	Нью-Йорк, США	Нью-Йорк, США
Шкала	AAA (наивысший уровень) до D (дефолт)	Aaa (наивысший уровень) до C (дефолт)	AAA (наивысший уровень) до D (дефолт)

² FasterCapital. Credit rating agencies: Shaping the Financial Sector’s Risk Perception. Режим доступа: <https://fastercapital.com/content/Credit-rating-agencies-Shaping-the-Financial-Sector-s-Risk-Perception.html> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Там же.

Окончание табл. 1

Критерий	Standard&Poor's	Moody's	Fitch
Особенность	Широкий спектр оценок, включая корпоративные, суверенные и муниципальные облигации	Уникальные оценки кредитоспособности для различных видов облигаций и финансовых инструментов	Специализация на оценках кредитоспособности корпораций и финансовых инструментов

Примечание: США – Соединенные Штаты Америки

Источник^{4,5,6,7}

Вот некоторые общие и отличительные особенности рейтинговых агентств S&P, Moody's и Fitch:

- проводят тщательный анализ финансовых показателей компаний, включая доходы, прибыль, долговую нагрузку и др.;
- учитывают рыночную позицию компании, ее конкурентоспособность, долю на рынке и другие факторы, влияющие на ее способность выполнять финансовые обязательства;
- учитывают качество управления компанией, ее стратегическое видение, корпоративное управление и др.;
- учитывают макроэкономические факторы, такие как политическая стабильность, экономический рост, инфляция и др.;
- каждое агентство может применять разный вес различным факторам при составлении рейтингов (например, одно агентство может уделять большее внимание макроэкономическим факторам, в то время как другое – финансовым показателям);
- у каждого агентства своя рейтинговая шкала, хотя они имеют схожие обозначения;
- могут быть более или менее консервативными в своих оценках, что может привести к различиям в составляемых рейтингах [2–4].

Обозначения кредитных рейтингов стран всех трех рассматриваемых агентств похожи, но имеют некоторые особенности в обозначениях (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика показателей рейтинговых агентств S&P, Fitch и Moody's

Характеристика показателей рейтинга	Fitch	Moody's	S&P
Инвестиционная категория			
Очень высокая способность выполнять свои финансовые обязательства	AAA	Aaa	AAA
Высокая способность выполнять свои финансовые обязательства	AA+	Aa1	AA+
	AA	Aa2	AA
	AA–	Aa3	AA–
Умеренно высокая способность выполнять свои финансовые обязательства	A+	A1	A+
	A	A2	A
	A–	A3	A–
Достаточная способность выполнять свои финансовые обязательства	BBB+	Baa1	BBB+
	BBB	Baa2	BBB
	BBB–	Baa3	BBB–

⁴ S&P Global. Explore S&P Global. Режим доступа: <https://www.spglobal.com/en> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Reference for Business. Moody's Corporation – Company Profile, Information, Business Description, History, Background Information on Moody's Corporation. Режим доступа: <https://www.referenceforbusiness.com/history2/16/Moody-s-Corporation.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Moody's. Ratings Definitions. Режим доступа: <https://ratings.moody's.com/ratings-news> (дата обращения: 01.07.2024).

⁷ Fitch Ratings. Company History. Режим доступа: <https://www.fitchratings.com/about-us> (дата обращения: 01.07.2024).

Окончание табл. 2

Характеристика показателей рейтинга	Fitch	Moody's	S&P
Неинвестиционная (спекулятивная) категория			
Сравнительно невысокая подверженность рискам в краткосрочной перспективе и большая чувствительность к воздействию неблагоприятных перемен	BB+	Ba1	BB+
	BB	Ba2	BB
	BB–	Ba3	BB–
Более высокая подверженность рискам в условиях неблагоприятной конъюнктуры	B+	B1	B+
	B	B2	B
	B–	B3	B–
Высокая подверженность рискам; финансовые обязательства могут быть выполнены только при наличии благоприятной конъюнктуры	CCC+	Caa1	CCC+
	CCC	Caa2	CCC
	CCC–	Caa3	CCC–
Очень высокая подверженность рискам; дефолт пока не произошел, но более чем вероятен	CC	Ca	CC
Риск неплатежеспособности очень высок; окончательный уровень возмещения долга будет ниже, чем по долговым обязательствам с более высокими рейтингами	C	–	–
Дефолт по финансовым обязательствам или нарушение обязательств с минимальной перспективой восстановления	RD	–	SD
Дефолт по финансовым обязательствам или нарушение обязательств; возбуждение процедуры банкротства или аналогичное событие	D	C	D
	DD		
	DDD		
Нет рейтинга	–	WR	NR

Источник^{8,9,10}

КРЕДИТНЫЙ РЕЙТИНГ ВЕДУЩИХ СТРАН В 2024 Г.

В табл. 3 представлены страны с самым высоким кредитным рейтингом.

Таблица 3

Кредитный рейтинг ведущих стран в 2024 г.

Страна	S&P	Moody's	Fitch
Австралия	AAA	Aaa	AAA
Дания	AAA	Aaa	AAA
Германия	AAA	Aaa	AAA
Люксембург	AAA	Aaa	AAA
Нидерланды	AAA	Aaa	AAA
Швейцария	AAA	Aaa	AAA
Норвегия	AAA	Aaa	AAA
Швеция	AAA	Aaa	AAA
Сингапур	AAA	Aaa	AAA

Источник¹¹

⁸ S&P Global. Explore S&P Global. Режим доступа: <https://www.spglobal.com/en> (дата обращения: 01.07.2024).
⁹ Moody's. Ratings Definitions. Режим доступа: <https://ratings.moody's.com/ratings-news> (дата обращения: 01.07.2024).
¹⁰ Fitch Ratings. Ratings Scales. Режим доступа: <https://www.fitchratings.com/products/rating-definitions#about-rating-definitions> (дата обращения: 01.07.2024).
¹¹ Countryeconomy.com. Sovereigns Ratings List. Режим доступа: <https://countryeconomy.com/ratings> (дата обращения: 01.07.2024).

Эти 9 стран, приведенные в таблице, имеют высшие кредитные оценки у международных рейтинговых агентств S&P, Moody's и Fitch. Низшие оценки имеют Ливан, Замбия, Шри-Ланка и Гана¹².

Кредитный рейтинг Российской Федерации определялся ведущими агентствами с 1996 г. После начала проведения специальной военной операции на территории Украины 6 марта 2022 г. Moody's снизило кредитный рейтинг РФ до Са (предпоследний уровень в шкале агентства), 9 марта 2022 г. Fitch снизило рейтинг страны до С (дефолт неизбежен), 18 марта 2022 г. S&P понизило ее рейтинг до СС с негативным прогнозом, и вскоре все три агентства прекратили свою деятельность в Российской Федерации и отзывали свои рейтинги¹³. Данная ситуация стала стимулом для развития национальных рейтингов государства [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кредитные рейтинговые агентства Standard&Poor's, Moody's и Fitch имеют долгую историю и являются наиболее авторитетными в современной мировой финансовой системе. Они оценивают кредитную и платежную способность различных организаций, государств и финансовых инструментов. Более 90 % оказываемых услуг приходится на компании «большой тройки».

Кредитные рейтинговые агентства были и остаются важной частью мирового финансового рынка, несмотря на неоднозначное отношение регуляторов. В частности, после кризиса 2008–2009 гг. Комиссия по ценным бумагам и биржам Соединенных Штатов Америки ввела новые требования для организаций, которые хотят получить статус «национально признанной статистической рейтинговой организации».

У каждого из трех рассматриваемых агентств своя рейтинговая шкала, хотя они имеют схожие обозначения. Рейтинговые агентства «большой тройки» могут выставлять разные оценки одной и той же фирме или стране, так как они используют разные методологические подходы и обозначения. В связи с этим крупные фирмы зачастую получают рейтинги кредитоспособности от нескольких агентств, что позволяет получить более объективную оценку.

Все три агентства прекратили свою деятельность в Российской Федерации после начала проведения специальной военной операции на Украине и усиления антироссийских санкций и отзывали свои рейтинги, что в свою очередь стало стимулом для развития рейтингов отечественных.

Список литературы

1. Caridad L., Núñez-Tabales J., Seda P., Arencibia O. Do Moody's and S&P firm's ratings differ? *Economics and Sociology*. 2020;4(13):173–186. <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2020/13-4/11>
2. Карминский А.М., Сосюрко В.В. Сравнительный анализ моделей формирования рейтингов. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2010;14(38):2–9.
3. Карминский А.М., Перегудов А.А. Модели рейтингов международных агентств. *Прикладная эконометрика*. 2007;1(5):3–19.
4. Уличкина И.А., Уличкина Л.П. Деятельность рейтинговых агентств: Международный и Российский опыт. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019;5-3:109–117. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-10736>
5. Жатикова Д.В., Шербаченко П.С. Методология присвоения ESG-рейтингов. *Вестник университета*. 2023;(8):99–108. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-8-99-108>

References

1. Caridad L., Núñez-Tabales J., Seda P., Arencibia O. Do Moody's and S&P firm's ratings differ? *Economics and Sociology*. 2020;4(13):173–186. <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2020/13-4/11>
2. Karminsky A.M., Sosyurko V.V. Comparative analysis of rating formation models. *Financial Analytics: Issues and Solutions*. 2010; 14(38):2–9. (In Russian).
3. Karminsky A.M., Peregudov A.A. Models of ratings of international agencies. *Applied Econometrics*. 2007;1(5):3–19. (In Russian).
4. Ulichkina I.A., Ulichkina L.P. The activities of rating agencies: International and Russian experience. *Economics and Business: Theory and Practice*. 2019;5-3:109–117. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-10736>
5. Zhatikova D.V., Scherbachenko P.S. Methodology for assigning ESG ratings. *Vestnik universiteta*. 2023;(8):99–108. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-8-99-108>

¹² Countryeconomy.com. Sovereigns Ratings List. Режим доступа: <https://countryeconomy.com/ratings> (дата обращения: 01.07.2024).

¹³ Афанасьева Ю. Суверенный рейтинг РФ: история изменений. Режим доступа: <https://www.finam.ru/publications/item/suverennyiy-reiying-rf-istoriya-izmeneniy-20220406-141800/> (дата обращения: 01.07.2024).

Факторы эффективной коммерческой деятельности компании в условиях цифровой экономики

Вандышева Светлана Владимировна

Канд. экон. наук, доц. каф. информационных технологий в экономике
ORCID: 0009-0002-7132-4486, e-mail: svvandyшева@mail.ru

Бойкова Анна Леонидовна

Преп. каф. информационных технологий в экономике
ORCID: 0009-0002-5095-6679, e-mail: boykova@vfreu.ru

Воронежский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Воронеж, Россия

Аннотация

В современном мире цифровая экономика влияет на все аспекты коммерческой деятельности, и успешное применение цифровых инноваций становится ключевым фактором конкурентоспособности компаний. Коммерческие организации при осуществлении их деятельности используют программные средства и сеть «Интернет», что значительно расширяет их возможности успешного развития. Освещены ключевые факторы эффективной коммерческой деятельности в контексте стремительного развития цифровой экономики. Ссылаясь на статистические данные Федеральной службы государственной статистики, авторы проанализировали тенденции проникновения информационных технологий в экономику Российской Федерации. Особое внимание уделено обзору основных трудностей, с которыми российские компании сталкиваются при попытке интегрировать современные цифровые решения в свою деятельность. Даны рекомендации по цифровизации ключевых составляющих коммерческой деятельности, включая автоматизацию клиентских сервисов, электронную коммерцию, управление цепочками поставок с помощью цифровых технологий, аналитику больших данных для оптимизации бизнес-стратегий и онлайн-маркетинга. Исследование подкреплено примерами конкретных инструментов и методик, которые уже показали свою эффективность на практике у российских компаний, адаптирующихся к условиям цифровой экономики. В качестве научно-методологических основ исследования определены системный и процессный подходы.

Ключевые слова

Коммерческая деятельность, омниканальность, цифровая зрелость, цифровая стратегия, цифровая трансформация, цифровая экономика, электронная коммерция

Для цитирования: Вандышева С.В., Бойкова А.А. Факторы эффективной коммерческой деятельности компании в условиях цифровой экономики // Вестник университета. 2024. № 10. С. 76–84.

Effective commercial activity of a company factors in digital economy

Svetlana V. Vandysheva

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Information Technologies in Economy Department
ORCID: 0009-0002-7132-4486, e-mail: svvandysheva@mail.ru

Anna L. Boykova

Lecturer at the Information Technologies in Economy Department
ORCID: 0009-0002-7132-4486, e-mail: svvandysheva@mail.ru

Voronezh branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Voronezh, Russia

Abstract

In modern world, digital economy affects all aspects of commercial activity, and successful application of digital innovations is becoming a key factor in companies' competitiveness. Commercial organizations in their activities use software tools and the Internet, which significantly expands their opportunities for successful development. The key factors of effective commercial activity in the context of the rapid development of digital economy have been highlighted. Referring to the statistical data of the Federal State Statistics Service, the authors analyzed the trends in information technologies implementation in Russian economy. Special attention has been paid to reviewing the main difficulties that Russian companies face when trying to integrate modern digital solutions into their operations. Recommendations have been given on digitalization of key components of commercial activities, including customer services automation, e-commerce, digital supply chain management, big data analytics to optimize business strategies, and online marketing. The study is supported by the examples of specific tools and techniques that have already shown their effectiveness in practice for Russian companies adapting to digital economy. The research is based on the system and process approaches.

Keywords

Commercial activity, omnichannel, digital maturity, digital strategy, digital transformation, digital economy, e-commerce

For citation: Vandysheva S.V., Boykova A.L. (2024) Effective commercial activity of a company factors in digital economy. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 76–84.



ВВЕДЕНИЕ

Активное внедрение инфокоммуникационных технологий и цифровых сервисов в различных отраслях экономики влечет за собой значительные структурные изменения в деятельности организаций, а также преобразование существующих взаимосвязей и генерацию новых. При этом пересмотру подлежит содержание всех видов деятельности в компании.

Условия хозяйствования, возникшие в 2020 г. в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, полностью изменили мировоззрение бизнеса на формат деятельности и инструменты ее активизации. Предприниматели, вовремя осознавшие назревшую необходимость изменений в сторону использования цифровых технологий, успешно преодолели сложный период и открыли для себя новые каналы развития бизнеса и привлечения целевой аудитории [1].

Положительные последствия этого очевидны и оценены потребителями, так как значительно сокращаются временные затраты на создание продукта или оказание услуги, повышаются их качество и функциональные возможности. Тем не менее достаточно большое значение продолжает играть коммерческая деятельность, обеспечивающая движение продукта или услуги к конечному получателю. Содержание данного процесса напрямую влияет на стабильную деятельность компании и ее успех в долгосрочной перспективе.

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ И ПРОБЛЕМ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сведения, характеризующие степень распространения информационных технологий в современном обществе, представлены в таблице.

Таблица

Использование цифровых технологий организациями
в Российской Федерации по итогам 2023 г.

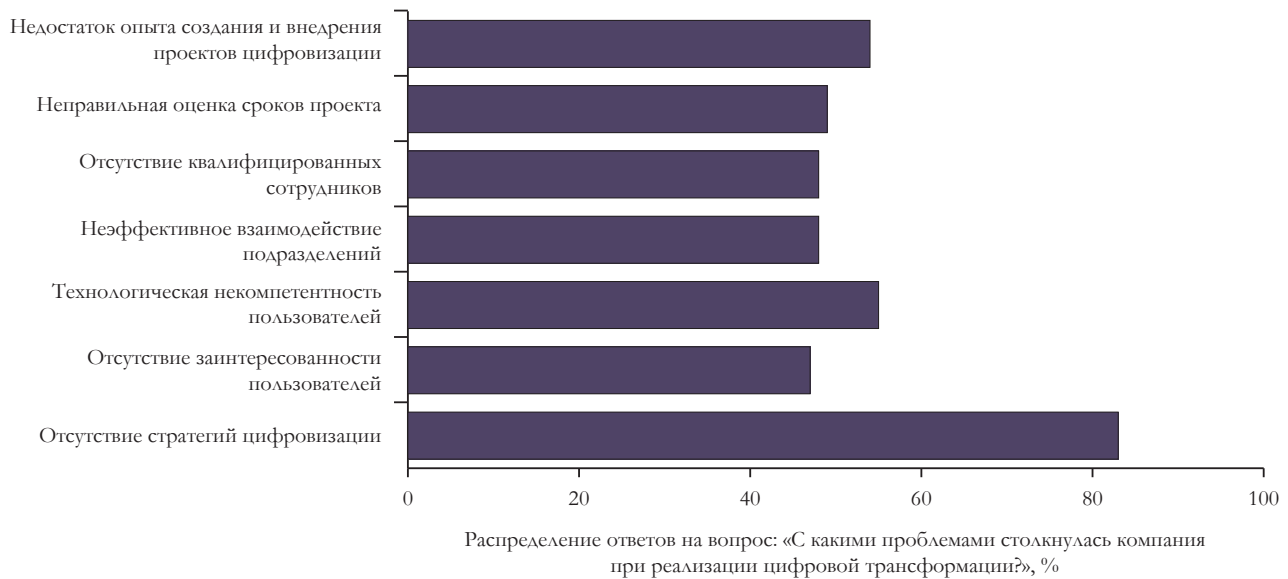
Наименование показателя	Значение, %
Доля органов государственной власти и органов местного самоуправления, использовавших фиксированный Интернет, в общем числе обследованных организаций	86,7
Доля органов государственной власти и органов местного самоуправления, использовавших в отчётном году средства электронной цифровой подписи	82,0
Доля органов государственной власти и органов местного самоуправления, использовавших в отчётном году системы электронного документооборота	63,9
Доля органов государственной власти и органов местного самоуправления, использовавших в отчётном году автоматический обмен данными между своими и внешними информационными системами по форматам обмена	63,4
Доля организаций, использовавших фиксированный Интернет, в общем числе обследованных организаций	77,0
Доля организаций, использовавших цифровые платформы	17,1
Доля организаций, использовавших электронный обмен данными между своими и внешними информационными системами, в общем числе обследованных организаций	56,0
Доля организаций, имевших веб-сайт, в общем числе обследованных организаций	46,5
Доля организаций, имевших специальные программные средства для управления закупками товаров (работ, услуг), в общем числе обследованных организаций	33,0
Доля организаций, имевших специальные программные средства для управления продажами товаров (работ, услуг), в общем числе обследованных организаций	26,3
Доля организаций, использовавших ERP-системы, в общем числе обследованных организаций	20,5
Доля организаций, использовавших CRM-системы, в общем числе обследованных организаций	20,7

Источник¹

¹ Федеральная служба государственной статистики. Использование цифровых технологий организациями по Российской Федерации, субъектам Российской Федерации и видам экономической деятельности. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 10.07.2024).

Высокие темпы автоматизации и использования инфокоммуникационных технологий в значительной степени повлияли на составляющие элементы коммерческой деятельности организации и взаимодействия между ними. Центральным банком Российской Федерации (далее – РФ, Россия) определено, что доля безналичных платежей в розничном обороте по состоянию на конец 2023 г. находилась на уровне 83,4 %². Из таблицы видно, что государственные и коммерческие организации активно переносят взаимодействие в электронную среду, что в том числе подтверждает высокий показатель степени использования безналичных платежей.

Несмотря на явную востребованность и успешность цифровых технологий, исследователями и практиками отмечается ряд проблем, возникающих при реализации цифровой трансформации. Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» совместно с корпорацией Microsoft опросили 100 российских организаций, внедряющих цифровые технологии [2]. Результаты опроса представлены на рис. 1.



Составлено авторами по материалам источника [2]

Рис. 1. Основные сложности при внедрении новых цифровых решений российскими компаниями

Из рисунка видно, что наиболее распространенными являются организационные проблемы, в основном связанные с недостатком опыта компании в реализации проектов по цифровой трансформации и сотрудников необходимой квалификации. Кроме того, отмечаются общие проблемы менеджмента и проектного управления в организациях, из-за которых неверно устанавливаются сроки проектов и хаотично, неэффективно осуществляется взаимодействие подразделений компании.

К недостаткам общего менеджмента можно отнести также отсутствие стратегического подхода компаний к процессам цифровой трансформации. При этом цифровая трансформация в соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» является одной из пяти национальных целей развития России до 2030 г.³. Указанная цель находит свое отражение в региональных стратегиях цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления [3].

В соответствии с изложенным компаниям, ориентирующимся на стабильность в долгосрочной перспективе, необходимо разработать корпоративную стратегию цифровой трансформации для обеспечения соответствия процессам, протекающим в обществе на государственном уровне. В целях планомерного и системного осуществления данного процесса в 2020 г. Министерство цифровой экономики РФ выпустило актуализированную версию Методических рекомендаций по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием (далее – Методические указания)⁴.

² Банк России. Национальная платежная система. Режим доступа: <https://www.cbr.ru/psystem/> (дата обращения: 10.07.2024).

³ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 10.07.2024).

⁴ Министерство цифровой экономики. Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381330/ (дата обращения: 10.07.2024).

Несмотря на свою адресность, они могут в полной мере использоваться малым и средним бизнесом разных отраслей экономики вне зависимости от наличия или отсутствия опыта реализации проектов по цифровой трансформации.

Подводя итог изложенному, можно отметить, что темпы распространения цифровых технологий со временем будут расти. Есть отрасли, быстрее подключающиеся к этим процессам, но в целом цифровая трансформация необратима для всех сфер экономики.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Чем эффективнее коммерческая деятельность компании, тем выше ее прибыль. В условиях цифровой экономики значительно расширяется диапазон доступных методов, средств и инструментов ее осуществления. Для того чтобы выявить факторы эффективности коммерческой деятельности, целесообразно рассмотреть основные составляющие ее элементы (рис. 2). Это позволит четко выделить те рычаги воздействия, которые в конечном итоге ведут к расширению клиентской базы компании, увеличению ее продаж и финансовому благосостоянию в долгосрочной перспективе.



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Основные элементы коммерческой деятельности организации

В результате цифровой трансформации появляются новые инструменты для развития и повышения эффективности элементов, представленных на рисунке. Взаимодействие с клиентами осуществляется через множество каналов — от социальных сетей и чат-ботов до традиционных магазинов и call-центров. Омниканальность позволяет предоставить единый клиентский опыт и бесперебойное обслуживание по всем каналам [4]. Наиболее популярными инструментами считаются:

- веб-сайты и мобильные приложения — удобные в использовании и интуитивно понятные онлайн-платформы позволяют потребителям изучать продукты и услуги, совершать покупки и получать поддержку;
- социальные сети — платформы, такие как «ВКонтакте», «Одноклассники», позволяют создавать сообщество вокруг бренда, проводить маркетинговые кампании, общаться с клиентами и собирать обратную связь;
- CRM-системы — системы управления отношениями с клиентами автоматизируют и упорядочивают взаимодействие с клиентами, сбор и анализ данных, что позволяет повышать эффективность маркетинга и улучшать обслуживание клиентов;
- чат-боты и виртуальные помощники — используются для автоматизации коммуникаций и быстрого реагирования на запросы клиентов в любое время суток;
- e-mail маркетинг — подпитывается автоматизацией и персонализацией, позволяя организациям отправлять целевые, актуальные и персонализированные сообщения своим клиентам;
- аналитика и большие данные — сбор и анализ данных помогают понимать поведение клиентов, их потребности и предпочтения, что позволяет оптимизировать маркетинговые стратегии и предложения продукта;
- онлайн-реклама — рекламные платформы в сети «Интернет» (такие как «Яндекс.Директ», «VK Реклама») предлагают возможности для таргетированной рекламы на основе интересов, поведения и социально-демографических данных пользователей;
- платформы для вебинаров и видеоконференций — позволяют проводить онлайн-презентации, обучение и семинары для потребителей, укрепляя связь с ними и улучшая уровень обслуживания;
- отзывы и рейтинги — платформы для отзывов и рекомендаций, такие как «Отзовик», IRecommend и др., помогают потребителям принимать информированные решения, а компаниям — улучшать качество своего продукта и услуг;
- персонализация — использование искусственного интеллекта и машинного обучения для создания персонализированного опыта для клиентов, включая рекомендации продуктов и предложения на основе истории покупок и поведения в сети «Интернет» (далее — интернет).

Цифровизация бизнес-процессов открывает новые возможности для укрепления связи с клиентами, увеличения конверсии и построения долгосрочных отношений. Это требует от компаний постоянной адаптации и обновления своих цифровых стратегий в соответствии с меняющимися технологиями и предпочтениями потребителей.

Так, начиная с 2020 г., большая часть совершаемых покупок перешла в онлайн, все больше потребителей отдают предпочтение мобильным приложениям, различным маркетплейсам, сервисам доставки. В соответствии с проведенными исследованиями 75 % опрошенных используют канал онлайн-продаж минимум один раз в месяц [5]. Учитывая данные тенденции все больше участников рынка начинают развивать онлайн-продажи, сервисы доставки, внедряют современные технологии, заменяя ими некоторые ручные операции. Причем в качестве мотивов для этого выступает не только следование за потребителем и его предпочтениями, но и возможность увеличения получаемой прибыли за счет снижения операционных расходов [1; 3]. Цифровая экономика, которая базируется на цифровых технологиях, включая интернет, облачные сервисы, большие данные (Big Data), искусственный интеллект (AI), Интернет вещей (IoT) и блокчейн (blockchain), предлагает множество возможностей для реализации продуктов. Рассмотрим некоторые из них.

1. Онлайн-магазины и электронная коммерция. Первый и наиболее очевидный способ – это продажа товаров через интернет-магазин. Бренды могут использовать платформы как отечественные (Wildberries, Ozon, «Яндекс.Маркет» и «МегаМаркет»), так и международные (AliExpress) или создать собственный веб-сайт для электронной коммерции.

2. Платформы социальных медиа как каналы продаж. Благодаря интеграции функций покупки во «ВКонтакте» компании могут продавать свои товары непосредственно через социальную платформу.

3. Маркетплейсы. Осуществление торговых отношений между покупателями и продавцами в электронной среде происходит посредством специализированных онлайн-платформ. Анализ данных за несколько лет показывает, что маркетплейсы занимают лидирующие позиции в отечественной электронной торговле – около 80 % онлайн-заказов в 2023 г. были совершены на Wildberries, Ozon и «Яндекс.Маркете». В конце 2023 г. выросло число бизнесов, взаимодействующих с первыми двумя указанными маркетплейсами, на 34 тыс. ед. (8 %) по сравнению с аналогичным периодом 2022 г., и в декабре их общее число составило почти 450 тыс. ед. Сложившаяся тенденция позволяет говорить о дальнейшем росте продавцов на маркетплейсах в 2024 г. более чем в 1,5 раза, что составит 700 тыс. ед.⁵

4. Подписка и сервисные модели. В электронной среде меняется форма предлагаемого товара или оказываемой услуги, то есть покупатели могут получить подписку для возможности пользования в течение определенного периода каким-либо продуктом (например, подписка на различные онлайн-сервисы, книги, пищевые продукты).

5. Цифровое распространение контента. Функционал цифровой среды позволяет так называемым контент-провайдерам на основе потоковой передачи или загрузки транслировать различные виды контента: музыка, видео, книги, программное обеспечение и др.

6. Персонализированные и специализированные услуги. В условиях стандартизации продукта в массовом производстве особую ценность приобретает уникальный товар или услуга, максимально приближенный к запросам и потребностям конкретного потребителя. Отсюда следует название такого продукта – «по требованию» (от англ. on-demand). Цифровая среда позволяет создать уникальность при умеренном уровне затрат и высокой потребительской ценности в итоге.

7. Мобильная коммерция. Мобильная электронная торговля в последние годы становится все более популярной. Потребители предпочитают совершать быстрые покупки со своих мобильных устройств, экономя при этом свое время и повышая удобство процесса приобретения товара или услуги. В соответствии с растущим запросом со стороны пользователей увеличивается количество мобильных приложений для iOS и Android, предлагаемых компаниями для совершения покупок. Как правило, мобильные приложения быстрее и удобнее интернет-сайта компании, что значительно облегчает работу с ними.

8. Интеграция с Интернетом вещей (IoT). В целях оптимизации расходов компании и исключения процессов, ведущих к непроизводительным затратам ее ресурсов, возможны автоматизированное пополнение запасов, исходя из существующей потребности и расхода ресурсов, а также введение системы

⁵ Маркетинговое исследование «Мониторинг селлеров маркетплейсов». Режим доступа: https://datainsight.ru/DI_Monitoring_of_Sellers_2024_1 (дата обращения: 10.07.2024).

обслуживания продукта. Автоматизация осуществляется за счет интеграции с устройствами Интернета вещей. Данная стратегия позволяет управлять техникой удаленно с помощью приложений, а также пользоваться специализированными или расширенными настройками, что делает продукт более привлекательным перед конкурентами. Кроме того, при интеграции в систему «Умный дом» у пользователя неосознанно формируются предпочтения к выбору единого бренда для всех включенных в систему устройств.

Перечисленные инструменты повышения эффективности коммерческой деятельности компании в условиях цифровой экономики позволяют сделать вывод о происходящей трансформации взаимоотношений с потребителями, направленной на персонализацию удовлетворения их потребностей, что ведет к увеличению доли рынка, а также уровня их лояльности по отношению к компании.

Важным действующим лицом во взаимодействии компании с ее внешней средой являются конкуренты, которые требуют постоянного изучения для выработки соответствующей стратегии поведения на рынке. Цифровая экономика предлагает эффективный инструментарий исследования и анализа конкурентов, рассмотрим некоторые из них.

1. SEO-анализ. Такие средства поисковой оптимизации, как SEMrush, Ahrefs, позволяют анализировать ключевые слова, используемые конкурентами для продвижения в поисковых системах, а также изучать их контент-стратегии. При сильной конкуренции, возникшей в рекламных сетях после ухода зарубежных площадок, важным становится умение генерировать уникальные рекламные предложения и наиболее качественно отстраивать собственную контент-стратегию.

2. Мониторинг социальных сетей. Для оценки конкурентной позиции участников рынка рекомендуется проводить постоянный мониторинг упоминания о них в социальных сетях или в целом в сети. Это можно делать с использованием, например, Медиагогии или Pepper.Ninja. Подобный анализ дает возможность оценивать активность потребителей и их приверженность компаниям-конкурентам. Кроме того, есть возможность собрать ядро аудитории конкурентов и целенаправленно таргетировать на них собственную рекламу с уникальным торговым предложением. Анализ постов конкурентов также позволяет выявить как сильные, так и слабые стороны собственного контент-плана.

3. Анализ отзывов и рейтингов. В последнее время одним из важных факторов, влияющих на принятие потребителем решения о покупке, является рейтинг продукта, определяемый на основе отзывов других покупателей. В результате изучения отзывов потребителей компания может получить важную информацию о своих конкурентах. В ходе подобного анализа можно вывести действительно уникальное торговое предложение для использования его в рекламных кампаниях. В качестве таких инструментов могут использоваться платформы «Пойнтер» и Mneniya.Pro.

4. Анализ рынка и тенденций. Мониторинг состояния рынка важен для разработки стратегии развития компании и реализации эффективной коммерческой деятельности. Ряд российских компаний, таких как «ИНСОМАР», Data Insight, систематически готовят отчеты о развитии рынка и его участниках. Изучение и анализ данной информации позволяют компании выявить преимущества и недостатки своих конкурентов, а также возможности для усиления своих сильных сторон или нивелирования «узких» мест.

5. Инструменты мониторинга цен и товаров. Помимо анализа рыночных тенденций и позиции на рынке конкурентов компании, важно исследовать их цены для выработки собственной оптимальной ценовой стратегии. Указанную задачу возможно реализовать при помощи сервисов uXprice, AllRival. Кроме парсинга и сравнительного анализа цен конкурентов, сервисы дают рекомендации относительно оптимальной цены с помощью алгоритмов на основе искусственного интеллекта.

6. Анализ торговых площадок. Возможности инструментов электронной коммерции позволяют получать обширную аналитику для формирования поведения компании на рынке. Например, возможно изучить объем продаж, отзывы покупателей, рейтинг компании и, как следствие, ее конкурентную позицию.

7. Анализ больших данных (Big Data). Big Data предоставляют возможность соединить задачи анализа большого объема сведений в целом о рынке, тенденциях его развития, стратегиях конкурентов, уровне цен на товары и услуги. Полученные результаты могут быть использованы компанией для прогноза изменений в структуре рынка, появления новых его участников или товаров.

8. Патентный анализ и исследование интеллектуальной собственности. Анализ инновационной деятельности конкурентов дает представление о перспективных разработках и новых товарах, услугах конкурентов, которые они планируют к выводу на рынок.

ВЫВОДЫ

Каждая компания самостоятельно решает, какими инструментами электронной коммерции она будет пользоваться для повышения эффективности своей деятельности. По мнению авторов, их выбор определяется отраслью и масштабом деятельности компании, ее стратегическими целями и имеющимися ресурсами. Тем не менее важно понимать, что в современных условиях цифровизации экономики используемые компанией цифровые инструменты должны в конечном итоге способствовать повышению эффективности ее коммерческой деятельности.

Исходя из полученных результатов исследования авторами выявлены следующие факторы эффективной коммерческой деятельности компании в условиях цифровой экономики: омниканальность, постоянная адаптация бизнес-процессов компании к развитию внешней среды, обновление цифровых сервисов, персонализация взаимоотношений с потребителями, использование цифровых инструментов для анализа деятельности конкурентов. Указанные факторы выделены на основе процессного подхода, согласно которому деятельность организации представляет взаимосвязанные процессы, ведущие к созданию добавленной стоимости. В соответствии с этим цифровая трансформация затрагивает все процессы организации, преобразуя их.

В то же время содержание коммерческой деятельности организации раскрыто авторами на основе использования системного подхода – выделены основные элементы, обеспечивающие целостное представление о ней в целях реализации эффективного управленческого воздействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках представленного исследования авторами выявлены факторы эффективности коммерческой деятельности в условиях цифровой экономики. Установлено, что существующие инструменты цифровой среды значительно расширяют возможности компании по сбору и анализу различных данных о рынке, его участниках, предлагаемых товарах и услугах, формированию уникальных предложений потребителям, их продвижению и получению дальнейшего фидбэка для корректировки стратегии компании.

В качестве научно-методологических основ исследования, проведенного в рамках данной статьи, авторами обозначены системный и процессный подходы. Системный подход использовался как базовый для выделения основных элементов коммерческой деятельности организации, что позволило в дальнейшем определить области изучения перспективных направлений цифровизации коммерческой деятельности организации. Применение процессного подхода дало возможность выделить факторы, оказывающие наиболее значимое влияние на эффективность коммерческой деятельности организации при условии ее целостного рассмотрения и непрерывного совершенствования.

Учитывая вышесказанное, отметим, что в настоящее время компании, ориентированные на цифровое развитие, имеют больше шансов на стабильное развитие и получение прибыли, чем организации, осуществляющие коммерческую деятельность традиционным способом. Цифровые преобразования требуют значительных ресурсов на первоначальном этапе, однако впоследствии повышается эффективность деятельности компании, что ведет к росту ее доходов. Использование различных технологий и инструментов цифровой экономики позволит в целом качественно преобразовать коммерческую деятельность компании, что значительно укрепит ее позиции на рынке.

Список литературы

1. *Вандышева С.В.* Направления цифровой трансформации в современном обществе. В кн.: Вопросы экономики, организации и управления в хозяйствующих субъектах. Воронеж: Воронежский государственный технический университет; 2022. С. 59–61.
2. *Оганесян Т.К., Стырин Е.М., Абдрахманова Г.П. и др.* Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса: аналитический доклад. М.: Высшая школа экономики; 2017. 121 с.
3. *Лесникова Э.П., Вандышева С.В., Чудакова Е.А.* Сетевая экономика: учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 38.04.06 «Торговое дело». Воронеж: Научная книга; 2020. 90 с.
4. *Кочиева А.К., Далакова А.Н.* Омниканальность как драйвер развития онлайн и офлайн торговли. Экономика и бизнес: теория и практика. 2020;6:153–157. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10551>

5. Вандышева С.В., Сапожникова О.Н. Цифровой маркетинг в реализации политики продвижения современных компаний. В кн.: Инновационное предпринимательство: проблемы и пути их решения: материалы Национальной научно-практической конференции, Воронеж, 27–28 мая 2022 г. Воронеж: Научная книга; 2022. С. 48–53.

References

1. Vandysheva S.V. Directions of digital transformation in modern society. In: Issues of Economics, Organization and Management in Business Entities. Voronezh: Voronezh State Technical University; 2022. Pp. 59–61. (In Russian).
2. Oganesyan T.K., Styurin E.M., Abdrakhmanova G.I. et al. Digital Economy: Global trends and Russian business practices: Analytical report. Moscow: Higher School of Economics; 2017. 121 p. (In Russian).
3. Lesnikova E.P., Vandysheva S.V., Chudakova E.A. Network economics: a textbook for students in the 38.04.06 Trade Business training. Voronezh: Nauchnaya Kniga; 2020. 90 p. (In Russian).
4. Kochieva A.K., Dalakova A.N. Omnichality as an online and offline trade development driver. Journal of Economy and Business. 2020;6:153–157. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10551>
5. Vandysheva S.V., Sapozhnikova O.N. Digital marketing in implementation of modern companies promotion policy. In: Innovative entrepreneurship: Issues and solutions: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 27–28, 2022. Voronezh: Nauchnaya Kniga; 2022. P. 48–53. (In Russian).

Оценка деловой активности российской промышленности

Дикарев Анатолий Сергеевич

Аспирант

ORCID: 0009-0000-5694-552X, e-mail: asdikarev@yandex.ru

Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Россия

Аннотация

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что, несмотря на сложную экономическую и политическую ситуацию, сложившуюся для российской промышленности и экономики в целом, возникли проблемы не только с поступлением зарубежного сырья и товаров на отечественный рынок, но и с бесперебойной работой промышленности. Необходимо разрабатывать и формировать новые, более существенные подходы к стратегии развития промышленности в условиях вынужденной модернизации отрасли. Выделены факторы, оказывающие наибольшее и наименьшее влияние на деловую активность предприятий. Проанализированы направления по формированию новых путей эффективного развития отечественной промышленности через оценку индекса предпринимательской уверенности со стороны предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности. В результате оценки данного показателя сформулирован вывод о том, что уровень деловой активности предприятий имеет скачкообразные значения, в ходе чего выявлены факторы, оказывающие отрицательное значение на развитие промышленного производства.

Ключевые слова

Промышленность, импортозамещение, экономическое развитие, факторы, диверсификация производства

Для цитирования: Дикарев А.С. Оценка деловой активности российской промышленности // Вестник университета. 2024. № 10. С. 85–91.



Assessing business activity of the Russian industry

Anatoly S. Dikarev

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0000-5694-552X, e-mail: asdikarev@yandex.ru

Samara State University of Economics, Samara, Russia

Abstract

The relevance of the study is due to the fact that, despite the difficult economic and political situation for the Russian industry and the economy as a whole, there are problems not only with the arrival of foreign raw materials and goods in the domestic market, but also with the smooth operation of industry. It is necessary to develop and form new, more essential approaches to the industrial development strategy in the conditions of forced modernization of the industry. The factors that have the greatest and the least influence on the business activity of enterprises have been identified. The directions for forming new ways of domestic industry effective development through assessing the entrepreneurial confidence index on the part of enterprises of extractive and manufacturing industries have been analyzed. As the index evaluation result, the author concludes that the level of enterprises' business activity has jumping values, in the course of which the factors that have a negative impact on industrial production development have been identified.

Keywords

Industry, import substitution, economic development, factors, production diversification

For citation: Dikarev A.S. (2024) Assessing business activity of the Russian industry. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 85–91.

ВВЕДЕНИЕ

Промышленность как основа ряда отраслей и категорий в регионах обеспечивает и оснащает орудиями труда, сырьем и другими составляющими. Весомое значение при анализе финансовой составляющей отечественных промышленных предприятий имеют показатели, характеризующие их рискоустойчивость, а также уровень деловой активности и др. По мнению экспертов, занимающихся вопросами оценки текущего положения и направлений по инновационному развитию промышленности посредством внедрения инноваций, тема не изучена, и научные разработки имеют только теоретические предпосылки. Несмотря на сложную экономическую и политическую ситуацию, сложившуюся не только для промышленности, но и для экономики Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в целом, возникли проблемы не только с поступлением зарубежного сырья и товаров на отечественный рынок, но и с бесперебойной работой российской промышленности, поэтому приобретает особое значение положительная тенденция показателя рискоустойчивости в годовом выражении, который рассматривает предприятия промышленности, относящиеся к производству автомобилей, электрооборудования и др. [1].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Изучение рассматриваемой темы было основано на трудах таких исследователей, как С. Фишер, Й. Шумпетер, применялись гипотезы Дж. Стиглера, С. Пельтцмана и др.

Проводимые исследования в условиях санкций и ограничений оказали действенное влияние на применяемые разработки в плане формирования показателей, наиболее достоверно отражающих уровень развития промышленного производства и субъектов федерации [2]. Ведущим ключевым показателем является оценка индекса предпринимательской уверенности, показывающая уровень влияния промышленности на формирование эффективного экономического пространства и пространственных процессов при развитии экономики в региональных системах.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена тем, что, несмотря на сложную экономическую и политическую ситуацию, сложившуюся для российской промышленности и экономики в целом, возникли проблемы не только с поступлением зарубежного сырья и товаров на отечественный рынок, но и с бесперебойной работой промышленности. Появилась необходимость разрабатывать и формировать новые, более существенные подходы к стратегии развития промышленности в условиях вынужденной модернизации отрасли. Для этого стоит выделить факторы, оказывающие наибольшее и наименьшее влияние на деловую активность промышленных предприятий. Таким образом, актуальность темы цель и задачи исследования. Предметом исследования выступают организационно-экономические отношения, формирующиеся при работе промышленного производства, а объектом – промышленность России.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе применялся системный анализ как метод исследования. Он позволяет анализировать процессы, происходящие в современной экономике с учетом как положительных, так и отрицательных составляющих, оказывающих влияние на развитие промышленности в региональных системах. Использовались методические подходы к формированию эффективной работы промышленных предприятий как основы их развития.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На современном этапе развития промышленность как основной фактор, оказывающий существенное влияние на уровень развития регионов РФ, не обеспечивает формирование и обновление материально-технической базы для модернизации национальной экономики страны.

Несмотря на сложности российского экспорта, вследствие переориентации логистики поставок сырья для инновационного промышленного производства на азиатский рынок производителям удалось осуществить увеличение поставок на 32,6 % и 40,2 % по изделиям промышленного производства [3]. Основной спрос в Китае приходится на российскую металлургическую продукцию – железную руду и полуфабрикаты, по которым также наблюдается существенный рост. Отечественное промышленное производство с 2022 г. осуществляло экспорт своей продукции в Индонезию, и объемы поставок за этот период увеличились на 52 %. Российская промышленность также осуществляет экспорт черных металлов в Турцию, на долю которой приходится около 13 %.

Изменение процессов производства и формирования ресурсов в современных реалиях выступает наиболее действенным показателем, являющимся инструментом осуществления процесса управления сложными и нестандартными производственно-экономическими системами. От его уровня напрямую зависит эффективность функционирования и устойчивого развития предприятий промышленного производства. Все это создает необходимость разносторонней оптимизации при одновременном совершенствовании основных экономических и финансовых показателей деятельности, формирования и реализации инновационных механизмов управления и направлений его развития в целях выпуска высококачественной и высокотехнологичной продукции, востребованной на национальном и мировом рынках.

Уровень деловой активности промышленных предприятий, в частности добывающей и обрабатывающей промышленности, имеет скачкообразные значения, в ходе чего выявлены факторы, оказывающие отрицательное влияние на развитие промышленного производства.

Приволжский федеральный округ на протяжении 2023 г. выступал лидером по уровню деловой и инновационной активности его регионов. Необходимо отметить, что уровень деловой активности по округу составил 15,5 %, что выше среднероссийского (10,8 % за 2023 г). Высокие показатели получены благодаря росту показателя инновационной активности в Пензенской, Нижегородской, Ульяновской, Кировской и Пермской областях с 7,5 до 20,3 %, что и вывело округ на первое место.

Осуществить стратегическое развитие отечественного промышленного производства и поднять уровень его устойчивости возможно, если средний темп роста валового внутреннего продукта России составит не менее 8 %, темпы роста промышленности – не менее 10 %, уровень темпов роста капитальных вложений – 15 %, уровень расходов на осуществление научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ – 20 %. Это приводит к необходимости применять подход, способный в первую очередь осуществить рост и увеличение инновационного потенциала.

На перспективный период в соответствии с программой долгосрочного научно-технического развития выделены несколько направлений:

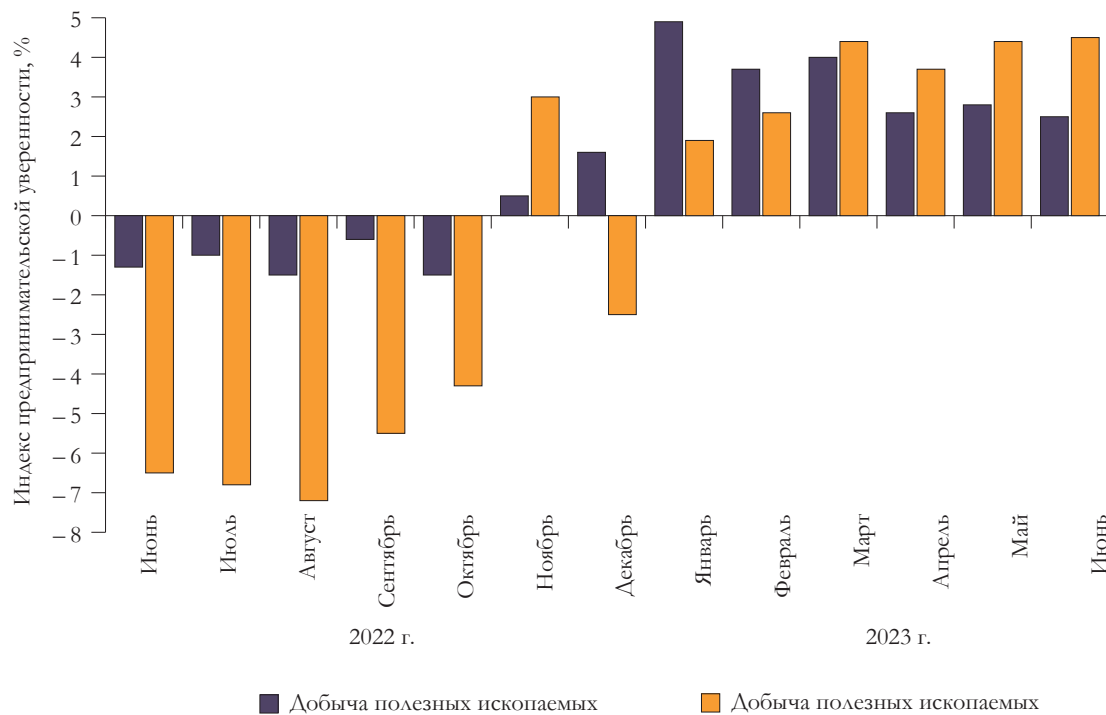
- космос и транспортные системы;
- инновации в сферах используемых технологий и высокотехнологичного сырья;
- энергоресурсы;
- информационно-коммуникационные технологии;
- биотехнологии;
- здравоохранение и медицина;
- рациональное природопользование.

Основными приоритетными направлениями развития инновационного национального производства в стране должны стать:

- уровень развития инновационного производства (увеличение объемов производства и производительности труда);
- увеличение объема привлекаемых инвестиций и компенсация расходов по внедрению инноваций в производство;
- разработка и создание собственных инновационных технологий и применение их в производственном процессе.

Для осуществления инновационной деятельности промышленному предприятию необходим сформированный и накопленный инновационный потенциал с параллельным увеличением деловой активности организации.

Сегодня актуальным является вопрос оценки деловой активности промышленных предприятий, а также экономической оценки уровня их инновационного потенциала как единого целого. В исследовании проведена оценка такого показателя, как индекс предпринимательской уверенности в добывающей и обрабатывающей промышленности, а также уровня деловой активности. По промышленным производствам, относящимся к обрабатывающей промышленности, данный индекс имеет более позитивную тенденцию, что связано с неизменным в течение последних лет уровнем спроса и высокими ожиданиями выпуска продукции на будущий период (рис. 1).



Источник¹

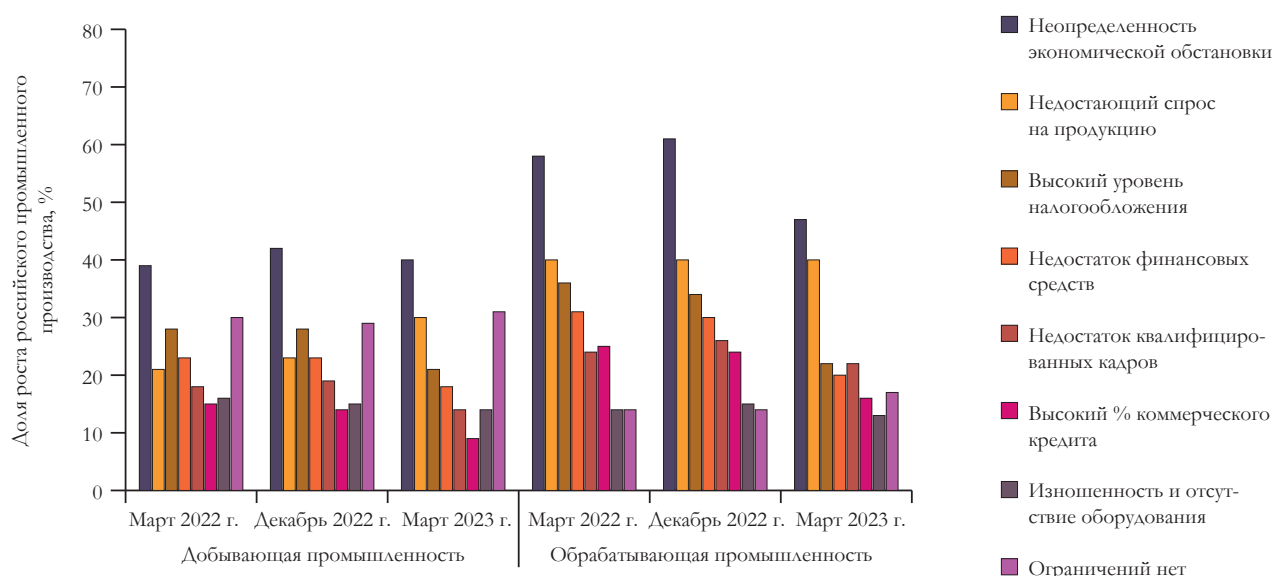
Рис. 1. Динамика индекса предпринимательской уверенности промышленных предприятий

В соответствии с данными, представленными на рисунке, по обрабатывающим производствам индекс в 2023 г. остался на уровне 2022 г., то есть прежним. Увеличение доли руководителей, указавших рост текущего спроса на продукцию до 12,5 %, компенсировалось снижением оценок перспектив выпуска продукции в течение последующих трех месяцев с 27,2 до 26,5 % [3; 4]. Позитивная динамика индекса предпринимательской уверенности наблюдалась в одном из наиболее инновационных направлений производства – обрабатывающей промышленности. Добывающая промышленность тоже показала положительную динамику, но в меньшей степени.

В связи с этим необходимо провести оценку факторов, оказывающих наибольшее влияние на позитивное развитие промышленного производства в России в сложившихся непростых экономических и политических условиях. Вышеуказанный фактор играет отрицательную роль в контексте развития отечественного промышленного производства и приводит к формированию неопределенной экономической ситуации [5]. Среди других факторов, сдерживающих рост развития российской промышленности, необходимо отметить конкурирующий импорт и недостаток собственных средств (рис. 2).

В ходе проведенного опроса выявлен рост показателей в первые три месяца текущего года и относительно промышленных показателей первого ряда (спрос–выпуск). При этом сложившаяся тенденция способствует более положительной и благоприятной обстановке для предприятий, относящихся к обрабатывающей промышленности, чем для предприятий, относящихся к добывающей.

¹ Федеральная служба государственной статистики. О промышленном производстве в I полугодии 2023 года. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/67_27-09-2023.html (дата обращения: 25.07.2024).



Источник²

Рис. 2. Уровень факторов, оказывающих отрицательное влияние на рост российского промышленного производства

Современная отечественная экономика находится на этапе формирования моделей и механизмов, способствующих эффективному развитию в области стратегического управления инновациями как фактором устойчивого развития региональных экономических систем, что связано с необходимостью дальнейшего совершенствования и выявления оптимальных и эффективных направлений для развития субъектов РФ и их систем. В связи с этим автором дополнены и уточнены теоретические положения исследования стратегического управления инновациями с учетом сбалансированности устойчивого развития региональных систем, в основе которых лежат подходы, рассматривающие инновационные направления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Достижение стратегической цели в российском промышленном секторе – перехода на инновационный путь развития – возможно достичь только при внедрении передовых технологий, использовании и применении различных научно-технических разработок и объектов интеллектуальной собственности и модернизации материальной базы предприятий.

В ходе проведенного исследования выявлены основные факторы, оказывающие наибольшее и менее значительное влияние на развитие российской промышленности, в частности добывающей и обрабатывающей. Отмечены направления по переориентации инновационных производственных процессов на альтернативных поставщиков. Однако в короткие сроки создание и обеспечение сопоставимого качества и конкурентной себестоимости являются достаточно сложной задачей. Среди доминирующих факторов следует выделить увеличение цен. По результатам исследования можно утверждать, что производственные мощности полностью удовлетворяют спрос на продукцию.

Перед государством в условиях санкций и ограничений стоит первостепенная задача, заключающаяся не только в поддержании экономической устойчивости страны и ее регионов с позиции обеспечения национальной безопасности, но и в повышении инновационной активности в промышленности. Таким образом, осуществленное исследование свидетельствует о необходимости превращения инноваций в решающий фактор повышения устойчивости промышленного производства, что требует как теоретико-методологических проработок, так и базирующихся на них практических решений. Можно утверждать, что в сложившихся непростых условиях промышленности необходима государственная поддержка.

² Федеральная служба государственной статистики. О промышленном производстве в I полугодии 2023 года. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/67_27-09-2023.html (дата обращения: 25.07.2024).

Список литературы

1. Аукунцоне С.П., Батыева А.Е. Экономическая ситуация в промышленности в первой половине 2023 г. Экономическое развитие России. 2023;9(30):28–32.
2. Гребенкин И.В. Тенденции изменения промышленной специализации и динамика развития российских регионов. Экономика региона. 2020;1(16):69–83. <http://dx.doi.org/10.17059/2020-1-6>
3. Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г. Теоретико-методологические аспекты исследования нивелирования гетерогенности экономического пространства. Фундаментальные исследования. 2017;8-2:368–372.
4. Трейвиш А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность. Пространственная экономика. 2019;4(15):13–35. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.013-035>
5. Сингаева Ю.В., Огородникова Е.П. Особенности управления региональными инновационными проектами с целью обеспечения устойчивого развития региональных социально-экономических систем. В кн.: Современные проблемы обеспечения безопасности человека в условиях развития гражданского общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Оренбург, 18–19 мая 2023 г. Оренбург: PROофис; 2023. С. 209–213.

References

1. Aukutsonek S.P., Batyaeva A.Ye. Economic situation in the industry in H1 2023. Economic Development of Russia. 2023;9(30):28–32. (In Russian).
2. Grebenkin I.V. Trends in Industrial Specialization and Development Dynamics in the Russian Regions. Economy of Regions. 2020;1(16):69–83. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.17059/2020-1-6>
3. Gataullin R.F., Karimov A.G. Theorist methodological aspects of the research of levelling of heterogeneity of economic space. Fundamental Research. 2017;8-2:368–372. (In Russian).
4. Trayvish A.I. Uneven and structurally diverse spatial development of economy as a scientific problem and Russian reality. Spatial Economics. 2019;4(15):13–35. (In Russian). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.013-035>
5. Singaeva Yu.V., Ogorodnikova E.P. Features of regional innovation project management in order to ensure sustainable development of regional socio-economic systems. In: Modern problems of ensuring human security in the context of civil society development: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Orenburg, May 18–19, 2023. Orenburg: PROоfис; 2023. Pp. 209–213. (In Russian).

Компаративный обзор видов надбавок при дележе блага с неделимыми составляющими

Егоров Владислав Валерьевич

Канд. физ-мат. наук, доц. каф. математических методов в экономике и управлении
ORCID: 0000-0003-4735-989X, e-mail: yegoroff_vv@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Изучены вопросы, касающиеся задачи распределения двумя благополучателями ресурса с набором неделимых компонент. Отмечены несколько типов дележа, учитывающих понятие «зависть» и реализующих его в том числе посредством компенсационных выплат тому благополучателю, которому не достается соответствующий неделимый компонент ресурса. Определена разница между значениями возможных надбавок при различных типах дележа и получаемых, помимо заявляемых благополучателями ценностей, неделимых компонент при их оценивании. При этом найдено, в каком случае благополучателю выгоднее, если «зависть» учитываться не будет, и наоборот. Предложен способ задания степени предпочтительности учета «зависти» в ходе распределения компонент ресурса, предполагающий предварительную договоренность благополучателей об использовании этого способа. Проанализирован результат применения указанного способа, на основе которого сформулированы рекомендации благополучателям, предполагающие дополнительную информированность, не освещаемую в настоящем исследовании. Для обхода проблемы неинформированности представлены указания об одном варианте ее решения, которые можно рассматривать в том числе как возможные последующие направления исследований стохастического характера.

Ключевые слова

Дележ, распределение благ, неделимые компоненты, согласование интересов, компромисс, компенсация, принятие решений

Для цитирования: Егоров В.В. Компаративный обзор видов надбавок при дележе блага с неделимыми составляющими // Вестник университета. 2024. № 10. С. 92–99.

Comparative review of allowances types for dividing a benefit with indivisible items

Vladislav V. Egorov

Cand. Sci. (Phys. and Math.), Assoc. Prof. at the Mathematical Methods in Economics and Management Department
ORCID: 0000-0003-4735-989X, e-mail: yegoroff_vv@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article studies the issues related to the problem of sharing by two beneficiaries of a resource with a set of indivisible components. Several types of sharing that consider “envy” and realize it, including through compensatory payments to the beneficiary who does not get the corresponding indivisible component of the resource, have been noted. The difference between the values of possible bonuses at different types of sharing, which are received in addition to the values declared by the beneficiaries, and indivisible components when they are evaluated, has been determined. It has been found in which case it is more favorable for the beneficiary if “envy” is not considered, and vice versa. The method of setting the degree of preference of considering “envy” in the course of distribution of resource components has been proposed, assuming a preliminary agreement of beneficiaries on the use of this method. The result of using it has been analyzed, based on which recommendations to the beneficiaries are formulated, implying additional awareness not covered in the present study. In order to circumvent the issue of uninformedness, indications of one option of its solution have been presented, which can be considered also as possible future directions of research of stochastic nature.

Keywords

Division, benefits distribution, indivisible components, reconciliation of interests, compromise, compensation, decision-making

For citation: Egorov V.V. (2024) Comparative review of allowances types for dividing a benefit with indivisible items. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 92–99.



ВВЕДЕНИЕ

В хозяйственной, социально-экономической, политической деятельности человека регулярно возникают проблемы дележа или распределения некоторого блага между физическими, юридическими лицами, государственными образованиями при разнообразных условиях, очерченных правовыми, социокультурными, историческими и иными все новыми возникающими с течением времени особенностями. В связи с этим вопросы разрешения таких проблем неизменно будут оставаться актуальными и требующими постоянного изучения. Имущественные и территориальные споры нередко приводят к конфликтам, в ряде случаев без управления которыми возможны серьезные волнения в обществе, носящие разрушительный характер [1].

Формализация конфликта на языке математики приводит к построениям моделей, которые относят к теории игр. Это касается разнообразных задач распределения различных ресурсов, которые могут условно подразделяться в зависимости от количества участников дележа, возможностей конечного или бесконечного деления ресурса и прочих особенностей [2].

Российская Федерация (далее – РФ, Россия) провозглашается в Конституции РФ как социальное государство, поэтому в обязанность властей федерального, регионального, муниципального уровней входит разработка мер по предотвращению и сглаживанию «провалов рынка» [3]¹. В числе этих мер могут содержаться мероприятия, носящие в некоторой степени распределительный характер, как раз возвращающие нас к описываемой проблематике. Однако следует предостеречь от произвола при изъятии и использовании средств, поступающих в виде налогов от населения, что связано с нарушением вопросов частной собственности, снижением либерализации экономики и ростом коррупционной емкости государственных органов, государственных должностей и государственных функций. К этому замечанию как нельзя лучше подходит цитата М. Тэтчер: “There is no such thing as public money; there is only taxpayers’ money”². Также во избежание волюнтаризма указанные мероприятия возможно подвергнуть цифровизации.

В настоящем исследовании мы в основном не останавливаемся на аспектах, касающихся конкретных рекомендаций в отмеченных типах случаев. Его цель – сравнить между собой некоторые возможные виды надбавок, выплачиваемых в качестве компенсации за неполучение блага при распределении неделимых компонент, и сделать выводы о том, кому из участников дележа и при каких условиях какой из этих видов надбавок выгоднее. Новизна исследования связана с особенностями затрагиваемых соотношений рассматриваемых величин.

МЕТОДОЛОГИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Подход к настоящему исследованию использует алгебраические выкладки с элементами логического, математического и социально-психологического анализа, касающегося вопросов межличностного взаимодействия, что характеризует данные изыскания как междисциплинарные, в ряде случаев предполагающие разработку и использование собственных приемов.

Примеры математических приложений и алгоритмы, относящиеся к проблематике распределения благ, представлены, в частности, работами С. Брамса, А.Д. Тейлора, Ф.Т. Алескерова, Э.А. Хабиной, Д.А. Шварца, предполагающими делимость хотя бы одного блага при решении проблемы методом «подстраивающегося победителя» [4–6]. В работе С. Брамса, Д.М. Килгура, К. Кламлера изложен алгоритм, родственному предыдущему и основанный на строгом упорядочении предпочтений [7]. Иные случаи, когда производится распределение исключительно неделимых благ, описаны и изучены в работе А. Рубчинского [8]. В статьях В.В. Егорова по данной проблематике изложена монетарно-компенсационная методика, которая и применяется в настоящем исследовании [9–11].

ОПИСАНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ

Изучим ситуацию, когда имеются два наследника, или благополучателя, H^1 и H^2 , а также наследство W , состоящее из n неделимых частей-благ $W_1, \dots, W_n$. Обозначим возможные исходы дележа в виде $\delta = (\delta_1, \dots, \delta_n)$:

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.), ст. 7. Режим доступа: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 23.07.2024).

² Margaret Thatcher Foundation. Margaret Thatcher’s speech to Conservative Party Conference. Режим доступа: <https://www.margaretthatcher.org/document/105454> (дата обращения: 23.07.2024).

$$\omega_i = \begin{cases} 1, & W_i \in H^1 \\ 0, & W_i \notin H^1 \text{ (т.е. } W_i \in H^2), \end{cases} \quad (1)$$

где символ $\in$ означает принадлежность не множеству, а лицу.

Тогда $0 \leq \sum \omega_i \leq n$ и, например, $\omega = (1, \dots, 1)$ означает, что все составляющие W_i наследства предлагает-ся отдать наследнику H^1 .

Пусть каждый наследник H^z независимо от наследника $H^{\bar{z}}$ (где $\bar{z}$ означает «не z ») сообщает свой вектор $U^z = (U_z^1, \dots, U_z^n)$ в некотором смысле полезностей, или цен, которые он готов заплатить за получение соответствующего неделимого блага наследства. Фактически величину U_z^i можно рассматривать как оценку или цену блага W_i , имеющую место с точки зрения наследника H^z (такое значение также можно называть ценностью владения блага W_i для H^z).

При этом благо W_i достается тому наследнику H^z , для которого оно признается более ценным. При отсутствии дополнительной информации о материальных состояниях наследников считаем их примерно одинаковыми, и тогда указанным наследником H^{z^*} является тот, кто оценил благо W_i максимальной ценой $H_i^{z^*} = \max \{U_i^1, U_i^2\}$, где $z^* = \arg \max \{U_i^1, U_i^2\}$. Тогда с точки зрения независимого арбитра A «справедливая», или арбитражная, цена блага W_i равна среднему арифметическому указанных наследниками цен:

$$U_i^A = \frac{U_i^1 + U_i^2}{2}, \quad (2)$$

а «справедливая», или арбитражная, цена всего наследства W равна:

$$U^A = \sum_{i=1}^n U_i^A = \sum_{i=1}^n \frac{U_i^1 + U_i^2}{2} = \frac{1}{2} \left(\sum_{i=1}^n U_i^1 + \sum_{i=1}^n U_i^2 \right). \quad (3)$$

Если благо W_i достается наследнику H^z , он должен выплатить другому наследнику $H^{\bar{z}}$ компенсацию K_i за неполучение указанной составляющей наследства.

ВИДЫ ВОЗМОЖНЫХ ПОДХОДОВ К ДЕЛЕЖУ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ АНАЛИЗА

С точки зрения арбитра эта компенсация должна составлять половину от арбитражной цены этого блага, то есть:

$$K_i = \frac{U_i^A}{2} = \frac{U_i^1 + U_i^2}{4}. \quad (4)$$

В этом случае наследнику H^z , получающему благо W_i , достается в денежном выражении (при $U_i^z > H_i^{\bar{z}}$):

$$D_i^z = U_i^z - K_i = U_i^z - \frac{U_i^1 + U_i^2}{4} = \frac{3U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{4} > \frac{3U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{4} = \frac{U_i^z}{2}, \quad (5)$$

значит, наследнику H^z это выгодно, поскольку он получает больше половины от своей оценки данного блага. Абсолютная разница между денежным выражением получаемого наследником H^z и половиной от озвученной им оценкой блага W_i составляет:

$$\Delta_i^z = D_i^z - \frac{U_i^z}{2} = \frac{3U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{4} - \frac{U_i^z}{2} = \frac{U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{4}. \quad (6)$$

Кроме того, арбитра полагает, что такой дележ выгоден в том числе и наследнику $H^{\bar{z}}$, поскольку для него имеет место аналогичная ситуация (при $U_i^{\bar{z}} > H_i^z$):

$$D_i^{\bar{z}} = K_i = \frac{U_i^1 + U_i^2}{4} > \frac{U_i^{\bar{z}} + U_i^z}{4} = \frac{U_i^{\bar{z}}}{2}. \quad (7)$$

Здесь абсолютная разница между денежным выражением получаемого наследником $H^{\bar{z}}$ и половиной от озвученной им оценкой блага W_i составляет:

$$\Delta_i^{\bar{z}} = K_i - \frac{U_i^{\bar{z}}}{2} = \frac{U_i^z + U_i^{\bar{z}}}{4} - \frac{U_i^{\bar{z}}}{2} = \frac{U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{4}. \quad (8)$$

Таким образом, в силу того, что $\Delta_i^z = \Delta_i^{\bar{z}} = \Delta_i$, арбитр полагает, что описанный подход к распределению составляющих блага W приведет к тому, что для каждого W_i каждый наследник получит на одну и ту же абсолютную величину надбавки Δ_i больше, чем рассчитывал, что позволит избежать конфликта. При данном подходе к дележу разница между надбавками равна:

$$\Delta_i^0 = \Delta_i^z - \Delta_i^{\bar{z}} = \Delta_i - \Delta_i = 0. \quad (9)$$

Однако приведенный способ дележа не учитывает такой психологический фактор, как «зависть» участников конфликтной ситуации, связанная с относительными разностями того, что дополнительно получают наследники, и обусловленная тем, что из равенства абсолютных надбавок в общем случае не следует равенство относительных. Например, если один участник дележа обнаружит, что в денежном выражении от получил в 1,2 раза больше, чем половина от заявленной им цены на благо W_i , а другой участник – в 1,9 раза больше половины заявленного им, он поймет, что степень удовлетворенности от результата дележа у них разная. В данном случае корректнее рассматривать относительные величины приращений, так как у всех людей имеются разные базы сравнения тех или иных величин, в силу чего необходима нормировка, приведение сравниваемых значений «к общему знаменателю».

Понимая «зависть» как негативные эмоции, возникающие в случае неравенства относительных значений надбавок, найдем, как достичь их равенства. Продолжая предполагать, что $\bar{U}_i^z > \bar{U}_i^{\bar{z}}$, пусть за благо W_i наследникам H^z и $H^{\bar{z}}$ начислено в денежном выражении, соответственно, $D_i^z = \bar{U}_i^z - K_i = \bar{U}_i^z / 2 + \bar{d}_i^z$ и $D_i^{\bar{z}} = K_i = \bar{U}_i^{\bar{z}} / 2 + \bar{d}_i^{\bar{z}}$, где надбавки $\bar{d}_i^z \in [0, \bar{U}_i^z / 2]$, $\bar{d}_i^{\bar{z}} \in [0, \bar{U}_i^{\bar{z}} / 2]$. Отсюда, выражая K_i , имеем:

$$\bar{d}_i^{\bar{z}} = \frac{\bar{U}_i^z - \bar{U}_i^{\bar{z}}}{2} - \bar{d}_i^z. \quad (10)$$

Для исключения зависти потребуем выполнения равенства (исходя из допущения неравенства нулю оценок каждого из благ каждым наследником):

$$\frac{\bar{d}_i^z}{\bar{U}_i^z / 2} = \frac{\bar{d}_i^{\bar{z}}}{\bar{U}_i^{\bar{z}} / 2}, \quad (11)$$

тогда:

$$\bar{d}_i^z = \frac{\bar{U}_i^z}{\bar{U}_i^{\bar{z}}} \cdot \bar{d}_i^{\bar{z}}. \quad (12)$$

Равенства (9) и (11) влекут следующие соотношения:

$$\bar{d}_i^z = \frac{\bar{U}_i^z}{2} \cdot \frac{\bar{U}_i^z - \bar{U}_i^{\bar{z}}}{\bar{U}_i^z + \bar{U}_i^{\bar{z}}}, \quad \bar{d}_i^{\bar{z}} = \frac{\bar{U}_i^{\bar{z}}}{2} \cdot \frac{\bar{U}_i^z - \bar{U}_i^{\bar{z}}}{\bar{U}_i^z + \bar{U}_i^{\bar{z}}}, \quad K_i = \frac{\bar{U}_i^z \bar{U}_i^{\bar{z}}}{\bar{U}_i^z + \bar{U}_i^{\bar{z}}} = \frac{1}{(1/\bar{U}_i^z) + (1/\bar{U}_i^{\bar{z}})}. \quad (13)$$

Кроме того, в силу того, что $\bar{d}_i^z$ и $\bar{d}_i^{\bar{z}}$ положительны, из равенств $D_i^z = \bar{U}_i^z / 2 + \bar{d}_i^z$ и $D_i^{\bar{z}} = \bar{U}_i^{\bar{z}} / 2 + \bar{d}_i^{\bar{z}}$ следует, что $D_i^z > \bar{U}_i^z / 2$ и $D_i^{\bar{z}} > \bar{U}_i^{\bar{z}} / 2$, то есть каждый наследник получит больше, чем рассчитывал, как и при равенстве абсолютных надбавок. При данном подходе к дележу разница между надбавками равна:

$$\bar{d}_i^0 = \bar{d}_i^z - \bar{d}_i^{\bar{z}} = \frac{\bar{U}_i^z}{2} \cdot \frac{\bar{U}_i^z - \bar{U}_i^{\bar{z}}}{\bar{U}_i^z + \bar{U}_i^{\bar{z}}} - \frac{\bar{U}_i^{\bar{z}}}{2} \cdot \frac{\bar{U}_i^z - \bar{U}_i^{\bar{z}}}{\bar{U}_i^z + \bar{U}_i^{\bar{z}}} = \frac{1}{2} \cdot \frac{(\bar{U}_i^z - \bar{U}_i^{\bar{z}})^2}{\bar{U}_i^z + \bar{U}_i^{\bar{z}}} \geq 0. \quad (14)$$

Заметим, что из сравнения полученных выражений для надбавок $\bar{d}_i^z$ и $\bar{d}_i^{\bar{z}}$ следует, что одновременное достижение равенства абсолютных и относительных значений надбавок невозможно, кроме как в ситуации, когда наследники называют одинаковые значения оценок блага W_i , вероятность чего в непрерывном случае равна нулю. Этот факт говорит о принципиальном различии подходов дележа без учета и с учетом «зависти».

Таким образом, когда «зависть» не учитывается, денежные выражения надбавок для наследников совпадают, а относительные значения разнятся, а когда она учитывается, то наоборот, причем при учете «зависти» абсолютное значение денежного выражения надбавки наследника, получающего благо W_i , не меньше (даже, как правило, больше), чем у того, кто это благо не получает.

Выясним, как отличаются друг от друга надбавки при разных подходах к решению проблемы, используя формулы (6), (8), (13), найдем разницу между ними:

$$\Delta_i^z - d_i^z = \frac{U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{4} - \frac{U_i^z}{2} \cdot \frac{U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{U_i^z + U_i^{\bar{z}}} = \frac{U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{4} \left(1 - \frac{2U_i^z}{U_i^z + U_i^{\bar{z}}} \right) = -\frac{1}{4} \cdot \frac{(U_i^z - U_i^{\bar{z}})^2}{U_i^z + U_i^{\bar{z}}} < 0, \quad (15)$$

аналогично получаем:

$$\Delta_i^{\bar{z}} - d_i^{\bar{z}} = \frac{1}{4} \cdot \frac{(U_i^z - U_i^{\bar{z}})^2}{U_i^z + U_i^{\bar{z}}} > 0, \quad (16)$$

причем две найденные разницы равны по модулю, но отличаются знаком.

Для наследника, называющего большую цену и получающего собственно благо W_i (а не его денежный эквивалент), выгоднее, если дележ будет производиться без привлечения арбитражной цены, то есть с учетом «зависти», а для называющего меньшую цену – наоборот. Однако, поскольку заранее неизвестно, кто назовет большую цену, а кто – меньшую, то, если дать возможность наследникам решать, как будет осуществляться дележ, никто из них не сможет дать четкий ответ на этот вопрос до начала процесса дележа при условии, что рассматривается одноэтапное мероприятие без возможности изменения оценок и накапливания статистики и без возможности каких-либо согласований или переговоров.

Допустим теперь, что наследники могут договориться о том, что до начала дележа наследства каждый из них может указывать степень своей предпочтительности учета или неучета «зависти», и в соответствии с этим указанием в дальнейшем и будут производиться дележ, выплата и получение компенсации. Рассмотрим реализацию этой возможности.

Пусть наследники независимо друг от друга будут называть не только векторы своих оценок цен, но и степени значимости $\alpha_i^z \in [0,1]$ учета «зависти» в противовес ее неучета. Имеется в виду, что, если $\alpha_i^z = 1$, это значит, что с точки зрения наследника H^z абсолютно справедливо начисление надбавки по формуле (13), учитывающей «зависть» при дележе блага W_i . Если $\alpha_i^z = 0$, это значит, что с точки зрения наследника H^z абсолютно справедливо начисление надбавки по формуле (6), не учитывающей «зависть». Наконец, если $\alpha_i^z \in (0,1)$, с точки зрения наследника H^z справедливо, чтобы надбавка начислялась по формуле (или по крайней мере была не меньшей значения такого выражения):

$$\delta_i^z = \alpha_i^z \cdot d_i^z + (1 - \alpha_i^z) \cdot \Delta_i^z, \quad (17)$$

что при $U_i^z > U_i^{\bar{z}}$ выражается в значениях, озвучиваемых наследниками цен следующим образом:

$$\delta_i^z = \alpha_i^z \cdot \frac{U_i^z}{2} \cdot \frac{U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{U_i^z + U_i^{\bar{z}}} + (1 - \alpha_i^z) \cdot \frac{U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{4} = \alpha_i^z \cdot \frac{(U_i^z - U_i^{\bar{z}})^2}{4(U_i^z + U_i^{\bar{z}})} + \frac{U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{4}. \quad (18)$$

Очевидно, что, если бы наследнику H^z стало известно, например, в результате конкурентной разведки, что он укажет большую цену за благо W_i , нежели наследник $H^{\bar{z}}$, ему следовало бы выбирать α_i^z ближе к 1, а в противном случае – ближе к 0. Аналогично для наследника $H^{\bar{z}}$, называющего меньшую цену за благо W_i и указывающего при этом свое значение степени значимости $\alpha_i^{\bar{z}} \in [0,1]$ учета «зависти», из формул (8) и (13) получаем:

$$\begin{aligned} \delta_i^{\bar{z}} &= \alpha_i^{\bar{z}} \cdot d_i^{\bar{z}} + (1 - \alpha_i^{\bar{z}}) \cdot \Delta_i^{\bar{z}} = \\ &= \alpha_i^{\bar{z}} \cdot \frac{U_i^{\bar{z}}}{2} \cdot \frac{U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{U_i^z + U_i^{\bar{z}}} + (1 - \alpha_i^{\bar{z}}) \cdot \frac{U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{4} = -\alpha_i^{\bar{z}} \cdot \frac{(U_i^z - U_i^{\bar{z}})^2}{4(U_i^z + U_i^{\bar{z}})} + \frac{U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{4}. \end{aligned} \quad (19)$$

При данном подходе к дележу разница между надбавками равна:

$$\begin{aligned} \delta_i^0 &= \delta_i^z - \delta_i^{\bar{z}} = (\alpha_i^z \cdot d_i^z + (1 - \alpha_i^z) \cdot \Delta_i^z) - (\alpha_i^{\bar{z}} \cdot d_i^{\bar{z}} + (1 - \alpha_i^{\bar{z}}) \cdot \Delta_i^{\bar{z}}) = \\ &= \left(\alpha_i^z \cdot \frac{(U_i^z - U_i^{\bar{z}})^2}{4(U_i^z + U_i^{\bar{z}})} + \frac{U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{4} \right) - \left(-\alpha_i^{\bar{z}} \cdot \frac{(U_i^z - U_i^{\bar{z}})^2}{4(U_i^z + U_i^{\bar{z}})} + \frac{U_i^z - U_i^{\bar{z}}}{4} \right) = \\ &= (\alpha_i^z + \alpha_i^{\bar{z}}) \cdot \frac{(U_i^z - U_i^{\bar{z}})^2}{4(U_i^z + U_i^{\bar{z}})} \geq 0 \end{aligned} \quad (20)$$

то есть аналогично случаю (14) абсолютное значение денежного выражения надбавки, получаемой тем наследником H^z , которому достанется благо W_p , будет больше, чем у другого наследника H^z , причем на величину, полученную в формуле (20). Если для наследника H^z , не получающего указанное благо, важно данное обстоятельство, то, с одной стороны, для минимизации данной разницы ему нужно указывать значение цены блага C_i^z как можно более близко к той цене C_i^z , которое указывает другое лицо, а также нужно выбирать значение степени значимости α_i^z учета «зависти» как можно ближе к нулю. С другой стороны, реализация такой рекомендации проблематична, поскольку ни у кого из наследников нет возможности заранее точно узнать, кто из них укажет большую цену, а кто – меньшую. Преодолению этой проблемы может способствовать, в частности, использование методов математической теории игр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренная проблема предполагает, что все стороны конфликта заинтересованы в ее разрешении и готовы идти на различные уступки друг другу. В описанных условиях компромиссы возможны в виде интенции каждой стороны выплачивать компенсации за неполучение благ и в виде задания степеней значимости учета зависти.

Принимать во внимание «зависть» можно по-разному в зависимости от разнообразных нюансов ситуации, особенно когда у каждого участника дележа может иметься ее собственное восприятие. Как отмечается в работе С. Рознера и Т. Тамира, исследования в области поведенческой науки показывают, что люди часто озабочены прежде всего своим относительным, а не абсолютным благополучием, то есть речь идет о проявлении субъективизма [12]. Этого обстоятельства касаются вопросы, поднятые, в частности, в статье Э. Винтера и соавторов [13]. Кроме того, известно, что не всегда способы справедливого в том или ином смысле дележа корреспондируют со «свободой от зависти» [14; 15].

Изучение настоящей проблематики имеет направленность на снижение часто наблюдаемой на разных уровнях психологической напряженности в обществе и по аналогии с национальной стратегией «Умный город» могло бы служить развитию более общей стратегии «Умное общество»³. Внедрение в практическую деятельность государственных и бизнес-структур математических и программно-аппаратных средств, связанных с решением задач описанного типа, можно рассматривать как элемент «цифровой трансформации» социально-экономической сферы.

Список литературы

1. Фрамм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Neoclassic; 2021. 736 с.
2. Мулен Э. Кооперативное принятие решений: Аксиомы и модели. М.: Мир; 1991. 464 с. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521360552>
3. Ледьярд Дж. Несостоятельность (провалы) рынка. В кн.: Итуэлл Дж., Милгейт М., Ньюмен П. Экономическая теория. М.: Инфра-М; 2004. С. 501–508.
4. Brams S.J., Taylor A.D. Fair division. From cake-cutting to dispute resolution. New York: Cambridge University Press; 1996. 272 p. <https://doi.org/10.1017/S0892679400008017>
5. Брамс С.Д., Тейлор А.Д. Делим по справедливости, или гарантия выигрыша каждому. М.: СИНТЕГ; 2002. 196 с.
6. Алексеев Ф.Т., Хабина Э.А., Шварц А.А. Бинарные отношения, графы и коллективные решения. М.: Физматлит; 2012. 344 с.
7. Brams S., Kilgour D.M., Klamler C. Two-Person Fair Division of Indivisible Items: An Efficient, Envy-Free Algorithm. SSRN (Social Science Research Network); 2013.
8. Rubchinsky A. Fair Division with Divisible and Indivisible Items. Moscow: HSE Laboratory of Decision Choice and Analysis as proxy; 2016. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1607.02423>
9. Егоров В.В. Об одной модификации способа дележа неделимого наследства. В кн.: Богачкова Л.Ю., Давнис В.В. (ред.) Анализ, моделирование и прогнозирование экономических процессов – 2010: материалы II Международной научно-практической интернет-конференции, Волгоград, 15 декабря 2010 г. Воронеж: Центр научно-технической информации; 2010. С. 127–132.
10. Егоров В.В. Сравнительный анализ способов распределения компенсаций при дележе неделимого блага между несколькими лицами. В кн.: Богачкова Л.Ю., Давнис В.В. (ред.) Анализ, моделирование и прогнозирование экономических процессов – 2012: материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции, Волгоград, 15 декабря 2012 г. Воронеж: Центр научно-технической информации; 2012. С. 83–86.

³ Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Национальный проект «Умный город». Режим доступа: <https://russiasmartcity.ru/about> (дата обращения: 23.07.2024).

11. *Egorov V.B.* Об учете зависти в ходе распределения компенсаций при дележе неделимого блага между несколькими лицами. В кн.: Богачкова Л.Ю., Давнис В.В. (ред.) Анализ, моделирование и прогнозирование экономических процессов – 2013: материалы V Международной научно-практической интернет-конференции, Волгоград, 15 декабря 2013 г. Волгоград: Консалтинговое агентство; 2013. С. 133–135.
12. *Rosner S., Tamir T.* Cost-Sharing Games with Rank-Based Utilities. *Algorithmic Game Theory. SAGT 2022. Lecture Notes in Computer Science.* Springer, Cham. 2022;13584:275–292. https://doi.org/10.1007/978-3-031-15714-1_16
13. *Winter E., Mendez-Naya L., Garcia-Jurado I.* Mental Equilibrium and Strategic Emotions. *Management Science.* 2016;5(63):1302–1317. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2015.2398>
14. *Heinen T., Nguyen N.T., Rothe J.* Fairness and Rank-Weighted Utilitarianism in Resource Allocation. *Algorithmic Decision Theory. ADT 2015. Lecture Notes in Computer Science.* Springer, Cham. 2015;9346:521–536. https://doi.org/10.1007/978-3-319-23114-3_31
15. *Heinen T., Nguyen N.T., Nguyen T.T.* Approximation and complexity of the optimization and existence problems for maximin share, proportional share, and minimax share allocation of indivisible goods. *Auton Agent Multi-Agent Syst.* 2018;32:741–778. <https://doi.org/10.1007/s10458-018-9393-0>

References

1. *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York: Henry Holt; 1973. 576 p.
2. *Moulin H.* Axioms of cooperative decision making. New York: Cambridge University Press; 1988. 332 p. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521360552>
3. *Ledyard J.* The insolvency (failures) of the market. In: Eatwell J., Milgate M., Newman P. *Economic theory.* Moscow: Infra-M; 2004. Pp. 501–508. (In Russian).
4. *Brams S.J., Taylor A.D.* Fair division. From cake-cutting to dispute resolution. New York: Cambridge University Press; 1996. 272 p. <https://doi.org/10.1017/S0892679400008017>
5. *Brams S.J., Taylor A.D.* The Win–Win Solution. New York: W.W. Norton; 1999. 192 p.
6. *Aleskerov F.T., Khabina E.L., Schwartz D.A.* Binary relations, graphs and collective solutions. Moscow: Fizmatlit; 2012. 344 p. (In Russian).
7. *Brams S., Kilgour D.M., Klamler C.* Two-Person Fair Division of Indivisible Items: An Efficient, Envy-Free Algorithm. SSRN (Social Science Research Network); 2013.
8. *Rubchinsky A.* Fair Division with Divisible and Indivisible Items. Moscow: HSE Laboratory of Decision Choice and Analysis as proxy; 2016. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1607.02423>
9. *Egorov V.V.* On one modification of the method of dividing the indivisible inheritance. In: Bogachkova L.Yu., Davnis V.V. (ed.) *Analysis, modeling and forecasting of economic processes – 2010: Proceedings of the II International Scientific & Practical Internet Conference, Volgograd, December 15, 2010.* Voronezh: Tsentr nauchno-tekhnicheskoy informatsii; 2010. Pp. 127–132. (In Russian).
10. *Egorov V.V.* Comparative analysis of the methods of distribution of compensation for the division of indivisible goods between several persons. In: Bogachkova L.Yu., Davnis V.V. (ed.) *Analysis, modeling and forecasting of economic processes – 2012: Proceedings of the IV International Scientific & Practical Internet Conference, Volgograd, December 15, 2012.* Voronezh: Tsentr nauchno-tekhnicheskoy informatsii; 2012. Pp. 83–86. (In Russian).
11. *Egorov V.V.* On the consideration of envy in the distribution of compensation for the division of indivisible goods between several persons. In: Bogachkova L.Yu., Davnis V.V. (ed.) *Analysis, modeling and forecasting of economic processes – 2013: Proceedings of the V International Scientific & Practical Internet Conference, Volgograd, December 15, 2013.* Volgograd: Konsaltingovoe agentstvo; 2013. Pp. 133–135. (In Russian).
12. *Rosner S., Tamir T.* Cost-Sharing Games with Rank-Based Utilities. *Algorithmic Game Theory. SAGT 2022. Lecture Notes in Computer Science.* Springer, Cham. 2022;13584:275–292. https://doi.org/10.1007/978-3-031-15714-1_16
13. *Winter E., Mendez-Naya L., Garcia-Jurado I.* Mental Equilibrium and Strategic Emotions. *Management Science.* 2016;5(63):1302–1317. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2015.2398>
14. *Heinen T., Nguyen N.T., Rothe J.* Fairness and Rank-Weighted Utilitarianism in Resource Allocation. *Algorithmic Decision Theory. ADT 2015. Lecture Notes in Computer Science.* Springer, Cham. 2015;9346:521–536. https://doi.org/10.1007/978-3-319-23114-3_31
15. *Heinen T., Nguyen N.T., Nguyen T.T.* Approximation and complexity of the optimization and existence problems for maximin share, proportional share, and minimax share allocation of indivisible goods. *Auton Agent Multi-Agent Syst.* 2018;32:741–778. <https://doi.org/10.1007/s10458-018-9393-0>

Оценка уровня влияния организаций стран-экспортеров нефти на мировой рынок нефти

Лазник Анатолий Александрович¹

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики энергетики и промышленности
ORCID: 0009-0000-3087-3978, e-mail: laznikaa@gmail.com

Гордеева Татьяна Сергеевна²

Студент
ORCID: 0009-0008-5924-3513, e-mail: tsm082@yandex.ru

¹Московский энергетический институт, г. Москва, Россия

²Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Нефть является одним из значимых энергетических ресурсов для большинства государств мира, поэтому многие из них осуществляют мониторинг и анализ цен на «черное золото». В настоящее время существуют такие организации стран – экспортеров нефти, как ОПЕК и ОПЕК+, которые уже длительное время продолжают оказывать влияние не только на мировой рынок этого энергоресурса, но и на события, происходящие в экономических и политических сферах в мире. Активность данных организаций оказывает прямое воздействие на конъюнктуру рынка, формирование политики, цену на нефть и объем ее предложения на рынке в мировой торговле. Коллективная ответственность стран-участниц за значительную часть мировой добычи нефти делает решения и действия ОПЕК и ОПЕК+ чрезвычайно важными для глобальной нефтяной отрасли и экономики в целом. Все вышесказанное говорит об актуальности темы настоящего исследования, целями которого являются анализ истории появления организаций стран – экспортеров нефти, динамики их развития в течение истории существования, а также оценка степени их влияния на нефтяную промышленность и мировую экономику в целом.

Ключевые слова

ОПЕК, ОПЕК+, добыча нефти, семь сестер, цена на нефть, экспорт, мировое перепроизводство, кризис, источник энергии, влияние

Для цитирования: Лазник А.А., Гордеева Т.С. Оценка уровня влияния организаций стран-экспортеров нефти на мировой рынок нефти // Вестник университета. 2024. № 10. С. 100–107.

Assessment of the level of influence of oil exporting countries' organizations on the world oil market

Anatoly A. Laznik¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Energy and Industry Economy Department
ORCID: 0009-0000-3087-3978, e-mail: laznikaa@gmail.com

Tatyana S. Gordeeva²

Student
ORCID: 0009-0008-5924-3513, e-mail: tsm082@yandex.ru

¹Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russia

²State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Oil is one of the significant energy resources for the majority of the world's states, so many of them monitor and analyze the price of black gold. Currently, there are such organizations of oil exporting countries as OPEC and OPEC+, which for a long time continue to influence not only the world market of this energy resource but also the events taking place in the economic and political spheres of the world. These organizations' actions have a direct impact on market conditions, policy making, oil price, and the volume of its supply on the market in world trade. The collective responsibility of the member countries for a significant portion of global oil production makes the decisions and actions of OPEC and OPEC+ extremely important for the global oil industry and the economy as a whole. All the above-mentioned points to the relevance of the topic of the study, the objectives of which are to analyze the history of the emergence of the oil exporting countries' organizations, the dynamics of their development during the history of their existence, as well as to assess the degree of their influence on the oil industry and the global economy as a whole.

Keywords

OPEC, OPEC+, seven sisters, oil production, export, oil price, global overproduction, crisis, energy source, influence

For citation: Laznik A.A., Gordeeva T.S. (2024) Assessment of the level of influence of oil exporting countries' organizations on the world oil market. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 100–107.



ВВЕДЕНИЕ

Нефть является значимым стратегическим и энергетическим ресурсом для многих стран. В связи с этим поддержание уровня ее добычи и цен на нее на оптимальном уровне важно как для импортеров, так и для экспортеров. Огромное влияние на данные факторы оказывают такие международные межправительственные организации, как Организация стран – экспортеров нефти (далее – ОПЕК) и ОПЕК+.

Для выполнения своей цели – координации и унификации нефтяной политики – странами-членами ОПЕК осуществляется работа над обеспечением и удержанием справедливых цен для производителей нефти, полезных и выгодных с экономической точки зрения поставок для потребителей и получения необходимого размера прибыли, перекрывающей все вложения капиталов инвесторов в данную отрасль¹. Вопросы производства и ценообразования в нефтяной отрасли обсуждаются представителями организации два раза в год в штаб-квартире, в Вене, а также на специальных заседаниях Конференции ОПЕК. ОПЕК устанавливает квоты на добычу нефти, регулирует уровни предложения и механизмы ценообразования, чтобы поддерживать стабильность цен и предотвращать резкие колебания, которые могут негативно сказаться на мировой экономике.

Говоря об ОПЕК+, необходимо отметить, что цель данного союза стран коррелируется с целью ОПЕК – стабилизация мирового нефтяного рынка при помощи регулирования квот на ее добычу. Необходимо отметить, что страны-члены ОПЕК+ тесно сотрудничают со странами-членами ОПЕК, однако не входят состав данного союза². В процессе укрепления стратегического партнерства между странами-членами ОПЕК и другими государствами группа стремится создать более предсказуемый и сбалансированный рынок нефти, приносящий пользу как производителям, так и потребителям.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ОПЕК

Создание ОПЕК относится к XX в., ОПЕК+ появился значительно позже. В XX в. нефть как энергоресурс приобретала все большее значение. В середине прошлого века 7 крупнейших нефтяных компаний – Exxon, Mobil, Royal Dutch Shell, Gulf Oil, Texaco, BP и Chevron, – известные как «Семь сестер», занимали доминирующее положение на нефтяном рынке. Однако рост добычи нефти в Советском Союзе начал подрывать их монополию, и они были вынуждены снижать цены на свою продукцию, чтобы оставаться конкурентоспособными. [1]

Данное обстоятельство усугубило неблагоприятную ситуацию с ценами на нефть, которые в дальнейшем продолжили снижаться, и способствовало развитию взаимодействия между арабскими странами. Руководства этих стран осознали сложившуюся ситуацию, и возникла необходимость в их совместных действиях. В дальнейшем осуществлялся поиск совместных решений с целью стабилизации рынка. Это привело к тому, что 14 сентября 1960 г. на конференции в Багдаде пять нефтедобывающих стран – Ирак, Иран, Саудовская Аравия, Венесуэла и Кувейт – приняли решение о создании ОПЕК.

ОПЕК была создана во время экономического и политического перестроения мира после Второй мировой войны, в эпоху деколонизации и появления новых независимых государств. Это была постоянно действующая межправительственная международная организация. Достаточно частая смена ее состава не является чем-то необычным. Дело в том, что на протяжении нескольких лет те или иные державы объявляли то о входе в это объединение, то о выходе. В качестве примера можно привести ситуацию с несколькими странами. Так, Габон в 1975 г. приостанавливал свое участие, а в 2016 г. возобновил. Эквадор в 1973 г. присоединился к ОПЕК, однако уже в 1992 г. приостановил свое участие, затем вернулся в 2007 г. и снова ушел в 2020 г. Существуют такие страны, которые приостановили свое участие и по состоянию на сегодняшний день так и не возобновили его. В качестве примера можно привести Индонезию и Катар, которые с 2016 г. и 2019 г. соответственно не являются участниками ОПЕК. Необходимо отметить, что по состоянию на 2024 г. в состав организации входят 12 государств: Венесуэла, Алжир, Габон, Иран, Ирак, Конго, Кувейт, Ливия, Нигерия, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Экваториальная Гвинея.

¹Organization of the Petroleum Exporting Countries. Brief History. Режим доступа: https://www.opec.org/opec_web/en/about_us/24.htm (дата обращения: 01.08.2024).

²Organization of the Petroleum Exporting Countries. Declaration of Cooperation. Режим доступа: https://www.opec.org/opec_web/en/publications/4580.htm (дата обращения: 01.08.2024).

На момент создания ОПЕК около 85 % мировой добычи нефти контролировались «Семью сестрами», однако организация стремилась вернуть нефтяные ресурсы развивающихся стран у колонизаторов и компаний, подобных «Семи сестрам», для благополучия их граждан и «в интересах их национального развития». Сразу же после создания у организации возникли проблемы с сотрудничеством и координацией стратегии – на встрече ее членов в 1962 г. разгорелась «битва» за ограничение экспорта. [2] Новая организация была хрупкой – каждая страна хотела экспортировать как можно больше нефти, но наводнение рынка дешевой нефтью привело бы к снижению цен на данный энергоресурс. Поскольку целью ОПЕК было поддержание цен на нефть на определенном уровне, падение цен не приветствовалось.

Страны ОПЕК имеют в своем распоряжении около 80 % запасов, при этом объемы их производства составляют только 40 % от мировых³. Существует большое количество параметров, по которым участники организации отличаются друг от друга. В их число входят объемы запасов, географическое положение, разнообразие интересов и даже особенности вероисповедания.

РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ СТРАН - ЭКСПОРТЕРОВ НЕФТИ НА МИРОВОМ НЕФТЯНОМ РЫНКЕ

К концу 1960-х гг. у ОПЕК возникли проблемы с сохранением своей доли рынка. Открывались и разрабатывались новые источники нефти: в Нигерии, на Аляске и в Северном море находились крупные месторождения, которые создавали проблемы для цели ОПЕК по контролю над рынком и поддержанию цен на определенном уровне. [2] По мнению стран-членов ОПЕК, наличие природных ресурсов позволяет государству иметь суверенитет. Организация стремилась утвердить данное право. Поскольку многие страны ОПЕК ранее были колониями, они естественным образом противостояли доминированию крупных нефтяных компаний на рынке, поддерживая таким образом движение за деколонизацию, которое в то время активно развивалось.

Начало 1970-х гг. ознаменовалось требованиями ОПЕК большей доли прибыли от нефти, которую «Семь сестер» добывали в странах картеля. Ситуация достигла пика в 1973 г., когда египетское вторжение в Израиль способствовало началу арабо-израильской войны, дав организации повод испытать свои силы. Решение картеля объявить нефтяное эмбарго против Соединенных Штатов Америки (и союзников Португалии, Нидерландов и Южно-Африканской Республики) было направлено на наказание стран, поставляющих оружие Израилю. ОПЕК также сократила общую добычу нефти, что привело к четырехкратному росту цен на нее за относительно короткий период. Это действие спровоцировало рост инфляции до крайне высокого уровня и низкие поставки нефти по всему миру. Впоследствии ОПЕК возобновила добычу и поставки нефти в указанные страны, однако кризис 1973 г. существенно повлиял на мировую экономику и международные отношения. В ответ на введенные санкции затронутые государства начали снижать свою зависимость от ОПЕК, развивая собственную добычу нефти и переходя на другие источники энергии, такие как уголь, атомная энергия и природный газ [3].

Продолжение геологоразведочных работ в Мексиканском заливе, Северном море, на Аляске, в Сибири и других местах подорвало контроль ОПЕК на рынке. Кроме того, большое количество стран начали использовать угольные запасы, чтобы избежать повышения цен на нефть. Технологические достижения в Северном море привели к увеличению добычи, и к 1973 г. Советский Союз стал крупнейшим производителем нефти в мире [4]. В тот период страны-члены ОПЕК не смогли прийти к согласию относительно соблюдения установленных квот на добычу нефти. Позже, в 1980-х гг., рост добычи нефти во многих государствах привел к мировому перепроизводству и снижению спроса, что вызвало очередное падение цен.

Необходимо отметить, что в период с 1973 г. по 1985 г. странами-участницами ОПЕК применялся метод затратный ценообразования. Таким образом, цена у импортера определялась в зависимости от размера издержек на устье скважины. На тот момент данный метод ценообразования был эффективен ввиду отсутствия в мире существенных альтернатив нефти ОПЕК. Получается, что тот, кто осуществлял регулирование объемов добычи нефти, контролировал цены. Это говорит о значительном влиянии стран-членов ОПЕК на нефтяной рынок в тот период. Постепенно на нефтяном рынке стали увеличиваться число компаний, осуществляющих торговлю нефтью в мире, и число участников рынка со стороны продавцов и покупателей, также был осуществлен переход на биржевое ценообразование. Мировой

³ What drives crude oil prices? Режим доступа: <https://www.eia.gov/finance/markets/crudeoil/supply-opec.php> (дата обращения: 01.08.2024).

рынок перешел с торговли физической нефтью на торговлю нефтяными контрактами, следовательно, стала развиваться конкуренция. В сложившейся ситуации членам организации было сложнее держать под контролем мировой нефтяной рынок.

После 1980 г. период избыточной нефти, когда производство превышало потребление, сменился на период дефицита нефти [5]. Выделение квот ОПЕК на добычу продолжалось последние десятилетия XX в. Усиление напряженности на Ближнем Востоке и политический кризис в Венесуэле способствовали росту цен. Значительные инвестиции, открытие и разработка месторождений в новых местах ослабили контроль ОПЕК над мировыми ценами на нефть. Морское бурение, достижения в технологиях бурения и превращение Российской Федерации в крупного экспортера нефти привели к появлению новых источников сырой нефти на мировом рынке⁴. Цены на сырую нефть стали испытывать волатильность с начала 2000-х гг. из-за спекуляций и других рыночных факторов.

Избыточное предложение нефти на мировом рынке в 2016 г. привело к падению мировых цен на нефть, вызвало волнения среди нефтедобывающих стран. В этом же году было принято решение о создании ОПЕК+. Среди участников этой организации следует выделить Российскую Федерацию, являющуюся лидером по добыче нефти. Также в состав входят Азербайджан, Бахрейн, Бруней, Казахстан, Малайзия, Мексика, Оман, Судан, Южный Судан. С 2017 г. по 2019 г. ОПЕК+ начала поэтапные сокращения квот на добычу нефти для стабилизации рынка. 2 июля 2019 г. была подписана Хартия о сотрудничестве, представляющая долгосрочное соглашение о совместных усилиях по поддержанию стабильности на мировом рынке нефти⁵. Цель документа – обеспечить устойчивый рост мировой экономики через координацию действий стран-участников.

Нефтяной сектор пережил самую значительную и продолжительную корректировку квот на добычу нефти в истории в июне 2020 г. Было подписано новое соглашение, рассчитанное до мая 2022 г., что стало необходимым шагом ввиду рыночной волатильности, вызванной пандемией COVID-19. Эта ситуация привела к беспрецедентному явлению: фьючерсы на нефть марки WTI впервые достигли отрицательного значения. Уровень цен на нефть достиг самого низкого значения за последние 10 лет, кроме 2016 г. [6]. В 2020 г., когда пандемия вызвала резкое снижение спроса на нефть, ОПЕК+ согласилась еще больше сократить добычу. Этот шаг помог предотвратить обвал цен и удержать рынок на плаву, демонстрируя важность скоординированных действий на глобальном уровне в условиях кризиса⁶.

Повышению прозрачности и предсказуемости на нефтяном рынке способствовали регулярные встречи и общение между странами-членами ОПЕК+. Эффективность организации может зависеть от большого количества различных факторов, например, меняющиеся структуры спроса, экономических колебаний и геополитической напряженности в мире. Усложняли усилия группы по вопросу сбалансированности нефтяного рынка не только внешние факторы (например, пандемия COVID-19), но и внутренние проблемы, в частности проблемы с поддержанием производственной дисциплины среди своих собственных членов.

ОЦЕНКА УРОВНЯ ВЛИЯНИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ – СТРАН ЭКСПОРТЕРОВ НЕФТИ

Решения, принимаемые ОПЕК и ОПЕК+ по квотам на добычу «черного золота», оказывают влияние на глобальные цены на нефть. Коллективное регулирование объемов добычи позволяет контролировать предложение нефти на рынке, что дает возможность воздействовать на уровень цен. Уменьшение добычи нефти странами-участницами вызывает рост цен вследствие дефицита предложения. Напротив, увеличение объемов добычи приводит к избытку нефти на рынке и, следовательно, к снижению цен.

Анонсы и заявления ОПЕК и ОПЕК+ оказывают значительное влияние на рыночные настроения и могут вызывать колебания цен. Для подтверждения данного факта можно проанализировать динамику цен на нефть марки Brent за последнее 25 лет, проиллюстрированную на рисунке.

⁴ Organization of the Petroleum Exporting Countries. Our Mission. Режим доступа: https://www.opec.org/opec_web/en/about_us/23.htm (дата обращения: 01.08.2024).

⁵ Нефть и Капитал. Хартия бессрочного сотрудничества ОПЕК согласована всеми участниками сделки ОПЕК+. Режим доступа: <https://oilcapital.ru/news/2019-07-02/hartiya-bessrochnogo-sotrudnichestva-opek-soglasovana-vsemi-uchastnikami-sdelki-opek-1040936> (дата обращения: 01.08.2024).

⁶ Что такое ОПЕК: как экспортеры нефти регулируют цены. Режим доступа: <https://quote.rbc.ru/news/training/5e25c63d9a794712c65dfeac> (дата обращения: 01.08.2024).



Источник⁷

Рисунок. Динамика цен на нефть марки Brent

В ходе анализа рисунка можно заметить значительные колебания цен на нефть в 2008–2009 гг., 2011 г., 2015 г., 2020 г. и 2022 г. Колебание цен в 2008–2009 гг. было вызвано неблагоприятной экономической ситуацией в мире – финансовым кризисом. На тот момент спрос на «черное золото» стал снижаться, что привело к снижению цены на нефть марки Brent за полгода с 140 до 34 долл. США за баррель. Тогда ОПЕК было принято решение о сокращении объемов добычи нефти с целью «удержания» мировых цен на «черное золото». Благодаря снижению объемов добычи на 5 % от мирового производства ОПЕК удалось зафиксировать цену на уровне 60 долл. США за баррель в 2009 г.

Росту цен в 2011 г. способствовал возникший политический конфликт в Египте, Бахрейне, Йемене и Ливии, являющейся членом ОПЕК. Тогда Ливия была вынуждена сократить объемы добычи нефти из-за политических потрясений. В 2015 г. снижение мирового спроса на нефть и сохранение организацией прежнего уровня ее добычи привело к резкому снижению цены на «черное золото» почти в 2,3 раза. Очередное снижение цен в 2020 г. было вызвано из-за «провалившегося» соглашения между странами ОПЕК+, когда произошло падение спроса на нефть из-за усугубления ситуации с пандемией COVID-19. С 1 апреля 2020 г. перестала действовать договоренность о сокращении добычи нефти между странами-членами ОПЕК+. Отсутствие данных ограничений способствовало увеличению предложения нефти на мировом рынке, что совместно с падающим спросом привело к снижению цен на «черное золото». Необходимо отметить положительную динамику мировых цен на нефть в 2022 г., вызванную возобновлением решения ОПЕК+ о снижении объемов добычи нефти.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что решения, принимаемые странами-участницами ОПЕК и ОПЕК+, оказывают значительное влияние на уровень мировых цен на нефть. Спекулянты следят за заседаниями организаций, комментариями официальных лиц и новостями о политике. Ожидание решений ОПЕК и ОПЕК+ создает атмосферу неопределенности, заставляя трейдеров корректировать свои позиции в ожидании, что еще больше влияет на динамику цен. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что влияние на мировой нефтяной рынок могут оказывать и другие крупные нефтедобывающие страны, не являющиеся членами организаций. В качестве примера таких стран можно привести Соединенные Штаты Америки и Канаду. ОПЕК взаимодействует с такими странами через ОПЕК+ с целью совместного управления нефтяными поставками и возможностью стабилизации цен.

Страны-члены ОПЕК и ОПЕК+ разрабатывают политику для поддержания стабильности рынка, но консенсуса между державами с разными геополитическими интересами бывает сложно достичь.

⁷Trading economics. Brent – сырая нефть – фьючерсный контракт – цены. Режим доступа: <https://ru.tradingeconomics.com/commodity/brent-crude-oil> (дата обращения: 01.08.2024).

Заседания организаций служат важным форумом для переговоров и принятия коллективных решений. Конфликты внутри них могут вызвать политическую неопределенность, влияя на рыночную динамику и доверие инвесторов. Экономические и геополитические факторы влияют на политику организаций. Экономические соображения включают глобальные тенденции спроса и производственные затраты, а геополитические – охватывают региональные конфликты и международные отношения. Решения ОПЕК и ОПЕК+ часто отражают баланс между экономическими целями и геополитическими интересами.

Необходимо отметить, что принимаемые организациями решения по объемам добычи и механизмам формирования цены на нефть оказывают прямое влияние не только на мировую экономическую обстановку, но и на состояние национальных экономик стран-участниц. От значения данных показателей зависит уровень дохода государств, а от уровня дохода – состояние и развитие государства. Говоря о странах-членах ОПЕК и ОПЕК+, стоит акцентировать внимание на том, что их зависимость от доходов от нефтяной отрасли делает их чувствительными к политике организаций и рыночным условиям. Также действия отражаются на странах – импортерах нефти, так как изменения цен могут затрагивать стоимость энергоносителей, влияя на отрасли, предприятия и потребителей. Странам-импортерам необходимо следить за политикой организаций, чтобы предвидеть перебои в поставках и корректировать свои энергетические стратегии.

Влияние ОПЕК распространяется на финансовые рынки, где цены на нефть служат важным экономическим индикатором. Одним из факторов, влияющих на настроение инвесторов, является колебание цен, а оно в свою очередь может отражаться на решениях по запасам энергоносителей и других связанных финансовых инструментах. Для мониторинга всех возможностей и рисков в динамике рынка инвесторам приходится внимательно следить за развитием событий в ОПЕК и ОПЕК+.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значимость для стран-членов ОПЕК и ОПЕК+ такого энергоресурса, как нефть, говорит о заинтересованности государств следить за стабильностью уровня мировых цен и спроса на него. Для управления ценами на нефть квоты на добычу регулируются странами-членами ОПЕК в зависимости от анализа энергетического рынка и сценариев спроса и предложения. Когда цена нефти слишком низкая, добыча может быть сокращена для ее повышения. Также может произойти и по обратному сценарию: если цена на нефть слишком сильно вырастет, участники ОПЕК могут повысить добычу, что добьется снижения цен и предотвращения снижения спроса, а также стремления к альтернативным источникам топлива.

Можно сделать вывод о том, что деятельность стран-членов ОПЕК и ОПЕК+ оказывает достаточно большое влияние на мировые рынки (энергетический и финансовый). Решения организаций на протяжении многих лет оказывали значительное влияние на мировые цены на нефть. Однако в их коллективных интересах также обеспечить, чтобы цены оставались разумными для потребителей. В противном случае они просто предоставляют рынку мощные стимулы для производства альтернативных продуктов для масс, потребляющих энергию.

Нефть все чаще сталкивается с серьезным противодействием, поскольку считается, что углекислый газ оказывает вредное воздействие на окружающую среду, особенно как фактор глобального потепления. Это дает стимул политикам, учреждениям и гражданам быстро использовать ненефтяные источники энергии. Важной задачей страна-членов ОПЕК и ОПЕК+ является координирование своих действий. Как показывает история, несогласованные действия участников приводят к возникновению неприятных экономических ситуаций в мире.

Список литературы

1. *Skeet I.* OPEC: Twenty-Five Years of Prices and Politics. Cambridge: Cambridge University Press; 1988; 274 p. <http://dx.doi.org/10.1017/S0020743800057895>
2. *Nersesian R.L.* Energy for the 21st Century: A Comprehensive Guide to Conventional and Alternative Sources. London: M.E. Sharpe; 2007. 402 p.
3. *Toth F.L., Rogner H.-H.* Oil and Nuclear Power: Past, Present, and Future. *Energy Economics*. 2006;1(28):1–25.
4. *Mangeri L.* The Age of Oil: The Mythology, History, and Future of the World's Most Controversial Resource. Bloomsbury Publishing; 2006. 360 p.

5. *Мохаммед И.М.М., Пизенгольц В.М.* Деятельность нефтяных компаний Ирака и их роль в мировой экономике. Управление. 2019;3(7):38–46. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-3-38-46>
6. *Алихани С.* Управление рисками колебаний мировых цен на нефть в Иране и России. Управление. 2021;2(9):33–45. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-2-33-45>

References

1. *Skeet I.* OPEC: Twenty-Five Years of Prices and Politics. Cambridge: Cambridge University Press; 1988; 274 p. <http://dx.doi.org/10.1017/S0020743800057895>
2. *Nersesian R.L.* Energy for the 21st Century: A Comprehensive Guide to Conventional and Alternative Sources. London: M.E. Sharpe; 2007. 402 p.
3. *Toth F.L., Rogner H.-H.* Oil and Nuclear Power: Past, Present, and Future. Energy Economics. 2006;1(28):1–25.
4. *Maugeri L.* The Age of Oil: The Mythology, History, and Future of the World's Most Controversial Resource. Bloomsbury Publishing; 2006. 360 p.
5. *Mohammed I.M.M., Pizengolts V.M.* Activity of oil companies of Iraq and their role in the world economy. Upravlenie / Management (In Russian). 2019;3(7):38–46. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-3-38-46>
6. *Alikhani S.* Global oil risk price management in Iran and Russia. Upravlenie / Management. 2021;2(9):33–45. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-2-33-45>

Влияние уровня долговой нагрузки на устойчивое развитие регионов Российской Федерации

Лисачкина Юлия Сергеевна

Аспирант

ORCID: 0000-0002-3752-1198, e-mail: lisachkina111@rambler.ru

Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Россия

Аннотация

Проведена оценка уровня налоговой нагрузки на устойчивое и эффективное развитие регионов Российской Федерации в условиях санкций, ограничений и нестабильной экономической ситуации. Перед авторами исследования стояли следующие задачи: провести сравнительную оценку устойчивого развития регионов и долговой нагрузки, рассмотреть направления по эффективному управлению нагрузкой как элементом экономической безопасности субъектов, а также проанализировать экономическую сущность и особенности формирования государственного долга регионов Российской Федерации. Оценены и использованы различные подходы теоретического и практического плана к изучению темы настоящего исследования. Рассмотрены и оценены методы и приемы, оказывающие влияние на уровень долговой нагрузки на устойчивое развитие субъектов федерации за счет использования и применения различных инновационных технологий, способов, приемов и др. на современном этапе экономического развития страны. Результаты проведенного исследования можно применять при разработке эффективных направлений по снижению долговой нагрузки как фактора, оказывающего влияние на устойчивое развитие регионов.

Ключевые слова

Бюджет, долговая нагрузка, регионы, субъекты РФ, уровень долговой нагрузки, налоги

Для цитирования: Лисачкина Ю.С. Влияние уровня долговой нагрузки на устойчивое развитие регионов России // Вестник университета. 2024. № 10. С. 108–113.

Debt load impact on sustainable development of Russian regions

Yulia S. Lisachkina

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0002-3752-1198, e-mail: lisachkina111@rambler.ru

Samara State University of Economics, Samara, Russia

Abstract

The paper assesses the level of debt load on sustainable and effective development of the Russian regions under the conditions of sanctions, restrictions, and unstable economic situation. The authors of the study faced the following tasks: to conduct a comparative assessment of regional sustainable development and debt load, to consider the directions for effective management of the load as an element of economic security of the constituent entities, as well as to analyze the economic essence and peculiarities of formation of the Russian regions' public debt. Various approaches of theoretical and practical plan to the study of the subject of the research have been evaluated and used. The methods and techniques that influence the level of debt load on sustainable development of the constituent entities through the use and application of various innovative technologies, methods, techniques, etc. at the current stage of economic development of the country have been considered and evaluated. The conducted research results can be applied when developing effective directions to reduce the debt load as a factor that affects the regional sustainable development.

Keywords

Budget, debt load, regions, constituent entities of the Russian Federation, level of debt load, taxes

For citation: Lisachkina Yu.S. (2024) Debt load impact on sustainable development of Russian regions. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 108–113.



ВВЕДЕНИЕ

По мнению экспертов, занимающихся вопросами оценки уровня долговой нагрузки и его влияния на уровень развития регионов Российской Федерации (далее – РФ, Россия), риски для роста дефицита бюджетов в субъектах и увеличение государственного долга на конец 2024 г. будут иметь тенденцию к увеличению. На сегодняшний день долговые обязательства по мнению специалистов достигли максимальных значений за последнее десятилетие.

Целью настоящего исследования является осуществление оценки уровня налоговой нагрузки на устойчивое и эффективное развитие регионов РФ в условиях санкций, ограничений и нестабильной экономической ситуации. Задачи исследования – провести сравнительную оценку устойчивого развития региона и оценку уровня долговой нагрузки, рассмотреть направления по эффективному управлению долговой нагрузкой как элемент экономической и финансовой безопасности региона, а также проанализировать экономическую сущность и особенности формирования государственного долга субъектов РФ.

В результате оценены и использованы различные подходы теоретического и практического плана к изучению уровня налоговой нагрузки на устойчивое и эффективное развитие регионов РФ. Внешние риски, сложная ситуация на российском рынке труда, а также высокий уровень инфляционных ожиданий однозначно оказывают негативное влияние на развитие финансовой устойчивости региональной экономики и уровня региональных бюджетов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В процессе изучения темы использовались труды зарубежных исследователей: Д. Рикардо, Р. Дж. Барро, О. Бланшар, Х. Бон, К. Рогофф, К. Рейнхарт, Дж. Эсколано Дж. и др., а также отечественных ученых: М.М. Сперанский, Ю.Я. Вавилов, К.В. Вышковский, Б.И. Алехин, Л.С. Брагинская, А.П. Вавилов, Е.А. Горюнов и др.

Анализ показал неразработанность и непроработанность методических подходов и инструментов, осуществляющих оценку уровня долговой нагрузки, оказывающих влияние на уровень развития регионов и региональных систем. Это затрагивает отдельные направления эффективного использования бюджетного потенциала, определяемые целями функционирования хозяйствующих субъектов региона [1; 2]. Кроме того, все исследования, которые проводятся в настоящее время в разрезе изучаемой темы, осуществляются на уровне страны, и такое понятие, как «устойчивое развитие регионов», не изучено в полном объеме и не имеет четко сформулированное определение [3; 4].

Изучить и оценить уровень налоговой нагрузки на устойчивое и эффективное развитие регионов РФ в контексте меняющейся экономики и создания стабильных региональных экономических систем выступает основной целью проводимого исследования. Признавая существенные наработки теоретико-методических и практических исследований, можно отметить, что до настоящего времени вопросы комплексной оценки уровня налоговой нагрузки на устойчивое и эффективное развитие субъектов РФ в условиях санкций не изучались в полном объеме [5; 6].

В соответствии с указанной целью в настоящем исследовании поставлены и решены задачи по проведению оценки уровня налоговой нагрузки на устойчивое и эффективное развитие регионов РФ в условиях санкций.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе мы используем системный анализ, который помогает проанализировать процессы с учетом как положительных, так и негативных факторов кризиса [7]. Предложенные в настоящем исследовании методические подходы к выявлению факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на уровень долговой нагрузки на устойчивое развитие регионов РФ, способствуют формированию ресурсного потенциала. Методологическим подходом к исследованию регионального потенциала выступил функциональный подход.

Информационная основа проведенного исследования представлена нормативно-правовой базой инновационной сферы федеральных органов государственной власти РФ, официальными данными, отчетами Федеральной службы государственной статистики и др.

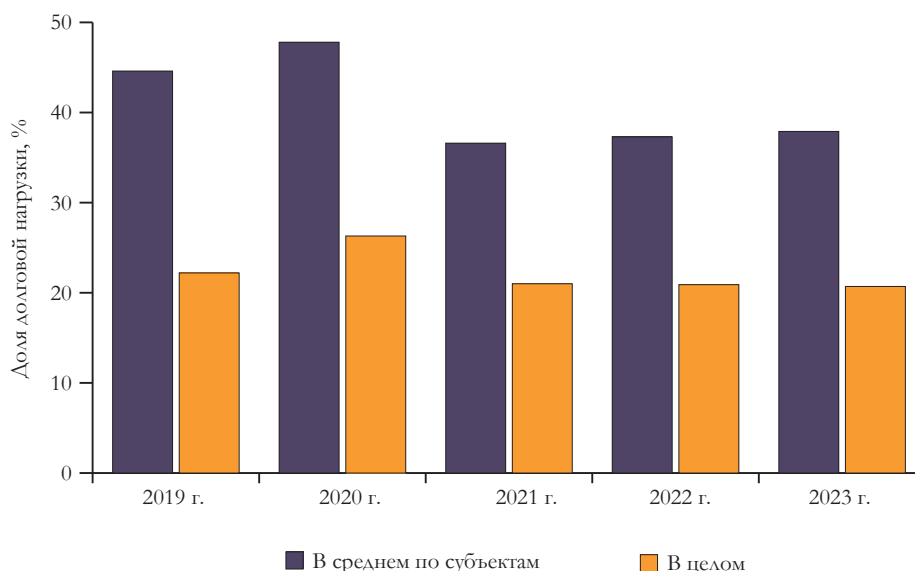
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исходя из проведенного исследования и статистических данных Министерства финансов РФ общий долг всех субъектов РФ по итогам 2023 г. составил 3,192 трлн руб. (14,5 %)¹. По 11 регионам РФ объем государственного долга снизился, в одном – не изменился, в 73 – имеет тенденцию к увеличению и росту. В целом долговая нагрузка на региональные бюджеты снизилась на 0,2 п.п. и составила 20,7 %. Оценив объем муниципального государственного долга, необходимо отметить, что на конец 2023 г. он увеличился на 5,7 % и его размер составил 397,8 млрд руб. При этом у регионов есть запас накоплений, сформированный в 2023 г., который составил 2,9 трлн руб. Именно данное обстоятельство сгладит негативные тенденции, возникшие в экономике страны.

На конец 2023 г. наблюдался существенный рост регионального государственного долга, который увеличился на 14,4 % и составил 3,2 трлн руб. Если рассмотреть данную тенденцию за последнее десятилетие, то этот показатель в 2023 г. имеет максимальное значение. Существенное увеличение обусловливается тем, что регионы РФ для важных и значимых для каждого конкретного субъекта проектов и сфер социальной и экономической деятельности привлекали в свой бюджет кредиты с целью опережающего финансирования расходных обязательств, которые следовало погасить до конца апреля 2024 г. Следует отметить, что номинальное увеличение государственного долга не повлияло существенно на увеличение и рост задолженности бюджета, и связано это с тем, что доходная часть бюджета прирастала более интенсивно и поступления по налоговым и неналоговым платежам увеличились на 20,7 %. Долговая нагрузка по региональным бюджетам в 2023 г. сохранилась на уровне 21 % по сравнению с 2022 г. Рост долговой номинальной нагрузки по регионам наблюдается в большинстве субъектов: наименьший прирост данного показателя наблюдается в Сахалинской области (1,8 %), а самый высокое значение показала Мордовия (93,9%). Несмотря на это, в целом по Республике показатель снизился на 4,3 %.

В то же время в номинальном выражении рост долга произошел в большинстве регионов, и только 11 субъектов продемонстрировали его снижение. Лидером по приросту стал Ямало-Ненецкий автономный округ, совокупный долг которого увеличился в 10 раз в связи с выдачей государственной гарантии почти на 10 млрд руб. (для строительства детских садов и школ). По снижению долговых обязательств лидирует Ненецкий автономный округ – сокращение на 23 % за счет амортизации облигаций.

Рассмотрим долговую нагрузку регионов РФ в динамике к общей сумме доходов (рисунок). В перспективе на конец 2024 г. она снизится с более чем 37 до 15 %.



Источник²

Рисунок. Динамика показателей долговой нагрузки

¹ Министерство финансов. Статистика. Режим доступа: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/> (дата обращения: 04.08.2024).

² Реестр соглашений о государственно-частном партнерстве, соглашений о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (на 31 декабря 2023 г.). Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/3e17db83548c2cc40c3c096e0dc9ee2f/reestr_gchp_31122023.pdf (дата обращения: 04.08.2024).

Средний уровень долговой нагрузки на регионы составлял около 38 %, в то время как уровень в целом – около 20 %, что говорит о тенденции к снижению на 2,2 % по сравнению с 2019 г. При условии выполнения указания Президента РФ о списании большей части задолженности (около двух третей по бюджетным кредитам) это ежегодно поможет регионам сэкономить примерно 200 млрд руб. на перспективный период с 2025 г. по 2028 г. Данное обстоятельство поможет стимулировать развитие экономики посредством инвестиций и внедрения инфраструктурных проектов.

В 2024 г. показатель долговой нагрузки субъектов не изменится, ожидают в агентстве. В номинальном выражении сумма регионального долга, по их прогнозу, увеличится до 3,4 трлн руб. При этом следует отметить, что конкретный уровень долговой нагрузки однозначно зависит от фактической ситуации с поступлением в доходную часть бюджетов муниципальных образований. В перспективный период дефицит бюджета может составить около 0,4 трлн руб. На объеме поступления доходов, особенно в сырьевых регионах, может сильно сказаться неопределенность в макроэкономической и геополитической обстановке. Что касается межбюджетных трансфертов, то они в складывающихся экономических условиях вряд ли будут увеличиваться в 2024 г., рост поступлений субъектов РФ по собственным налоговым и неналоговым доходам будет снижаться и составит около 5–7 %.

На региональные финансы влияют и проблемы на рынке труда: рост спроса на рабочую силу наблюдается в большинстве субъектов федерации. Рост производительности труда будет способствовать снижению риска нехватки кадров, что требует автоматизации, высокотехнологичного оборудования, значительная часть которого не выпускается в России, напоминают эксперты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование играет значимую роль и состоит в том, что мы оценили уровень долговой нагрузки на уровень развития регионов РФ и разработали стратегически важные направления по оптимизации уровня на доходную часть региональных бюджетов и их развитие. Именно такое обстоятельство показывает необходимость в уделении особого внимания научным разработкам в области цифровых технологий и технологий внедрения инноваций как основному источнику инновационных идей.

Благодаря оценке уровня долговой нагрузки и уровня развития регионов РФ можно составить различные программы развития на длительную перспективу. Проведен анализ методологических подходов к определению системной и комплексной оценки, который охарактеризировал сущностные параметры, основные элементы уровней с помощью информационной базы, предоставляемой официальной статистикой, а также особенности и специфику отраслевой деятельности промышленных предприятий, потенциальные резервы инновационных ресурсов.

Следует отметить, что специфика региональных заимствований обусловлена целеполаганием в системе реализации стратегических целей региона и тесно связана с управлением финансовыми потоками. Управление высокого качества будет способствовать оптимизации долговой устойчивости субъекта федерации. От организации формирования налоговых и неналоговых доходов и финансов в целом напрямую зависит возможность своевременного и полного исполнения принятых обязательств и, следовательно, достижения поставленных целей. Данное направление поможет существенным образом повысить техническую оснащенность и эффективность и наладить ситуацию с уровнем долговой нагрузки регионов.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что уровень долговой нагрузки и уровень развития российских регионов – направления экономического развития регионов, на основе которых разрабатываются государственные программы по стратегическому развитию субъектов федерации и страны в целом.

Список литературы

1. Коречков Ю.В. Долговая устойчивость региона как основа его стратегического развития. Социально-политические исследования. 2020;2(7):81–91. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-2-7-81-91>
2. Бардулин Е.Н., Кудряшов В.С., Джамаева С.Н. Формирование и оценка долговой устойчивости региона в целях бюджетной безопасности территорий. Экономика и управление народным хозяйством. 2019;5(7):99–107.
3. Киселева Е.Г. Оценка долговой устойчивости бюджетной системы регионов. Финансы: теория и практика. 2022;3(26):110–128. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-3-110-128>
4. Михайлова А.А., Тимушев Е.Н. Кредитоспособность регионов России: на что обращать внимание. Финансовый журнал. 2020;6(12):69–86. <http://dx.doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-69-86>

5. Огородникова Е.П., Рахматуллина Л.П., Андреева Н.В. Оценка налоговых платежей в формировании региональных бюджетов. Вестник университета. 2024;2:104–114. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-2-104-114>
6. Афонина Н.А., Бабичева А.В., Митрошкина А.К., Матненко Н.Н. О состоянии долговой устойчивости российских регионов на современном этапе. Научное обозрение. Экономические науки. 2021;3:15–22. <https://doi.org/10.17513/sres.1083>
7. Зубаревич Н.В. Регионы России в период пандемии: социально-экономическая динамика и доходы бюджетов. Журнал Новой экономической ассоциации. 2021;3(51):208–218. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-51-3-10>

References

1. Korechkov Yu.V. Debt sustainability of the region as the basis for its strategic development. Social and Political Research. 2020;2(7):81–91. (In Russian). <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-2-7-81-91>
2. Bardulin E.N., Kudryashov V.S., Dzhamalova S.N. Formation and assessment of the debt sustainability of the region for the purpose of budgetary security of territories. Economics and Management of the National Economy. 2019;5(7):99–107. (In Russian).
3. Kiseleva E.G. Debt Sustainability Assessment of Regional Budgets. Finance: Theory and Practice. 2022;3(26):110–128. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-3-110-128>
4. Mikbailova A.A., Timushev E.N. Creditworthiness of Russian regions: what needs to be considered. Financial Journal. 2020;6(12):69–86. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-69-86>
5. Ogorodnikova E.P., Rakhmatullina L.I., Andreeva N.V. Assessing tax payments in regional budgets formation. Vestnik universiteta. 2024;2:104–114. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-2-104-114>
6. Afonina N.A., Babicheva A.V., Mitroshkina A.K., Matnenko N.N. Public debt sustainability of Russian regions at the present stage. Scientific Review. Economic Sciences. 2021;3:15–22. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/sres.1083>
7. Zubarevich N.V. Regions of Russia during the pandemic: socio-economic dynamics and budget revenues. Journal of the New Economic Association. 2021;3(51):208–218. (In Russian). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-51-3-10>

Применение таможенной процедуры переработки на таможенной территории при совершении внешнеторговых операций

Лысенко Елена Александровна

Канд. экон. наук, доц. каф. таможенных операций и таможенного контроля
ORCID: 0000-0002-1717-4723, e-mail: e.lysenko@customs-academy.ru

Фомин Степан Вячеславович

Специалист по таможенному оформлению
ORCID: 0009-0002-6060-0852, e-mail: pochta_fomin@mail.ru

Российская таможенная академия, г. Люберцы, Россия

Общество с ограниченной ответственностью «ТРАНСПОРТАЛ24», г. Люберцы, Россия

Аннотация

Актуальность темы исследования заключается в том, что таможенная процедура переработки на таможенной территории, позволяющая использовать ввезенные товары в производстве продукции на экспорт без уплаты таможенных пошлин и налогов, становится объектом пристального внимания участников внешнеэкономической деятельности, вызывая одновременно и высокий уровень интереса с экономической точки зрения, и определенные сложности, сопряженные с ее применением во внешней торговле. Цель настоящего исследования состоит в проведении экономико-статистического анализа применения таможенной процедуры переработки на таможенной территории и предложении путей ее совершенствования. Задачами для достижения цели стали: анализ теоретических и правовых основ применения рассматриваемой таможенной процедуры, проведение анализа ее применения, выделение этапов таможенного контроля за ее применением, выявление проблемных аспектов в ее использовании и предложение путей их решения. При выполнении задач использовались следующие общенаучные методы: наблюдение, индукция и дедукция, сбор и анализ статистических данных. В результате исследования сформулированы выводы по результатам экономико-статистического анализа применения таможенной процедуры переработки на таможенной территории, выделены этапы таможенного контроля за ее применением, выявлены направления, по которым возникают проблемы при заявлении данной процедуры и разработаны предложения для их решения.

Ключевые слова

Таможенная процедура, переработка на таможенной территории, внешнеэкономическая деятельность, внешнеторговые операции, таможенный контроль, декларирование товаров, евразийский экономический союз

Для цитирования: Лысенко Е.А., Фомин С.В. Применение таможенной процедуры переработки на таможенной территории при совершении внешнеторговых операций // Вестник университета. 2024. № 10. С. 114–125.

Application of the customs procedure of processing in the customs territory when performing foreign trade operations

Elena A. Lysenko

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Department of Customs Operations and Customs Control
ORCID: 0000-0002-1717-4723, e-mail: e.lysenko@customs-academy.ru

Stepan V. Fomin

Specialist in customs clearance
ORCID: 0009-0002-6060-0852, e-mail: pochta_fomin@mail.ru

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia
TRANSPORTAL24 LLC, Lyubertsy, Russia

Abstract

The relevance of the research topic lies in the fact that the customs procedure of processing in the customs territory, which allows the use of imported goods in products manufacture for export without paying customs duties and taxes, becomes the object of close attention of foreign economic activity participants, causing both a high level of interest from the economic point of view and certain difficulties associated with its application in foreign trade. The purpose of the study is to conduct an economic and statistical analysis of the application of the customs procedure of processing in the customs territory and to propose ways to improve it. The tasks to achieve the goal were: analyzing the theoretical and legal foundations of the customs procedure application, analyzing its application, identifying the customs control stages over its application, identifying problematic aspects in its use, and proposing ways to solve them. When performing the tasks, the following general scientific methods were used: observation, induction and deduction, and collection and analysis of statistical data. As the study result, conclusions have been formulated based on the results of economic and statistical analysis of the application of the customs procedure of processing in the customs territory, the customs control stages over its application have been identified, the directions in which problems arise in the procedure application have been revealed, and proposals for their solution have been developed.

Keywords

Customs procedure, processing in customs territory, foreign economic activity, foreign trade operations, customs control, goods declaration, Eurasian Economic Union

For citation: Lysenko E.A., Fomin S.V. (2024) Application of the customs procedure of processing in the customs territory when performing foreign trade operations. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 114–125.



ВВЕДЕНИЕ

Переработка на таможенной территории – это таможенная процедура, которая на сегодняшний день представляет интерес для участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), потому что позволяет использовать импортируемые товары в производстве продукции, предназначенной для экспорта, без уплаты таможенных пошлин и налогов. Несмотря на высокую экономическую привлекательность данной таможенной процедуры, она еще относительно редко используется российскими компаниями, что связано прежде всего с неосведомленностью коммерческих организаций об особенностях ее применения. По данным Центрального таможенного управления Федеральной таможенной службы Российской Федерации (далее – ЦТУ ФТС России), в 2023 г. всего было подано 3,7 млн шт. деклараций на товары (далее – ДТ), что на 100 тыс. шт. меньше, чем в 2022 г. (3,75 млн. шт., в которых было задекларировано 15,7 млн товаров)¹. Доля таможенной процедуры переработки на таможенной территории (далее – ТП ПнТТ) незначительна – в 2023 г. было подано 1,641 тыс. ДТ (0,04 % от общего количества), а в 2022 г. – 3,092 тыс. (0,08 % от общего количества) и помещено 35,9 тыс. товаров (0,23 % от всех товаров, задекларированных в 2022 г.).

С одной стороны, в рамках данной таможенной процедуры бизнесу предлагается использование ряда выгодных предложений, которые сводятся к тому, что снижение издержек при грамотной реализации переработки можно перенаправить на развитие предприятия и различных направлений его деятельности [1]. С другой стороны, ТП ПнТТ предполагает наличие административных барьеров, заключающихся в необходимости получения специфических документов, а также в формировании и предоставлении отчетности – все указанные процессы требуют наличия у участника ВЭД внушительных временных и финансовых ресурсов, расходование которых не всегда экономически обосновано.

Отсутствие устоявшейся практики ТП ПнТТ также влечет за собой внушительное количество нарушений таможенного законодательства. По состоянию на апрель 2023 г. на официальном сайте Судебных и нормативных актов Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в открытом банке судебных решений опубликовано 20,132 тыс. дел о несоблюдении порядка и условий помещения товаров под ТП ПнТТ, а также использования их в соответствии с такой процедурой². В дальнейшей перспективе при отсутствии достаточной степени информированности организаций об особенностях ТП ПнТТ негативный опыт применения рассматриваемой процедуры и случаи нарушений таможенного законодательства будут только возрастать, вместе с чем будет одновременно повышаться и значимость эффективности проведения таможенного контроля. Представленные выше тезисы отчетливо предопределяют высокую степень актуальности темы исследования.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТАМОЖЕННОЙ ПРОЦЕДУРЫ ПЕРЕРАБОТКИ НА ТАМОЖЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ

Проанализируем статистику выпущенных таможенных деклараций за 2021–2023 гг. в регионе ЦТУ ФТС России (табл. 1).

Таблица 1

Количество выпущенных таможенных деклараций в регионе ЦТУ ФТС России за 2021–2023 гг.

Таможенная процедура	2021 г., шт.	2022 г., шт.	2023 г., шт.	Всего, шт.
Экспорт	1 834 850	1 211 485	1 013 457	8 912 703
Переработка вне таможенной территории	4 101	895	645	18 097
Временный вывоз	8 795	7 611	7 479	49 987
Реекспорт	39 588	18 404	6 459	155 735
Выпуск для внутреннего потребления	3 316 001	2 424 953	2 586 862	17 150 413
Переработка на таможенной территории	6 027	3 081	1 641	23 197

¹ Федеральная таможенная служба. Итоговые доклады о результатах деятельности. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti> (дата обращения: 25.06.2024).

² СудАктРФ. Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.06.2024).

Окончание табл. 1

Таможенная процедура	2021 г., шт.	2022 г., шт.	2023 г., шт.	Всего, шт.
Временный ввоз (допуск)	9 734	2 375	1 127	46 293
Реимпорт	7 606	4 569	2 771	39 326
Таможенный склад	21 199	21 029	27 588	90 512
Свободная таможенная зона	83 958	47 660	37 714	421 561
Таможенный транзит	197	94	13	784
Специальная таможенная процедура	409	155	216	2 849
Переработка для внутреннего потребления	0	0	3	3
Уничтожение	247	198	239	1 214
Беспошлинная торговля	2 636	2 760	3 058	22 157

Источник³

Можно сделать вывод о том, что рассматриваемая таможенная процедура не сравнится по частоте применения с такими таможенными процедурами, как выпуск для внутреннего потребления и экспорт, так как они позволяют пользоваться и распоряжаться товарами без ограничений, что и обуславливает их лидирующие позиции по количеству поданных ДТ.

Далее представлена статистика декларирования товаров с помещением их под ТП ПнТТ (рис. 1).

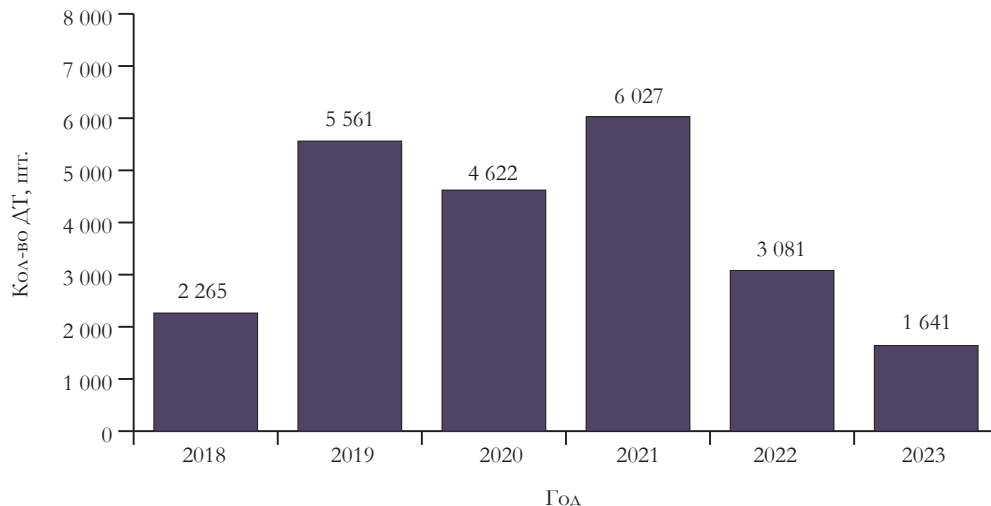
Источник⁴

Рис. 1. Динамика подачи ДТ для целей помещения товаров под ТП ПнТТ за 2018–2023 гг.

Можно сделать вывод о том, что наибольшим спросом ТП ПнТТ пользовалась в 2019 г. и 2021 г., что обусловлено изданием широкого ряда документов, разъясняющих порядок действий при помещении товаров под ТП ПнТТ. Например, в их число вошли такие основополагающие документы, как Методические рекомендации ФТС России от 21 июня 2019 г. по алгоритму действий участника ВЭД по получению в таможенном органе разрешения на переработку товаров на таможенной территории и Приказ Министерства финансов РФ от 24 декабря 2019 г. № 246н «Об утверждении порядка выдачи разрешения на переработку товаров на таможенной территории <...>»^{5,6}. Резкое падение показателя в 2022 г.

³ Центральное таможенное управление. Информация для участников ВЭД. Режим доступа: <https://ctu.customs.gov.ru/ved> (дата обращения: 25.06.2024).

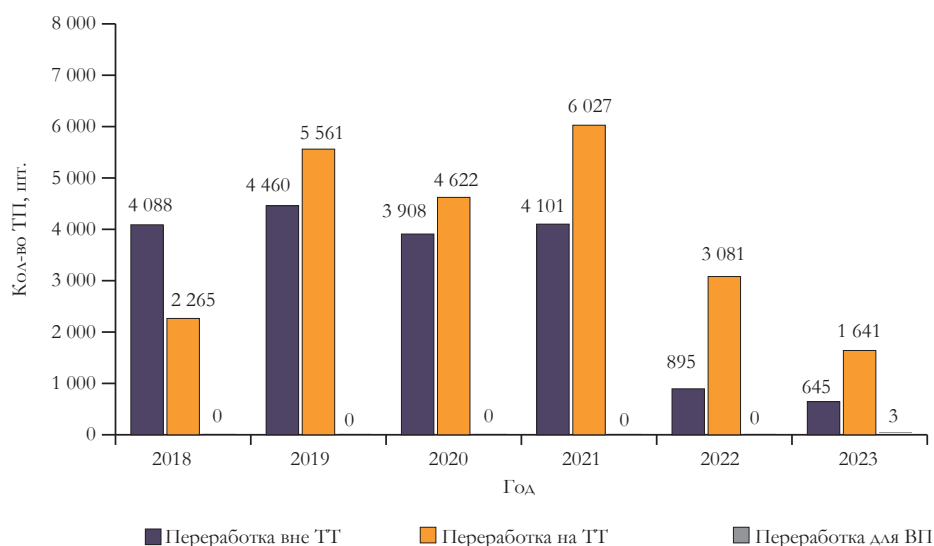
⁴ Там же.

⁵ Федеральная таможенная служба. Методические рекомендации по алгоритму действий участника внешнеэкономической деятельности по получению в таможенном органе разрешения на переработку товаров на таможенной территории, в том числе в случае использования в качестве способа идентификации иностранных товаров в продуктах переработки документов, содержащих сведения об использовании иностранных товаров в технологическом процессе совершения операций по переработке, составляющих систему складского, бухгалтерского и налогового учета. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326732 (дата обращения: 25.06.2024).

⁶ Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 246н «Об утверждении порядка выдачи разрешения на переработку товаров на таможенной территории, передачи разрешения на переработку товаров на таможенной территории, отзыва, аннулирования, восстановления разрешения на переработку товаров на таможенной территории, формы заявления на переработку товаров на таможенной территории и порядка

также обусловлено геополитическими факторами – по сравнению с 2021 г. показатель подачи ДТ для помещения товаров под ТП ПнТТ снизился на 48,88 % (+ 36 % к 2018 г.).

Сравним динамику применения таможенных процедур переработки по России за 2018–2023 гг. (рис. 2).



Примечание: ТТ – таможенная территория, ВП – внутреннее потребление

Источник⁷

Рис. 2. Сравнение динамики применения таможенных процедур переработки по России за 2018–2023 гг.

Исследовав представленные на рисунке данные, можно сделать вывод о снижении частоты использования таможенных процедур переработок в связи со сложившейся политической и экономической ситуацией. Из таможенных процедур переработок ТП ПнТТ в настоящее время остается наиболее актуальной для целей переработки товаров и развития внешнеторговой деятельности.

Анализ статистических данных показал, что потенциал применения ТП ПнТТ в России в полной мере не реализуется. В связи с ухудшением экономико-политической ситуации в мире данная таможенная процедура утрачивает свою экономическую целесообразность из-за сложностей, возникающих у участника ВЭД при ее применении. При этом отечественные компании имеют возможность помещения под ТП ПнТТ иностранной продукции, освобождаясь от уплаты таможенных пошлин и налогов с целью дальнейшей реализации товаров, являющихся продуктами переработки, за рубежом. Возможность пользоваться этим преимуществом должна способствовать расширению производственных мощностей российских предприятий.

ЭТАПЫ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ПРИМЕНЕНИЕМ ТАМОЖЕННОЙ ПРОЦЕДУРЫ ПЕРЕРАБОТКИ НА ТАМОЖЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ

В силу распространенности нарушений таможенного законодательства при применении ТП ПнТТ особое значение приобретает проведение таможенного контроля товаров и продуктов их переработки, который может быть разделен на два основных вида: фактический, проводимый до выпуска товаров, и последующий, проводимый на этапе после выпуска товаров (далее – ТК ПВТ)⁸.

Фактический таможенный контроль включает следующие этапы.

1. Досмотр партий товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Данный этап может содержать применение таможенными органами мер, обеспечивающих проведение таможенного контроля, в том числе маркировку товаров, наложение на них средств идентификации и использования иных способов, которые предоставят возможность его заполнения, формы разрешения на переработку товаров на таможенной территории и порядка ее заполнения, формы заявления на передачу разрешения на переработку товаров на таможенной территории, формы заявления о внесении изменений в разрешение на переработку товаров на таможенной территории, формы отказа таможенного органа во внесении изменений в разрешение на переработку товаров на таможенной территории». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348516 (дата обращения: 25.06.2024).

⁷ Там же.

⁸ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 25.06.2024).

идентифицировать иностранные товары в продуктах их переработки. Таможенные органы изучают документацию, представленную на ввозимую партию товаров, в отношении которых будут совершены операции по переработке, а также проверяют поданную ДТ. Таможенный контроль, проводимый в форме проверки таможенных, иных документов и сведений, акцентирован на проверке правильности и достоверности заполнения ДТ⁹. В графе 1 ДТ: 1-й подраздел – «ИМ», 2-й – «51» (код ТП ПнТТ), 3-й – «ЭД» (табл. 2)¹⁰.

Таблица 2

Заполнение графы 1 ДТ		
1 Декларация		
ИМ	51	ЭД

Составлено авторами по материалам исследования

Особенностями заполнения обладает и графа 31 ДТ, а именно в ТП ПнТТ дополнительно заполняется 6 пункт, если ДТ используется в качестве документа об условиях переработки товаров на таможенной территории (Разрешения), например, в случае ремонта товаров (табл. 3).

Таблица 3

Особенности заполнения 31 графы ДТ		
31 Грузовые места и описание товаров	Маркировка и количество –	Номера контейнеров –
	Количество и отличительные особенности	
	1 – СВЕДЕНИЯ О ТОВАРЕ	
	2 – 10, CS-10 (тара, общее количество и коды видов упаковки)	
	2.1. – СТ (индивидуальная упаковка товара, если есть)	
	3 – МЕ, 1: 289473 (тип контейнера, кол-во: номера)	
	6 – 100 % ПРОДУКТ ПЕРЕРАБОТКИ (заявляемая норма выхода продуктов переработки); наименование и количество продуктов переработки; способы идентификации вывезенных товаров в продуктах переработки; сведения о замене продуктов переработки иностранными товарами	

Составлено авторами по материалам источника [2]

В графе 44 ДТ указываются коды документов, предусмотренных для помещения товаров под ТП ПнТТ: «08011» (разрешение на переработку) и «10023» («иные сведения, заявляемые при таможенном декларировании <...>»). Под данным кодом указывается таможенный орган, в регионе деятельности которого декларируются продукты переработки иностранных товаров¹¹. В графе 44 ДТ декларанты совершают ошибки при завершении ТП ПнТТ путем помещения под таможенную процедуру реэкспорта: вместо кода «08011» разрешение на переработку вносят под кодами «09023» (иные графические материалы), «09035» (ДТ, отличная от ДТ в отношении ранее ввезенных товаров, идентичных декларируемым товарам). Для предотвращения подобных ошибок в программных продуктах по заполнению деклараций должны даваться соответствующие пояснения по внесению сведений о предшествующих таможенных процедурах и подаваемых ранее документах. Следует разработать и внедрить виртуального помощника в процесс применения таких программ декларирования, как «Альта-ГТД», «Вэд-Декларант», «АРМ Феанор», «Личный кабинет участника ВЭД» и др. Такой помощник будет способствовать снижению случаев неверного декларирования, а также внесения изменений (дополнений) в ДТ после выявления ошибок в заполнении граф.

Таможенный орган осуществляет проверку указанных граф, а также проводит таможенный контроль в форме проверки сведений, заявленных в декларации и иных документах, коды которых должны быть указаны в графе 44 ДТ. Также должностные лица таможенных органов осуществляют заполнение

⁹ Решение Комиссии Таможенного союза от 20 мая 2010 г. № 257 «О форме декларации на товары и порядке ее заполнения» (вместе с «Порядком заполнения декларации на товары»). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101257 (дата обращения: 25.06.2024).

¹⁰ Решение Комиссии Таможенного союза от 20 сентября 2010 г. № 378 «О классификаторах, используемых для заполнения таможенных документов». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105110/ (дата обращения: 25.06.2024).

¹¹ Там же.

с использованием штатных программных средств графы D ДТ, в которой указываются сведения из разрешения на переработку (срок действия ТП ПнТТ, решение таможенного органа и период его продления в случае необходимости).

2. Идентификация иностранных товаров, ввезенных на таможенную территорию и помещенных под ТП ПнТТ, в продуктах их переработки. Данный этап подразумевает применение способов идентификации, закрепленных в Таможенном кодексе ЕАЭС. Одним из наиболее распространенных способов выступает отбор проб и образцов товаров, являющихся производными от товаров, помещенных под ТП ПнТТ (то есть продуктами их переработки) [3]. Даже если используется документальная идентификация, необходимо проведение досмотра каждой партии ввозимого сырья и вывозимой продукции в объеме 100 %.

3. Контроль соблюдения сроков действия ТП ПнТТ. Данный срок должен быть прописан в документе, однако в настоящее время распространена проблематика, связанная с его точным определением, которая возникает в случае переработки нескольких партий товаров (табл. 4).

Таблица 4

Исчисление срока ТП ПнТТ

Перемещение товаров	Особенность исчисления срока ТП ПнТТ
Одной партией	Исчисляется со дня помещения товаров под ТП ПнТТ
Несколькими партиями	Исчисляется со дня помещения первой партии товаров под ТП ПнТТ

Источник¹²

При ввозе на таможенную территорию нескольких партий товаров в целях их переработки в разные периоды времени срок совершения операций по переработке будет исчисляться со дня помещения первой партии товаров под ТП ПнТТ. Исчисление срока действия ТП ПнТТ с момента помещения под нее первой партии товаров ограничивает экспортера, но обеспечивает четкое определение срока, в который должны быть завершены действия по переработке иностранных товаров. Здесь также возникают вопросы с возможностью идентификации товаров, которые были ввезены первой партией и последующими, так как предприятие может использовать товары при переработке не в том порядке, в котором их ввезло, и идентификация продуктов переработки в этом случае будет осложнена [4].

ТК ПВТ включает проверку таможенных и иных документов и сведений и проводится в форме камеральной таможенной проверки. Ее проведение позволяет выявить нарушения, допущенные при совершении операций по переработке с иностранными товарами, например, выявить незадекларированные продукты переработки, в отношении которых не были уплачены таможенные пошлины и налоги. Проведение проверочных мероприятий в форме ТК ПВТ нацелено на обнаружение нарушений таможенного законодательства, которые не были однозначно установлены до выпуска товаров. В основе ТК ПВТ лежит проверка отчетности, которую участники ВЭД подают в таможенные органы при применении ТП ПнТТ. Должностные лица ведут учет количества ввозимых товаров, в том числе несколькими партиями, а также рассчитывают нормы их выхода на основании общего объема перерабатываемых товаров. Отчетность об окончательной выверке количества продуктов переработки, отходов и остатков предоставляется в таможенный орган не позднее 30 календарных дней со дня окончания срока действия ТП ПнТТ¹³.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ПРИМЕНЕНИЕМ ТАМОЖЕННОЙ ПРОЦЕДУРЫ ПЕРЕРАБОТКИ НА ТАМОЖЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В настоящее время проведение таможенного контроля при применении ТП ПнТТ характеризуется наличием определенных проблем, снижающих его эффективность и затрудняющих развитие таможенной службы. К ним относятся следующие основные проблемные аспекты.

¹² Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 25.06.2024).

¹³ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 25.06.2024).

1. Сложность идентификации товаров в продуктах переработки. Сложность контроля кодов товаров по Товарной номенклатуре ВЭД ЕАЭС, заявленного экспортерами, и высокий риск подмены в процессе переработки. Согласно материалам судебной практики, определенную проблематику составляют трудности в осуществлении идентификации иностранных товаров в продуктах их переработки. Это обусловлено сложностью определения норм выхода продуктов для отдельных групп товаров, что может быть использовано недобросовестными участниками ВЭД для заявления недостоверных сведений с целью занижения суммы таможенных платежей, подлежащих уплате в отношении продуктов переработки.

Некоторые товары достаточно тяжело идентифицировать в продуктах их переработки – например, пальмовое масло, используемое при производстве печенья, или иные товары, ввозимые в качестве сырья. На практике известны случаи, когда на территорию государства ввозились транспортные средства, детали (запасные части) которых менялись на более дешевые товары, в то время как оригинальные перепродавались на внутреннем рынке по завышенной цене. Гораздо проще проводить идентификацию при ремонте товаров, их сборке и установке, в рамках которых каждая использованная деталь может быть промаркирована отдельно. В некоторых случаях единственным возможным способом идентификации выступает сопоставление информации из товаросопроводительных документов с информацией о составе производного товара [5]. За редкими исключениями процесс переработки товаров может выступать как самостоятельный объект таможенного контроля, когда идентификация иностранного товара в конечном продукте является невозможной.

Для пресечения подмены товаров предлагается усовершенствовать средства идентификации, позволяющие опознать товары в продуктах их переработки: индикаторные пломбы, электронный замок, пломбы-наклейки, гарантийные этикетки, штрих-коды, сейф-пакеты и др. (рис. 3).



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Решение проблемы идентификации товаров в продуктах переработки

Также следует осуществлять фото- и видеосъемку производственного процесса и реализовать принцип системы сквозного контроля, основанного на установке систем видеонаблюдения на всех участках использования и перемещения товаров. Помимо этого, предлагается при необходимости проводить экспертизы для целей выявления товаров в конечных продуктах переработки. Для этого необходимо создание центров экспертизы в регионах, где ТП ПнТТ востребована. Также из-за существующих различий у отдельных групп товаров, которые должностным лицам таможенных органов зачастую неизвестны из-за редкости их перемещения и большого объема информации о перемещаемых через таможенную границу товарах, которые необходимо знать инспектору, требуется утвердить методику расчета норм выхода товаров по каждой товарной позиции Товарной номенклатуры ВЭД ЕАЭС. Данные методики должны использоваться с учетом специфических свойств товаров; их применение позволило бы упорядочить процессы, связанные с определением срока переработки товаров на таможенной территории ЕАЭС.

2. Низкая заинтересованность участников ВЭД в ТП ПнТТ отчасти связана с необходимостью предоставлять отчетность не реже одного раза в три месяца. С точки зрения государственного управления отчетность за определенный период, основанная на установленной системе учета, позволяет таможенным

органам осуществлять мониторинг применения таможенной процедуры. Действующие требования предполагают предоставление тех же сведений, которые имеются в информационной базе таможенных органов, – наименования и кодов товаров по ТН ВЭД, их кол-ва, а также номеров ДТ. Однако в силу отсутствия гибкой и прозрачной системы предоставления отчетности данная обязанность выступает как дополнительное ограничение, требующее временных затрат со стороны экспортеров.

Необходимо учет товаров и проверку бухгалтерской отчетности осуществлять регулярно, поскольку это существенно сократит риск нарушения таможенного законодательства и административную нагрузку на должностных лиц, связанную с проведением существенного объема контрольных мероприятий. Для этого необходимо создать универсальную электронную систему учета товаров и операций по переработке, предусмотренных в отношении них, для участников ВЭД. Универсальная система учета товаров может быть реализована в формате электронного журнала, который, помимо сведений о самих товарах-объектах ТП ПнТТ, будет содержать подробную характеристику всех совершаемых с ними операций по переработке с раскрытием количества задействованных в процессе их осуществления товаров (с указанием единиц измерения, утвержденных Международной системой единиц), с ежедневным внесением информации о совершенных операциях и полученных продуктах переработки и с прямым доступом к нему должностных лиц таможенных органов для контроля. Пример данного журнала представлен в табл. 5.

Таблица 5

Пример электронного журнала «Система учета товаров»

№ товара в системе учета	№ 1	№ 2	№ 3
№ ДТ	10502110/220124/0000044	–	–
№ документа об условиях переработки	08011/0 86 от 9 декабря 2023 г.	–	–
Территория переработки	Россия	–	–
Товарная позиция, код	4005, код товара 4005990000	–	–
Наименование	Основа жевательной резинки для производства жевательной резинки	–	–
Описание	Эластомеры (гуммиоснова), смолы, жиры, эмульгаторы, наполнители	–	–
Сведения о количестве	500 т	–	–
Сведения о маркировке	–	–	–
Цель помещения под ТП ПнТТ (результат переработки)	Производство жевательной резинки Dirol Cadbury Colors Фруктовый рандом, вес 13,6 г – 500 тыс. упаковок	–	–
Действия по переработке (технологический процесс)	Товар интенсивно перемешивают, отчего он нагревается. Добавляются наполнители: ароматизаторы, красители, глюкозный сироп, декстроза. Смесь доводят до консистенции теста, затем выдавливают через насадку, чтобы получить более удобную для обработки форму. Охлаждают	–	–
Сведения о вспомогательных товарах	Подсластители (ДТ №...), ароматизаторы (ДТ №...)	–	–
Кол-во товаров, полностью потребляемых в ходе производственного процесса*	Подсластители (ДТ №...), ароматизаторы (ДТ №...)	–	–

Окончание табл. 5

№ товара в системе учета	№ 1				№ 2	№ 3
Норма выхода продуктов переработки, в том числе (с разграничением фактической номы выхода по периоду времени: за день, неделю, месяц, квартал, год)	Общее кол-во	В течение дня (по датам)	За неделю (23 января 2024 г. – 30 января 2024 г.)	За месяц (23 января 2024 г. – 23 февраля 2024 г.)	–	–
– готовых товаров*	500 тыс. ед.	7 тыс. ед.	50 тыс. ед.	200 тыс. ед.	–	–
– остатков*	12 кг подсластителей	–	–	–	–	–
– отходов*	–	–	–	–	–	–
Израсходовано в производстве товаров, помещенных под ТП ПнТТ	500 т	100 кг	700 кг	2,8 тыс. кг	–	–
Совершенные технологические операции	Перемешивание, добавление наполнителей, охлаждение	–	–	–	–	–
Срок вывоза с таможенной территории	до 22 января 2025 г.				–	–
....						
*Допустима погрешность в диапазоне... (Методические указания по определению норм выхода продуктов переработки)						

Составлено авторами по материалам исследования

Исходя из таблицы, можно сделать вывод о том, что данный журнал учета должен объединять в себе представленные таможенным органам документы, расчет норм выхода продуктов переработки, указание количества полностью потребляемых в ходе производства товаров, подробное описание технологического процесса, а также иные сведения. Идея состоит в том, чтобы объединить в журнале учета сведения о товарах, ввозимых в качестве основных объектов переработки, а также о товарах, выступающих вспомогательными в технологическом процессе, при этом указав нормы их распределения (потребления, остатков, отходов, готового продукта). Данный журнал должен формироваться автоматически, составляя таблицы на основе данных, содержащихся в информационных системах таможенных органов, и дополняться участниками ВЭД с указанием этапа переработки, объемов производства, сколько и каких продуктов переработки получено за прошедший промежуток времени и т.д. на основе их системы бухгалтерской и иной отчетности.

3. Отсутствие установленного лимита продления срока действия ТП ПнТТ. Законодателем не закреплено предельное количество продлений действия процедуры. По мотивированным заявлениям продление может осуществляться бесчисленное количество раз в пределах установленного предельного срока переработки.

Для решения данной проблемы необходимо внести изменения в Таможенный кодекс ЕАЭС и национальное законодательство, обозначив предельное количество продлений срока действия ТП ПнТТ, после исчерпания которого действие процедуры прекращается на законных основаниях. Данное предложение позволит снизить количество споров между государственным и частным секторами о правомерности решений должностных лиц таможенных органов в части прекращения действия таможенной процедуры.

На основе представленных выше решений проблемных аспектов алгоритм помещения под ТП ПнТТ предлагается выстроить следующим образом, представленным на рис. 4.



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Алгоритм действий при помещении товаров под ТП ПнТТ

Предложенные пути решения существующих проблем могли бы повлиять на расширение доступа отечественных компаний к применению ТП ПнТТ, что нашло бы отражение в экономической эффективности использования таможенной процедуры на территории России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ТП ПнТТ в ЕАЭС применяется участниками ВЭД достаточно редко из-за возникающих сложностей и непонимания ее преимуществ. Процедура является одним из инструментов стимулирования национальных производителей для развития российского экспорта. Однако на сегодняшний день ее применение в большинстве случаев остается неэффективным, что обусловлено низким уровнем развития правовой базы в области переработки товаров.

По результатам разработки предложений по совершенствованию таможенного контроля при применении ТП ПнТТ можно выделить наиболее эффективные решения, позволяющие усовершенствовать проведение таможенного контроля:

- создание универсальной электронной системы учета товаров и операций по переработке на таможенной территории;
- разработка методики для расчета норм выхода переработки товаров по товарным позициям Товарной номенклатуры ВЭД ЕАЭС;
- реализация принципа сквозного контроля путем видеонаблюдения, присутствие при совершении операций по переработке товаров, проведение экспертизы для целей выявления товаров в конечных продуктах переработки;
- определение четкого алгоритма действий при помещении товаров под ТП ПнТТ, ее применении и завершении ее действия.

Решение выявленных сложностей применения ТП ПнТТ позволит повысить эффективность таможенного контроля товаров, помещенных под процедуру, а также заинтересованность участников ВЭД в ее применении, что поспособствует развитию института переработки не только на территории России, но и на таможенной территории ЕАЭС в целом.

Список литературы

1. Лысенко Е.А., Фокин С.В. Проблемные аспекты применения таможенной процедуры переработки на таможенной территории. Зеленый коридор. Наука и образование в таможенном деле. 2022;3(21):24–30.
2. Лысенко Е.А. Таможенные процедуры в Евразийском экономическом союзе. М.: РИО Российской таможенной академии; 2021. 156 с.
3. Немирова Г.И. (ред.) Перспективы развития таможенного контроля и таможенного регулирования в условиях функционирования Евразийского экономического союза. М.: РИО Российской таможенной академии; 2018. 160 с.

4. *Баландина Г.А.* Переработка на таможенной территории – таможенная процедура в помощь экспортерам. Российский внешнеэкономический вестник. 2020;6:118–130.
5. *Руднева З.С.* Переработка товаров на таможенной территории: таможенные и региональные аспекты. В кн.: Ниязова М.В. (ред.) Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии; 2021. С. 138–141. <https://doi.org/10.24412/cl-36450-2021-2-138-141>

References

1. *Lysenko E.A., Fomin S.V.* Problematic aspects of the application of the customs procedure of processing in the customs territory. Zelenyi koridor. Nauka i obrazovanie v tamozhennom dele. 2022;3(21):24–30. (In Russian).
2. *Lysenko E.A.* Customs procedures in the Eurasian Economic Union. Moscow: Russian Customs Academy Publ. House; 2021. 156 p. (In Russian).
3. *Nemirova G.I.* (ed.) Prospects for the development of customs control and customs regulation in the context of the functioning of the Eurasian Economic Union. Moscow: Russian Customs Academy Publ. House; 2018. 160 p. (In Russian).
4. *Balandina G.A.* Processing in the customs territory – customs procedure for exporters. Russian Foreign Economic Journal. 2020;6:118–130. (In Russian).
5. *Rudneva Z.S.* Processing of goods in the customs territory: customs and regional aspects. In: Niyazova M.V. (ed.) Customs development in the Russian Federation: The Far Eastern vector. Vladivostok: Vladivostok branch of the Russian Customs Academy Publ. House; 2021. Pp. 138–141. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/cl-36450-2021-2-138-141>

История развития международных отношений Российской Федерации и африканских стран в начале XXI в.

Махамат Мустафа Махамат

Аспирант

ORCID: 0009-0002-4130-5428, e-mail: moustaphamahamat056@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Проанализирована динамика развития экономических отношений Российской Федерации (далее – РФ) и африканских стран в начале XXI в. Тогда наблюдалось укрепление экономических отношений между РФ и африканскими странами, что обусловлено несколькими факторами: 1) интерес российских компаний к ресурсному потенциалу Африки; 2) поддержка Правительством РФ экспорта товаров и услуг в африканские страны; 3) рост торговли между Россией и державами континента; 4) увеличение инвестиций российских компаний в африканские страны. В начале XXI в. РФ и африканские страны укрепляли взаимодействие в экономической сфере. Это оказало положительное влияние на обе стороны, способствуя развитию стран Африки, расширению российских компаний на данном рынке и укреплению региональной стабильности. Действуя на двойном фронте двусторонней дипломатии и многосторонности, РФ через форум БРИКС должна найти свое место на континенте. Со своей стороны Центральная Африка укрепила свои экономические отношения с Китаем, Индией и Бразилией, одновременно развивая собственную деятельность на континенте.

Ключевые слова

Международные экономические отношения, страны Африки, Российская Федерация, торговля, российско-африканские экономические отношения, африканские страны, международные взаимоотношения, начало XXI в.

Для цитирования: Махамат М.М. История развития международных отношений Российской Федерации и африканских стран в начале XXI в. // Вестник университета. 2024. № 10. С. 126–130.

History of international relations development among Russia and African countries in the beginning of the XXI century

Mustafa M. Mahamat

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0002-4130-5428, e-mail: moustaphamahamat056@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Dynamics of economic relations development among Russia and African countries in the beginning of the 21st century has been analyzed. At that time there was the economic relations strengthening among Russia and African countries, which was caused by several factors: 1) the interest of Russian companies in the resource potential of Africa; 2) the support of the Government of the Russian Federation for the export of goods and services to African countries; 3) the growth of trade among Russia and African countries; 4) the increase in investments of Russian companies in African countries. At the beginning of the 21st century, Russia and African countries strengthened their cooperation in the economic sphere. It had a positive impact on both sides, contributing to African countries development and Russian companies' expansion in this market, and strengthening regional stability. Acting on the dual front of bilateral diplomacy and multilateralism, Russia, through the BRICS forum, must find its place on the continent. Central Africa has strengthened its economic relations with China, India, and Brazil while developing its own activities on the continent.

Keywords

International economic relations, African countries, Russian Federation, trade, Russian-African economic relations, African countries, international relations, the beginning of the XXI century

For citation: Mahamat M.M. (2024) History of international relations development among Russia and African countries in the beginning of the XXI century. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 126–130.



ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI в. экономические отношения между Российской Федерацией (далее – РФ, Россия) и африканскими странами начали активно развиваться. Один из ключевых факторов, способствовавших этому, – увеличение интереса России к ресурсам Африки, таким как нефть, газ, руды и другие природные ресурсы. Российские компании активно начали вкладывать средства и вести бизнес для добычи и экспорта этих ресурсов. Так, в августе 2006 г. «Газпром» и Sonatrach заключили соглашение о разведке и добыче газа в Алжире, а также о модернизации алжирской сети газопроводов. В области углеводородов государственная группа «Роснефть» завершила сделку по приобретению 30 % акций газового проекта «Зор» за 1,12 млрд долл. США. Компании «Газпром», «Новатэк» и «Стройтрансгаз» выразили заинтересованность в инвестировании в проекты по добыче природного газа в Марокко, в частности в метановый терминал Йорф-Ласфар¹.

Кроме того, Россия оказывала поддержку в развитии инфраструктуры в африканских странах. Например, общество с ограниченной ответственностью «РЖД Интернешнл» активно участвовала в строительстве железных дорог в Африке. Также Россия оказывала помощь в развитии сельского хозяйства и энергетики в ряде стран.

Важной составляющей развития экономических отношений стало увеличение торгового обмена между Россией и африканскими странами. Объем торговли значительно увеличился, особенно в области исключительно высоких технологий, машиностроения и химической промышленности. Россия также увеличила поставки сельскохозяйственных товаров и продуктов питания в страны [1].

Культурные и образовательные связи сыграли не последнюю роль в развитии экономических отношений. Российские университеты начали активно привлекать студентов из стран Африки для получения высшего образования. Это способствовало созданию культурных связей и взаимопониманию, что еще больше способствовало развитию торговли и инвестиций между государствами.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ В АФРИКУ В НАЧАЛЕ XXI В.

Возвращение России в Африку восходит ко второму президентскому сроку В.В. Путина (2004–2008 гг.). Оно вписывается в логику «экономической дипломатии» и касается стран Центральной Африки, в которые Советский Союз вложил значительные ресурсы в период с конца 1950-х гг. до перестройки. «Догоняющий» эффект, последовавший за 1990-ми гг., в значительной степени исчерпан, и развитие отношений в настоящее время сталкивается с серьезными структурными ограничениями [2].

В 2006 г. В.В. Путин посетил Южно-Африканскую Республику и Марокко, а в 2009 г. Д.А. Медведев совершил официальную поездку в Анголу, Намибию и Нигерию. Эти две поездки послужат сигналом к установлению новых двусторонних отношений. Д.А. Медведев регулярно выступал за укрепление позиций России в этом регионе мира, его сопровождала делегация из 400 бизнесменов, и он подписал несколько экономических соглашений, в частности в области минеральных ресурсов и ядерной энергетики. В.В. Путин отмечал: «Если в свое время мы могли создать впечатление, что потеряли всякий интерес к африканскому континенту, то наш долг – наверстать упущенное. У нас есть много интересных и качественных проектов и идей для развития нашего сотрудничества. Другие страны установили связи в Африке, но Россия намерена отстаивать свои интересы на континенте» [3].

В апреле 2008 г. Президент РФ встретился со своим коллегой М. Каддафи в Триполи. Москва списала долг Ливии на сумму 4,6 млрд долл. США, взятый в советские времена. Триполи со своей стороны обязался закупить военную технику на сумму 3 млрд долл. США. Также было заключено соглашение об участии открытого акционерного общества «Российские железные дороги» в строительстве линии между Сиртом и Бенгази².

В 2008–2012 гг. наблюдалось возобновление интереса Москвы к африканскому континенту. В июне 2009 г. новый глава РФ Д.А. Медведев совершил длительный тур с остановками в Египте, Нигерии, Намибии и Анголе³. Эти визиты не привели к подписанию каких-либо значимых контрактов – их цель состояла в том, чтобы показать странам региона некую форму преемственности после визитов В.В. Путина в Преторию и Касабланку в 2006 г.

¹ Dubien A. La russie et l'africque: mythes et réalités. Режим доступа: <https://fr.obsfr.ru/analytics/notes/10953/> (дата обращения: 25.07.2024).

² Там же.

³ Antoine J.-C. Les réseaux criminels en Afrique: création et enjeux géopolitiques. Режим доступа: <https://www.diploweb.com/Les-reseaux-criminels-en-Afrique.html> (дата обращения: 25.07.2024).

С окончанием срока полномочий Д.А. Медведева началась институционализация африканского направления политики России. В частности, был организован первый российско-африканский бизнес-форум в декабре 2011 г., который помог структурировать политику Москвы на континенте.

Поскольку Африка регулярно фигурирует в повестках дня саммитов G8, у Москвы есть стимул проявить к ней более пристальный интерес. На саммите 2001 г. В.В. Путин поддержал Генуэзский план для Африки, который предусматривал, что каждое государство-член назначит представителя от Африки для поддержания контактов с африканскими лидерами и разработки конкретного плана действий (Иордания, 2010 г.). Профессор Н. Симония, в то время директор Московского института международных отношений, стал первым российским посланником в этой группе, до профессора А. Васильева (2006–2011 гг.), директора Института африканских исследований.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И АФРИКАНСКИХ СТРАН

В свете вышесказанного нынешние отношения между Россией и странами Африки выглядят позитивными, как показала Международная парламентская конференция «Россия–Африка». Таким образом, правительству РФ необходимо уделять больше внимания стратегическому диалогу с континентом и создавать условия для взаимодействия в различных областях.

Россия должна взять на себя обязательство укреплять свои многочисленные связи с Африкой, не ограничиваясь официальными визитами. Присутствие высших властей во время подписания соглашений не гарантирует их выполнения. По словам посла Нигерии в РФ А.Э. Ассама, ни одно из 6 соглашений по-настоящему не вступило в силу. Среди множества препятствий на пути участия российских компаний во внешней торговой политике можно назвать незнание администрацией методов ведения бизнеса и возможных рынков сбыта, а также отсутствие официальной поддержки коммерческих инициатив с обеих сторон. Российским компаниям, даже крупнейшим, трудно найти ниши в Африке, и они постоянно нуждаются в государственной поддержке [4].

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-ЧАДСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XXI В.

Отдельно рассмотрим развитие российско-чадских отношений, поскольку автор родом из Чада.

В начале XXI в. экономические отношения между Российской Федерацией и Республикой Чад развивались разными темпами и имели свои особенности. Сектор топливно-энергетического комплекса играл важную роль в экономическом взаимодействии двух стран. Россия является крупным производителем и экспортером нефти и газа, а Чад обладает значительными запасами нефти. В 2003 г. было подписано соглашение о сотрудничестве в нефтяной отрасли, которое предусматривало участие российских компаний в разработке нефтегазовых месторождений в Чаде.

Однако в 2006 г. отношения между двумя государствами охладились из-за конфликта на политическом уровне. Президент Чада И. Деби обвинил Россию в вмешательстве во внутренние дела страны и выслал российских дипломатов, что привело к временному замораживанию экономического сотрудничества.

В последующие годы отношения между Россией и Чадом немного улучшились. В 2007 г. было подписано соглашение о развитии сотрудничества в области торговли и экономики. Договор предусматривал российские инвестиции в различные отрасли экономики Чада, включая нефтегазовый сектор.

Позднее развитие экономических отношений между странами снова оказалось нестабильным. В 2014 г. Россия была вынуждена сократить свои инвестиции в зарубежные проекты из-за введения Западом санкций в связи с конфликтом на Украине. Кроме того, снижение мировых цен на нефть также негативно сказалось на экономическом сотрудничестве.

Тем не менее, несмотря на существующие трудности, есть потенциал для развития экономического сотрудничества между Россией и Чадом. Обе страны могут обмениваться опытом в области разработки и добычи нефти, газа и других природных ресурсов. Секторы сельского хозяйства, туризма и инфраструктуры также представляют возможности для развития сотрудничества. Важным шагом в направлении укрепления экономических отношений является подписание двусторонних соглашений и создание рабочих комиссий для регулярного обсуждения сотрудничества в различных отраслях [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале XXI в. наблюдается положительная динамика развития экономических отношений России и африканских стран. Саммит БРИКС, а также государственный визит В.В. Путина в Южно-Африканскую Республику, за которым последовали визиты в Россию южноафриканского президента Дж. Зумы, предоставили возможность укрепить многосторонние отношения и провести торговые и экономические дискуссии на уровне политиков. Саммиты БРИКС также могут стать благоприятной средой для дискуссий по вопросам развития в целом. Это могло бы позволить России реализовать свои геополитические амбиции на континенте, а африканским странам – вместе с БРИКС найти новых партнеров, которые помогли бы им коллективно заявить о себе на международной арене.

Африка, которую некоторые государства воспринимают как новую границу, в результате становится ареной конфронтации между старыми и новыми державами. Действуя на двойном фронте двусторонней дипломатии и многосторонности, через форум БРИКС Россия должна найти свое место на континенте, и все карты должны быть сохранены. Китай, который стремится диверсифицировать свои инвестиции в природные ресурсы, Россия, подпитываемая сырьевым бумом, и Бразилия, которая пожинает плоды прагматичного экономического реформизма, являются серьезными конкурентами для западных транснациональных корпораций, заинтересованных в инвестициях и развитии на международном уровне.

Центральная Африка укрепила свои экономические отношения с Китаем, Индией и Бразилией, одновременно развивая собственную деятельность на континенте. Появление этих новых держав на международной арене и их растущее участие на континенте недвусмысленно доказывают, что отношения между Севером и Югом уступают место отношениям с Юго-Востоком или даже отношениям между Южно-Африканской Республикой и Юго-Востоком. Что касается стран Африки к югу от Сахары, то повышенное внимание БРИКС вызвало возобновление интереса со стороны традиционных западных торговых партнеров, которые опасаются потерять давно завоеванные стратегические и экономические преимущества в пользу новых держав.

Однако ряд препятствий продолжают тормозить развитие российско-африканских отношений. В целом в начале XXI в. развитие экономических отношений между Россией и странами Африки стало все более важным и активно продвигаемым. Россия активно инвестировала в государства континента, развивала торговлю, культурные связи, строила инфраструктуру. Это способствовало укреплению взаимовыгодного партнерства между державами.

Список литературы

1. *Корендясов Е.Н.* Российско-африканские отношения на новом старте. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016;2:203–214.
2. *Arkhangelskaya A.* Images and Prospects of BRICS in Africa. Document de conférence présenté lors du Congreso Iberico de Estudios Africanos. Madrid; 2012. 383 p.
3. *Юрик Н.Н.* Африка и Россия: что дальше? Молодой ученый. 2020;13(303):188–191.
4. *Arquimedes João F. Varimelo.* La décentralisation en Angola et au Mozambique: Du discours à la consécration juridique. Université de Bordeaux; 2017. 214 p.
5. *Ministère des Affaires étrangères, Fédération de Russie.* Russia Making the Transfer to the AU Peace Fund. Moscou: Ministère des Affaires étrangères, Fédération de Russie; 2013. 257 p.

References

1. *Korendyasov E.N.* The new start for Russian-African relations. Vestnik RUDN. International Relations. 2016;2:203–214. (In Russian).
2. *Arkhangelskaya A.* Images and Prospects of BRICS in Africa. Document de conférence présenté lors du Congreso Iberico de Estudios Africanos. Madrid; 2012. 383 p.
3. *Yurik N.N.* Africa and Russia: what's next? Molodoi uchenyi. 2020;13(303):188–191. (In Russian).
4. *Arquimedes João F. Varimelo.* La décentralisation en Angola et au Mozambique: Du discours à la consécration juridique. Université de Bordeaux; 2017. 214 p.
5. *Ministère des Affaires étrangères, Fédération de Russie.* Russia Making the Transfer to the AU Peace Fund. Moscou: Ministère des Affaires étrangères, Fédération de Russie; 2013. 257 p.

Энергетический кризис 2021–2022 гг. как предвестник смены энергетического уклада в мире

Речкина Екатерина Алексеевна¹

Студент

ORCID: 0000-0002-5347-1506, e-mail: ekaterinaj03@icloud.com

Терехов Андрей Михайлович^{1,2}

Канд. экон. наук, доц. каф. гуманитарных и социально-экономических дисциплин¹, доц. каф. сервиса и туризма²

ORCID: 0000-0002-2356-4533, e-mail: terehoff.t@yandex.ru

¹Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Нижний Новгород, Россия

²Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация

Дана характеристика понятию «энергетический уклад». Обобщены типы энергетических укладов, история их становления и развития. Выделены предпосылки формирования нового энергетического уклада, базирующегося на увеличении доли возобновляемых источников энергии и водородного сырья в структуре выработки энергии. Сделан вывод о том, что смена энергетического уклада произойдет в ближайшие десятилетия. В работе задействованы следующие научные методы исследования: анализ литературы и статистических данных. Использованы данные за период с 1965 г. по 2022 г. Цель настоящего исследования заключается в выявлении роли энергетического кризиса 2021–2022 гг. как фактора, способствующего становлению нового энергетического уклада, который будет сформирован в ближайшие десятилетия. Предмет исследования состоит в анализе и оценке смены энергетического уклада на международном рынке энергоресурсов, объектом исследования является мировой энергетический рынок.

Ключевые слова

Мировой энергетический кризис, энергетический уклад, финансовое заражение, возобновляемые источники энергии, политика энергоперехода, потребление энергии, энергоёмкость

Для цитирования: Речкина Е.А., Терехов А.М. Энергетический кризис 2021–2022 гг. как предвестник смены энергетического уклада в мире // Вестник университета. 2024. № 10. С. 131–141.



Energy crisis of 2021-2022 as a harbinger of a change in the global energy system

Ekaterina A. Rechkina¹

Student

ORCID: 0000-0002-5347-1506, e-mail: ekaterij03@icloud.com

Andrey M. Terekhov^{1,2}

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department¹, Assoc. Prof. at the Service and Tourism Department²

ORCID: 0000-0002-2356-4533, e-mail: terehoff.t@yandex.ru

¹Volga branch of the Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russia

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract

The energy mode concept, has been characterized. Energy patterns types, history of their formation and development have been summarized. The prerequisites for forming a new energy mode based on the increasing share of renewable energy sources and hydrogen raw materials in the energy production structure have been highlighted. The change of the energy structure will take place in the coming decades. The following scientific methods of research were used in the paper: literature analysis and analysis of statistical data. Data for the period from 1965 to 2022 were used. The purpose of the study is to identify the role of the energy crisis of 2021–2022 as a factor contributing to a new energy structure formation that will be implemented in the coming decades. The subject of the study is to analyze and evaluate the change of the energy pattern in the international energy market, and the object of the study is the world energy market.

Keywords

Global energy crisis, energy structure, financial contagion, renewable energy sources, energy transition policy, energy consumption, energy intensity

For citation: Rechkina E.A., Terekhov A.M. (2024) Energy crisis of 2021–2022 as a harbinger of a change in the global energy system. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 131–141.



ВВЕДЕНИЕ

Переход к многополярному миропорядку вызвал ряд бурных событий в мировом сообществе. В глобальном масштабе наблюдается противостояние между процессами, с одной стороны, транснационализации экономики на основе ее глобализации, а с другой – укрепления суверенитета государств. Результатом такого противостояния является череда кризисов. Одним из наиболее ощутимых стал энергетический кризис 2021–2022 гг., который приобрел глобальные масштабы. Он был обусловлен ростом мировой экономики после ее замедления в результате пандемии COVID-19, а также реализуемой развитыми странами политикой энергоперехода на возобновляемые источники энергии (далее – ВИЭ). В свою очередь рост международной политической напряженности способствовал сокращению предложения на рынках энергоносителей, что привело к их дефициту (на отдельные виды энергоресурсов) и усилению волатильности в условиях наращивания объемов производства [1].

В целом подобные колебания способствуют замедлению темпов роста мировой экономики и требуют исследования со стороны научного сообщества для снижения рисков. В связи с этим нами проведен анализ состояния мирового энергетического рынка, а также анализ смены энергетических укладов, характеризующий использование отдельных видов энергоресурсов в историческом разрезе. Совокупность перечисленных вопросов определяет высокую актуальность исследования.

Задачи исследования состоят в раскрытии понятия и рассмотрении исторического аспекта энергетического уклада, оценке роли энергетического кризиса 2021–2022 гг. в смене мирового энергетического уклада. Предметом исследования является анализ и оценка смены энергетического уклада на международном рынке энергоресурсов, объектом – мировой энергетический рынок.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе задействованы следующие методы научного исследования: анализ литературы, статистический анализ данных (в том числе графический анализ динамики и структуры), сравнение, обобщение. На основе анализа научных публикаций рассмотрено понятие энергетического уклада и обобщены типы энергетических укладов в разрезе их исторического развития. В практической части на основе статистических данных BP, Energy Institute выявлены роль энергетического кризиса 2021–2022 гг. в смене мирового энергетического уклада и его влияние на развитие мирового энергетического рынка. В работе использованы статистические данные за период с 1965 г. по 2022 г.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ УКЛАД: ПОНЯТИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

При рассмотрении эволюции развития энергетики на уровне национальной экономики необходимо понимать, что топливно-энергетический комплекс на протяжении всей истории человеческой цивилизации являлся ее значимым элементом, качественная модернизация которого неизменно способствовала повышению уровня развития общества и придавала импульс технологической революции. По мнению М.Е. Родионовой, экономический уклад представляет временной период в истории человечества, в котором преобладало использование определенного вида топлива [2].

В мировой истории принято выделять три энергетических уклада.

1. Биологический энергетический уклад – наиболее длительный, сложился с началом появления человека на Земле и формированием первобытного общества. Он характеризуется преобладающим использованием в качестве топлива биологических материалов растительного происхождения (дрова, солома, хворост и др.) или продуктов жизнедеятельности животных. Переход от биологического к угольному энергетическому укладу произошел с началом промышленной революции.

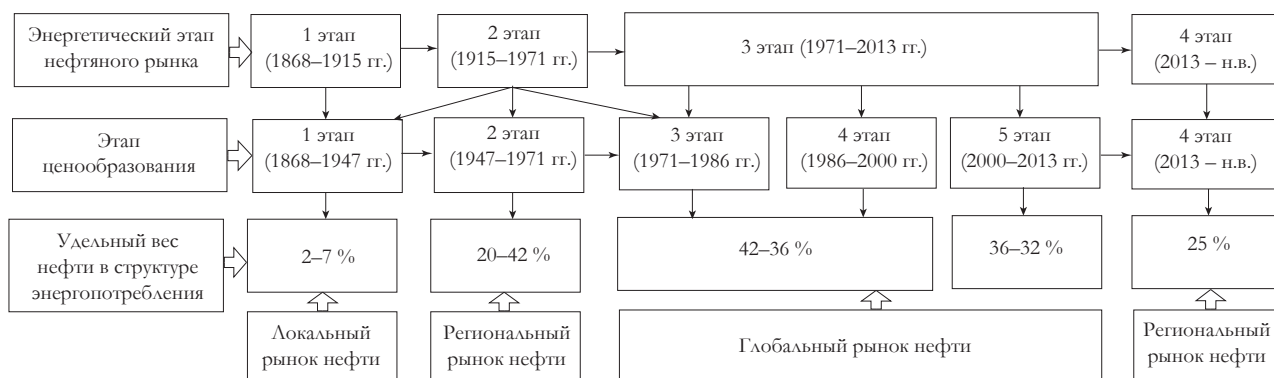
2. Угольный энергетический уклад – предпосылки перехода к преобладающему использованию угля связаны с изобретением и повсеместным внедрением парового двигателя в хозяйственную деятельность во второй половине XVII в. и последовавшей за ним мировой промышленной революцией. Временем окончания угольного уклада считается вторая половина XIX в. Следует отметить, что использование угля человеком относится предположительно к III–I тысячелетию до н.э. Наиболее активно он использовался в Древнем Китае [2]. Развитие угольной отрасли в России связано с реформами Петра I, который в 1700 г. учредил Приказ рудокопных дел [3]. Согласно преданию, в ходе своего Азовского похода Петр Великий в ответ на принесенный ему кусок донецкого угля пророчески сказал: «Сей минерал, если

не нам, то нашим потомкам полезен будет» [4]. Первые разработки угольного бассейна и его освоение относятся к началу 1721 г. и связаны с Донбассом – старейшим угольным бассейном в России и основным центром добычи угля на постсоветском пространстве. Первые залежи в нем обнаружены в 1721 г. В том же году на реке Томь обнаружены залежи угля, что послужило началом развития Кузбасса¹.

3. Нефтяной энергетический уклад – началом периода принято считать 1850-е гг. В своем труде Д. Ергин отмечает, что одним из основателей нефтяной отрасли является Дж. Биссел. Идея промышленного использования нефти пришла ему в ходе его поездки в 1853 г. по Западной Пенсильвании, где он увидел процесс добычи нефти (так называемое «горное масло», используемое в медицине), а немногим позже познакомился с его свойствами горючести в Дартмутском колледже, обучение в котором он проходил в молодости. Идея основывалась на экономическом потенциале нефти (низкая себестоимость добычи) и свойстве воспламенения, благодаря чему Дж. Биссел предположил возможность использования нефти для освещения. Реализация проекта была осуществлена в сотрудничестве с Э.Л. Дрейком, который отвечал в компании за практическую реализацию проекта. 27 августа 1859 г. Э.Л. Дрейк, реализовав промышленный способ добычи нефти в поселке Тайтусвилль, получил первый приток топлива. Таким образом, этот день можно считать официальным началом нефтяного энергетического уклада [5].

Необходимо отметить, что первые в мире попытки перегонки нефти были предприняты братьями Дубининскими еще в 1823 г. в районе Моздока, то есть на 10 лет раньше, чем это было сделано в Соединенных Штатах Америки (далее – США) [4]. Следует отметить, что, по данным ряда источников, добыча нефти методом бурения ранее была освоена на месторождениях в Баку [2]. Более существенный импульс развития нефтяная энергетика получила в 1910-х гг. с началом массового производства автомобилей.

Учитывая, что роль нефти на современном мировом энергетическом рынке достаточно высока, по нашему мнению, необходимо период нефтяного энергетического уклада рассмотреть более детально. Основные этапы развития нефтяного рынка и их характеристика приведены на рис. 1.



Составлено авторами по материалам источника [6]

Рис. 1. Этапы становления и развития нефтяного рынка

На протяжении большей части данного периода нефть была сначала доминирующим энергоносителем, затем частично утратила свои позиции, уступив их природному газу, атомной энергии и ВИЭ.

Ряд специалистов (например, А.А. Макаров, А.М. Григорьев, Т.А. Митрова и др.) выделяют четвертый энергетический уклад, которому присущ переходный характер, то есть снижение доминирования нефти в мировом энергетическом балансе под воздействием межтопливной конкуренции. К причинам усиления такой конкуренции относится появление товаров-субститутов, сыгравших основную роль в формировании нового уклада, где нефть вместо доминирующей позиции занимает равную долю с газом и углем. Такая структура энергопотребления будет снижать ценность нефти как энергоносителя и формировать понижающее давление на ее стоимость [6].

Особенностью современного мирового энергетического рынка, по мнению А. Гильберта, является парадокс, что подавляющая часть мирового спроса на энергоносители хеджируется и заключается

¹ Администрация Правительства Кузбасса. История. Режим доступа: <https://ako.ru/oblast/obshchaya-informatsiya/history.php> (дата обращения: 21.07.2024).

в контрактах, благодаря чему волатильность цен не оказывает существенного влияния на динамику рынка в целом [7]. В то же время кризисы рынков всегда создают возможности для развития в зависимости от вызывающих их причин. В аспекте темы исследования необходимо указать, что основными причинами энергетического кризиса 2021–2022 гг., по мнению Т. Гутиум, являются развитие мировой экономики, попытки перехода на «зеленую» энергетику, отказ от подписания долгосрочных контрактов на поставку трубопроводного газа по фиксированной цене и переход от открытого механизма ценообразования к интуитивному ценообразованию. Его последствием стала цепная реакция: повышение цен, рост уровня безработицы, инфляция, увеличение числа банкротств, снижение платежеспособности населения, повышение уровня абсолютной бедности, снижение благосостояния населения [8].

А. Цю ключевой причиной возникновения кризиса 2022 г. на европейском рынке называет начало специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией (далее – РФ, Россия) на территориях присоединенных регионов. При этом в работе автором также отмечается, что кризис начался гораздо раньше (в конце 2021 г.) из-за оживления экономического развития после пандемии COVID-19 [9]. В связи этим в исследовании прослеживаются некоторые противоречия, поскольку Россия добросовестно исполняла свои обязательства в рамках европейских газовых контрактов и именно взрывы газопроводов «Северный поток-1» и «Северный поток-2» способствовали развитию кризиса. Действия (вернее, бездействие) стран Европы по расследованию взрывов, а также их проявленное нежелание по восстановлению нарушенной инфраструктуры приводят к выводу о том, что они искусственно спровоцировали ситуацию на энергетическом рынке.

Отметим, что в настоящее время отдельными странами активно реализуется политика энергетического перехода, которая обусловлена повышением экологичности энергоснабжения и независимости от внешних поставщиков энергоресурсов. В качестве основных рассматриваются вопросы «безуглеродности» источников энергии, роста доли ВИЭ в энергобалансах. Особую актуальность эта политика приобрела в современных условиях роста нестабильности на мировых рынках энергоресурсов, вызванной повышением цен на энергоносители, ограничением объемов поставок, что обусловлено сложившейся напряженностью в международной арене. В настоящее время переход на ВИЭ (главным образом на энергию солнца и энергию ветра), использование водородного сырья – основные вопросы политической повестки стран Европейского союза. При этом уже сейчас (по состоянию на 2022 г.) доля производства электроэнергии из ВИЭ, например, в Дании составляет 78,96 %, Швеции – 67,37 %, Латвии – 63,59 %. В последние годы в Дании и Литве наблюдается увеличение выработки электроэнергии из ветра (в 2022 г. 65,56 и 50,91 % соответственно от общего объема выработки из ВИЭ), в Эстонии – из биотоплива (51,91 %)². Все это указывает на то, что в настоящее время формируется образ нового энергетического уклада, базирующегося на симбиозе традиционных и возобновляемых источников [1].

РОЛЬ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2021–2022 ГГ. В СМЕНЕ МИРОВОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО УКЛАДА

Для оценки роли энергетического кризиса 2021–2022 гг. в смене энергетического уклада и его влияния на развитие мирового энергетического рынка в настоящей работе проводится собственное исследование на основе статистики Energy Institute, ранее публикуемой BP p.l.c.³

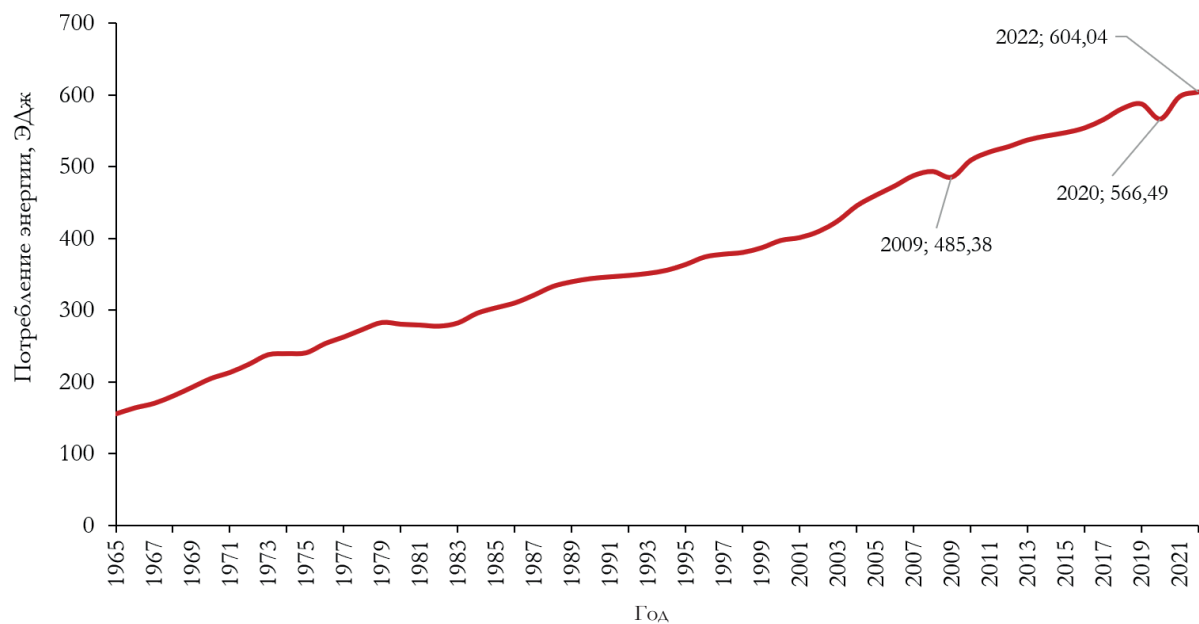
Для выявления основных тенденций на мировом рынке энергоносителей проанализирована динамика объемов потребления энергии в мире в разрезе континентов (рис. 2).

Как видно на рисунке, объем потребления энергии в мире по итогам 2022 г. вплотную превысил уровень 600 ЭДж. При этом темпы роста показателя положительные, хотя наблюдается снижение в отдельные, как правило, кризисные периоды. Так, среднегодовой темп роста за период 1965–2022 гг. составил 102,4 %. Для сравнения: в XXI в. (в период 2000–2022 гг.) этот показатель составил 101,9 %.

Оценка уровня диверсификации мирового рынка энергоносителей по видам источников энергии приведена в табл. 1.

² Eurostat. Energy: Database. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/energy/database> (дата обращения: 21.07.2024).

³ Energy Institute. Energy charting tool. Режим доступа: <https://www.energyinst.org/statistical-review/energy-charting-tool/energy-charting-tool> (дата обращения: 21.07.2024).



Источник⁴

Рис. 2. Динамика объемов мирового потребления энергии за 1965–2022 гг.

Таблица 1

Динамика структуры объемов мирового потребления энергии
в разрезе видов источников энергии за 1965–2022 гг.

Виды топлива	Год								
	1965	1975	1985	1995	2005	2015	2020	2021	2022
Нефть, ЭДж	64,79	114,29	121,20	142,06	168,80	183,47	174,99	184,86	190,69
Природный газ, ЭДж	22,69	41,98	58,54	75,98	98,78	125,24	138,97	146,41	141,89
Уголь, ЭДж	58,10	64,89	86,36	93,48	130,26	157,21	152,04	160,43	161,47
Ядерная энергия, ЭДж	0,26	3,78	15,21	23,72	27,39	23,96	24,40	25,33	24,13
Гидроэлектроэнергия, ЭДж	9,83	15,42	21,07	26,44	30,01	37,61	41,21	40,40	40,68
Возобновляемые источники энергии, ЭДж	0,20	0,39	0,88	1,73	3,97	16,62	31,01	35,85	40,86
Биотопливо, ЭДж	0,04	0,04	0,24	0,47	0,87	3,28	3,87	4,13	4,32
Первичная энергия, ЭДж	155,91	240,79	303,50	363,88	460,08	547,39	566,49	597,41	604,04
Энергоемкость, ЭДж/ВВП	7,91	7,69	7,12	6,53	5,75	4,88	4,56	4,54	4,45
Темп прироста энергоемкости, %	–	–2,78	–7,41	–8,29	–11,94	–15,13	–6,56	–0,44	–1,98
Абсолютное изменение темпов роста энергоемкости, %	–	–	–4,63	–0,87	–3,66	–3,19	8,57	6,12	–1,54

Примечание: ВВП – валовой внутренний продукт

Источник⁵

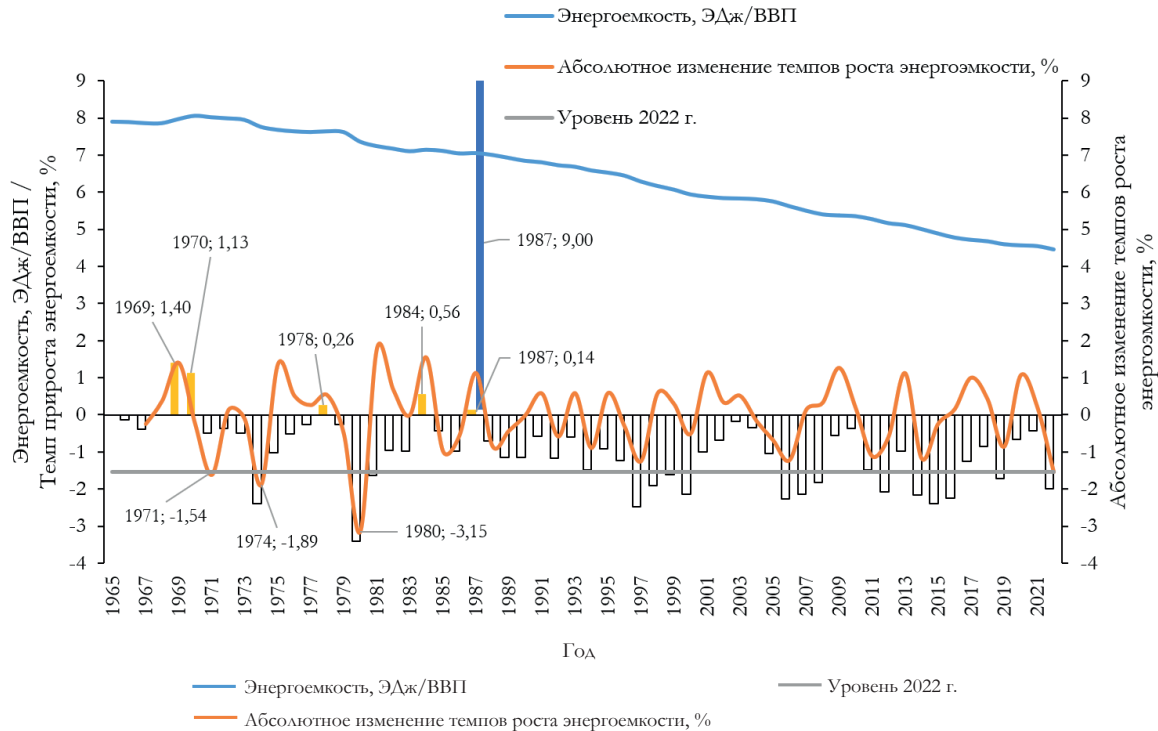
Согласно таблице, на мировом рынке энергоносителей наблюдается стабильная тенденция к повышению уровня диверсификации в разрезе видов источников энергии. В частности, явно прослеживается тенденция к снижению доли нефти в мировом энергопотреблении. Следует отметить, что глобального максимума (49,22 %) доля нефти в мировом энергопотреблении достигла в 1973 г., а по итогам 2022 г. ее доля снизилась до 31,57 %.

⁴ Energy Institute. Statistical Review of World Energy Data. Режим доступа: <https://www.energyinst.org/statistical-review/resources-and-data-downloads> (дата обращения: 21.07.2024).

⁵ Energy Institute. Energy charting tool. Режим доступа: <https://www.energyinst.org/statistical-review/energy-charting-tool/energy-charting-tool> (дата обращения: 21.07.2024).

В то же время доля природного газа достигла своего максимума к концу периода исследования. Глобального максимума (24,53 %) она достигла в кризисный 2020 г. и по итогам 2022 г. немного снизилась (до 23,49 %)⁶. Следует отметить, что барьерами роста рынка природного газа в 2022 г. стали как ситуация вокруг Украины (на тот момент времени одна из крупнейших стран, оказывающих услуги по транспортировке газа), так и взрывы на газопроводах «Северный поток-1» и «Северный поток-2», фактически являющиеся проявлением недобросовестной конкуренции на рынке природного газа Европы [10]⁷.

Далее проведена оценка динамики энергоёмкости мировой экономики как ключевого показателя мирового энергетического рынка. Результаты такой оценки отображены на рис. 3.



Примечание: ВВП – валовой внутренний продукт

Источник⁸

Рис. 3. Динамика энергоёмкости в 1965–2022 гг.

Согласно рисунку, можно сделать следующие выводы. В период 1965–1987 гг. волатильность мирового энергетического рынка характеризовалась как высокая. Проявлением нестабильности рынка в этот период является рост энергоёмкости мировой экономики в отдельные годы. Например, в 1969 г., 1970 г., 1978 г., 1984 г. и 1989 г. наблюдался рост энергоёмкости мировой экономики. Кроме того, в период до 1987 г. динамика темпов роста энергоёмкости была нестабильна, что подтверждается результатами сравнения с динамикой этого показателя в период после 1987 г.

В аспекте влияния энергетического кризиса 2021–2022 гг. обращает на себя внимание тот факт, что динамика снижения темпов роста энергоёмкости в 2022 г. ранее наблюдалась лишь в период высокой волатильности энергетического рынка. В частности, в 1980 г. такая динамика существенно превысила показатель 2022 г., а в 1971 г. – немногим выше.

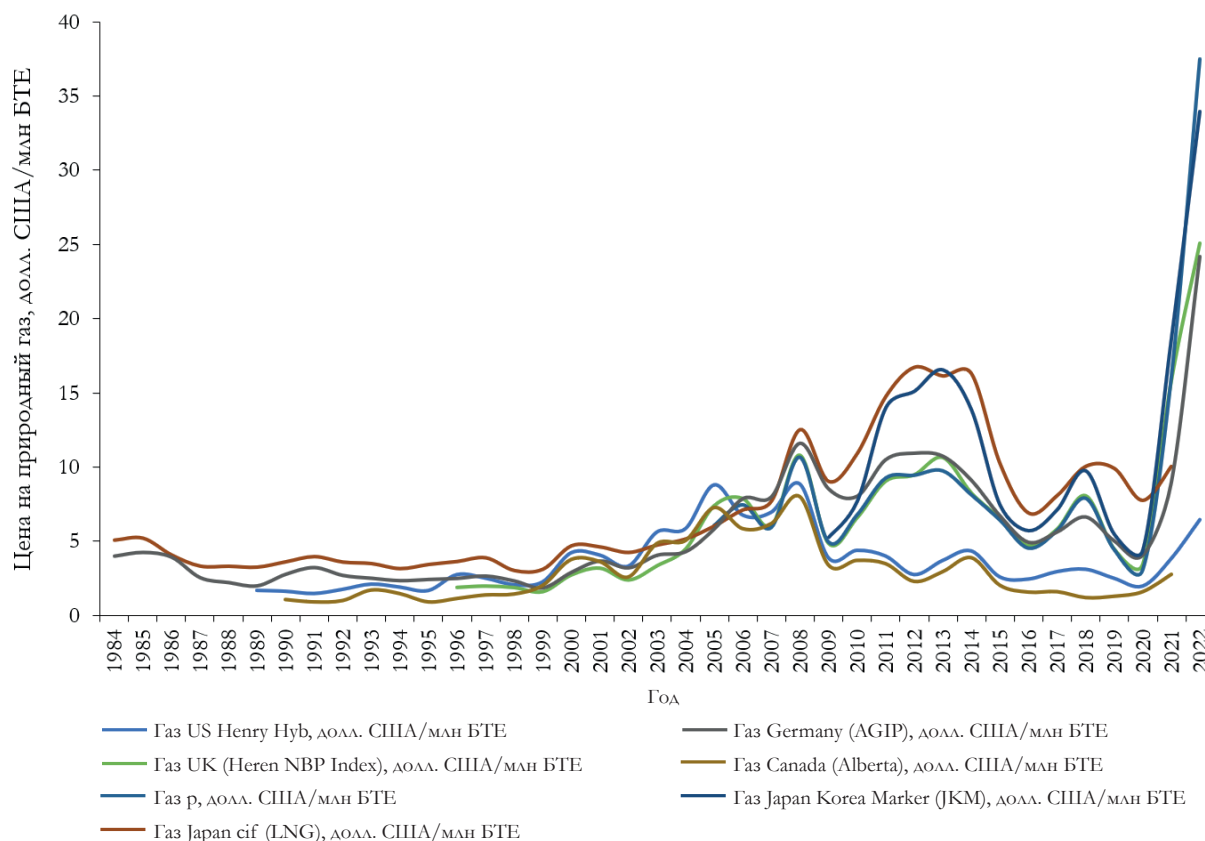
Далее проведена оценка динамики цен на основные виды топлива: нефть, природный газ и уголь. Следует пояснить, что при проведении такой оценки учитывались различия в ценах в зависимости от марки (для нефти) и хабов (для природного газа и угля). Кроме того, временной горизонт для различных видов топлива разный по причине того, что статистика цен от Energy Institute за пределами периода

⁶ Керсипова Е. Начало специальной военной операции (СВО) России на Украине: причины и цели, хронология первых дней. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2024/02/24/nachalo-svo/> (дата обращения: 21.07.2024).

⁷ Смирнов В. Что известно о подрыве газопроводов «Северный поток-1» и «Северный поток-2». Режим доступа: <https://tass.ru/info/17258101> (дата обращения: 21.07.2024).

⁸ Energy Institute. Statistical Review of World Energy Data. Режим доступа: <https://www.energyinst.org/statistical-review/resources-and-data-downloads> (дата обращения: 21.07.2024).

исследования не опубликована. Результаты этой оценки по динамике цен на природный газ отображены на рис. 4, в соответствии с которыми можно сделать ряд выводов.



Примечание: БТЕ – британская тепловая единица

Источник⁹

Рис. 4. Динамика цен на природный газ за период 1984–2022 гг.

Явным проявлением энергетического кризиса 2021–2022 гг. является резкий (скачкообразный) рост цен на основные виды топлива. При этом наибольший рост наблюдается на рынке природного газа. Как видно на рисунке, не на всех региональных рынках природного газа в 2022 г. произошел резкий рост цен. В частности, на рынках США и Канады рост цен на природный газ не оказался критическим и не привел к достижению глобального максимума. Следует отметить, что цена на природный газ Japan cif (LNG) также не показала существенного роста, но по данному рынку отсутствует информация за 2022 г.

Наибольший скачок цен на природный газ в 2022 г. произошел на рынке Нидерландов. Азиатский рынок также показал сопоставимо равный рост цен, хотя и немногим слабее. На рынках Германии и Великобритании также отмечается резкий рост цен на природный газ.

Подобная ситуация наблюдается на рынке угля, хотя здесь кризис проявился менее выражено. Достижение глобальных максимумов отмечается на рынках Европы, США и Японии. Рынок Китая к концу периода исследования находился в относительной стагнации, но при этом необходимо принять к сведению отсутствие данных за 2022 г. На наш взгляд, меньше всего энергетический кризис 2021–2022 гг. затронул нефтяной рынок, хотя рост цен в 2022 г. наблюдался по всем маркам нефти.

Для выявления связи между мировым энергетическим кризисом и наметившимися тенденциями формирования нового энергетического уклада рассмотрим динамику удельного веса ВИЭ в структуре энергогенерации в разрезе регионов мира (табл. 2).

⁹ Energy Institute. Statistical Review of World Energy Data. Режим доступа: <https://www.energyinst.org/statistical-review/resources-and-data-downloads> (дата обращения: 21.07.2024).

Таблица 2

Динамика удельного веса ВИЭ в структуре энергетических балансов по регионам мира

Регион мира	2000 г., %	2005 г., %	2010 г., %	2015 г., %	2022 г., %	Прирост (+/-), п.п.
Европа	20,1	19,8	25,2	33,6	43,0	+ 22,9
Содружество Независимых Государств	17,9	17,9	16,3	15,6	19,7	+ 1,8
Северная Америка	15,5	15,5	16,7	20,3	28,1	+ 12,6
Латинская Америка	61,6	58,8	57,3	51,8	64,7	+ 3,1
Азия	13,3	13,7	15,7	19,7	26,9	+ 13,6
Тихий океан	18,9	18,0	18,7	23,7	38,6	+ 19,7
Африка	17,9	17,0	17,2	18,0	25,0	+ 7,1
Ближний Восток	1,7	4,3	2,0	1,7	3,2	+ 1,5

Источник¹⁰

Так, за последние два десятилетия наблюдается увеличение доли выработки энергии из ВИЭ по всем регионам мира. Наибольший прирост фиксируется в Европе (+ 22,9 %) и в Тихоокеанском регионе (+ 19,6 %), наименьший – на Ближнем Востоке (+ 1,5 %) и в Содружестве Независимых Государств (+ 1,8 %). Наибольшая доля ВИЭ в общей выработке энергии наблюдается в Латинской Америке (64,7 %) и в Европе (43,0 %). Доля ВИЭ особенно высока в странах с крупными гидроэнергетическими ресурсами, например, Бразилия, Канада, Норвегия, Новая Зеландия, Швеция (более 65 % от общей выработки).

При этом следует отметить, что величина показателя удельного веса зависит от различных факторов, таких как доступность ВИЭ и стоимость затрат на генерацию из этих источников, доступность и стоимость ископаемого топлива, уровень экономического развития стран, включенных в соответствующую группу, а также политический фактор. Так, например, низкий удельный вес ВИЭ на Ближнем Востоке обусловлен наличием и дешевизной добычи углеродного ископаемого сырья и отсутствием необходимости роста энергогенерации за счет ВИЭ в ближайшей перспективе, в Содружестве Независимых Государств – структурной трансформацией экономических систем стран, входящих в данный регион, сопровождающейся частыми и продолжительными кризисами, которые не способствовали развитию использования ВИЭ. В Европе высокие показатели как удельного веса, так и прироста обусловлены зависимостью от импортных поставок ископаемого топлива, отсутствием собственных месторождений в большинстве стран данной группы, политическими мотивами (снижением зависимости от российского сырья).

Можно наблюдать колебания показателей прироста удельного веса ВИЭ в течение анализируемого периода. Например, в Латинской Америке до 2015 г. фиксировался отрицательный прирост доли ВИЭ, в других регионах (за исключением Европы, Азии и Северной Америки) положительный прирост также был непостоянным¹¹. В целом по всем регионам мира, как указывалось ранее, на конец исследуемого периода зафиксирован положительный прирост, который может быть связан с влиянием глобального энергетического кризиса. Сокращение предложения природного газа на региональных рынках, рост стоимости и высокая волатильность цен на данный энергоресурс (фиксируемая с конца 2021 г.) привели к финансовому заражению энергетических отраслей различных стран. Вслед за природным газом выросли цены на уголь, твердое топливо, продукты нефтепереработки, что привело к росту затрат на энергогенерацию. Все это способствовало усилению позиций ВИЭ в энергопроизводстве в общемировых масштабах.

В этих условиях Россия оказалась перед необходимостью переосмысления своих роли и места в формирующемся новом мировом энергетическом укладе. Она продолжает играть ключевую роль в поставках традиционных энергоносителей (прежде всего природного газа) на мировые рынки. Однако, учитывая общемировые тенденции декарбонизации и ускоренного развития ВИЭ, Россия вынуждена адаптировать свою энергетическую стратегию к новым реалиям посредством активизации темпов роста «зеленой»

¹⁰ Enerdata. Share of renewables in electricity production. Режим доступа: <https://energystats.enerdata.net/renewables/renewable-in-electricity-production-share.html> (дата обращения: 21.07.2024).

¹¹ Там же.

энергетики. Реализуются программы поддержки ветровой и солнечной энергетики, наращиваются мощности гидроэлектростанций, а также предпринимаются шаги по развитию перспективных технологий, таких как геотермальная и водородная энергетика. В данном контексте страна, обладая значительными ресурсами, научно-техническим потенциалом и трансграничной энергетической инфраструктурой, может стать одной из ведущих на формирующемся глобальном энергетическом рынке [11; 12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье проведено исследование, направленное на оценку роли энергетического кризиса 2021–2022 гг. в смене энергетического уклада, представлена характеристика энергетических укладов в историческом разрезе. Установлено, что мировое сообщество в настоящее время переживает переходный энергетический уклад, характеризующийся ослаблением позиций нефти и усилением роли природного газа и других видов топлива. Также авторы пришли к выводу о том, что усиление позиций политики энергоперехода и декарбонизации энергосистем, которое наблюдается в условиях влияния мирового энергетического кризиса, является предпосылкой формирования нового энергетического уклада, базирующегося на использовании ВИЭ и водородного сырья.

Энергетический кризис 2021–2022 гг. более всего затронул рынок природного газа в Европе и Азии. В то же время на мировом энергетическом рынке наблюдается устойчивая тенденция к снижению доли потребления нефти, причем такое снижение происходит в большей степени за счет роста доли потребления природного газа и ВИЭ. По нашему мнению, рассмотренная ситуация свидетельствует о том, что энергетический кризис является предвестником грядущей смены энергетического уклада. Обобщая выказанное, можно сформулировать тезис – смена энергетического уклада характеризуется переходом от нефтяного уклада к укладу с преобладанием потребления ВИЭ, что произойдет в ближайшие десятилетия.

Список литературы

1. Терехов А.М., Николенко П.Г., Лазутина А.А. Энергетический рынок стран Балтийского региона: аналитический обзор состояния и готовности к кризису 2021–2022 гг., антикризисные меры. ЦИТИСЭ. 2024;2(40):32–51.
2. Родионова М.Е., Юшков И.В., Митрахович С.П. и др. Энергетика в современном мире. 2е изд., пер. и доп. М.: КноРус; 2021. 534 с.
3. Воробьев Б.М. Уголь мира. Т. 1: Глобальный аспект. М.: Изд-во Московского государственного горного университета; 2007. 223 с.
4. Тарасевич А.А. Научное движение в России в первой половине XIX века: естествознание и медицина. Т. 6: Эпоха реакции (1866–1892). СПб: Бр. А. и И. Гранатъ и Ко; 1910. 327 с.
5. Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблишер; 2019. 944 с.
6. Архитов Н.А., Бурак Е.В., Галкин Ю.В. и др. Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России. М.: ИНЭИ РАН; 2015. 400 с.
7. Gilbert A., Bazilian M.D., Gross S. The emerging global natural gas market and the energy crisis of 2021–2022. Foreign Policy, Brookings. 2021;1:1–10.
8. Gutium T. Causes and consequences of the 2021 energy crisis. In: Experience. Knowledge. Contemporary Challenges: Implications of the social-economic and ecological paradigm on the power reports and global Governance: Proceedings of the International Symposium. Bucharest: Artifex University of Bucharest; 2021. Pp. 98–106.
9. Cui L. The European energy crisis of 2022 in the context of increasing sanctions pressure on the Russian Federation: Analysis of economic losses and scenarios. European Chronicle. 2022;3(7):19–29.
10. Речкина Е.А., Терехов А.М. Анализ состояния рынка газа в условиях обострения украинского кризиса. Вестник университета. 2023;3:60–70. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-3-60-70>
11. Шувалова Д.Г., Овчинникова Ю.А., Лыкова О.А. Сравнительный анализ отраслевых рынков энергомашиностроительной отрасли и энергетики. E-Management. 2022;2(5):109–120. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-2-109-120>
12. Моттаева А.Б. Трансформация современной модели «низкоуглеродной» экономики. E-Management. 2024;2(7):16–28. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-2-16-28>

References

1. Terekhov A.M., Nikolenko P.G., Lazutina A.L. Energy market of the Baltic Region countries: analytical review of the state and preparedness for the crisis of 2021–2022, anti-crisis measures. CITISE. 2024;2(40):32–51. (In Russian).

2. Rodionova M.E., Yushkov I.V., Mitrakovich S.P. et al. Energy in the modern world. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: KnoRus; 2021. 534 p. (In Russian).
3. Vorobyov B.M. Coal of the world. Vol. 1: Global aspect. Moscow: Moscow State Mining University Publ. House; 2007. 223 p. (In Russian).
4. Tarasevich L.A. Scientific movement in Russia in the first half of the XIX century: Natural science and medicine. Vol. 6: Era of Reaction (1866–1892). St. Petersburg: A. and I. Granat Brothers and Co; 1910; 327 p. (In Russian).
5. Yergin D. Mining: world history of struggle for oil, money and power. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 944 p. (In Russian).
6. Arkhipov N.A., Buryak E.V., Galkin Yu.V. et al. Evolution of global energy markets and its consequences for Russia. Moscow: Institute of Energy Research of the Russian Academy of Sciences; 2015. 400 p. (In Russian).
7. Gilbert A., Bazilian M.D., Gross S. The emerging global natural gas market and the energy crisis of 2021–2022. Foreign Policy, Brookings. 2021;1:1–10.
8. Gutium T. Causes and consequences of the 2021 energy crisis. In: Experience. Knowledge. Contemporary Challenges: Implications of the social-economic and ecological paradigm on the power reports and global Governance: Proceedings of the International Symposium. Bucharest: Artifex University of Bucharest; 2021. Pp. 98–106.
9. Cui L. The European energy crisis of 2022 in the context of increasing sanctions pressure on the Russian Federation: analysis of economic losses and scenarios. European Chronicle. 2022;3(7):19–29.
10. Rechkina E.A., Terekhov A.M. Analysis of the state of the gas market in the context of the aggravation of the Ukrainian crisis. Vestnik universiteta. 2023;3:60–70. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-3-60-70>
11. Shuvalova D.G., Orchinnikova Yu.A., Lykova O.A. Industrial markets of the power engineering industry and energy: comparative analysis. E-Management. 2022;2(5):109–120. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-2-109-120>
12. Mottaeva A.B. Transformation of the modern model of low-carbon economy. E-Management. 2024;2(7):16–28. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-2-16-28>

Глобальная архитектура торговли сельскохозяйственной продукцией: современные триггеры

Смирнов Евгений Николаевич

Д-р экон. наук, зав. каф. мировой экономики и международных экономических отношений
ORCID: 0000-0002-9325-7504, e-mail: en_smirnov@guu.ru

Карелина Екатерина Александровна

Канд. экон. наук, доц. каф. мировой экономики и международных экономических отношений
ORCID: 0000-0002-8402-4215, e-mail: opferpriesterin@mail.ru

Плетнев Максим Геннадьевич

Ст. преп. каф. управления транспортными комплексами, нач. Управления координации научных исследований
ORCID: 0000-0003-1798-4213, e-mail: mg_pletnev@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Проанализированы ключевые изменения, наблюдающиеся в современной международной торговле сельскохозяйственной продукцией с позиции оценки тех вызовов, с которыми сталкиваются рынки аграрной продукции в последние годы. Рассмотрены особенности эволюции международной торговли продукцией агропромышленного комплекса, оценены основные тренды и изменения в мировом производстве и потреблении, определены среднесрочные перспективы развития. Показана трансформация мирового земельного фонда вследствие развития международной торговли, которая стала существенно диверсифицированной, отмечено сохранение дифференциации между чистыми экспортерами и чистыми импортерами сельскохозяйственной продукции. Сформулированные в ходе исследования изменения в мировом производстве и потреблении сельскохозяйственных товаров становятся ключевым триггером модернизации глобальной архитектуры международной торговли. Показано, что она останется ключевым фактором дальнейшего развития сельскохозяйственного производства, однако достигнутый процесс в либерализации экспорта и импорта является значимым с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности наименее развитых стран-импортеров. Также установлено, что мировые цены на сельскохозяйственную продукцию стабилизируются в среднесрочной перспективе, что является важным фактором продовольственного обеспечения развивающихся стран.

Ключевые слова

Агропромышленный комплекс, сельскохозяйственная продукция, международная торговля, продовольствие, экспорт, импорт, производство, потребление

Для цитирования: Смирнов Е.Н., Карелина Е.А., Плетнев М.Г. Глобальная архитектура торговли сельскохозяйственной продукцией: современные триггеры // Вестник университета. 2024. № 10. С. 142–149.

Global agricultural trade architecture: contemporary triggers

Evgenii N. Smirnov

Dr. Sci. (Econ.), Head of the World Economy and International Economic Relations Department
ORCID: 0000-0002-9325-7504, e-mail: en_smirnov@guu.ru

Ekaterina A. Karelina

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the World Economy and International Economic Relations Department
ORCID: 0000-0002-8402-4215, e-mail: Opferpriesterin@mail.ru

Maxim G. Pletnev

Senior Lecturer at the Transport Complex Management Department, Head of the Department for Coordination of Scientific Research
ORCID: 0000-0003-1798-4213, e-mail: mg_pletnev@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The key changes observed in modern international trade in agricultural products have been analyzed from the position of assessing the challenges faced by agricultural markets in recent years. The features of the agro-industrial products international trade evolution have been considered, the main trends and changes in global production and consumption have been assessed, and medium-term development prospects have been defined. The world land fund transformation due to international trade development, which has become significantly diversified, has been shown, and the preservation of differentiation among net exporters and net importers of agricultural products has been noted. The changes in the world production and consumption of agricultural commodities formulated in the course of the study have become the key trigger for modernization of the global architecture of international trade. It has been shown that it will remain a key factor in the further development of agricultural production, but the process achieved in exports and imports liberalization is significant in terms of ensuring food security of the least developed importing countries. It has also been found that world agricultural commodity prices will stabilize in the medium term, which is an important factor in the food security of developing countries.

Keywords

Agro-industrial complex, agricultural products, international trade, food, export, import, production, consumption

For citation: Smirnov E.N., Karelina E.A., Pletnev M.G. (2024) Global agricultural trade architecture: contemporary triggers. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 142–149.



ВВЕДЕНИЕ

Глобальные потоки международной торговли сельскохозяйственной продукцией оказывают заметное воздействие на земельные системы и потерю биоразнообразия, а также на доступность продовольствия. Современные исследования отмечают неоднородность такого воздействия в разрезе отдельных видов аграрной продукции и регионов. Так, вследствие международной торговли спрос на экзотические фрукты возрос, ухудшив экосистему тропических лесов, однако, например, концентрация выращивания зерновых в Соединенных Штатах Америки (далее – США) и Канаде, напротив, способствовала сбережению земельного фонда [1].

Вместе с тем имеется мало количественных оценок международной торговли сельскохозяйственными товарами, особенно в период промышленной революции, однако очевидно, что в этот период она росла за счет технологических инноваций, обусловивших снижение транспортных издержек (развитие железных дорог, пароходства), что в свою очередь привело к последующей либерализации международного обмена [2; 3]. Таким образом, можно говорить о том, что в период до окончания Второй мировой войны росло аграрное производство и снимались барьеры, существовавшие в доиндустриальную эпоху (в исследовании С. Грингича широко описаны эти аспекты) [4]. Развитие сельского хозяйства в Российской Федерации (далее – РФ, Россия), США и Канаде обеспечивало продукцией страны Европы.

В ходе своей эволюции международная торговля сельскохозяйственной продукцией претерпела значительные изменения, способствовавшие изменению ее глобальной архитектуры. В связи с этим настоящее исследование посвящено анализу тех фундаментальных структурных сдвигов и триггеров, которые были характерны для мировых аграрных рынков на протяжении их эволюции, а также оценке перспектив их развития.

ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИЕЙ

Рост объемов международной торговли со времен промышленной революции все больше вел к трансформации мирового земельного фонда, и развитие глобального экспорта и импорта аграрной продукции выступило одним из ключевых триггеров в отношении земель сельскохозяйственного назначения (например, развитие торговли лесом приводило к вырубке лесов).

Далее следует упомянуть период, именуемый в специализированной библиографии как «великое ускорение» международной торговли сельскохозяйственной продукцией [1]. После Второй мировой войны международная торговля лесной и сельскохозяйственной продукцией значительно ускорилась, как и трансграничная торговля ископаемым топливом, которая позволила снять ограничения на поставку импортных ресурсов для развития земельных систем многих стран. Несмотря на рост абсолютных значений, доля сельскохозяйственных товаров в международной торговле продолжала снижаться в послевоенные десятилетия.

При этом длительное время зерновые являлись ключевым товаром в международной торговле сельскохозяйственной продукцией, однако постепенно росла и роль кормовых культур и фуража, особенно по мере развития животноводства и более широкого вовлечения его в оборот. Со временем возросло значение специализированных культур, в том числе пальмового масла, которого экспортировалось все больше в последние десятилетия. Регионы, которые были в меньшей степени густонаселены (Австралия, Северная Америка, Латинская Америка), с 1980-х гг. стали значимыми экспортерами сельскохозяйственной продукции в страны Европы с высокой плотностью населения. В то же время в результате трансформации своей торговой политики значимым импортером аграрной продукции стал Китай, тогда как с 1990 г. страны бывшего Советского Союза, включая Россию, из чистых импортеров стали чистыми экспортерами аграрной продукции [5].

В настоящее время одним из ключевых центров экспорта сельскохозяйственной продукции в мире остается Европейский союз (далее – ЕС, Евросоюз), и проблемы с продовольственной безопасностью там решены лучше других. Это во многом связано с эффективным встраиванием стран региона в глобальные агропродовольственные цепочки, где государства выступают импортером сырья и промежуточных ресурсов и экспортером готовой продукции, то есть продовольствия. При этом чистая позиция в международной торговле сельскохозяйственной продукцией ЕС улучшается год из года. Так, в 2023 г.

торговля аграрной продукцией между Евросоюзом и остальными странами достигла 411 млрд евро, увеличившись на 3,2 %. У ЕС продолжает наблюдаться положительное сальдо торгового баланса по сельскохозяйственной продукции, при этом стоимость экспорта остается стабильной, а импорта – заметно падает. Если брать более широкий временной отрезок, 2013–2023 гг., то объем аграрной международной торговли ЕС рос в среднем на 4,6 %, а экспорт – быстрее импорта. Экспорт аграрной продукции в основном ориентируется на Великобританию (доля – 22 % от общего объема экспорта ЕС), США (12 %) и Китай (6 %). Импортировалась продукция из Бразилии (9 %), Великобритании (8 %), Китая (7 %) и США (7 %)¹.

На современном этапе обмен сельскохозяйственным сырьем является характерным между странами с разной (различающейся) плотностью населения, которое экспортируется из менее в более густонаселенные страны, тогда как другие виды сырья экспортируются из стран с низкими/средними доходами в страны с высокими (эта закономерность установлена в исследовании К. Дорнингера) [6].

П. Д’Одориго на основе массивов данных Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (далее – ФАО) пришел к выводу о росте международной торговли продовольствием более чем вдвое за 30 лет начиная с 1980-х гг., а доля продовольствия в мировом производстве достигла около 25 % [7]. Современная международная торговля удовлетворяет около 25 % человеческих потребностей в продовольствии с преобладанием (в пересчете на калории) пшеницы, на которую приходится 60 % продаваемых калорий и 44 % реализуемого по каналам международной торговли белка. Международная торговля продовольствием обеспечивается 20 % пахотных земель и 11 % пастбищ в мире, на которых и осуществляется экспортное производство.

Также следует отметить рост более чем в два раза числа стран-партнеров в международной торговле продовольствием за последние 30 лет. В 1986 г. только на США приходилось 25 % мирового экспорта продовольствия, эта доля снизилась до 17 % уже к 2009 г., когда Бразилия и Индонезия стали ключевыми экспортерами. А. Чаудхари и Т. Кастнер на основе определения объемов импорта отдельных видов продовольствия определенными странами продемонстрировали зависимость конкретного государства от других в удовлетворении внутреннего спроса на продовольственные товары [8]. Например, большая часть глобального спроса на фрукты и овощи со стороны развитых стран удовлетворяется посредством импорта из стран с низким уровнем дохода.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ И ПОТРЕБЛЕНИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ ТОРГОВЛЮ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

Характер современных структурных сдвигов в международной торговле аграрной продукцией обусловлен серьезными изменениями в производстве и потреблении сельскохозяйственной продукции в разрезе отдельных товаров, стран и регионов. Так, в эволюции потребления мы отмечаем следующие фундаментальные изменения, которые имеют место и будут проявляться все четче в ближайшие годы.

1. Использование продовольствия и кормов останутся основными источниками глобального потребления сельскохозяйственной продукции. Спрос на аграрную продукцию определен многими факторами (ожидаемые цены, реальные располагаемые доходы, предпочтения потребителей и политика, определяющая объем аграрного производства и др.). Ожидается, что до 2033 г. совокупное потребление сельскохозяйственных товаров в мире будет ежегодно расти на 1,1 %, при этом свыше 90 % дополнительного объема потребления обеспечат развивающиеся страны (40 % – страны Южной и Юго-Восточной Азии, в том числе 20 % – Индия). Рост населения и его доходов ведет к изменению моделей питания в указанных странах, то есть в Китае и Индии рост потребления продовольствия замедляется и наблюдается все большая ориентация на повышение качества питания. В странах Африки, напротив, увеличение спроса на продовольствие по-прежнему обусловлено ростом населения. Страны Латинской Америки – крупные производители биотоплива и мяса – вносят свой специфический дополнительный вклад в глобальное потребление аграрной продукции [9].

В международных масштабах на использование продовольствия приходится 42 % мирового потребления сельскохозяйственной продукции, 34 % – на использование кормов, существенно расширившееся в последние десятилетия вследствие диверсификации рационов (увеличение доли потребления мяса, обусловившее рост животноводства) ввиду роста доходов, 7 % – на использование биотоплива, которое

¹ Eurostat. Trade in agricultural goods down 3.2 % in 2023. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20240508-1> (дата обращения: 30.06.2024).

в основном стимулируется мерами политики. Оставшаяся доля (17 %) приходится на сырье для промышленных предприятий или «теряется» в глобальных цепочках поставок. К 2033 г. доля использования продовольствия увеличится до 46 % в основном вследствие роста населения Индии, стран Юго-Восточной Азии и Африки. Доля использования кормов в мировом потреблении, как ожидается, останется неизменной: несмотря на рост доли использования сельскохозяйственных культур как продовольствия по сравнению с долей кормов, следует указать на определенную дифференциацию между странами. Использование кормов будет расти быстрее в странах со средним и высоким уровнями дохода, что связано с быстрым ростом спроса на животный белок и, соответственно, корма. В странах с низким уровнем дохода увеличение доли использования продовольствия будет опережать рост использования кормов по причине продолжающегося значительного спроса со стороны населения на основные продукты питания.

2. Продолжится снижение доли продовольствия в расходах домохозяйств всех регионов, однако эти расходы останутся значительными в наименее развитых странах, что показывает высокую степень уязвимости указанных государств к шокам мировых цен на продовольствие и низкую степень их продовольственной безопасности. Высокий удельный вес продовольствия в расходах домохозяйств также негативно отражается на макроэкономических параметрах наименее развитых держав. Для стран – чистых импортеров аграрной продукции (страны Африки к югу от Сахары) колеблющиеся и высокие мировые цены на продовольствие ведут к высоким расходам на импорт и, следовательно, к дополнительным проблемам, связанным с инфляционным давлением и устойчивостью платежного баланса.

3. Увеличение использования кормов связано с увеличением поголовья скота, интенсификацией животноводства и ростом значения аквакультуры. Рост мирового поголовья скота возрастет к 2033 г. на 10 %, а производство на базе белка – на 14 %, поэтому можно сделать вывод об интенсификации как аквакультуры, так и животноводства. Эти тенденции увеличат спрос на корма в мире на 13 %, однако большая часть роста использования кормов придется на экономики со средним уровнем дохода, где повышаются численность поголовья, а также доля производства на фермах, интенсивно использующих корма (это будет характерно для стран Юго-Восточной Азии, в которых рост производства птицы и свинины будет выше спроса на импорт злаков и муки). Вместе с тем среди стран со средним уровнем дохода в Китае спрос на корма замедлится ввиду как повышения эффективности их использования, так и слабого восстановления экономики и замедления роста населения.

Будут наблюдаться следующие изменения в мировом производстве сельскохозяйственной продукции:

1. Увеличение мирового производства в основном будет происходить за счет повышения урожайности в развивающихся странах. Рост мирового сельскохозяйственного производства в ближайшие 10 лет составит в среднем за год 1,1 %, животноводства – 1,3 %, производства рыба – 1,1 %, сельскохозяйственных культур – 1 %. При этом 80 % мирового сельскохозяйственного производства обеспечат развивающиеся страны, доля Китая снизится, а Индии – возрастет [9]. Доля стран Африки в свою очередь будет расти, а расширение животноводства будет обусловлено в основном молочной промышленностью, тогда как в странах Северной Африки и Ближнего Востока – птицеводством. Сельскохозяйственное производство медленнее всего будет расти в странах Центральной Азии и Европе и ограничено – в странах Северной и Латинской Америки. Рост будет обеспечиваться преимущественно повышением производительности, снижение использования земель сельскохозяйственного назначения сохранится, а более жесткие экологические правила для животноводства отрицательно скажутся на росте урожайности.

Страны продолжают переход к более интенсивным системам сельскохозяйственного производства: повышение урожайности останется определяющим фактором роста производства сельскохозяйственных культур (она также останется значимой и для животноводства). В странах Азиатско-Тихоокеанского региона, где ресурсы ограничены, рост сельскохозяйственного производства будет связан с повышением производительности земель (в том числе в Африке будут расширяться посевные площади, внедряться лучшие сорта культур и передовые практики управления фермерством, в Латинской Америке акцент будет сделан на расширении применения удобрений).

2. Важную роль для сельскохозяйственного производства играет его устойчивая интенсификация. Урожайность в мире растет, но она дифференцирована по отдельным регионам, странам и товарам. Географически в мире выражены различия урожайности по корнеплодам и кукурузе, тогда как урожайность по сое в мире в целом уже одинаково высока. Самый медленный рост урожайности (и самые малые различия в урожайности) характерны для масличных культур. В странах Африки ожидается высокий рост

урожайности зерновых. Также наибольшие разрывы в урожайности будут сокращаться в мире для пшеницы, риса и кукурузы.

Примечательно, что дифференциация стран по урожайности обычно объясняется анализом введения удобрений на га посева по сравнению с выходом урожая на га, однако важны и эффективное управление фермерскими хозяйствами, природные ресурсы и климатические условия. В США и странах ЕС, где высока урожайность, развитие передовых методов производства ограничено в перспективе по сравнению с другими странами, хотя в будущем вероятно использование новых технологий, связанных с применением удобрений.

3. В сельском хозяйстве будут происходить небольшие изменения в землепользовании. В мировом земельном фонде сельским хозяйством используется 38 % площадей, на одной трети которых выращиваются культуры, а две трети используются как пастбища. Историческая трансформация природных экосистем в сельскохозяйственные вела к расширению выбросов парниковых газов. В ближайшее десятилетие площади сельскохозяйственных земель не будут увеличиваться, но рост пахотных земель будет компенсирован сокращением пастбищ. Увеличение пахотных земель будет происходить в основном в странах Африки к югу от Сахары, Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки, причем, например, в Африке будут вовлекаться в оборот несельскохозяйственные земли, а в Латинской Америке – наоборот, пахотные земли будут заменяться за счет пастбищ. Следует принимать во внимание, что естественные условия ограничивают расширение пахотных земель в странах Северной Африки и Ближнего Востока (необходимость орошения почв в засушливых регионах). В странах Европы, в США и Канаде пахотные земли будут сокращаться вследствие более жестких экологических правил. Уменьшение количества пастбищ в мире будет связано с переходом стран Азии к интенсивным системам в птицеводстве, для развития которых они не нужны.

4. В структуре расширяющегося животноводства быстрее всего будет расти доля молочной промышленности.

5. Выбросы парниковых газов в мировом сельском хозяйстве снизятся, хотя они продолжают расти в странах с низкими уровнями доходов. В результате климатических изменений возникнут как новые проблемы, так и возможности для развития мирового сельскохозяйственного производства.

6. Важную роль для формирования в перспективе устойчивых агропродовольственных систем будет играть дальнейшее сокращение пищевых отходов и потерь продовольствия. Наличие этих отходов и потерь в глобальных цепочках создания стоимости является общепризнанным, в том числе на уровне ФАО, которая отмечает, что около трети продовольствия, произведенного для потребления в мире, выбрасывается или теряется [10]. Этот факт уменьшает доступность продовольствия и создает дополнительную нагрузку на окружающую среду, что важно с точки зрения достижения глобальной продовольственной безопасности.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ СДВИГИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИЕЙ

Среднегодовой рост международной торговли аграрной продукцией в ближайшие годы не превысит 1 %, однако, несмотря на сбои во время пандемии коронавируса, эта торговля была более устойчивой по сравнению с другими отраслями и секторами. Согласно прогнозам, устойчивость сохранится. Доля сельскохозяйственной продукции, поступающей на экспорт, в последние годы стабилизировалась до значительного роста в 2000-х гг., обусловленного как присоединением Китая к Всемирной торговой организации, так и принятием Соглашения по сельскому хозяйству. Эта достигнутая доля экспорта сельскохозяйственной продукции в совокупном ее производстве также сохранится.

Вместе с тем усилия, предпринятые в части либерализации международной торговли в последние десятилетия, будут оказывать менее значимое влияние, поскольку прогресс в поддержке производителей, искажающей торговлю, так же, как и в снижении тарифов, замедлился. Устойчивость глобальных рынков сельскохозяйственной продукции возросла, однако многие страны-экспортеры и страны-импортеры продолжают испытывать потрясения и уязвимости, в том числе к узким местам в глобальных цепочках поставок. Международная торговля по-прежнему играет ключевую роль в обеспечении населения во всем мире продовольствием, а также в доходах разных субъектов в пищевой промышленности и сельском хозяйстве в основном за счет того, что аграрная продукция эффективно распределяется в регионы, испытывающие ее дефицит, из областей с ее избытком.

Международная торговля аграрной продукции растет быстрее ее производства: в 2000–2023 гг. доля торговли в производстве возросла с 15 до 23 %. Однако есть серьезные различия по товарам, поскольку по некоторым из них большая часть производства потребляется на внутреннем рынке стран-производителей (например, сухое молоко, соя, растительные масла, хлопок, сахар до половины мирового производства потребляются без экспорта либо используются для дальнейшей переработки). Доля экспорта аграрной продукции в мировом производстве не будет серьезно расти в ближайшие годы, а по таким товарам, как рыба и растительные масла, будет происходить снижение.

Одновременно наблюдается расширение поставок между основными регионами-экспортерами и регионами-импортерами. Чистые экспортеры аграрной продукции (Северная Америка, Латинская Америка) будут наращивать излишки своего производства, а другие регионы с быстрым ростом населения (Ближний Восток, вся Африка) будут по мере роста своего потребления аграрной продукции пропорционально наращивать ее чистый импорт. Страны Латинской Америки, особенно Бразилия, продемонстрировали значительное увеличение экспорта и укрепятся в качестве лидирующего экспортера. Северная Америка сохранит вторую позицию, однако рост чистого экспорта региона замедляется опережающим ростом внутреннего потребления аграрной продукции. Центральная Азия и Восточная Европа стали с 2014 г. чистыми экспортерами за счет роста производительности на основе реформ сельского хозяйства и активизации усилий по привлечению иностранных инвестиций. Тем не менее проведение специальной военной операции на территории Украины замедляет рост торгового излишка региона по причине новых сбоях в глобальных цепочках производства и экспорта аграрной продукции.

Модели импорта также изменились ввиду роста глобального спроса на аграрную продукцию, особенно в регионах с демографическим бумом. Азия, доля которой в мировом населении составляет 60 %, за последние 30 лет четырехкратно увеличила спрос на импорт сельскохозяйственной продукции. Это произошло в основном за счет Китая, экономика которого сегодня замедляет темпы развития, поэтому позиция Азии как чистого импортера стабилизируется в ближайшие годы. Северная Африка и Ближний Восток продолжат увеличение импорта аграрной продукции при почти неизменном экспорте, что связано как с ростом населения, так и с ограниченными условиями для внутреннего производства. В связи с этим со стороны указанного региона ожидается рост чистого импорта к 2033 г. на 32 %, тогда как Африка к югу от Сахары нарастит чистый импорт на 77 % [9].

Следует отметить, что в последние годы глобальные сельскохозяйственные и продовольственные рынки стали более устойчивыми, чтобы удовлетворить потребности быстрорастущего населения и продовольственную безопасность стран в целом. Роль международной торговли в устойчивости сельскохозяйственного производства является решающей. Она способствует эффективному перетоку продовольствия из стран, где производственные возможности являются оптимальными, в страны, где необходимы потребление или переработка. Торговля – важный инструмент диверсификации импорта продовольствия, а также нивелирования последствий локальных шоков (например, экстремальных погодных явлений или неурожаев).

Экстремальные климатические условия нарушают работу мировых рынков сельскохозяйственной продукции, поскольку предложение сокращается, глобальные цепочки поставок нарушаются, издержки растут, а качество продукции снижается. Международная торговля аграрной продукцией может способствовать решению этих проблем. В одном из последних отчетов Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) раскрыты сложные взаимосвязи между международной торговлей и продовольственной безопасностью при воздействии неопределенности, обусловленной экстремальными погодными условиями [11]. В документе рассматривалось два сценария:

- 1) «ограниченная торговля», когда страна удваивает тарифы, а объемы импорта сокращает вдвое;
- 2) «интегрированная торговля», когда тарифы, напротив, вдвое сокращаются, а объемы импорта увеличиваются вдвое.

Анализ, проведенный экспертами ОЭСР, показал, что «интегрированная торговля» ведет к тому, что страны становятся менее уязвимыми к низкой урожайности, поскольку продовольствие становится более доступным, снижая риски резкого роста мировых цен на продовольствие. В целом торговая интеграция положительно воздействует на доступность продовольствия, риски высоких внутренних цен также уменьшаются по мере торговой интеграции. Таким образом, открытая торговля является фактором стабилизации расходов на продовольствие. Если торговля идет без ограничений, импортеры имеют высокую гибкость для маневров потребителей на мировом рынке продовольствия, заменяя внутренние

поставки импортом. В таком случае шоки урожайности на внутренних потребителей не оказывают значимого влияния, как это было бы при торговле, ограниченной разного рода барьерами. Однако, когда доля внутреннего производства в совокупном потреблении невысока, за счет либерализации торговли цены могут «передаваться» с мирового рынка, ведя к более высокой волатильности внутренних цен.

Наконец, важную роль для торговли играет динамика мировых цен на сельскохозяйственную продукцию, и в ближайшие годы они будут детерминированы последствиями пандемии COVID-19, нынешними вооруженными конфликтами и климатическими условиями в основных странах-производителях. Связанные с этими событиями сбои в глобальных цепочках поставок обусловили рост издержек на удобрения и энергоносители, увеличив реальные цены на аграрную продукцию в 2020–2022 гг. Сегодня мы наблюдаем «уход» с этих пиков, и реальные цены продолжают тенденцию снижения в среднесрочной перспективе, учитывая современные гипотезы о погодных условиях и уровне производительности, предполагающие уменьшение количества предельных затрат по производству подавляющего числа видов аграрной продукции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование показало, что в ходе своей эволюции международная торговля сельскохозяйственной продукцией стала более открытой, испытав на себе несколько волн либерализации, и это одновременно предоставило новые возможности для некоторых стран и вызвало новые проблемы. В целом, даже несмотря на значимость международной торговли для устойчивости агропродовольственных систем, мировые рынки аграрной продукции остаются серьезно искаженными торговыми правилами (в том числе таможенными) и достижение продовольственной безопасности во многом зависит от снижения таких мер.

Нами сформулированы ключевые изменения в производстве и потреблении, которые в значительной степени будут воздействовать на структурные сдвиги в международной торговле. Так, сельскохозяйственное производство продолжит свою ориентацию на использование продовольствия. Рост мирового производства будет происходить за счет увеличения урожайности в развивающихся странах. Указанные сдвиги во многом обусловят изменения, которые будут происходить в перспективе в глобальной архитектуре торговли аграрной продукцией.

Список литературы / References

1. *Kastner T. et al.* Global agricultural trade and land system sustainability: Implications for ecosystem carbon storage, biodiversity, and human nutrition. *One Earth*. 2021;10(4):1425–1443.
2. *Brolin J., Kander A.* Environmental factors in trade during the great transformation: advancing the geographical coverage before 1950. *Journal of Global History*. 2020;2(15):245–267.
3. *Alix-Garcia J. et al.* Tariffs and trees: The effects of the Austro-Hungarian customs union on specialization and land-use change. *The Journal of Economic History*. 2018;4(78):1142–1178.
4. *Gingrich S. et al.* Agroecosystem energy transitions in the old and new worlds: trajectories and determinants at the regional scale. *Regional Environmental Change*. 2018;18:1089–1101.
5. *Hairong Y., Yiyuan C., Bun K.H.* China's soybean crisis: the logic of modernization and its discontents. *The Journal of Peasant Studies*. 2016;43:373–395.
6. *Dorning C. et al.* Global patterns of ecologically unequal exchange: Implications for sustainability in the 21st century. *Ecological Economy*. 2021;179:106824.
7. *D'Odorico P. et al.* Feeding humanity through global food trade. *Earth's Future*. 2014;2:458–469.
8. *Chaudhary A., Kastner T.* Land use biodiversity impacts embodied in international food trade. *Global Environmental Change*. 2016;38:195–204.
9. *Organization for Economic Cooperation and Development, Food and Agriculture Organization of the United Nations.* OECD–FAO Agricultural Outlook 2024–2033. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations; 2024. 332 p. <https://doi.org/10.1787/4c5d2cfb-en>
10. *Gustavsson J., Van Otterdijk R.* Global Food Losses and Food Waste – Extent, Causes and Prevention. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations; 2011. 29 p.
11. *Adenauer M., Frezal C., Chatzopoulos T.* Mitigating the impact of extreme weather events on agricultural markets through trade. OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers, No. 198. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, Food and Agriculture Organization of the United Nations; 2023. 41 p.

Экономическая эффективность накопителей электроэнергии при интеграции электростанций на возобновляемых источниках энергии в энергосистеме

Трегубова Екатерина Алексеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0000-0002-0922-7055, e-mail: ea_tregubova@guu.ru

Городилов Михаил Андреевич

Студент
ORCID: 0009-0008-0009-5781, e-mail: goromish@yandex.ru

Люшнин Леонид Станиславович

Студент
ORCID: 0000-0002-9066-1587, e-mail: lls77-77@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Рассмотрены особенности основных механизмов обеспечения гибкости, ограничения к их применению, ценовые характеристики. Отмечены преимущества оснащения генерации на возобновляемых источниках энергии (далее – ВИЭ) накопителями электроэнергии. Проанализированы инвестиционные и эксплуатационные расходы по накопителю для мощности 60 кВт, их соотношение с соответствующими затратами по солнечным электростанциям. На основании модельных расчетов проведена оценка изменения средней стоимости производимой электроэнергии (LCOE) при дополнении солнечной электростанции накопителем. Показано, что оснащение солнечной электростанции накопителем, несмотря на высокие капитальные затраты, приведет к росту стоимости электроэнергии в среднем за весь период эксплуатации только на 3–17 % вследствие ожидаемого увеличения загрузки и объемов производства электроэнергии, а также прогнозируемого снижения стоимости накопителей. При этом будет обеспечено существенное повышение устойчивости энергосистемы. Отмечена необходимость ужесточения требований по коэффициентам использования установленной мощности электростанций и приоритета проектов с накопителями при конкурсном отборе ВИЭ-генерации по программам договоров поставки мощности.

Ключевые слова

Электроэнергетика, возобновляемые источники электроэнергии, накопители электроэнергии, нормированная стоимость электроэнергии (LCOE), экономическая эффективность, гибкость энергосистемы, коэффициент использования установленной мощности

Для цитирования: Трегубова Е.А., Городилов М.А., Люшнин Л.С. Экономическая эффективность накопителей электроэнергии при интеграции электростанций на возобновляемых источниках энергии в энергосистеме // Вестник университета. 2024. № 10. С. 150–160.



Economic efficiency of energy storage systems for renewable energy power plants integration in the energy system

Ekaterina A. Tregubova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Management in the Fuel and Energy Sector Department
ORCID: 0000-0002-0922-7055, e-mail: ea_tregubova@guu.ru

Mikhail A. Gorodilov

Student
ORCID: 0009-0008-0009-5781, e-mail: goromish@yandex.ru

Leonid S. Lyushnin

Student
ORCID: 0000-0002-9066-1587, e-mail: lls77-77@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The features of the main flexibility mechanisms, limitations to their application, and price characteristics have been considered. The advantages of equipping RES-based generation with energy storage devices have been noted. Investment and operating costs of a storage device for 60 kW capacity and their ratio with the corresponding costs of solar power plants have been analyzed. On the basis of model calculations, the change in the levelized cost of electricity (LCOE) when a solar power plant is supplemented with a storage device has been estimated. It has been shown that equipping a solar power plant with an accumulator, despite high capital costs, will lead to an increase in the electricity cost on average for the entire period of operation by only 3–17 % due to the expected increase in utilization and volume of electricity production, as well as the projected decrease in the cost of accumulators. At the same time, a significant increase in the energy system stability will be ensured. It has been noted that it is necessary to tighten the requirements for the installed capacity utilization rates of power plants and to give priority to projects with storage facilities in the competitive selection of RES generation under capacity supply contract programs.

Keywords

Electric power industry, renewable energy sources, energy storage system, levelized cost of electricity (LCOE), economic efficiency, power system flexibility, capacity factor

For citation: Tregubova E.A., Gorodilov M.A., Lyushnin L.S. (2024) Economic efficiency of energy storage systems for renewable energy power plants integration in the energy system. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 150–160.



ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время одними из ведущих трендов в энергетике являются активное развитие и массовое внедрение в энергосистемы генерации электроэнергии на возобновляемых источниках энергии (далее – ВИЭ), или «зеленой» энергетики. В авангарде данного типа генерации идет использование энергии ветра – генерация на ветроэлектростанциях (далее – ВЭС) – и солнца – генерация на солнечных электростанциях (далее – СЭС).

Развитие генерации электроэнергии на ВИЭ способствует достижению цели снижения выбросов вредных веществ в атмосферу и уменьшения антропогенного воздействия на климат, как было обозначено в Киотском протоколе и в пришедшем ему на смену Парижском соглашении. Данные документы были подписаны большим количеством стран, включая Российскую Федерацию (далее – РФ, Россия), которая поставила перед собой задачу не просто снизить выбросы, но и добиться углеродной нейтральности энергобаланса к 2060 г., что обозначено в Климатической доктрине РФ, принятой в 2023 г.¹

Стоит также отметить, что развитие «зеленой» энергетики будет способствовать снижению зависимости от ископаемого топлива стран, небогатых природными ресурсами, и изолированных удаленных районов России. Тем не менее активная интеграция станций на ВИЭ в энергосистему страны, главным образом в Объединенную энергосистему Юга (далее – ОЭС Юга), сопровождается целым рядом негативных последствий и требует дополнительной оценки технологической и экономической целесообразности.

Целью настоящего исследования является изучение возможного изменения стоимости электроэнергии при дополнении электростанций ВИЭ системами накопления электроэнергии в целях повышения равномерности их загрузки и обеспечения устойчивости энергосистемы.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ВЛИЯНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ НАКОПИТЕЛЕЙ НА СТОИМОСТЬ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

В рамках исследования изучены технико-экономические показатели работы ВЭС и СЭС (коэффициенты использования установленной мощности, участие в графике нагрузки, стоимость производимой электроэнергии), выполнен анализ структуры мощности ОЭС Юга, состава затрат на сооружение и эксплуатацию систем накопления электроэнергии (далее – СНЭ). Также проанализированы методика расчета и прогнозируемые значения параметра LCOS (нормированной стоимости хранения электроэнергии), используемого для сравнения эффективности накопителей электроэнергии.

Оценка влияния применения систем накопления электроэнергии на величину стоимости электроэнергии, производимой ВИЭ-генерацией, выполнена на основании показателя LCOE – нормированной стоимости электроэнергии, характеризующей ту стоимость, которая при заданных экономических характеристиках окупала бы проект. LCOE используется с середины 1980-х гг. для сравнительного анализа альтернатив при реализации коммерческих проектов сооружения новых электростанций.

Определение данного показателя осуществляется по общепринятой формуле на основании равенства, в левой части которого представлена сумма показателей годовой выручки от продажи электроэнергии за планируемый период эксплуатации ВИЭ генерации, дисконтированных с учетом изменения стоимости денег во времени $(1+d)^t$, а в правой части – сумма затрат по строительству и эксплуатации объекта, также дисконтированных с учетом фактора времени [1]:

$$\sum_{t=1}^T \frac{LCOE \cdot W_t \cdot (1 - \alpha_{\text{собств. нужд.}})}{(1+d)^t} = \sum_{t=1}^T \frac{CAPEX_t + \text{Топл}_t + O\&M_t + \text{Дем}_t + \text{Выбр}_t}{(1+d)^t}. \quad (1)$$

Показатели годовой выручки в выражении (1) представляют произведение цены электроэнергии, постоянной на протяжении всего жизненного цикла ВИЭ генерации (LCOE), и годовых объемов отпуска электроэнергии $W_t \cdot (1 - \alpha_{\text{собств. нужд.}})$. С учетом математических преобразований (выноса постоянного члена за знак суммы $\sum$) получаем формулу для расчета LCOE:

¹ Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации». Режим доступа: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1654772/> (дата обращения: 04.08.2024).

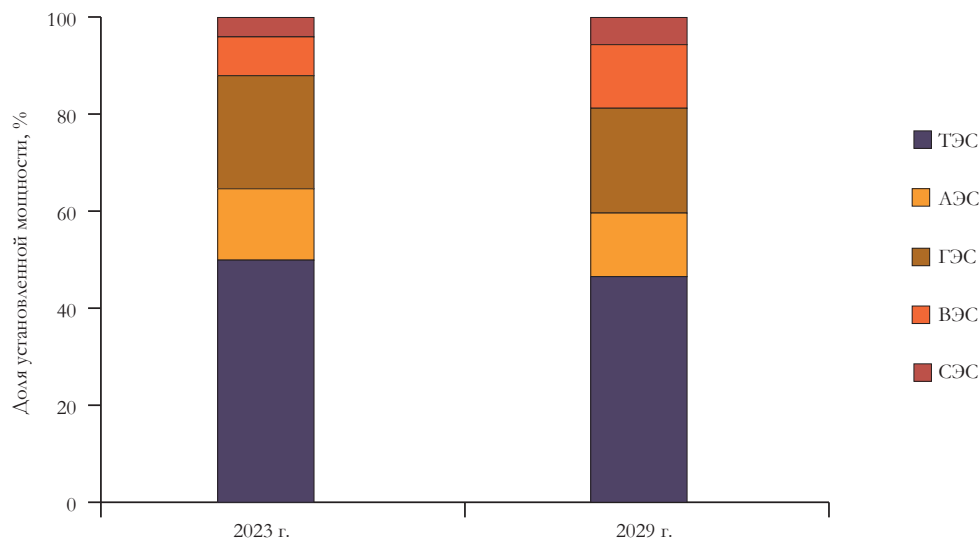
$$LCOE = \frac{\sum_{t=1}^T \frac{CAPEX_t + \text{Топл}_t + O\&M_t + \text{Дем}_t + \text{Выбр}_t}{(1+d)^t}}{\sum_{t=1}^T \frac{W_t \cdot (1 - \alpha_{\text{собств.нужд.}})}{(1+d)^t}}, \quad (2)$$

где $LCOE$ – нормированная стоимость электроэнергии, руб./кВт/ч, $CAPEX_t$ – капитальные вложения в год t , руб., Топл_t – топливные затраты в год t , руб., $O\&M_t$ – эксплуатационные затраты в год t , руб., Дем_t – затраты на демонтаж в год t , руб., Выбр_t – затраты за оплату выбросов в год t , руб./т CO_2 , W_t – выработка электроэнергии в год t , кВт/ч, d – ставка дисконтирования, %, $\alpha_{\text{(собств.нужд.)}}$ – расход электроэнергии на собственные нужды, %, T – заданный срок окупаемости проекта, лет.

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ МОЩНОСТИ ОЭС ЮГА

В России главной площадкой для строительства станций ВИЭ стала ОЭС Юга. По состоянию на начало 2023 г. 87 % мощностей ВЭС и 51 % мощностей СЭС страны были расположены именно на ее территории. Причинами для развития «зеленой» энергетики на юге России являлись климатические факторы: для ветра на Юге есть огромные равнинные площади суши и побережья Черного, Азовского и Каспийского морей, а также на данной территории значительно сильнее солнечная инсоляция по сравнению с другими регионами.

В период с 2014 г. по 2023 г. установленная мощность объектов ВИЭ генерации в ОЭС Юга увеличилась многократно: ВЭС – в 24 раза, СЭС – в 2,72. На конец 2023 г. установленная мощность ВЭС составила 2 223,25 МВт, СЭС – 1 115,43 МВт, что привело к существенной доле ВИЭ в балансе мощности – 8,04 и 4,03 % соответственно. Согласно Схеме и программе развития электроэнергетических систем России, на период 2024–2029 гг. ожидаются вводы дополнительных мощностей генерации ВИЭ: ВЭС – 1,795 тыс. МВт (Волгоградская область, Ставропольский край, Ростовская область, Республика Дагестан, Астраханская область), СЭС – 635 МВт (Чеченская Республика, Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Астраханская область)³. С учетом всех вводов и выводов мощностей доля установленной мощности ВЭС в балансе к 2029 г. составит 13,1 %, а СЭС – 5,6 % (рисунок).



Примечание: ТЭС – теплоэлектростанция, АЭС – атомная электростанция, ГЭС – гидроэлектростанция

Источник⁴

Рисунок. Структура установленной мощности электростанций ОЭС Юга в 2023–2029 гг.

² Ассоциация развития возобновляемой энергетики. Статистика. <https://rreda.ru/industry/statistics/> (дата обращения: 04.08.2024).

³ Приказ Министерства энергетики Российской Федерации от 30 ноября 2023 г. № 1095 «Об утверждении схемы и программы развития электроэнергетических систем России на 2024–2029 гг.». Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/node/25434> (дата обращения: 04.08.2024).

⁴ Там же.

Следует отметить, что доля генерации ВИЭ в структуре производства электроэнергии ОЭС Юга практически в два раза ниже доли в структуре мощности. Так, по данным отчета Системного оператора ЕЭС России за 2021 г., объем выработки электроэнергии на СЭС составил 1 156,8 млн кВт/ч., или чуть более 1 %, объем выработки ВЭС – 3 392,4 млн кВт/ч., или 3,08 %⁵. Данное расхождение свидетельствует о низкой интенсивности использования мощности электростанций ВИЭ, что подтверждают показатели коэффициентов использования установленной мощности (далее – КИУМ) генерации данного типа. В частности, текущий КИУМ ВЭС и СЭС в ОЭС Юга не превышает 14 %, что заметно ниже КИУМ традиционной генерации гидроэлектростанций и теплоэлектростанций в энергосистеме Юга, составляющего 38–39 % [2].

Финансирование строительства ВИЭ в России на данный момент в большей степени осуществляется за счет договоров на поставку мощности ВИЭ (далее – ДПМ ВИЭ). Программа ДПМ ВИЭ 1.0 закончится в 2024 г., а с 2025 г. начнет действовать программа ДПМ ВИЭ 2.0, проекты по которой уже частично было отобраны.

ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СЭС И ВЭС

Особенностью солнечной и ветровой генерации является прямая зависимость их выработки от погодных и климатических условий, что выступает причиной сложности интеграции электростанций ВИЭ в работу действующей энергосистемы, снижения ее устойчивости и надежности.

Ветер – непостоянное явление, его скорость и стабильность увеличиваются с высотой, поэтому башни ВЭС стараются строить как можно более высокими. Также активно развивается офшорная ветроэнергетика – строительство ВЭС в море, где параметры ветра лучше. Солнечная генерация может осуществляться только в дневные часы, постепенно увеличивая выработку от утра к полудню и снижая к вечеру. Помимо этого, на СЭС влияет фактор облачности – при ее повышении снижается выработка. Стоит отметить, что ее объемы изменяются и под влиянием сезонности – для России зимой инсоляция и продолжительность светового дня ощутимо меньше.

На эффективность работы ВИЭ-станций влияет эффект curtailment, заключающийся в ограничении выработки электроэнергии для данного типа станций в периоды, когда она превышает потребление⁶. Генерация на ВИЭ непостоянна даже в течение одного часа. Изменение выдаваемой мощности ВЭС может составлять до 50 % от установленной мощности за 15 мин., а у СЭС – до 90 % за две мин. [3].

Из-за подачи ВИЭ генерацией ценопринимающих заявок имеет место вытеснение более дорогих источников генерации из графика нагрузки. На оптовом рынке станции, работающие на ВИЭ, подают ценопринимающие заявки на рынке на сутки вперед (далее – РСВ). Возможность подачи таких заявок у данных станций обусловлена тем, что у них отсутствуют переменные (топливные) издержки. В результате на рынке возникает эффект «ценового каннибализма», который заключается в том, что ВИЭ-станции снижают равновесную цену, тем самым уменьшая собственную выручку с РСВ и выручку других станций [4]. Снижение собственной выручки для «зеленых» источников энергии означает увеличение срока окупаемости и большие размеры финансовой поддержки.

ИНТЕГРАЦИЯ ВИЭ В ЭНЕРГОСИСТЕМУ И МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГИБКОСТИ

Выделяют четыре этапа по интеграции установленной мощности ВИЭ в энергосистему:

- 1) мощности ВИЭ составляют менее 3 % от установленной мощности в энергосистеме;
- 2) мощности ВИЭ составляют от 3 до 13 % от установленной мощности в энергосистеме;
- 3) мощности ВИЭ составляют от 13 до 25 % от установленной мощности в энергосистеме;
- 4) мощности ВИЭ составляют от 25 до 50 % мощности в энергосистеме [3].

При этом отмечается, что особенно заметно ВИЭ-генерация начинает влиять на режим работы энергосистемы, когда установленная мощность становится выше 13 % от всей мощности. Неконтролируемое увеличение доли ВИЭ в итоге может стать причиной разбалансировки энергосистемы и ее отказа. В подобных условиях особую важность для развития возобновляемой энергетики приобретают механизмы обеспечения гибкости энергосистемы.

⁵ Системный оператор Единой энергетической системы. Отчет о функционировании ЕЭС России в 2021 г. Режим доступа: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/reports/disclosure/2022/ups_rep2021.pdf (дата обращения: 04.08.2024).

⁶ Полная стоимость интеграции ВИЭ в ОЭС Юга России: влияние факторов геопространственной оптимизации. Режим доступа: <https://kept.ru/news/polnaya-stoimost-integratsii-vie-v-oes-yuga-rossii/> (дата обращения: 04.08.2024).

Гибкость энергосистемы возможно обеспечить за счет использования маневренных резервных мощностей, накопителей электроэнергии, увеличения пропускной способности, в том числе за счет строительства новых линий электропередач (далее – ЛЭП) для компенсации недостатка генерации в системе или передачи избытка в другие энергосистемы. Также для повышения гибкости возможно использование механизма «управления спросом», который сейчас запущен как пилотный проект и реализуется посредством агрегаторов спроса, но уже в ближайшем будущем планируется его внедрение в механизм оптового рынка электроэнергии и мощности.

Маневренность станций предполагает наличие у нее способности быстро набирать и сбрасывать мощность. Такими свойствами обладают гидроэлектростанции, гидроаккумулирующие электростанции, газотурбинные установки. Данная характеристика позволяет им обеспечить выработку электроэнергии, когда ВЭС и СЭС вследствие своих особенностей не могут производить электроэнергию, а также снижать выработку при избытке генерации на ВИЭ. Однако экономические аспекты резервирования маневренной мощности в энергосистеме в условиях конкурентного рынка сложно урегулировать. Владельцы маневренной генерации не заинтересованы в частом и непредсказуемом изменении нагрузки, так как это сопровождается дополнительными расходами топлива и существенно затрудняет планирование производственной деятельности. Строительство гидроаккумулирующих электростанций требует значительных капитальных затрат и сопровождается изменением рельефа, водного баланса местности, что не всегда допустимо по экологическим причинам.

Механизм «управления спросом» позволяет регулировать потребность в электроэнергии в энергосистеме, сглаживая график нагрузки потребителей или подстраивая его под работу системы. С его помощью можно за вознаграждение снижать необходимый объем потребления в часы провала нагрузки на ВЭС и СЭС. Он также позволяет снизить цену на электроэнергию, поскольку при большой нагрузке в покрытии спроса используются наименее эффективные и дорогие станции, которые и определяют цену в этих часах, а при снижении спроса не будет необходимости в применении данных мощностей⁷.

Увеличение пропускной способности ЛЭП возможно обеспечить за счет повышения напряжения, строительства дополнительных линий, расщепления фазы, увеличения поперечного сечения провода, но как механизм обеспечения гибкости оно может быть использовано только при наличии потребителей, готовых к переменному графику нагрузки, то есть в комплексе с технологиями агрегирования спроса [5].

Указанные недостатки отсутствуют при оснащении ВЭС и СЭС системами накопления электроэнергии (СНЭ, накопителями), которые дают возможность запасать электроэнергию в часы избытка ее в системе и выдавать ее в сеть, когда наблюдается дефицит генерации. В часы, когда электроэнергия в избытке, накопители запасают электроэнергию, а в моменты, когда необходимо покрыть пик нагрузки или наблюдается дефицит электроэнергии из-за провала нагрузки на ВЭС и СЭС, выдают ее обратно в сеть. С учетом особенностей работы оптового рынка электроэнергии при ее избытке будет наблюдаться снижение цен, а при уменьшении предложения – рост. Таким образом, накопители позволяют не только повысить равномерность загрузки ВИЭ-электростанций и устойчивость энергосистемы, но и получать дополнительную прибыль из-за волатильности цен.

В 2022 г. филиал Системного оператора Башкирское РДУ совместно с группой компаний «Хевел» провели успешные испытания систем накопления электроэнергии Бурзянской СЭС. Емкость систем накопления составила 8 МВт/ч и обеспечивала 80 % резервирование ее мощности (10 МВт)⁸. Однако при оценке экономической эффективности использования СНЭ нужно учитывать фактор потерь электроэнергии при зарядке, разрядке и хранении.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАБОТЫ ВИЭ-ГЕНЕРАЦИИ С УЧЕТОМ ПРИМЕНЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГИБКОСТИ

Целесообразность строительства электростанций может быть обоснована с помощью показателя LCOE, который показывает среднюю цену производства электроэнергии, обеспечивающую компенсацию всех капитальных и эксплуатационных затрат с учетом минимально допустимой прибыли. Прямой

⁷ Системный оператор Единой энергетической системы. О технологии ценозависимого потребления. Режим доступа: <https://www.so-ups.ru/functioning/markets/dr/> (дата обращения: 04.08.2024).

⁸ Системный оператор Единой энергетической системы. Системный оператор и Хевел впервые в России испытали работу солнечной электростанции с накопителями электроэнергии в изолированном режиме. Режим доступа: <https://www.so-ups.ru/news/press-release/press-release-view/news/18838/> (дата обращения: 04.08.2024).

особенностью в определении LCOE у СЭС и ВЭС является большая доля капитальных затрат и низкие эксплуатационные затраты из-за отсутствия топливных издержек. Технический прогресс, масштабирование производства материалов и комплектующих для ВИЭ-генерации, увеличение коэффициентов полезного действия и КИУМ приводят к снижению LCOE по данным типам электростанций.

В 2018 г. некоммерческим партнерством «Совет рынка» были определены LCOE солнечных и ветряных электростанций – 10,5–11,5 руб./кВт/ч для ВЭС и 24,5 руб./кВт/ч для СЭС [6]. Такие значения свидетельствовали о крайней экономической неэффективности проектов строительства этих электростанций. Тем не менее со временем прогнозируется снижение LCOE ВЭС и СЭС. Администратор торговой системы ежегодно проводит отборы строительства объектов ВИЭ по критерию показателя эффективности – аналогу LCOE. По результатам отбора 2023 г. этот показатель для ВЭС составил уже 4,2–5,7 руб./кВт/ч, а для СЭС 7,5–8,5 руб./кВт/ч, то есть был ниже уровней 2018 г. в два–три раза⁹. Несмотря на положительную динамику, значения LCOE ВЭС и СЭС остаются выше оптовой цены на электроэнергию в 3–8 раз, недостаток выручки компенсируется генерацией ВИЭ за счет механизма рынка мощности ДПМ ВИЭ. При массовой интеграции СЭС и ВЭС в энергосистему нужно иметь в виду, что использование необходимых механизмов обеспечения гибкости приведет к удорожанию проектов ВИЭ.

Затраты по различным типам механизмов обеспечения гибкости не универсальны для ВИЭ генераторов и в каждом конкретном случае будут определяться исходя из множества факторов, характеризующих:

- 1) наличие резервов мощности в энергосистеме;
- 2) долю маневренных генераторов в структуре мощностей;
- 3) пропускную способность сетей внутри энергосистемы и между энергосистемами;
- 4) географическое положение, природные, гидрологические и климатические условия;
- 5) экономическую и промышленную развитость региона, определяющую графики потребления и возможности использования механизмов управления спросом;

6) концентрацию или рассредоточенность объектов ВИЭ-генерации в регионе (чем более географически рассредоточены такие станции, тем меньше будет необходимости в обеспечении гибкости из-за сглаживания их общей выработки, пиков и провалов нагрузки).

При наличии значительных резервов мощности в энергосистеме и достаточной пропускной способности сети мощность маневренных генераторов может быть ниже колебаний мощности ВИЭ. Также стоит учитывать, что обеспечение достаточной пропускной способности ЛЭП и маневренных мощностей генерации, компенсирующих просадки или избытки генерации станций на базе ВИЭ, не дает гарантии, что прочие генераторы будут готовы к снижению или набору нагрузок в необходимых объемах при изменении выработки «зеленой» генерации. Следовательно, для обеспечения устойчивости энергосистемы целесообразно строительство не единичных объектов ВИЭ, но комбинированных комплексов, совмещающих выработку на традиционных источниках и ВИЭ. Такой подход к использованию генерации ВИЭ применяется на севере, где вопросы обеспечения надежности жизненно важны.

Поскольку капитальные и эксплуатационные затраты, сроки службы по механизмам обеспечения гибкости сильно различаются, удельные затраты при сравнении различных механизмов должны учитывать все расходы, имеющие место на протяжении всего жизненного цикла их применения (как капитальные, так и эксплуатационные). В частности, капитальные затраты на сооружение маневренных гидроаккумулирующих станций (далее – ГАЭС) и накопителей могут быть выше, чем по газотурбинным установкам. При этом эксплуатационные затраты на газотурбинных установках, напротив, ввиду наличия топливной составляющей будут выше, чем на ГАЭС и накопителях.

Механизмы «управления спросом», позволяя оперативно снижать потребление при пиках нагрузки и провалах в выработке на СЭС и ВЭС, не требуют капитальных вложений. Однако существует ежемесячная плата агрегаторам спроса за мощность, на которую они готовы снизить свое потребление на определенное время. Так, в ноябре 2023 г. по итогам конкурентного отбора средневзвешенная цена оказания услуг по управлению спросом в первой ценовой зоне составила 459 324,27 руб./МВт в месяц, во второй – 135 181,07 руб./МВт в месяц. Тогда было отобрано в первой ценовой зоне оптового рынка 298,04 МВт, во второй – 283,43 МВт¹⁰.

⁹ Администратор торговой системы. Результаты отборов проектов. <https://www.atsenergo.ru/vie/proresults> (дата обращения: 04.08.2024).

¹⁰ Системный оператор Единой энергетической системы. На ноябрь 2023 года отобрано 20 агрегаторов управления спросом. Режим доступа: <https://www.so-ups.ru/news/press-release/press-release-view/news/23300/> (дата обращения: 04.08.2024).

В открытых источниках приведены данные по удельной нормированной стоимости накопления электроэнергии с использованием накопителей различного типа LCOS (Levelized cost of storage). Данный показатель определяется как отношение суммы всех капитальных и эксплуатационных расходов за период срока службы накопителя к кумулятивной генерируемой накопителем энергии по общепринятой формуле [7]:

$$LCOS = \frac{CAPEX + \sum_{t=1}^T \frac{O\&M_t + E_{auxt}}{(1+d)^t}}{\sum_{t=1}^T \frac{W_{0t}}{(1+d)^t}}, \quad (3)$$

где $LCOS$ – нормированная стоимость хранения электроэнергии, руб./кВт/ч, E_{auxt} – стоимость запасенной электроэнергии за год t , руб., W_{0t} – количество электроэнергии, выданной накопителем в сеть в год t , кВт/ч, $CAPEX_t$ – капитальные вложения в год t на накопитель, руб., $O\&M_{Fixed}$ – годовая стоимость затрат на эксплуатацию и обслуживание накопителя, руб.

Формула расчета LCOS отличается от формулы расчета LCOE (2) учетом наряду с эксплуатационными затратами, а также ежегодными затратами на покупку электроэнергии для зарядки накопителей.

На рынке предлагаются различные типы накопителей, различающиеся как по сферам применения, так и по стоимости:

- литий-железо-фосфатные (Lithium-ion LFP);
- литий-никель-марганец-кобальт-оксидные (Lithium-ion NMC);
- свинцово-кислотные (Lead Acid);
- ванадиевые проточные окислительно-восстановительные батареи (Vanadium Redox Flow);
- цинковые (Zinc);
- ГАЭС (PSH);
- системы хранения сжатого воздуха (CAES);
- гравитационные (Gravitational);
- термальные (Thermal);
- системы хранения водородной энергии (Hydrogen).

Самыми дешевыми из накопителей в настоящее время являются литий-железо-фосфатные накопители и системы хранения сжатого воздуха (0,1–0,2 долл. США/кВт/ч), а самыми дорогими – свинцово-кислотные накопители (1,3 долл. США/кВт/ч). При этом накопители на основе сжатого воздуха и ГАЭС эффективно себя показывают при длительном хранении энергии – 8–100 ч, в то время как литий-железо-фосфатные – при коротком периоде хранения до 6 ч¹¹. Поскольку в составе эксплуатационных расходов СНЭ по формуле LCOS учитывается стоимость запасенной электроэнергии, данный показатель корректно учитывать для оценки конкурентоспособности накопителя как изолированного самостоятельного источника электроэнергии. Для оценки конкурентоспособности СНЭ в комплексе с ВИЭ генерацией можно использовать формулу LCOE, но для расчета необходимы данные по инвестиционным и эксплуатационным затратам как ВИЭ-, так и СНЭ-генерации.

По оценке акционерного общества «Фонд Форсайт», реализующего проекты в области Интернета энергии, удельные капитальные затраты на накопитель для мощности 60 кВт составляют 52 774 руб./кВт, годовые удельные затраты на эксплуатацию накопителей – 1 941,6 руб./кВт, что соответствует 3,7 % от удельных капитальных затрат (табл. 1). В структуре инвестиционных затрат на накопители примерно 70 % составляет стоимость аккумуляторной батареи.

Таблица 1

Затраты по накопителю для генератора 60 кВт

Элементы затрат	Величина, руб.	Элементы затрат и составляющие	Ед. изм.	Величина
Инвестиции		Годовые эксплуатационные расходы		
Инвертор	845 000,0	Расходы на электроэнергию	руб.	99 597,6

¹¹ PNNL. Energy Storage Grand Challenge Cost and Performance Assessment 2022. Режим доступа: <https://www.pnnl.gov/sites/default/files/media/file/ESGC%20Cost%20Performance%20Report%202022%20PNNL-33283.pdf> (дата обращения: 04.08.2024).

Окончание табл. 1

Элементы затрат	Величина, руб.	Элементы затрат и составляющие	Ед. изм.	Величина
Аккумуляторная батарея	2 160 600,0	Расход электроэнергии всего, в том числе	кВт/ч/год	18 444,0
Монтаж, материалы и дополнительное оборудование	160 843,0	на собственные нужды		10 512,0
		потери		1 440,0
		климат		6 492,0
		тариф	руб./кВт/ч	5,4
		обслуживание инвертора	руб.	16 900,0
Всего	3 166 443,0	Всего	–	116 497,6
То же на 1 кВт	52 774,1	То же на 1 кВт	–	1 941,6

Источник¹²

По реализованным проектам строительства СЭС в ОЭС Юга наименьшими удельными капитальными затратами характеризуется Аршанская СЭС – 64 тыс. руб./кВт, что практически соответствует предельному уровню на 2024 г. (65 тыс. руб./кВт), установленному Правительством РФ¹³. Предельные эксплуатационные затраты по СЭС (для розничных рынков) на 2024 г. установлены в размере 3, 33 тыс. руб./кВт в год¹⁴. Таким образом, инвестиционные затраты на накопители составляют примерно 80 % от инвестиций в СЭС, годовые затраты на эксплуатацию накопителей – 50–60 % от годовых эксплуатационных затрат на СЭС. При этом эксперты отмечают, что в последние годы на мировом рынке цены на батареи демонстрировали устойчивую тенденцию к снижению (на 20 % в год). К 2030 г. прогнозируется снижение стоимости аккумуляторов на 50–60 %.

При условии существования эффекта перепроизводства электроэнергии (curtailment) на СЭС, ограничивающего выработку ВИЭ-станций, установка накопителей позволит существенно увеличить КИУМ данных генераторов и, соответственно, объемы производимой электроэнергии. По оценке экспертов Московского энергетического института, установка накопителей позволяет увеличить КИУМ как минимум на 50 %, обеспечить устойчивость, качество энергоснабжения и, следовательно, эффективную интеграцию на основе ВИЭ в энергосистеме с повышением их экономических показателей [8]. В 2020 г. средний КИУМ СЭС в ОЭС Юга составил 14 %. При увеличении КИУМ на 50 % в случае установки накопителя его величина составит 21 %, что будет соответствовать уровню, достигнутому в Соединенных Штатах Америки (в 2020 г. – 23 %), где природные условия для работы СЭС благоприятны и где фиксируется значительный рост инвестиций в накопители [2].

Для оценки влияния установки накопителя на стоимость электроэнергии, производимой СЭС, авторами работы выполнены расчеты LCOE за 15-летний период, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Результаты расчета LCOE по СЭС 60 кВт

Показатели	Ед. изм.	СЭС без накопителя	СЭС с накопителем при текущем уровне цен на батареи	СЭС с накопителем при снижении цены на батареи на 50 %
Затраты по проекту				
инвестиционные	тыс. руб.	3 840,00	7 020,00	5 922,00
годовые эксплуатационные	тыс. руб.	199,80	316,30	316,30

¹² Инфраструктурный центр EnergyNet. Применение систем накопления энергии в России: возможности и барьеры. Режим доступа: <https://www.eprussia.ru/upload/iblock/1b8/1b83729ddd27beaeb629e380293a4585.pdf> (дата обращения: 04.08.2024).

¹³ Российское энергетическое агентство. Возобновляемая энергетика в России и в мире. Режим доступа: <https://rosenergo.gov.ru/upload/iblock/e04/3xtm87iv99x76b23c6wjul3as5pzz8zj.pdf> (дата обращения: 04.08.2024).

¹⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 января 2009 г. № 1-р «Об утверждении основных направлений государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования ВИЭ на период до 2035 г.». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902137809> (дата обращения: 04.08.2024).

Показатели	Ед. изм.	СЭС без накопителя	СЭС с накопителем при текущем уровне цен на батареи	СЭС с накопителем при снижении цены на батареи на 50 %
Ставка дисконтирования	%	9,00	9,00	9,00
КИУМ	%	14,00	21,00	21,00
Годовой объем производства электроэнергии	тыс. кВт/ч	73,58	110,38	110,38
LCOE	руб./кВт/ч	9,20	10,80	9,50

Источник^{15,16}

При определении объемов электроэнергии по варианту СЭС без накопителя учитывался КИУМ – 14 %, по варианту СЭС с накопителем – 21 %. В расчетах принято, что строительство электростанции выполнено за год (0-год в модели). Инвестиционные затраты по СЭС определены в размере 3 840 тыс. руб. (64 тыс. руб. · 60 кВт), годовые эксплуатационные затраты – 199,8 тыс. руб. (3,33 тыс. руб./кВт · 60 кВт) на основании фактических капитальных затрат по Аршанской СЭС и предельного уровня эксплуатационных затрат на 2024 г. Инвестиционные затраты на накопители учтены в размере 3 180 тыс. руб. (53 тыс. руб. · 60 кВт), годовые эксплуатационные затраты – 116,5 тыс. руб. (1,94 тыс. руб. · 60 кВт) на основании данных, представленных в табл. 1.

Как видно из табл. 2, установка накопителя приводит к увеличению нормированной стоимости электроэнергии с 9,2 до 10,8 руб./кВт/ч, то есть в среднем на 17 %. При этом надежность энергосистемы и устойчивость существенно возрастают, проблемы интеграции не будут стоять так остро. Если учесть прогнозируемое в перспективе до 2030 г. снижение стоимости аккумуляторных батарей на 50 %, показатель LCOE сократится до 9,5 руб./кВт/ч, то есть практически до уровня для СЭС без накопителя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показали результаты модельных расчетов (на примере СЭС), несмотря на высокий текущий уровень инвестиционных расходов, установка накопителей при электростанциях ВИЭ приведет к росту средней стоимости производимой электроэнергии максимально на 17 %. Снижению стоимости электроэнергии при оснащении генерации ВИЭ-накопителями будут способствовать два фактора:

- увеличение КИУМ комплексов ВИЭ-генерации с накопителями по сравнению с обособленными ВИЭ-электростанциями как минимум на 50 % и, соответственно, объемов производства электроэнергии на них;
- прогнозируемое снижение капитальных затрат на накопители в два раза в среднесрочной перспективе.

В качестве проблемы следует отметить недостаточное стимулирование использования накопителей у генераторов ВИЭ в рамках государственной поддержки. В конкурсных отборах по программе ДПМ ВИЭ преимущество имеют проекты строительства ВИЭ, характеризующиеся минимальными затратами. Требования по загрузке (КИУМ) для электростанций ВИЭ на сегодняшний день не отличаются строгостью. В частности, возмещение капитальных затрат на строительство ВИЭ генерации по программе ДПМ осуществляется в полном объеме при условии достижения годового уровня КИУМ не менее 75 % нормативного значения в 14 %, то есть 10,5 % [9]. Учитывая, что фактическое значение КИУМ ВИЭ-генерации, достигнутое в ОЭС Юга, составляет 14 %, установленные требования по КИУМ являются легко выполнимыми и, таким образом, не стимулируют к оснащению ВИЭ-генерации накопителями.

С учетом вышеизложенного в рамках конкурсных отборов проектов по программам ДПМ ВИЭ преимущество должны получать проекты электростанций, дополнительно оснащенные СНЭ, а не минимальной ценой. При этом должны быть установлены более жесткие требования к КИУМ электростанций ВИЭ.

¹⁵ Российское энергетическое агентство. Возобновляемая энергетика в России и в мире. Режим доступа: <https://rosenergo.gov.ru/upload/iblock/e04/3xtm87iv99x76b23c6wjul3as5pzz8zj.pdf> (дата обращения: 04.08.2024).

¹⁶ Инфраструктурный центр EnergyNet. Применение систем накопления энергии в России: возможности и барьеры. Режим доступа: <https://www.eprussia.ru/upload/iblock/1b8/1b83729ddd27beaeb629e380293a4585.pdf> (дата обращения: 04.08.2024).

Список литературы

1. Черняховская Ю.В. Эволюция методологических подходов к оценке стоимости электроэнергии. Анализ зарубежного опыта. Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2016;4:56–68. <http://doi.org/10.17588/2072-2672.2016.4.056-068>
2. Трегубова Е.А., Трегубов А.И. Интенсивность использования мощности нетрадиционных возобновляемых источников энергии в электроэнергетике: анализ зарубежного и отечественного опыта. E-Management. 2022;3(5):15–25. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-3-15-25>
3. Илюшин П.В. Интеграция электростанций на основе возобновляемых источников энергии в Единую энергетическую систему России: обзор проблемных вопросов и подходов к их решению. Вестник Московского энергетического института. 2022;4:98–107. <https://doi.org/10.24160/1993-6982-2022-4-98-107>
4. Веселов Ф.В., Ерохина И.В., Никулина Е.А. Моделирование ценовых последствий на конкурентном рынке электроэнергии в России при интенсивном развитии неуглеродных электростанций. В кн.: Управление развитием крупномасштабных систем MLSD – 2020: материалы XIII Международной конференции, Москва, 28–30 сентября 2020 г. М.: Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова Российской академии наук; 2020. С. 156–164. <https://doi.org/10.25728/mlsd.2020.0156>
5. Мясоедов Ю.В., Музыченко Г.Е., Намаконова Н.А. Увеличение пропускной способности воздушных линий электропередач. В кн.: Энергетика: управление, качество и эффективность использования энергоресурсов: материалы IX Международной научно-технической конференции, Благовещенск, 11–12 марта 2019 г. Благовещенск: Амурский государственный университет; 2019. С. 294–298.
6. Ланьшина Т. Прогноз развития ВИЭ в России до 2035 года. Научный вестник ИЭП имени Гайдара. 2019;9:40–47.
7. Мельников В.Д., Нестеренко Г.Б., Лебедев Д.Е., Мокроусова Ю.В., Удовиченко А.В. Проблемы, перспективы применения и методика расчета нормированной стоимости накопления электрической энергии. Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2019;4(11):30–36.
8. Булатов Р.В., Насыров Р.Р., Бурмейстер М.В. Применение систем накопления электроэнергии для повышения коэффициента использования установленной мощности электростанций на базе возобновляемых источников энергии в составе электрических систем. Электроэнергия. Передача и распределение. 2021;6(69):74–80.
9. Фрид С.Е., Лисицкая Н.В. Анализ возможности увеличения коэффициента использования установленной мощности сетевых фотоэлектрических станций. Теплоэнергетика. 2022;7:74–84. <https://doi.org/10.1134/S0040363622060030>

References

1. Chernyakhovskaya Yu.V. Evolution of methodological approaches to electricity cost assessment. Analysis of best foreign practices. Vestnik of Ivanovo State Power Engineering University. 2016;4:56–68. (In Russian). <http://doi.org/10.17588/2072-2672.2016.4.056-068>
2. Tregubova E.A., Tregubov A.I. Intensity of using the non-traditional renewable energy sources capacity in the electric power industry: analysis of foreign and Russian experience. E-Management. 2022;3(5):15–25. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-3-15-25>
3. Ilyushin P.V. Integration of RES-based power plants into the unified energy system of Russia: problematic issues and approaches to solving them. Bulletin of MPEI. 2022;4:98–107. (In Russian). <https://doi.org/10.24160/1993-6982-2022-4-98-107>
4. Veselov F.V., Erokhina I.V., Nikulina E.A. Modelling of price consequences in the competitive electricity market in Russia with the intensive development of non-carbon power plants. In: Management of large-scale systems development MLSD – 2020: Proceedings of the XIII International Conference, Moscow, September 28–30, 2020. Moscow: V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2020. Pp. 156–164. (In Russian). <https://doi.org/10.25728/mlsd.2020.0156>
5. Myasoedov Yu.V., Muzychenko G.E., Namakonova N.A. Increasing the capacity of air electrical transmission lines. In: Energy: management, quality and efficiency of using energy resources: Proceedings of the IX International Scientific and Technical Conference, Blagoveshchensk, March 11–12, 2019. Blagoveshchensk: Amur State University; 2019. Pp. 294–298. (In Russian).
6. Lanshina T. Forecast of the RES development in Russia until 2035. Scientific Bulletin of the Gaidar Institute. 2019;9:40–47. (In Russian).
7. Melnikov V.D., Nesterenko G.B., Lebedev D.E., Mokrousova Yu.V., Uдовichenko A.V. Problems, aspects of application and the method of calculating the levelized cost of storage. Kazan State Power Engineering University Bulletin. 2019;4(11):30–36. (In Russian).
8. Bulatov R.V., Nasyrov R.R., Burmeister M.V. Application of electric power storage systems to increase the capacity factor of power plants based on renewable energy sources as part of electrical systems. Electric power. Transmission and distribution. 2021;6(69):74–80. (In Russian).
9. Frid S.E., Lisitskaya N.V. Evaluating the possibility of increasing the capacity factor of grid-connected photovoltaic power plants. Thermal Engineering. 2022;7:74–84. (In Russian). <https://doi.org/10.1134/S0040363622060030>

Анализ текущего положения и трендов в области инновационного развития региональных экономических систем Российской Федерации

Афонин Сергей Евгеньевич

Соискатель

ORCID: 0000-0002-9928-2153, e-mail: afonins1307@rambler.ru

МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Россия

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена такими направлениями, которые в последние несколько лет оказывают существенное влияние на уровень инновационного развития региональных социально-экономических систем, а также необходимостью анализа, который позволяет своевременно выявить факторы, негативно влияющие на региональные системы. Проведена оценка уровня неравномерности развития субъектов Российской Федерации с учетом исторических традиций, которые оказывают существенное влияние на экономический потенциал, и взаимосвязей с международными сообществами в контексте региональной политики государства. В связи с этим тема настоящего исследования направлена на анализ текущего положения и трендов в области инновационного развития региональных экономических систем Российской Федерации. Суть проведенного исследования сводится к изучению материалов экономистов, рассматривавших способы и механизмы анализа текущего положения и трендов в области инновационного развития региональных экономических систем страны с учетом уровня развития экономики субъектов федерации, которая в последние годы модернизируется даже в условиях жестких ограничений и вводимых санкций. Осуществлена оценка региональных социально-экономических систем и различных методик ее проведения.

Ключевые слова

Регион, инновации, социально-экономические системы, российская экономика, трансформация экономики, анализ, инновационные системы

Для цитирования: Афонин С.Е. Анализ текущего положения и трендов в области инновационного развития региональных экономических систем Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 10. С. 161–166.

Analysis of the current situation and trends in the field of innovative development of Russia's regional economic systems

Sergey Ye. Afonin

Applicant

ORCID: 0000-0002-9928-2153, e-mail: afonins1307@rambler.ru

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

Abstract

The relevance of the study is conditioned by such directions, which in the last few years have a significant impact on the level of innovative development of regional socio-economic systems, as well as the need for analysis, which allows timely identification of factors that negatively affect regional systems. The level of uneven development of the constituent entities of the Russian Federation has been assessed, considering historical traditions, which have a significant impact on economic potential and interrelations with international communities in the context of the regional policy of the state. In this regard, the topic of the study is aimed at analyzing the current situation and trends in the field of innovative development of Russia's regional economic systems. The essence of the conducted research is reduced to the study of materials of economists who considered the ways and mechanisms of analysis of the current situation and trends in the field of innovative development of the country's regional economic systems, considering the level of development of the constituent entities' economy, which in recent years is modernizing even in the conditions of severe restrictions and imposed sanctions. The regional socio-economic systems and various methods of its realization have been assessed.

Keywords

Region, innovations, socio-economic systems, Russian economy, economic transformation, analysis, innovative systems

For citation: Afonin S.Ye. (2024) Analysis of the current situation and trends in the field of innovative development of Russia's regional economic systems. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 161–166.

ВВЕДЕНИЕ

При рассмотрении теоретических и практических основ отечественных ученых, изучающих вопросы оценки текущего положения и направлений в области инновационного развития региональных экономических систем Российской Федерации (далее – РФ, Россия), можно однозначно утверждать, что они существенно продвинулись в исследовании данной темы. По мнению экспертов, оценка текущего положения и направлений по развитию региональных экономических систем посредством внедрения инноваций не раскрыта, и научные разработки имеют только теоретические предпосылки. Данная тенденция связана с применением и внедрением различных инновационных технологий и составляющих, используемых в экономической, индустриальной и др. сферах, способствующих развитию региональных систем, в связи с чем изучение различных теоретических подходов к процессу оценки и внедрения инноваций является ключевым в ходе устойчивого развития экономики.

Современная отечественная экономика находится на этапе формирования моделей и механизмов, способствующих эффективному развитию в области инновационного развития региональных экономических систем России, что связано с необходимостью дальнейшего совершенствования и выявления оптимальных и эффективных направлений развития субъектов РФ и региональных систем. В связи с этим автором дополнены и уточнены теоретические положения исследования экономического пространства и пространственных процессов в региональных экономических системах с учетом сбалансированности их устойчивого развития, основанных на инновационных подходах. Таким образом, при изучении современных теоретических подходов, способствующих исследованию процессов формирования экономического пространства и региональных экономических систем и их преобразования на современном этапе научного познания, необходимо провести анализ действующих основ [1; 2].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В процессе изучения направлений развития политики структурирования экономического пространства и развития региональных систем, основанных на применении базисных инноваций, использовались труды Дж. Кобба, Дж. Кейнса, Р. Коммонса, А.Д. Урсула и др. Основой проведенного исследования послужили труды ученых, экономистов, финансистов, изучавших сферы, связанные с заявленной темой, такие как Л.И. Абалкина, И.А. Литвиненко и др.

Анализ научных исследований, проводившихся как на уровне страны в целом, так и на уровне регионов и региональных систем, показал, что в настоящее время отсутствует единая система или механизм, способствующий выявлению эффективных направлений текущего положения, способов внедрения, освоения и трендов в области инновационного развития региональных экономических систем России [3; 4].

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При выявлении факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на уровень анализа текущего положения и трендов в области инновационного развития региональных экономических систем России и способствующих формированию ресурсного потенциала в субъектах федерации, в настоящем исследовании применялся функциональный подход.

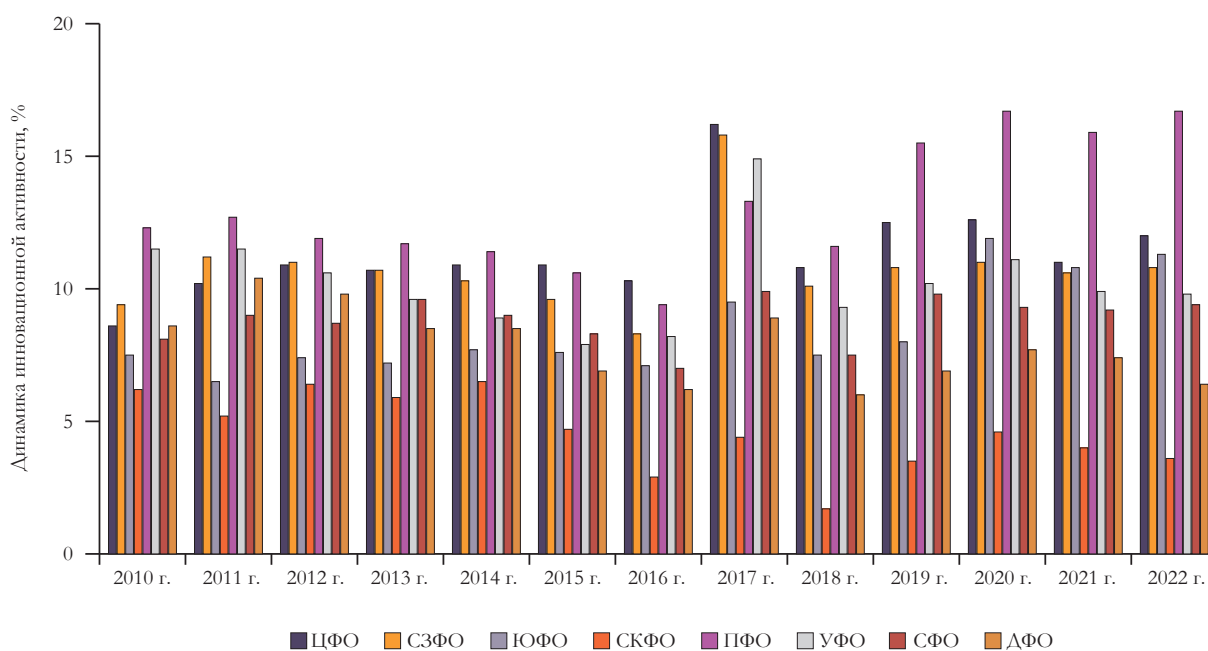
Информационную базу исследования составили нормативно-правовые акты, официальные данные и отчеты Федеральной службы государственной статистики, электронные ресурсы, на основе которых осуществлялась апробация методик оценки инновационного потенциала.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Россия осуществляет реализацию различных государственных программ и стратегий развития страны в рамках внедрения и использования инновационных технологий и формирования инновационной политики. В целом уровень регионов по внедрению инноваций и цифровых технологий сводится к оценке таких составляющих, как научная полезность, уровень развития инновационной инфраструктуры в динамике, инновационного предпринимательства, расходы на обучение кадров и цифровые и инновационные технологии.

Различные критерии, характеризующие уровень инноваций в регионе, разделены на группы. У каждой последующей группы уровень снижается. В первую входит 9 субъектов РФ, расположенных в Центральном и Приволжском федеральных округах, во вторую – 36, в третью – 33, в четвертую – 7.

Лидирующие позиции занимает Москва по применению и внедрению инноваций в различных сферах региона (рис. 1).



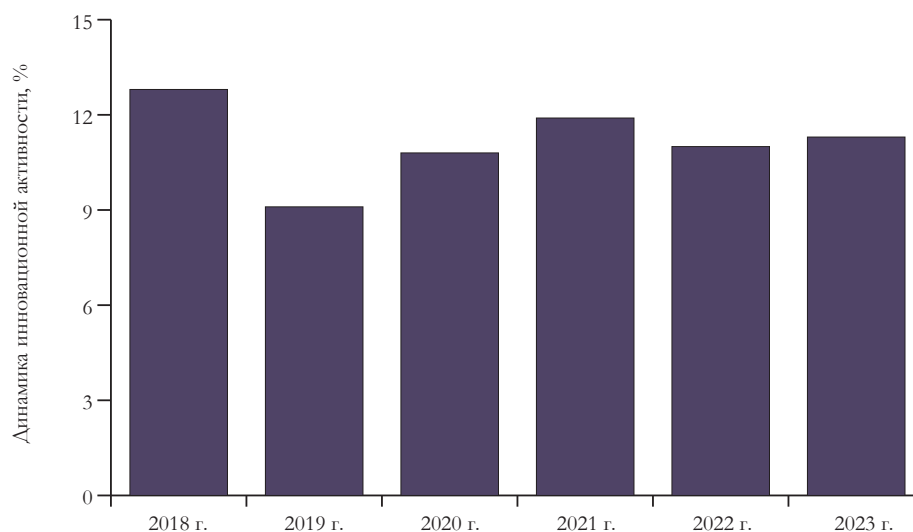
Примечание: ЦФО – Центральный федеральный округ, СЗФО – Северо-Западный федеральный округ, ЮФО – Южный федеральный округ, СКФО – Северо-Кавказский федеральный округ, ПФО – Приволжский федеральный округ, УФО – Уральский федеральный округ, СФО – Сибирский федеральный округ, ДФО – Дальневосточный федеральный округ

Составлено автором по материалам источника [5]

Рис. 1. Динамика уровня инновационной активности по российским округам

Большая часть субъектов РФ характеризуются неравномерностью развития инновационных технологий, которые использовались или применяются в регионах. В целом индекс, формирующий итоговый результат и способствующий сглаживанию оценок, оптимизирует разные составляющие инновационного развития, но вместе с тем скрывает их. В большинстве регионов именно показатели, оценивающие научную и инновационную деятельность организаций (среди них выделим экспорт ее результатов – знаний, товаров и услуг), разнонаправленны по отношению к уровню интегрального показателя развития, применения и использования инновационных технологий.

Для полноты исследования рассмотрим уровень инновационной активности российских организаций (рис. 2).



Составлено автором по материалам источника [5]

Рис. 2. Динамика уровня инновационной активности российских организаций

Через агрегированную оценку рассчитывается уровень индекса социально-экономических условий инновационной деятельности, а по этому уровню уже классифицируются субъекты РФ по группам.

Наиболее высокий потенциал развития и внедрения цифровых технологий показала за исследуемый период Москва, которая и формирует первую группу среди субъектов по потенциалу цифровизации. Это связано с тем, что город по основным составляющим рейтинга данного цифрового потенциала получил наивысшие показатели по рассматриваемым критериям, включая использование высокоскоростного интернета, и держит лидирующую позицию по уровню затрат на применение сквозных цифровых технологий. Москва также заняла второе место по уровню расходов, потраченных на обучение сотрудников цифровым навыкам, и четвертое – по уровню активных пользователей сети «Интернет». Если рассмотреть данный показатель в совокупности, то по уровню он будет на 29 % отличаться от региона, занявшего второе место, – Ямало-Ненецкого автономного округа.

Во вторую группу вошли 10 регионов, выступающих представителями всех федеральных округов, исключением является только Северо-Кавказский федеральный округ. Рассмотрев совокупность всех показателей, оценивающих уровень внедрения и применения цифровых и инновационных технологий в регионах, можно отметить, что на второе место выходит Ямало-Ненецкий автономный округ, на третье – Санкт-Петербург, на четвертое – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Данные регионы как минимум по половине критериев занимают лидирующие позиции. Например, Ямало-Ненецкий автономный округ занял первое место по доле активных пользователей сети «Интернет» и второе – по уровню затрат на сквозные цифровые технологии. Санкт-Петербург занял вторую позицию по доле организаций, применяющих в своей работе скоростной интернет, и пятую – по критерию, характеризующему уровень расходов организаций на обучение сотрудников цифровым навыкам.

В результате рассмотрения и оценки всех четырех основных показателей можно отметить, что по регионам-лидерам максимальный уровень принимает показатель, характеризующий уровень затрат на сквозные цифровые технологии. Необходимо учесть, что половина регионов, входящих во вторую группу по данному критерию, относятся к десятке лидеров. Это подтверждает уровень цифровизации субъектов РФ, который характеризуется также объемом инвестиций в цифровые технологии, а также степенью привлекательности этих регионов с точки зрения инвестиционного потенциала.

По уровню финансирования научных направлений, способствующих разработке, и трансформации денежных ресурсов в интеллектуальный потенциал регионами, формирующими пятерку лидеров, являются Ульяновская, Нижегородская, Тюменская, Новгородская области и Республика Башкортостан. Так, Ульяновская область заняла первое место по расходам на инновационные результаты на одного исследователя, третье – по уровню заработной платы в науке к средней по региону, пятое – по доле (уровню) расходов на инновационный результат в валовом региональном продукте, седьмое – по доле бизнеса в финансировании инновационного результата [6; 7]. По аналогии определено место других регионов, то есть по совокупности ряда показателей, характеризующих уровень развития, финансирования и другие внедрения инновационных технологий в деятельность предприятий.

Лидерами субъектов РФ по инновационной деятельности стали представители Центрального и Приволжского федеральных округов – лидирующее место (первое) занимает Республика Татарстан, второе – Смоленская область, третье – Мордовия, четвертое – Удмуртия, пятое – Белгородская область.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование, проведенное в статье, играет немаловажное значение, и его результаты можно применять в развитии региональных экономических систем России в рамках конкретных единиц. Данное обстоятельство выявило необходимость в дополнительных научных разработках как основном источнике инновационных идей и цифровых направлений и их внедрении в хозяйствующие субъекты регионов.

Оценка инновационного уровня развития российских региональных экономических систем выступает фундаментом экономического развития страны, способного разрабатывать оценки, показывающие уровень текущего положения и трендов, оказывающих влияние на развитие областей, провинций, муниципалитетов и т.д. Так, составляются программы развития с государственной поддержкой на длительную перспективу и др. По результатам своевременного и качественного анализа формирования и развития региональных систем в целом формируется эффективное развитие экономической составляющей страны в целом.

Эффективное использование инноваций в сфере региональных систем возможно только при балансе между государственным и частным финансированием инновационных технологий, а также при осуществлении тщательного отбора инвесторов на конкурсной основе. При этом основополагающим выступает уровень развития экономических систем, требующий сохранения равновесия и целостности и одновременно способствующих снижению и устранению угрозы внешних и внутренних факторов, а также способных замедлить применение инновационных технологий. Совместно с инновациями необходимо рационально использовать ресурсную базу, а также передовые цифровые технологии и внедрять их в процессы управления прогрессивный менеджмент. Инновационное развитие хозяйствующих субъектов и региональных систем способствует разработке стратегии развития регионов РФ и их территориальных единиц: районов, областей, провинций, муниципалитетов и т.д.

Список литературы

1. Каммонс Дж. Институциональная экономика. Terra economicus. 2012;3(10):69–76.
2. Абрамов В.И., Асаул В.В., Вагин С.Г., Николаева К.С. Государственное регулирование инновационной активности организаций. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014;11(121):91–94.
3. Злобин Б.К. Концепция экономической устойчивости хозяйствующих систем. М.: Экономика; 2000. 450 с.
4. Андреева Н.В., Залозная Г.М., Огородникова Е.П. Привлекательность инвестиционных проектов аграрного сектора экономики. В кн.: Управление проектами развития сельских территорий: материалы V национальной научно-практической конференции, Краснодар, 2024 г. Краснодар; 2024. С. 26–33.
5. Абашкин В.А., Абдрахманова Г.И., Бредихин С.В. и др. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. М.: НИУ ВШЭ; 2023. 260 с.
6. Воронцова Ю.В. Проблемы развития национальной инновационной системы РФ. Теоретическая экономика. 2020;2:26–33.
7. Ченцова Е.П., Ченцов М.С. Особенности инновационного развития страны: опыт Китая. Вопросы инновационной экономики. 2023;4(13):1835–1854. <http://doi.org/10.18334/vinec.13.4.120104>

References

1. Commons J. Institutional economics. Terra economicus. 2012;3(10):69–76. (In Russian).
2. Abramov V.I., Asaul V.V., Vagin S.G., Nikolaeva K.S. State regulation of innovative activity of organizations. Vestnik of Samara State University of Economics. 2014;11(121):91–94. (In Russian).
3. Zlobin B.K. Concept of economic sustainability of economic systems. Moscow: Ekonomika; 2000. 450 p. (In Russian).
4. Andreeva N.V., Zaloznaya G.M., Ogorodnikova E.P. Attractiveness of investment projects in the agricultural sector of economy. In: Management of rural development projects: Proceedings of the V National Scientific and Practical Conference, Krasnodar, 2024. Krasnodar; 2024. Pp. 26–33. (In Russian).
5. Abashkin V.A., Abdrahmanova G.I., Bredikhin S.V. et al. Rating of innovative development of the constituent entities of the Russian Federation. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2023. 260 p. (In Russian).
6. Vorontsova Yu.V. Problems of development of the national innovation system of the Russian Federation. Theoretical Economics. 2020;2:26–33. (In Russian).
7. Chentsova E.P., Chentsov M.S. Features of the country's innovative development: China's experience. Russian Journal of Innovative Economics. 2023;4(13):1835–1854. (In Russian). <http://doi.org/10.18334/vinec.13.4.120104>

Введение прогрессивной шкалы по налогу на доходы физических лиц как необходимое условие обеспечения социальной справедливости

Зотиков Николай Зотикович

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов, кредита и экономической безопасности
ORCID: 0000-0001-5631-9123, e-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

Аннотация

Цель исследования – изучить роль и значение налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) в формировании доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в разрезе федеральных округов, его влияние на формирование показателей, характеризующих социальную сферу, а также проанализировать положительный зарубежный опыт налогообложения доходов физических лиц. Используются общенаучные методы познания (анализ, синтез, обобщение, группировка, сравнение, табличный и др.). Исследование опирается на официальные данные Федеральной службы государственной статистики, Федеральной налоговой службы Российской Федерации. Установлено, что НДФЛ выполняет свою фискальную функцию, является основным источником доходов местных бюджетов и регионов. Что касается социальной функции, то она в настоящее время утрачена. Выражается это в следующем: в четырех федеральных округах, в которых проживает около половины населения страны, заработная плата ниже среднероссийского уровня; не улучшаются коэффициенты фондов, коэффициент Джини; вычеты и льготы по НДФЛ не выполняют социальную функцию, не обеспечивается социальная справедливость, усиливается социальное расслоение общества. В условиях складывающейся неблагоприятной демографической ситуации, внешних вызовов из-за санкций Запада необходимо усилить мотивацию к труду, с учетом зарубежного положительного опыта ввести реальную, способную «работать» прогрессивную шкалу обложения доходов физических лиц.

Ключевые слова

Налоговые доходы бюджетов, денежные доходы, среднемесячная заработная плата, коэффициент фондов, коэффициент Джини, вычеты по НДФЛ, доля населения в трудоспособном возрасте, прогрессивная шкала, обложение семейного дохода

Для цитирования: Зотиков Н.З. Введение прогрессивной шкалы по налогу на доходы физических лиц как необходимое условие обеспечения социальной справедливости // Вестник университета. 2024. № 10. С. 167–179.

Progressive scale implementation for personal income tax as a necessary condition for ensuring social justice

Nikolai Z. Zotikov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance, Credit and Economic Security Department
ORCID: 0000-0001-5631-9123, e-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

Chuvash State University named after. I.N. Ulyanov, Cheboksary, Russia

Abstract

The purpose of the study is to examine the role and importance of this tax when forming revenues of consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation in the context of federal districts, and its impact on the formation of indicators characterizing the social sphere, as well as to analyze the positive foreign experience of personal income taxation. The general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, generalization, grouping, comparison, tabular, etc.) were used. The study is based on official data of the Federal State Statistics Service and the Federal Tax Service of the Russian Federation. It has been established that personal income tax fulfills its fiscal function, and it is the main source of income of local budgets and regions. As for the social function, it is currently lost. It is reflected in the following: in four federal districts, where about half of the country's population lives, wages are below the average Russian level; the coefficients of funds and Gini coefficient are not improving; deductions and benefits on personal income tax do not fulfill the social function, social justice is not ensured, and social stratification of society is increasing. In the context of the current unfavorable demographic situation and external challenges due to Western sanctions, it is necessary to strengthen motivation to work, considering foreign positive experience to introduce a real and workable progressive scale of personal income taxation.

Keywords

Budgets tax revenues, cash income, average monthly wage, funds coefficient, Gini coefficient, deductions for personal income tax, share of population of working age, progressive scale, family income taxation

For citation: Zotikov N.Z. (2024) Progressive scale implementation for personal income tax as a necessary condition for ensuring social justice. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 167–179.



ВВЕДЕНИЕ

Налоги, в том числе подоходный налог, играют важную роль в бюджетной системе любого государства. Их величина и масштабы изъятия зависят от стоящих перед страной задач, на решение которых необходимы финансовые ресурсы.

Наблюдается резкая дифференциация стран по величине ставки подоходного налога. При этом есть государства, в которых вообще нет данного налога¹. Они богаты нефтью, природным газом (Андорра, Багамские острова, Бахрейн, Бурунди, Катар, Кувейт, Монако, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Монако, Саудовская Аравия, Сомали, Уругвай). Самые низкие ставки подоходного налога имеют Албания (10 %), Болгария (10 %), Белоруссия (12 %), Российская Федерация (13 %), а самые высокие – Швеция (56,6 %), Япония (50 %) и др. Во многих странах применяются налоги с «плавающей» налоговой ставкой (Германия, Франция, Соединенные Штаты Америки (далее – США), Китай и др.).

Что касается Российской Федерации (далее – РФ, Россия), то до введения Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) в 2001 г. подоходный налог взимался по прогрессивной шкале. С введением главы 23 НК РФ страна перешла на плоскую шкалу налогообложения доходов физических лиц, и ставка по основным доходам вместо 12 стала 13 %, по иным видам доходов применяются разные ставки, например, по выигрышам и призам она составляет 35 % в части, превышающей 4 тыс. руб.

Налог на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) в России отнесен к федеральным налогам, между тем он в федеральный бюджет не зачисляется, но поступает по нормативу 85 и 15 % соответственно в региональные и местные бюджеты. Особо велико значение данного налога для местных бюджетов, более 60 % налоговых доходов в которых формируется за счет него. Таким образом, он относится к регулирующим, его социальная функция заложена в льготах в виде перечня доходов, не подлежащих налогообложению (ст. 217 НК РФ), а также в виде вычетов: стандартных, социальных, имущественных, инвестиционных, профессиональных². Поскольку является налог федеральным, все его элементы установлены на федеральном уровне и регионы практически лишены возможности влиять каким-то образом на них.

Сущность любой категории проявляется в их функциях. В связи с этим в начале исследования рассмотрим функции НДФЛ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фискальную функцию НДФЛ рассмотрим на основании данных табл. 1.

Таблица 1

Поступление налогов, сборов в консолидированный бюджет РФ, консолидированный бюджет субъектов РФ по федеральным округам

РФ, округа	Бюджеты	Год	Налоговые доходы, млрд руб.	НДФЛ, млрд руб.	Доля НДФЛ, %
РФ	КБ РФ	2015	13 720,4	2 806,5	20,5
		2023	35 898,4	6 537,8	18,2
	ФБ	2015	6 814,5	–	–
		2023	19 385,7	–	–
	КБС РФ	2015	6 905,9	2 806,5	40,6
		2023	16 512,7	6 378,3	38,6
	МБ	2015	970,3	617,1	63,6
		2023	1 904,7	1 331,6	69,9
ЦФО	КБС РФ	2015	2 439,1	1 114,1	45,7
		2023	6 224,0	2 691,7	43,2
СЗФО	КБС РФ	2015	792,7	342,7	43,2
		2023	1 939,8	765,1	39,4

¹ Company Global. Страны без подоходного налога. Режим доступа: <https://clck.ru/3E6djh> (дата обращения: 10.07.2024).

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 10.07.2024).

РФ, округа	Бюджеты	Год	Налоговые доходы, млрд руб.	НДФЛ, млрд руб.	Доля НДФЛ, %
ЮФО	КБС РФ	2015	411,0	167,5	40,7
		2023	1 074,4	409,6	38,1
СКФО	КБС РФ	2015	111,9	59,8	53,4
		2023	235,6	112,0	47,5
ПФО	КБС РФ	2015	1 051,9	377,6	35,9
		2023	2 406,7	786,2	32,7
УФО	КБС РФ	2015	805,9	283,0	35,1
		2023	1 842,4	573,9	31,1
СФО	КБС РФ	2015	718,0	278,3	38,8
		2023	1 593,2	563,1	35,3
ДФО	КБС РФ	2015	540,7	163,5	30,2
		2023	1 104,5	406,9	36,8

Примечание: КБ РФ – консолидированный бюджет РФ, КБС РФ – консолидированный бюджет субъектов РФ, ФБ – федеральный бюджет, МБ – местный бюджет, ЦФО – Центральный федеральный округ, СЗФО – Северо-западный федеральный округ, ЮФО – Южный федеральный округ, СКФО – Северо-Кавказский федеральный округ, ПФО – Приволжский федеральный округ, УФО – Уральский федеральный округ, СФО – Сибирский федеральный округ, ДФО – Дальневосточный федеральный округ

Источник³

Согласно данным таблицы 1, в 2023 г. в сравнении с 2015 г.:

- налоговые доходы консолидированного бюджета РФ (далее – КБ РФ) увеличились в 2,61 раза, федерального бюджета (далее – ФБ) – в 2,84, консолидированного бюджета субъектов РФ (далее – КБС РФ) – в 2,39, местного бюджета (далее – МБ) – в 1,96;
- доля налоговых доходов ФБ в КБ РФ увеличилась с 49,7 до 54,0 %;
- доля налоговых доходов местных бюджетов в налоговых доходах КБС РФ уменьшилась с 14,0 до 11,5 %;
- поступления НДФЛ в КБ РФ и КБС РФ увеличились в меньших размерах, чем их налоговые доходы, в связи с чем доля НДФЛ в налоговых доходах КБ РФ уменьшилась на 11,0 %, КБС РФ – на 5,0 %; в связи с увеличением НДФЛ в МБ в больших размерах, чем налоговые доходы в целом, их доля в МБ увеличилась на 9,9 %;
- доля НДФЛ в налоговых доходах КБ РФ уменьшилась с 20,5 до 18,2 %, КБС РФ – с 40,6 до 38,6 % (снижение во всех округах), МБ – увеличилась с 63,6 до 69,9 %;
- налоговые доходы КБС РФ в целом по РФ увеличились в 2,39 раза, в том числе МБ – на 96,3 %, из них по Центральному федеральному округу (далее – ЦФО) – в 2,55 раза, Северо-Западному федеральному округу (далее – СЗФО) – в 2,44, Южному федеральному округу (далее – ЮФО) – в 2,61;
- за исключением Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО), поступления НДФЛ в КБС округов увеличились в меньшем размере, чем поступления всех налогов в целом, в связи с чем доля НДФЛ в величине налоговых доходов уменьшилась, в том числе по РФ – на 4,9 %, Северо-Кавказскому федеральному округу (далее – СКФО) – на 11,1 %, Уральскому федеральному округу (далее – УФО) – на 11,4 %;
- поступления налоговых доходов в МБ увеличились в меньших размерах, чем поступления налогов в КБС РФ по всем округам;
- максимальное значение НДФЛ в налоговых доходах КБС РФ в 2023 г. было достигнуто по СКФО (47,5 %), минимальное – по УФО (31,1 %).

Оплата труда является основным источником денежных доходов населения (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов
и среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций**

Показатели	2010 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Все население, %	100,0	100,0	100,0	100,0

³ Отчет ф. № 1-НМ «Начисление и поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет РФ». Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 10.07.2024).

Окончание табл. 2

Показатели	2010 г., %	2020 г., %	2021 г., %	2022 г., %
С денежным доходом, руб. в месяц				
до 7 000,0	18,800	3,500	2,700	1,400
7000,1–10 000,0	14,600	5,600	4,500	3,000
10 000,1–14 000,0	16,600	9,600	8,300	6,200
14 000,1–19 000,0	15,200	12,800	11,500	9,700
19 000,1–27 000,0	14,700	17,900	17,100	16,100
27 000,1–45 000,0	13,300	25,300	25,900	27,400
45 000,1–60 000,0	6,800	10,600	11,700	13,500
60 000,1–75 000,0	–	5,800	6,800	8,100
75 000,1–100 000,0	–	4,700	5,800	7,200
Свыше 100 000,0	–	4,200	5,700	7,400
Медианный среднедушевой денежный доход, руб.	14 000,000	27 036,000	30 083,000	34 806,000
Модальный среднедушевой денежный доход, руб.	7 590,000	15 513,000	17 012,000	20 429,000
Коэффициент фондов	16,600	14,900	15,200	13,800
Коэффициент Джини	0,395	0,421	0,406	0,395
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума				
млн чел.	17,700	17,700	16,000	14,300
в % от общей численности населения	12,500	12,100	11,000	9,800
Дефицит денежных доходов, млрд руб.	375,000	728,600	695,600	690,200
в % от общего объема денежных доходов населения	1,200	1,100	1,000	0,900
Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций по округам, руб.				
РФ	20 952,000	51 344,000	57 244,000	65 338,000
ЦФО	25 377,000	65 319,000	73 518,000	83 126,000
СЗФО	23 532,000	57 162,000	63 520,000	72 465,000
ЮФО	15 560,000	36 620,000	40 648,000	46 231,000
СКФО	12 569,000	31 799,000	34 032,000	37 361,000
ПФО	15 614,000	36 975,000	41 129,000	47 299,000
УФО	25 035,000	54 603,000	59 804,000	68 084,000
СФО	18 658,000	44 226,000	48 883,000	57 203,000
ДФО	25 814,000	60 358,000	66 374,000	74 799,000

Примечание: ПФО – Приволжский федеральный округ, СФО – Сибирский федеральный округ

Источник^{4,5,6}

Как следует из приведенных данных таблицы 2, в 2022 г. по сравнению с 2010 г.:

- доля населения, имеющего доходы до 27 тыс. руб., уменьшается, а имеющего доходы более этой суммы – увеличивается;
- медианный и модальный среднедушевые денежные доходы увеличились;
- уменьшение коэффициента фондов с 16,6 до 13,8 свидетельствует о незначительном уменьшении разрыва между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми работниками;
- значение коэффициента Джини остается неизменным (0,395);
- численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума уменьшилась с 17,7 до 14,3 млн чел., или с 12,5 до 9,8 % всего населения страны;
- дефицит денежных доходов увеличился с 375,0 до 690,2 млрд руб.;

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник 2023. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegovdnik_2023.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально – экономические показатели 2023. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

⁶ Федеральная служба государственной статистики. Среднемесячная начисленная номинальная и реальная заработная плата работников организаций. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 10.07.2024).

- среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в 2022 г. по сравнению с 2010 г. увеличилась по РФ в 3,1 раза, в том числе в ЦФО – в 3,27 раза, в ДФО – в 2,9;
- за все приведенные периоды заработная плата в четырех округах (ЮФО, СКФО, Приволжский федеральный округ (далее – ПФО), Сибирский федеральный округ (далее – СФО) меньше среднероссийского уровня, соотношение между максимальным и минимальным значениями увеличилось с 2,05 до 2,22.

В числе других социальная функция НДФЛ проявляется через налоговые вычеты по данному налогу, предусмотренные НК РФ (табл. 3).

Таблица 3

Данные об исчисленных суммах НДФЛ и вычетах по налогу

Показатели	Ед. изм.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2022 г. / 2018 г., %
Исчислен налог по всем ставкам	млрд руб.	3573,900	3897,500	4222,600	4866,600	5505,200	154,0
в том числе по ставке 13 %	млрд руб.	3548,500	3763,100	4190,500	4170,800	4596,900	129,5
То же, в % от общей суммы	%	99,300	96,600	99,200	85,700	83,500	84,1
Стандартные вычеты на детей							
на первого ребенка	Кол-во, тыс. ед.	15 119,600	14 846,000	13 928,100	13 515,600	12 775,600	84,5
	Сумма	165,000	157,600	147,800	136,400	122,900	74,5
на второго ребенка	Кол-во, тыс. ед.	8 379,000	8 650,000	8 447,600	8 494,400	8 301,000	99,1
	Сумма	92,900	93,400	91,300	87,400	81,500	87,7
на третьего и последующего ребенка	Кол-во, тыс. ед.	1 909,600	2 048,600	2 068,500	2 153,300	2 194,500	114,9
	Сумма	55,800	58,800	59,800	59,700	58,900	105,6
Имущественный вычет – всего	Кол-во, ед.	214 138,000	218 043,000	167 870,000	144 489,000	125 269,000	58,5
	Сумма	80,800	80,500	65,800	58,400	54,500	67,5
в том числе на приобретение жилья	Кол-во, ед.	192 045,000	180 779,000	147 287,000	125 669,000	108 738,000	56,6
	Сумма	72,100	71,900	58,000	51,600	47,700	66,2
Социальный вычет на обучение детей	Кол-во, ед.	4 366,000	4 846,000	3 879,000	3 478,00	3 720,000	85,2
	Сумма	0,177	0,200	0,164	0,150	0,160	90,4

Источник⁷

Согласно данным таблицы 3, в 2022 г. в сравнении с 2018 г.:

- исчисленная по всем налоговым ставкам сумма НДФЛ увеличилась на 54,0 %, в том числе исчисленная по ставке 13 % – на 29,5 %, в связи с чем доля НДФЛ по ставке 13 % в общей сумме налога уменьшилась на 15,9 %;
- численность налогоплательщиков, получивших стандартный вычет на детей, уменьшилась на 8,4 %, в суммарном выражении – на 16,1 %; потери бюджета в связи с этим уменьшились с 40,8 до 34,2 млрд руб., или с 1,1 до 0,7 % от исчисленной по ставке 13 % суммы НДФЛ;
- из всей суммы стандартных вычетов доля на одного ребенка составляет около 50,0 %, второго – около 30 %, третьего ребенка – по количеству налогоплательщиков до 10 %, суммарно – около 20,0 %;
- количество налогоплательщиков, получивших имущественный налоговый вычет по НДФЛ, уменьшилось, в том числе в связи с приобретением жилья – с 192,045 до 108,738 тыс. чел., в суммарном выражении вычеты уменьшились с 80,8 до 54,5 млрд руб., из-за чего бюджет недополучил налог

⁷ Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на доходы физических лиц ф. № 5-НДФЛ. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/mn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 10.07.2024).

10,5 млрд руб. в 2018 г. и 7,1 млрд руб. в 2022 г. при суммах исчисленного налога соответственно 3 548,5 и 4 596,9 млрд руб.;

– незначительна также сумма социального вычета на обучение детей (менее 0,2 млрд руб. в год).

Величина НДФЛ зависит от количества занятых в экономике и среднемесячной заработной платы (табл. 4).

Таблица 4

Распределение населения России по возрастным группам

Год	Моложе трудоспособного возраста		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста		Всего
	млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%	
2015	25,689	17,6	85,415	58,4	35,163	24,0	146,267
2016	26,360	18,0	84,199	57,4	35,986	24,6	146,545
2017	26,895	18,3	83,224	56,7	36,685	25,0	146,804
2018	27,254	18,6	82,264	56,0	37,362	25,4	146,880
2019	27,430	18,7	81,362	55,4	37,989	25,9	146,781
2020	27,442	18,7	82,678	56,3	36,629	25,0	146,749
2022	27,308	18,6	84,400	57,4	35,272	24,0	146,980
2023	27,160	18,5	83,440	57,0	35,847	24,5	146,447
Соотно- шение: 2023 г. к 2015 г., %	105,700	105,1	97,700	97,6	101,900	102,1	100,100

Источник⁸

Данные таблицы 4 свидетельствуют о наблюдающейся тенденции снижения доли населения трудоспособного возраста и увеличения населения старше трудоспособного возраста в общей численности населения.

Распределение численности населения по возрасту в зарубежных странах приведено в табл. 5.

Таблица 5

Распределение численности населения зарубежных стран по возрасту на 1 января 2022 г.

Страна	Все насе- ление, млн чел.	В том числе							
		0–14		16–24		25–59		60 лет и более	
		млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%
Китай	1 411,8	221,9	15,7	222,3	15,7	718,1	50,9	185,0	13,1
США	333,3	59,4	17,8	44,3	13,3	150,6	45,2	78,9	23,7
Германия	83,2	11,6	13,9	8,3	10,0	38,9	46,8	24,4	29,3
Франция	65,6	11,3	17,2	7,8	11,9	28,5	43,4	18,0	27,4
Япония	125,1	14,6	11,7	11,8	9,4	55,0	44,0	43,7	34,9
Россия	146,4	25,5	17,4	15,0	10,2	71,5	48,8	34,4	23,5

Источник⁹

Из приведенных в таблице 5 стран наилучший показатель по доле населения в трудоспособном возрасте (от 16 до 59 лет) имеют Китай и Россия. При этом Китай уступает по доле населения до 14 лет и более 60 лет. Наименьший показатель по доле населения до 14 лет имеют Япония (11,7 %) и Германия (13,9 %).

⁸ Федеральная служба государственной статистики. Распределение населения по возрастным группам. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.07.2024).

⁹ Федеральная служба государственной статистики. Демографический ежегодник России 2023. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ВЫВОДЫ

В целях обсуждения результатов проведенного исследования приведем зарубежный опыт налогообложения доходов физических лиц.

В США 50 штатов, в каждом из них свои особенности налогообложения¹⁰. Приведем список налогов:

- 1) федеральные (обязательны для всех резидентов США);
- 2) уровня штата (обязательны к уплате в том или ином штате, ставки варьируются от 1 до 10 %, в некоторых штатах налог не взимается (Аляска, Техас и др.);
- 3) местного значения.

Ставки федерального налога остаются неизменными, пороговые значения дохода индексируются на величину инфляции ежегодно. В 2023 г. действовали ставки подоходного налога в % от дохода (тыс. долл. США) для одиноких налогоплательщиков и супружеских пар, подающих совместную декларацию (в скобках):

- 10 % – до 11 тыс. (до 22 тыс.);
- 12 % – от 11,001 до 44,725 тыс. (от 22,001 до 89,450 тыс.);
- 22 % – от 44,726 до 95,375 тыс. (от 89,451 до 190,750 тыс.);
- 24 % – от 95,376 до 182,100 тыс. (от 190,751 до 364,200 тыс.);
- 32 % – от 182,101 до 231,250 тыс. (от 364,201 до 462,500 тыс.);
- 35 % – от 231,251 до 578,125 тыс. (от 462,501 до 693,750 тыс.);
- 37 % – выше 578,125 тыс. (выше 693,750 тыс.).

С доходов производят вычеты, предоставляются льготы (расходы на повышение квалификации, использование медицинских услуг, покрываемые страховкой, расходы на благотворительность или на заботу о недееспособном родственнике). Работники ежегодно перечисляют 12,4 % от фонда заработной платы в социальную и 2,9 % в медицинскую сферы (пополам работодатель с работником). Не облагаются налогом подарки до 17 тыс. долл. США, при превышении применяется ставка 40 % от оценочной стоимости.

Кроме подоходного налога, уплачиваются также:

- налог социального обеспечения (платит работодатель по ставке 4,3 %);
- налог на программу медицинского страхования для лиц от 65 лет по ставке 1,46 % при доходе свыше 200 тыс. долл. США – 2,35 % (уплачивают пополам работник и работодатель);
- налог на федеральную пенсионную программу, а также по программе помощи безработным в размере 4,2 % от оплаты (работодатель вносит 6,2 % от зарплаты работника, работающие на себя – 10,4 % от дохода).

В Китае налог на доходы физических лиц уплачивается¹¹:

- 1) налоговыми резидентами – на доходы, полученные в стране и из-за рубежа;
- 2) нерезидентами – на доходы, полученные в стране.

Налогооблагаемые доходы:

- оплата труда (заработная плата, премии, бонусы, участие в прибыли);
- доходы от выполнения работ по договорам подряда;
- доходы от независимой трудовой деятельности (индивидуальные практики);
- гонорары писателей и журналистов;
- дивиденды и %;
- доходы от сдачи имущества в аренду;
- доходы от продажи имущества.

На доходы в виде оплаты труда применяется прогрессивная ставка (в % от суммы дохода в год, китайские юани):

- менее 36 тыс. – 3 %;
- 36–144 тыс. – 10 %;
- 144–300 тыс. – 20 %;
- 300–420 тыс. – 25 %;
- 420–660 тыс. – 30 %;
- 660–960 тыс. – 35 %;
- более 960 тыс. – 45 %.

¹⁰ Файзрахманова А. Налоги в США – как платят нерезиденты и почему многие выбирают Делавэр. Режим доступа: <https://clck.ru/3E7PRj> (дата обращения: 10.07.2024).

¹¹ Какие налоги платят в Китае в 2024 году. Режим доступа: <https://visatravel.ru/blog/876-taxes-in-china.html> (дата обращения: 10.07.2024).

Установлен минимальный доход, не облагаемый налогом, – 5 тыс. китайских юаней в месяц.

С 2019 г. налоговые резиденты могут применять вычеты (льготы):

- на выплату % по ипотеке (1 тыс. китайских юаней в месяц в течение 20 лет);
- на оплату аренды жилья (800–1,5 тыс. китайских юаней в месяц в зависимости от города проживания);
- на образование детей с дошкольного возраста до докторантуры (1 тыс. китайских юаней в месяц);
- на содержание родителей старше 60 лет (1–5 тыс. китайских юаней в месяц);
- вычет на последипломное образование;
- медицинские расходы на лечение тяжелых заболеваний (если сумма собственных расходов, не покрытых страховкой, превышает 15 тыс. китайских юаней).

В Китае существует всеобщая комплексная система социального страхования:

- пенсионное – 22 % выплачивает работодатель, 8 % – работник;
- медицинское – 10 % выплачивает работодатель, работник – 2 % + 3 китайских юаня;
- по безработице – 1 % выплачивает работодатель, 0,2 % – работник;
- от производственных травм – 0,5–2,0 % выплачивает работодатель;
- беременности и родов – 0,8 % выплачивает работодатель.

Следует иметь в виду, что указанные расходы и вычеты отнимаются от величины дохода до налогообложения и только оставшаяся после вычетов сумма является основой расчета налога.

В Японии «действует двухуровневая структура налогообложения. Все налоги можно разделить на государственные и местные. Из-за высокой степени автономности местные власти получают налоговые поступления в несколько раз больше, чем центральная власть» [1, с. 68]¹².

Подходный налог уплачивают:

- 1) постоянные резиденты – с доходов от источников в стране и за пределами страны (лицо, имеющее гражданство, находящееся в Японии более года);
- 2) временные резиденты – лицо, не имеющее гражданство, а также находящееся в Японии не более пяти лет в совокупности в течение последних 10 лет – с доходов от источников в Японии, а также в других странах, но получаемых в Японии (денежные переводы).

К доходам применяются разрешенные вычеты (деловые и профессиональные издержки, расходы на дополнительное образование, проезд до места работы и др.), фиксированные вычеты (на ребенка, в связи со смертью супруга), стандартный личный вычет в сумме 380 тыс. японских иен. Доходы для целей налогообложения определяются методом начислений.

С 2008 г. применяется прогрессивная ставка налога (в % от налогооблагаемого дохода, японские иены):

- до 1 950 000 – 5 %;
- 1 950 001–3 300 000 – 10 % (вычет 9,75 тыс.);
- 3 300 001–6 950 000 – 20 % (вычет 42,75 тыс.);
- 6 950 001–9 000 000 – 23 % (вычет 636 тыс.);
- 9 000 001–16 920 000 – 33 % (вычет 1,536 млн);
- свыше 16 920 000 – 40 %.

После вычета налога плательщик вправе использовать разрешенные налоговые кредиты, среди них вычеты, которые уменьшают сумму налога:

- полученные дивиденды (кроме облагаемых налогом отдельно от основного дохода);
- налоги на доходы, уплаченные резидентом за рубежом;
- налоги, удерживаемые у источника выплаты дохода;
- расходы по обслуживанию ипотечного кредита;
- расходы на приобретение, строительство сейсмоустойчивого жилищного строительства.

В Германии все налогоплательщики поделены на 6 классов с учетом их доходов и семейного положения¹³:

- 1) физические лица неженатые, разведенные, вдовы или состоящие в браке с человеком, не являющимся налоговым резидентом Германии или проживающим за пределами Европейского союза (ставка налога – 28 %, необлагаемый минимум – 9,984 тыс. евро в год);

- 2) родители, одни воспитывающие ребенка (необлагаемая сумма – 9,984 тыс. евро в год);

¹² Налоговая система Японии и ее особенности. Режим доступа: <https://zachnik.com/spravochnik/ekonomika/regionalnaja-ekonomika-teorija-modeli-i-metody/nalogovaja-sistema-japonii/> (дата обращения: 10.07.2024).

¹³ Подходный налог в Германии. Режим доступа: <https://tranio.ru/articles/podokhodnyj-nalog-v-germanii/> (дата обращения: 10.07.2024).

3) лица, состоящие в браке с неработающим человеком или пережившие смерть супруга в течение года (необлагаемая сумма – 19,968 тыс. евро в год, ставка – 26 %);

4) лица, состоящие в браке, получающие со своим супругом (супругой) равные доходы (необлагаемый минимум – 9,984 тыс. евро в год);

5) налогоплательщики, чей супруг (супруга) причислен к третьему классу (необлагаемый минимум – 105 евро в месяц, или 1,26 тыс. евро в год);

6) все налогоплательщики, которые получают доход более чем от одного работодателя или из нескольких источников (в этом случае налогом облагаются все доходы, то есть необлагаемого минимума нет).

Физические лица в Германии уплачивают:

- подоходный налог;
- налог солидарности (5,5 % от величины подоходного налога);
- церковный налог (платят только прихожане одной из официальных церквей в размере 8–9 % от величины подоходного налога);
- налог на добавленную стоимость (ставка 19 %, в том числе лекарства, книги – 7 %);
- налог на недвижимость (0,35 %);
- налог на дождь.

Облагаются налогом также подарки, наследство, оплата развлечений, покупка автомобиля.

Ставки подоходного налога (в % от дохода в евро):

- до 9,744 тыс. – 0 %;
- до 57,918 тыс. – 14 %;
- до 274,612 тыс. – 42 %;
- свыше 274,612 тыс. – 45 %.

Уплачиваются следующие страховые взносы:

- на обязательное медицинское страхование – 15,9 % (работодатель и работник платят по 7,95%);
- сбор на страхование по долгосрочному уходу – по ставке 3,05 % с дохода (платят работодатель и работник пополам);
- пенсионное страхование – по ставке 18,6 % работодатель и работник платят пополам;
- страхование от безработицы – 2,4 % (работник и работодатель пополам);
- взносы на страхование работника от производственного травматизма и страхование от банкротства – полностью платит работодатель.

Уменьшить сумму налогов можно за счет получения вычета в размере расходов на дорогу на работу и с работы, церковного налога, расходов на покупку рабочего оборудования, 30 % расходов на образование детей и др.

Во Франции налогом облагается доход резидентов и нерезидентов¹⁴. В качестве фискальной единицы выступает семья: «В целом введение семейного налогообложения можно оценить как направление на достижение социальной справедливости» [2, с. 908].

По мнению Н.А. Ивакиной, «французская система более справедлива, так как учитывает социальное положение семьи, дополнительные потребности в средствах для содержания детей и других членов семьи» [3, с. 121]. Во Франции происходит «перераспределение налоговых платежей от наиболее обеспеченных налогоплательщиков в пользу малообеспеченных» [4, с. 597]. В то же время «высокий уровень государственных расходов – одна из причин обременительной и социальной нагрузки на частный сектор (налог на компании – 33,33 %) и существования до сих пор ряда грабительских и убивающих инновационную активность бизнеса налогов (налог на состояние), от которых отказалось большинство развитых стран» [5, с. 35].

В стране применяется прогрессивная ставка в зависимости от дохода (% от евро):

- до 10 000 – необлагаемая сумма;
- от 10 001–26 000 – 11 %;
- от 26 001 до 74 000 – 30 %;
- свыше 74 000 – 41 %;
- свыше 160 000 – 45 %.

При расчете суммы налога учитывается весь доход, полученный во Франции и за ее пределами всеми членами семьи. Резидентом является лицо, находящееся во Франции более 183 дней в году.

¹⁴ Налоги во Франции. Режим доступа: <https://clck.ru/3E7Uz5> (дата обращения: 10.07.2024).

Расчет налога производится следующим образом: суммируется весь доход всех членов семьи, сумма дохода делится на количество участников домохозяйства (при этом ребенок принимается за 0,5, взрослый – 1,0, родитель-одиночка – 2,0); от получившихся равных долей считается % каждой по прогрессивной ставке, итоговые показатели суммируются для получения налогового числа. Приведем два примера.

1. Доход семейной пары с двумя детьми за год составляет 60 тыс. евро (коэффициент общий – 3, в том числе на двух взрослых по 1 и 0,5 за каждого ребенка):

- 60 тыс. евро: 3 = 20 тыс. евро (ставка – 11,0 %);
- 20 тыс. евро – 10 тыс. евро (необлагаемый доход) = 10 тыс. евро – база для исчисления налога;
- 10 тыс. евро · 11 % = 1,1 тыс. евро;
- 1,1 тыс. евро · 3 = 3,3 тыс. евро;
- налоговая нагрузка – 5,5 % (3,3: 60 · 100 %).

Для сравнения: при индивидуальном налогообложении зарплату родителей примем в одинаковой сумме по 30 тыс. евро., тогда за вычетом необлагаемой суммы (10 тыс. евро) налог на одного чел. составит 2,2 тыс. евро (30 тыс. – 10 тыс.) = 20 тыс. евро · 11 %, на двоих – 4,4 тыс. евро, нагрузка – 7,33 % (4,4: 60 · 100).

2. Доход 60 тыс. евро за год одного холостяка:

- до 10 тыс. евро – 0 %;
- 26 тыс. – 10 тыс. = 16 тыс. · 11 % = 1,76 тыс. евро;
- 60 тыс. – 26 тыс. = 34 тыс. · 30 % = 10,2 евро;
- всего – 11,96 тыс. евро;
- налоговая нагрузка – 19,93 % (11,96 тыс.: 60 тыс. · 100 %), что в 3,69 раза выше, чем в первом примере.

Автор предлагает прогрессивную шкалу по НДФЛ. Исходные данные для расчета:

1) по данным отчета 5-НДФЛ за 2022 г.:

- количество сведений о доходах, облагаемых по ставке 13 %, – 63 374 тыс. чел.;
- общая сумма дохода, облагаемая по ставке 13 % – 52 054,9 млрд руб.;
- налоговая база – 35 401,1 млрд руб.;
- исчислен налог по ставке 13 % исходя из налоговой базы – 4 596,9 млрд руб.;

2) по данным табл. 2:

- распределение населения по уровню дохода;
- до 19 тыс. руб. (в среднем примем 19 тыс. руб.) – 20,3 %;
- от 19 до 45 тыс. руб. (в среднем 32,0 тыс. руб.) – 43,5 %;
- от 45 до 75 тыс. руб. (в среднем 60,0 тыс. руб.) – 21,6 %;
- свыше 75 тыс. руб. (в среднем 75 тыс. руб.) – 14,6 %.

С учетом этих данных составим табл. 6.

Таблица 6

Расчет-обоснование предлагаемой шкалы по НДФЛ

Зарплата, тыс. руб.		Численность работников		Зарплата в год, млрд руб.	Ставка налога, %	НДФЛ, млрд руб.
В месяц	Средняя	%	тыс. чел.			
1	2	3,0	4 (гр. 3 · 63 374)	5,00 (4 · 2 · 12 мес.)	6	7,0 (гр. 5 · гр. 6)
19–45	32	63,8	40 433	15 526,30	12	1 863,1
45–75	60	21,6	13 689	9 856,06	20	1 379,8
Свыше 75	75	14,6	9 253	8 327,60	28	1 399,0
Итого	–	100,0	–	33 709,06	–	4 641,9

Примечание: 9 856,06 млрд руб. – при зарплате от 45 до 75 тыс. руб. в месяц, 8 327,6 млрд руб. – при зарплате свыше 75 тыс. руб. в месяц. Умножением указанных данных на ставку налога (графа 6) не получается сумма НДФЛ (графа 7) из-за применения многоступенчатой шкалы ставок по налогу. С зарплатой от 45 до 75 тыс. руб.: 45 тыс. руб. · 12 мес. · 13 689 тыс. чел. · 12 % = 887,0 млрд руб., 15 тыс. руб. · 12 мес. · 13 689 тыс. чел. · 20 % = 492,8 млрд руб., всего – 1 379,8 млрд руб. С зарплатой свыше 75 тыс. руб.: 45 тыс. руб. · 12 мес. · 9 253 тыс. чел. · 12 % = 599,6 млрд руб., 15 тыс. руб. · 12 мес. · 9 253 тыс. чел. · 20 % = 333,1 млрд руб., 15 тыс. руб. · 12 мес. · 9 253 тыс. чел. · 28 % = 466,3 млрд руб., всего – 1 399,0 млрд руб.

Составлено автором по материалам исследования

При пониженной ставке НДФЛ до 12 % вместо 13 % при диапазоне зарплаты до 45 тыс. руб. в месяц, прогрессивной ставке 20 % в части превышения от 45 до 75 тыс. руб. в месяц и 28 % свыше 75 тыс. руб. обеспечивается поступление налогов в прежнем объеме. При этом положение более чем 60 % населения улучшается. По нашему мнению, проектировать «прогрессивку» с более высоким уровнем зарплаты не имеет смысла, она просто не будет достижима.

Рассмотрим вариант обложения семейного дохода. Примем условно: взрослые – 1, дети – 0,5. Во всех случаях в примере два родителя: один ребенок, два и три, коэффициенты соответственно – 2,5, 3,0 и 3,5. Ставки примем такие же, что и в табл. 6.

1. Зарплата родителей по 45 тыс. руб.:

– 90 тыс. руб. : 2,5 = 36 тыс. руб. · 12 % = 4,32 тыс. руб. – налог; $4,32 \cdot 2,5 = 10,8$ тыс. руб. – нагрузка – 12 %;

– 90 тыс. руб. : 3 = 30 тыс. руб.; налог – 30 тыс. руб. · 12 % = 3,6 тыс. руб., всего – $3,6 \cdot 3 = 10,8$ тыс. руб., нагрузка – 12 %;

– 90 тыс. руб. : 3,5 · 12 % = 3,08 тыс. руб. · 3,5 = 10,8 тыс. руб. – налог всего, нагрузка – 12 %.

Таким образом, при зарплате до 45 тыс. руб. на каждого родителя нагрузка осталась одинаковой.

2. Зарплата родителей по 75 тыс. руб.:

– 150 тыс. руб. : 2,5 = 60 тыс. руб. – облагаемая база, из них 45 тыс. руб. – по 12 % (5,4 тыс. руб.), 15 тыс. руб. – по 20 % (3,0 тыс. руб.), $8,4$ тыс. руб. · 2,5 = 21 тыс. руб. (при индивидуальном обложении налог бы составил: 45 тыс. руб. · 12 % = 5,4 тыс. руб., 30 тыс. руб. – по 20 % (6,0 тыс. руб.), итого – 11,4 тыс. руб., на двоих – 22,8 тыс. руб.);

– 150 тыс. руб. : 3 = 50 тыс. руб., из них по ставке 12 % – 45 тыс. руб. (5,4 тыс. руб.), 5 тыс. руб. – 20 % (1,0 тыс. руб.), всего – $6,4 \cdot 3 = 19,2$ тыс. руб.;

– 150 тыс. руб. : 3,5 = 42,85 тыс. руб.; налог – 12 % составит 5,14 тыс. руб. · 3,5 = 18,0 тыс. руб.

Таким образом, при больших заработной плате и количестве детей сумма налога при семейном обложении уменьшается, а при индивидуальном обложении – остается неизменной (22,8 тыс. руб. при зарплате 75 тыс. руб.).

При средней заработной плате не более 65 тыс. руб. в месяц введенная с 2021 г. прогрессивная шкала по НДФЛ в размере 15 % с доходов свыше 5 млн руб. показала свою неэффективность. Так, по итогам 2023 г. налог по этой ставке составил 159,5 млрд руб. при общей сумме НДФЛ в 6 378,3 млрд руб. (2,5 %). Необходима обоснованная, способная «работать» прогрессивная шкала НДФЛ, учитывающая реально сложившийся уровень заработной платы в регионах. По мнению автора, не обеспечивает социальную справедливость и вводимая с 2025 г. прогрессивная ставка НДФЛ (с диапазоном от 13 % при зарплате в размере 200 тыс. руб. в месяц до 22 % при зарплате, превышающей 4 166,7 тыс. руб. в месяц), большинства работающих «прогрессивка» не коснется.

Для России в условиях уклонения от уплаты налогов, значительного объема теневой экономики, фактов коррупции актуальным вновь становится не прижившийся на практике налоговый контроль за соответствием расходов налогоплательщиков уровню их доходов как важнейший инструмент их выявления, в связи с чем считаем необходимым вернуть налоговый контроль за покупками физических лиц, а также вновь задействовать признанные утратившими силу ст. 86.1 и ст. 86.3 НК РФ¹⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что доля НДФЛ в налоговых доходах КБС РФ составляет около 40 %, в налоговых доходах МБ – более 60 %.

Рассмотрим применение плоской шкалы налогообложения НДФЛ:

- усилена дифференциация регионов по уровню заработной платы;
- остается высоким значение коэффициента фондов (13,8 в 2022 г.);
- неизменно значение коэффициента Джини (0,395);
- значительна доля населения, имеющего денежные доходы ниже прожиточного минимума;
- заработная плата в четырех округах длительное время остается ниже среднероссийского уровня;
- вычеты по НДФЛ в существующих размерах не усиливают социальную функцию налога, из-за их незначительности количество работников, обращающихся за вычетами по нему, сокращается;

¹⁵ Ст. 86.1 «Налоговый контроль за расходами физического лица» и ст. 86.3 «Проведение налогового контроля за расходами физического лица» НК РФ утратили силу ввиду принятия Федерального закона от 7 июля 2023 г. № 104-ФЗ «О признании утратившими силу положений законодательных актов Российской Федерации в части налогового контроля за расходом физического лица».

– в связи с применением вычетов по НДФЛ потери бюджета незначительны, население также не получает ощутимый выигрыш.

Как указывают С.Н. Белоусова и И.Р. Руденко, наибольшего реформирования требует НДФЛ, так как в России применяется плоская шкала налогообложения, величина максимальной ставки подоходного налога в большинстве стран значительно выше [6]. В рассмотренных в настоящем исследовании странах происходит перераспределение налоговых платежей от наиболее обеспеченных слоев населения в пользу малообеспеченных, для чего используются такие налоговые стимулы, как установление не облагаемого налогом минимума, широкого диапазона ставок налога (от 3 до 45 %), уменьшение налогооблагаемой базы на социальные расходы (повышение квалификации, медицинские услуги), установление ставок налога в зависимости от количества детей (в Германии, Франции), участие работников в формировании пенсионных накоплений и др.

Список литературы

1. Бароян А.А., Гололобова М.А., Болычева Е.А. Сравнительный анализ особенностей налоговых систем РФ и зарубежных стран. В кн.: Актуальные проблемы развития социально-экономических систем: теория и практика: материалы IX Международной научно-практической конференции, Курск, 31 мая 2019 г. Курск: Юго-Западный государственный университет; 2019. С. 66–69.
2. Гонта С.В. Сравнительный анализ практики налогообложения доходов семьи. В кн.: Глотова В.В., Феоктистова К.И. (ред.) Новая экономика, бизнес и общество: материалы Апрельской научно-практической конференции молодых ученых, Владивосток, 15–27 апреля 2021 г. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет; 2021. С. 904–909.
3. Ивакина Н.А. Сравнение реализации принципа справедливости в России и Франции при подоходном налогообложении. В кн.: Пинская М.Р., Тихонова А.В. (ред.) Актуальные проблемы налоговой политики: материалы XI Международной научно-практической конференции молодых налоговых ученых, Москва, 1–3 апреля 2019 г. М.: Перо; 2019. С. 119–122.
4. Кривихина А.А., Салькина А.Р. Динамика изменения налоговой системы Франции. Актуальные вопросы современной экономики. 2020;6:596–602. <https://doi.org/10.34755/IROK.2020.85.91.112>
5. Чернуцан Е.М. Административно-правовое регулирование инновационной деятельности: барьер или фактор развития (опыт Франции). Известия Волгоградского государственного технического университета. 2018;1(211):32–39.
6. Белоусова С.Н., Руденко И.Р. Сравнительный анализ налоговой системы РФ и зарубежных стран. Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2015;9.

References

1. Baroyan A.A., Gololobova M.A., Bolychева E.A. Comparative analysis of the tax systems features in the Russian Federation and foreign countries. In: Current issues of socio-economic systems development: Theory and practice: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Kursk, May 31, 2019. Kursk: South-West State University; 2019. Pp. 66–69. (In Russian).
2. Gonta S.V. Comparative analysis of family income taxation practice. In: Glotova V.V., Feoktistova K.I. (eds.) New economy, business and society: Proceedings of the April Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Vladivostok, April 15–27, 2021. Vladivostok: Far Eastern Federal University; 2021. Pp. 904–909. (In Russian).
3. Ivakina N.A. Comparison of realizing the justice principle in Russia and France in income taxation. In: Pinskaya M.R., Tikhonova A.V. (eds.) Current issues of tax policy: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference of Young Tax Scientists, Moscow, April 1–3, 2019. Moscow: Pero; 2019. Pp. 119–122. (In Russian).
4. Krivikhina A.A., Salkina A.R. Dynamics of change of taxation system of France. Topical issues of the modern economy. 2020;6:596–602. (In Russian). <https://doi.org/10.34755/IROK.2020.85.91.112>
5. Tchernoutsan E.M. Administrative and legal regulation of innovation activity: a barrier or a factor of development (experience of France). Izvestia Volgograd State Technical University. 2018;1(211):32–39. (In Russian).
6. Belousova S.N., Rudenko I.R. A comparative analysis of the tax system of the Russian Federation and foreign countries. Economics and innovations management. 2015;9. (In Russian).

Преимущества и недостатки работы в университете: по оценкам научно-педагогических работников

Ефимова Галина Зиновьевна

Канд. социол. наук, проф. каф. общей и экономической социологии
ORCID: 0000-0002-4826-2259, e-mail: g.z.efimova@utmn.ru

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Аннотация

В статье фокус исследовательского интереса направлен на преимущества и ограничения работы в университете по оценкам научно-педагогических работников (далее – НПП). Эмпирическое исследование проведено с применением метода полуструктурированного интервью со 145 НПП из 7 ведущих российских университетов. Сформирована классификация сильных сторон (преимуществ) и слабых сторон (недостатков) работы в вузе, которые объединены по основаниям: организационно-управленческие, социально-академические, финансово-экономические и территориально-инфраструктурные. Преимущества работы в вузе: благоприятные условия для академического развития; устойчивая команда профессионалов и комфортная рабочая атмосфера; отсутствие инерционности и рутины трудового процесса; развитая материально-техническая база и сформированная инфраструктура вуза; стабильность работы и социальные гарантии. Недостатки работы в вузе: высокая нагрузка, что приводит к эмоциональному переутомлению и снижению качества работы; бюрократические процедуры отвлекают от основной работы; отсутствие желаемой поддержки со стороны руководства. Комплексная работа университетского менеджмента, направленная на системное развитие кадровой политики, позволит устранить обозначенные недостатки и обеспечить снижение риска их возникновения. Полученные результаты социологического исследования могут использоваться в практической работе и при обосновании принятия управленческих решений топ-менеджментом в вузах, могут быть полезны иным заинтересованным сторонам: НПП, аспирантам и молодежи, ориентированной на трудоустройство в высшие учебные заведения и построение академической карьеры.

Ключевые слова

Работа в вузе, преимущества работы в университете, недостатки работы в университете, трудовая деятельность, научно-педагогический работник, профессорско-преподавательский состав, преподаватель, университет, высшая школа, высшее учебное заведение

Благодарности. Автор выражает благодарность руководителю научного проекта, канд. ист. наук, декану Санкт-Петербургской школы социальных наук Высшей школы экономики А.Н. Сорокину и д-ру ист. наук, проф. каф. российской истории Томского государственного университета М.В. Грибовскому, которые вместе с автором проводили интервью. Исследование профинансировано грантом Российского научного фонда, проект № 19-18-00485 (годы реализации – 2019–2022 гг.).

Для цитирования: Ефимова Г.З. Преимущества и недостатки работы в университете: по оценкам научно-педагогических работников // Вестник университета. 2024. № 10. С. 180–195.

Advantages and disadvantages of working at university: estimates of scientific and pedagogical employees

Galina Z. Efimova

Cand. Sci. (Sociol.), Prof. at the General and Economic Sociology Department
ORCID: 0000-0002-4826-2259, e-mail: g.z.efimova@utmn.ru

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract

In the article the focus of the research interest is directed to the advantages and limitations of work at university as assessed by scientific and pedagogical employees. The empirical study was conducted using the semi-structured interview method with 145 scientific and pedagogical employees from 7 leading Russian universities. The classification of strengths (advantages) and weaknesses (disadvantages) of working at university has been formed, which are combined on the following grounds: organizational and managerial, social and academic, financial and economic, and territorial and infrastructural. Advantages of working at university: favorable conditions for academic development; stable team of professionals and comfortable working atmosphere; lack of inertia and routine of the labor process; developed material and technical base and formed infrastructure of university; job stability and social guarantees. Disadvantages of working at university: high workload, which leads to emotional overwork and lower quality of work; bureaucratic procedures distract from the main work; lack of desired support from the management. Comprehensive work of university management, aimed at the systemic development of personnel policy, will eliminate the above-mentioned shortcomings and ensure the reduction of their occurrence risk. The obtained results of the sociological research can be used in practical work and in justification of managerial decision-making by top management in universities, can be useful to other stakeholders such as scientific and pedagogical employees, graduate students, and young people oriented to employment in higher education institutions and building an academic career.

Keywords

Work at a university, advantages of working at university, disadvantages of working at university, work activity, scientific and pedagogical staff, teaching staff, teacher, university, higher school, higher educational institution

Acknowledgements. The author expresses her gratitude to A.N. Sorokin, the research project manager, Cand. Sci. (Hist.), Dean of the St. Petersburg School of Social Sciences of the Higher School of Economics, and M.V. Gribovsky, Dr. Sci. (Hist.), Prof. at the Russian History Department at Tomsk State University, who conducted the interviews together with the author. The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00485 (implementation years – 2019–2022).

For citation: Efimova G.Z. (2024) Advantages and disadvantages of working at university: estimates of scientific and pedagogical employees. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 180–195.

ВВЕДЕНИЕ

Работа в университете представляет сочетание возможностей и вызовов, которые способны влиять на профессиональную жизнь научно-педагогических работников (далее – НПР). В условиях быстро меняющегося образовательного ландшафта важно понимать, какие преимущества и недостатки сопутствуют этой деятельности.

Каждый сотрудник имеет представление о позитивных и негативных сторонах работы в конкретной организации. Одни аспекты трудовой деятельности могут быть объективными, существующими неспроста, а другие – субъективными, имеющими отголоски влияния личностных особенностей работников. В одной и той же организации сотрудники могут упоминать определенные стороны трудового процесса в качестве позитивных, в то время как другие могут их не замечать, воспринимая как нейтральные или же отмечать их негативное влияние на трудовую мотивацию и эффективность работы. Это характерно в отношении уровня субъективной оценки справедливости оплаты труда (в соотношении с трудоемкостью работы), материального стимулирования, морально-психологического климата в коллективе, отношения руководства и др. [1]

Работа в различных секторах экономики имеет достоинства и недостатки, проявляющиеся по-разному для работников в зависимости от возраста, пола, стажа работы, должности, профессионального уровня, продолжительности карьерного пути и иных критериев. Для руководителей организаций стратегически важны критический анализ уровня трудовой удовлетворенности сотрудников, оценка перечня значимых для них сторон трудового процесса. Если количество осознаваемых работниками позитивных сторон снижается по сравнению со спектром преимуществ, отмеченных ими же пару лет назад, это негативно характеризует как организацию, так и отдельного работника. Снижение значимости преимуществ работы, которые ощущают сотрудники, может вести к утечке кадров, ухудшению трудовой вовлеченности и результативности.

Для сферы высшего образования и науки высокую значимость имеет анализ субъективно осознаваемых НПР и объективно существующих преимуществ работы в университете. Снижение производительности труда, мотивации и вовлеченности в работу негативно может негативно отразиться на образовательном процессе, профессиональной подготовке обучающихся, показателях научно-исследовательской деятельности. Настоящее исследование направлено на обозначение ключевых аспектов трудовой деятельности, классифицируемых научно-педагогическими работниками как преимущества работы в университете и сопоставление их с недостатками.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Отечественными и зарубежными учеными собран обширный теоретико-эмпирический материал, посвященный трудовой деятельности НПР, – от мотивации привлечения в академическую сферу на начальных этапах карьеры и закрепления в ней до выбора приоритетного карьерного трека и продвижения по нему. Изучены факторы вовлечения молодежи в академический сектор, то, какими мотивами определяется их решение остаться в профессии и какие условия способствуют построению карьеры в университете.

При формировании социологии образования значимый вклад внесли представители французской социологической школы (Э. Дюркгейм, П. Бурдьё) [2; 3]. Изучение высшего образования находится на пересечении социологии образования (университет как образовательное учреждение), социологии труда (университет как работодатель), социологии молодежи (подавляющее большинство обучающихся в университете принадлежит к молодому поколению). Для настоящего исследования приоритетный интерес представляет фокусировка на университете как на работодателе и НПР, которые рассматриваются как социальная общность [4]. Детальное монографическое исследование социологии высшего образования как отрасли социологического знания предпринято Г.Е. Зборовским и П.А. Амбаровой [5].

В серии работ, основанных на региональных и общероссийских материалах, проведен анализ базовых тенденций модернизации деятельности университетского преподавателя на протяжении прошлых десятилетий с учетом специфики «закрытости» академического сектора [6–10]. Ряд исследователей рассматривают преимущества работы в вузе через престиж профессии преподавателя и его социальное самочувствие [11; 12]. Для поддержания преемственности поколений в академической среде значимо внимание к укоренившимся в обществе стереотипам о работе в вузе, труде преподавателя и ученого

в оценках подрастающего поколения. И.В. Кротовой рассмотрены детерминанты вовлечения и закрепления молодых ученых в академической сфере [13].

Подготовка аспирантов к академической карьере с формированием комплексного представления о ее преимуществах позволяет им адекватно воспринимать возникающие трудности на пути карьерного роста [14]. В качестве примера назовем издание: «199 полезных советов для успеха в вашей академической карьере», ориентированное на повышение осведомленности об академической карьере [15].

В работах отечественных исследователей рассматриваются вопросы неустойчивости условий занятости НПП как фактора формирования академического прекариата, несбалансированного бюджета времени преподавателя, проводится изучение удовлетворенности преподавателя работой через анализ ее стрессовости [16–19]. Реализация образовательных реформ способствует возникновению в университетах новых субидентичностей преподавателей (как обобщенных моделей профессионализма), связанных с трансформацией представлений об академической профессии, новым распределением трудовых приоритетов и изменением баланса административной, исследовательской и образовательной деятельности [17]. Несмотря на обширный пласт работ, посвященных построению академической карьеры и трудовой деятельности НПП, редко встречается структурированный анализ их представлений о достоинствах и недостатках работы в академическом секторе [20].

Новизна исследования состоит в представлении результатов комплексного теоретико-эмпирического изучения преимуществ работы в университете, проведенного на основе оценок НПП и позволяющего определить позитивные и негативные аспекты профессиональной деятельности в академическом секторе и классифицировать их.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическая основа исследования – материалы полуформализованных интервью с научно-педагогическими сотрудниками ($N = 145$) из 7 университетов, расположенных в 6 регионах Российской Федерации: Национального исследовательского ядерного университета ($N = 22$), Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого ($N = 21$), Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики ($N = 20$), Тюменского государственного университета ($N = 23$), Национального исследовательского Томского государственного университета ($N = 20$), Дальневосточного федерального университета ($N = 22$), Балтийского федерального университета ($N = 17$). Исследовательский ориентир при определении перечня университетов-участников исследования направлен на классические и технические вузы, в том числе имеющие статус федеральных вузов. Исследование проведено среди штатных сотрудников вузов с распределением по полу, возрасту, отрасли, стажу работы и должности. В нем приняли участие 61 женщина и 84 мужчин; 48 информантов до 35 лет, 46 – 36–50 лет; 42 – 51–70 лет, 9 – старше 70 лет. Представителей гуманитарных наук – 33, социальных – 35, естественных – 35, технических – 32, иных научных отраслей – 10. Для всех информантов университет – место основной занятости на полный рабочий день. Интервью проведены в 2019–2021 гг. очно по месту работы информанта в формате личных бесед с респондентами (face-to-face) и онлайн (во время пандемии COVID-19).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основании материалов эмпирического социологического исследования нами сформирована классификация преимуществ и недостатков труда научно-педагогических работников в университете. Сильные и слабые стороны работы в вузе объединены по ряду оснований: организационно-управленческие, социально-академические, финансово-экономические и территориально-инфраструктурные (таблица). На этой классификации сконцентрируем фокус исследовательского внимания и рассмотрим обозначенные информантами преимущества и недостатки работы в университете.

Перечислим преимущества организационно-управленческих оснований.

1. Кадровая политика, привлечение молодых преподавателей в академическую среду, преемственность поколений. В университетах создана эффективная кадровая политика, позволяющая сохранять преемственность поколений – привлекать талантливых молодых ученых, поддерживать трудовую мотивацию работников среднего и старшего возраста: «В университете на смену возрастным сотрудникам приходят достойные аспиранты. Это не значит, что мы избавляемся от преподавателей со стажем. Они передают опыт, во второй половине жизни человек склонен воспитывать преемников».

Классификация преимуществ и недостатков работы в университете

Основания для классификации	Преимущества	Недостатки
Организационно-управленческие	Кадровая политика, привлечение молодых преподавателей в академическую среду, преемственность поколений	Возрастная дискриминация
	Отсутствие инерционности и рутины трудовой деятельности в университете	Инертность университета как организации
	Стабильность работы и социальные гарантии	Неустойчивость занятости и «шаткость» карьеры в академическом секторе
	Лояльность и поддержка коллектива со стороны руководства вуза	Непонимание проблем НПП со стороны представителей университетского менеджмента
	Прозрачные и объективные конкурсные процедуры	Загруженность НПП общеуниверситетскими мероприятиями
	Возможность совершенствования профессиональных и социокультурных компетенций НПП	Большой объем педагогической нагрузки и ее неравномерность в течение учебного года и рабочего дня, а также незакрепленные формально в трудовых контрактах виды работ
	Возможность участия работников во внутривузовской политике	Дискриминация гуманитарных научных отраслей в техническом вузе
		Значимость неформальных устоев в вузе, клановость
		Высокая бюрократизация процессов системы высшего образования
		Недостаточная внутрикорпоративная коммуникация
		Недооценка потенциала работников университета
		Отсутствие морального поощрения и признания
Социально-академические	Академическое развитие НПП в университете	Недостаток ответственности преподавателей за результаты педагогической деятельности
	Престиж работы университете, конкретного университета и репутация ректора	Низкая мотивация студентов к обучению
	Автономия, продолжительный отпуск, гибкий график работы, возможность выбора тематики научных исследований и приоритетного карьерного трека	Недостаточная мотивация преподавателей работать со студентами младших курсов
	Высокий уровень корпоративного доверия	Незащищенность НПП от экстремизма студентов
	Устойчивая команда профессионалов и комфортная рабочая атмосфера	Снижение конкурентоспособности и востребованности преподавателя как профессионала для реального сектора экономики
Финансово-экономические	Справедливость оплаты труда	Низкий уровень оплаты труда
	Финансирование академической мобильности	Отсутствие прозрачности распределения финансирования (в том числе премиального фонда)
Территориально-инфраструктурные	Развитая инфраструктура университета	Низкая обеспеченность актуальной профессиональной литературой
		Нехватка кабинетов для лабораторий
	Удовлетворенность географическим и территориальным расположением университета	Географическое положение, провоцирующее оторванность от мировой научной повестки

Составлено автором по материалам исследования

Университет предоставляет карьерные перспективы для сотрудников, в том числе для молодежи. Информанты отмечали, что благодаря участию вуза в федеральных проектах («5–100» и «Приоритет 2030») появились драйверы профессионального и карьерного роста академических работников. Высшие учебные заведения ориентированы на привлечение талантливой молодежи и ее закрепление в академическом секторе, что позволяет преодолеть поколенческую диспропорцию, вызванную социально-экономическими процессами, произошедшими на рубеже веков: «Сейчас у молодежи больше возможностей профессиональной реализации и карьерного роста. Гранты позволяют создать команду мотивированных профессионалов. Недавно выиграли конкурс на создание международного научно-технического центра. Для его реализации сформирована команда заинтересованных и энергичных ребят с блеском в глазах». Информанты отмечали, что в университетах нет проблем с молодыми кадрами: «Из студента четвертого курса бакалавриата получится отличный специалист, если выбрать правильного человека и вкладываться в его развитие. Тогда после аспирантуры он пополнит наш коллектив». В университетах распространена практика, когда научные лаборатории состоят наполовину (или больше) из бывших аспирантов, недавно защитивших диссертацию. Возможность формировать коллектив преемников – большой плюс для профессора, который занимается научной деятельностью с молодежью.

Формирование преемственности поколений в кадровой структуре вуза привело к появлению рабочих мест, карьерных перспектив и достойной оплаты труда молодых ученых: «В начале XXI в. было сложно представить, что выпускники смогут после окончания вуза оставаться в аспирантуре и получать достойную зарплату. Благодаря федеральным программам это стало возможным за счет совмещения преподавания и научно-исследовательской деятельности в рамках их диссертации». Внимание руководства к сотрудникам позитивно отражается на их мотивации к работе и создании значимых научных результатов.

2. Отсутствие инерционности и рутины трудовой деятельности. Университет встроен в глобальную систему, которая предоставляет зоны развития и дает возможность для новых шагов: «Начав работать в вузе в 2015 г., не предполагала, что буду участвовать в магистерской программе, вести крупный грант, ездить на стажировки, публиковаться в статусных журналах и работать в международных коллаборациях. В вузе нет рутины, как в реальном секторе экономики, где я работала раньше». Университет быстро реагирует на внешние изменения: «Вуз мобилен с точки зрения управления – импульсы, поступающие сверху, быстро обрабатываются и воплощаются». В качестве преимуществ можно назвать внимание руководства вуза к его будущему и стремление соответствовать ключевым трендам: «Университет динамично развивается и строит амбициозные планы, много ресурсов выделяется на развитие НПР»; «Университет переходит от формальной трансформации к осмысленным изменениям. Мне нравится стиль проектных сессий и стремление вовлечь людей в обсуждение и решение проблем, включение их в трансформационные процессы».

3. Возможность участия работников во внутривузовской политике и видеть на практике воплощение инициатив по улучшению университета. На удовлетворенность НПР позитивно влияет привлечение к разработке дорожных карт и планов развития вуза или отдельных структурных подразделений: «По результатам стратсессий внутри мегафакультетов сотрудниками университета совместно с обучающимися сформирована четкая стратегия развития».

4. Стабильность работы и социальные гарантии. В качестве преимущества работы в университете информанты упоминали устойчивость рабочего места к кризисам: «Причем в годы перестройки стабильности не было; не знаю, как дальше, но пока университет – устойчивое место». Устойчивость обеспечивает вневременное положение образовательного процесса: «Востребованность высшего образования очевидна. В изменчивом мире вуз дает элемент стабильности и надежности. Частный вуз может закрыться, а государственная структура – если и схлопнется, это займет длительное время». Тем не менее при стабильном положении сферы высшего образования не может быть гарантировано устойчивое карьерное положение отдельного преподавателя. Опасения информантов вызывает сокращение ставок из-за снижения учебной нагрузки. В качестве еще одного преимущества работы в университете (характерного не для всех вузов) информанты обозначили социальную защиту: «При университете есть детский сад и полисы добровольного медицинского страхования, что обеспечивает социальную защищенность работников. В других вузах подобных бонусов нет».

5. Лояльность и поддержка коллектива со стороны руководства вуза. Существенный плюс работы в университете, по мнению информантов, – лояльность руководства и оказание поддержки в случае необходимости: «Инициатива в нашем университете не подавляется. Никто нам не приказывает. Я ценю

свободу научно-педагогического творчества и возможности выбора интересных мне исследовательских тематик». НПП отмечали ключевую роль ректора в управлении вузом, поддержании инициатив сотрудников, создании комфортных условий работы: «В университете многое зависит от ректора. Можно зайти к нему с любой идеей, и высока вероятность, что он профинансирует ее реализацию. Приноси проект, получай финансирование и начинай работать. Но, если и не выделяют финансирование, что-то хорошее из этого получится, например, повысишь репутацию в коллективе».

Сотрудники могут получить конструктивную обратную связь от начальства. Некоторые информанты отмечали, что в результате налаженной коммуникации с руководством университета у них появляется возможность влиять на внутриорганизационные процессы, что повышает трудовую вовлеченность. Благоприятно на работу в университете влияет внимание ректора к сотрудникам, их достижениям и возникающим трудностям: «Ректор регулярно встречается с коллективом, у всех есть возможность пообщаться с ним. Конечно, в университете есть дистанция между начальством и сотрудниками, но она не большая. В соседнем вузе, где я работал много лет, жесткая иерархия, начальник – Царь и Бог! Когда здороваетесь с ректором или проректором в коридоре, он, подняв голову, проходит мимо и может даже не ответить на приветствие». Информанты подчеркивали связь преобладающей в университете морально-психологической атмосферы с посылом, идущим от ректора и его команды. При смене управленческого звена меняется и «моральный дух» в коллективе.

В качестве существенного позитивного аспекта работы в университете информанты называли либеральность руководства университета на всех уровнях и слабую организационную иерархию, когда сотрудник может обратиться напрямую к коллегам с инициативами и предложениями о сотрудничестве, избегая необходимости в дополнительных согласованиях. От прочих сфер деятельности вуз отличается открытостью среды: «Непосредственное начальство не лютует, в университете сформировалась дружелюбная атмосфера и хороший психологический климат. Можешь обратиться к любому сотруднику с просьбой или предложением сотрудничества и тебе не откажут в консультации».

6. Прозрачные и объективные конкурсные процедуры на замещение должностей, соблюдение их ответственности законодательству. Трудоустройство в вуз четко регламентировано, требования к кандидатам на вакантные должности размещаются на сайте университета и доступны неограниченному кругу лиц.

7. Возможность совершенствования профессиональных и социокультурных компетенций. При описании преимуществ работы в университете подавляющее большинство информантов отмечали, что в академической сфере происходит динамическое совершенствование преподавателями профессиональных и социально-культурных компетенций. Работа в сфере высшего образования характеризуется как интеллектуальный вызов, вынуждающий работника в режиме «хочешь – не хочешь» обновлять знания, чтобы оставаться в тренде: «Обучая других, нужно и самому не останавливаться в развитии. Для меня ценно понимание, что я не застрял в болоте». Для сохранения экспертной позиции НПП приоритетно оставаться в курсе событий, изучая актуальную ситуацию в научном мире не только по основным направлениям исследования, но и по смежным отраслям. Для совершенствования методических оснований и навыков преподавания важно отслеживать образовательные инициативы в Российской Федерации и других странах.

При этом открытость преподавателя к динамичной трансформации – не столько их внутренняя мотивация, сколько вынужденная необходимость, вызванная возрастающими запросами обучающихся. Повышение требований студентов к системе образования вызвано спектром причин: рыночные тренды в реальном секторе экономики, реакция на них работодателей, эволюция способов и средств получения/проверки информации: «Мы вынуждены поддерживать профессиональный уровень, так как студенты у нас продвинутые. Общение с ними требует высокой квалификации, должно соответствовать актуальному уровню знаний и отвечать реальному положению дел в отрасли».

Друзья и знакомые информантов, зная, что они преподают в университете, рассчитывают на их высокую компетентность по широкому спектру вопросов. «От друзей слышу: “Ты работаешь со студентами и в курсе последних событий в индустрии”». Обогащение знаниями происходит даже помимо моего желания, и это взаимный процесс, который работает в обе стороны: для студентов всегда стараюсь найти что-то новенькое, интересные программы, книги, техники, методики. Бывает, и они мне рассказывают, чего не знаю». Общение со студентами и молодым поколением профессионалов становится для НПП позитивной стороной работы в университете: «Работа со студентами – мой личный кайф! Это интереснее, чем с любым другим контингентом. Не могу без общения со студентами, мне нужна эта толпа».

Общение со студентами дает тонус к поддержанию профессиональной и этической планки. Преподавание в вузе выгодно отличается от других сфер занятости, «общение со студентами и молодыми учеными эмоционально подпитывает, не дает стареть».

Перечислим основные недостатки организационно-управленческих оснований.

1. Возрастная дискриминация. Специфика работы в университете предполагает долгий период трудовой востребованности специалиста. Важно не допускать эйджизма в отношении молодых и пожилых работников: «Важно искоренить высказывания наподобие: “Вы пока молодой. Поживите еще лет ...-дцать и будете рассказывать, как надо делать”»; «Университет берет курс на озеленение – дорогу молодым! Знаю преподавателей пенсионного возраста, способных еще работать и работать, но их агрессивно увольняют»; «Пожилых профессоров увольняют или переводят на инженерные должности, несмотря на их заслуги мирового уровня. В западных вузах если люди ушли на пенсию или умерли, на сайте информация о них сохраняется. У нас, как только человек уходит, его персональную страницу уничтожают».

2. Инертность университета как организации. «В решении многих вопросов университет неповоротлив, так как это крупная организация и тяжело внедрить новое, долго идут согласования»; «На предприятиях доступ к ресурсам более быстрый, если докажете, что проект способствует развитию предприятия, сразу дадут преференции, а университет – весьма инерционная система».

3. Неустойчивость занятости и «шаткость» карьеры в академическом секторе. Постоянная позиция в университете воспринимается как награда за многолетнюю трудовую деятельность: «В отличие от зарубежных стран у нас нет понятия “постоянная позиция”. Человек не получит постоянный контракт, даже если всю жизнь проработал в вузе, создал научную школу и воспитал много преемников». Добавляет трудности в планировании карьеры проектирование исследовательской и управленческой повестки на краткосрочную или среднесрочную перспективу: «Сегодня есть контракт, а дальше непонятно. Меньше внимания развитию педагогических навыков, все внимание на выполнение показателей – если за два года не будет четырех статей Scopus и не будешь участвовать в гранте (хотя бы формально), не изберут на ближайшие два года». Несмотря на то что это классический формат проектной работы, для молодежи значима устойчивость занятости.

4. Непонимание проблем НПП со стороны представителей университетского менеджмента и иных категорий работников. «Как преподаватель я нахожусь в состоянии легкой войны с обслуживающим персоналом и отделом кадров. Возникает ощущение, что я должна разбираться во всех вопросах, выполнять часть их функций и проверять за ними каждую мелочь».

5. Большой объем педагогической нагрузки («Преподавателю трудно работать на полную ставку из-за большой нагрузки, а после четырех лекций такая усталость, что хочется только полежать, покушать или прогуляться») и ее неравномерность в течение учебного года и рабочего дня, а также незакрепленные формально в трудовых контрактах виды работ и необходимость мобилизации сил при незапланированной работе («Для успешной научно-исследовательской карьеры необходим капиталистический (в хорошем смысле) подход, когда сотрудник должен делать только то, что написано в трудовом договоре. Как правило, НПП делают много чего дополнительно, о чем просит начальство, ничего за это не получая. Это неправильно»). Несмотря на то что у НПП нормированный рабочий день, многие выполняют задачи за его пределами.

6. Загруженность общеуниверситетскими мероприятиями. «У нас и так высокая интенсивность работы, но руководство регулярно собирает нас на стратегические сессии, причем по воскресеньям, а это единственный выходной, чтобы выспаться».

7. Дискриминация гуманитарных научных отраслей в техническом вузе. «Гуманитарии в техническом вузе не в почете. Когда идет составление рабочих планов, распределение учебной нагрузки, гуманитариев и их нагрузку сокращают». Информанты из технических университетов подчеркивали, что «гуманитарии находятся в информационном вакууме, и, несмотря на мега достижения вуза, отношение к ним пренебрежительное».

8. Значимость неформальных устоев в вузе, клановость. «В университетах есть проблема клановости и неформальных устоев на разных уровнях, регламентирующих что и как должно быть. Инбридинг поддерживает эту порочную систему».

9. Высокая бюрократизация процессов в системе высшего образования. Чрезмерная нагрузка НПП административными и бюрократическими вопросами отнимает много времени, не позволяя продуктивно

организовать работу: «Хотелось бы, чтобы преподаватель вуза не занимался не свойственной ему работой – оформлением бумаг и отчетов. Непродуктивно загружать бюрократическими задачами НПР, которым нужно статьи писать и гранты выигрывать. Взаимодействия с бухгалтерией и другими службами – квест, отнимающий силы у преподавателей и отвлекающий от основной деятельности». Критические отзывы о бюрократии сопровождались жалобами на низкий уровень коммуникации с представителями университетских служб: «Административный персонал у нас не всегда вежливый. Им неважно, профессор ты или доцент, давай бумажки заполняй». Примечательно, что информанты признавали преимущества бюрократии в функционировании университета («бюрократия необходима, без нее голая свобода разрушит вуз») и допускали свою некомпетентность для объективной оценки ситуации («возможно, разрастание бюрократического аппарата и оправданно, а я чего-то не вижу со своей должности»).

10. Недостаточная внутрикорпоративная коммуникация. «Ограниченный обмен информацией между подразделениями; в университет приезжают интересные люди выступать с лекциями, но никто об этом не знает и видит уже только в новостях».

11. Недооценка потенциала работников университета («польза стороннего человека в вузе»). «В университете есть сильные коллективы, но экспертов и “пророков” мы ищем на стороне. Это печально. У нас есть сильные люди. При этом выделяются деньги внешним экспертам. Работает принцип: нет пророков в своем отечестве. Если идея пойдет от тебя, на нее никто не обратит внимания, а если ее выскажет авторитетный чужестранец, то руководство его услышит».

12. Отсутствие морального поощрения и признания («в нашем вузе работают самодостаточные коллективы высокого уровня, но руководство к этому привыкло и не замечает успехи людей. Важно вознаграждать по заслугам, и если не деньги выделять, то говорить “спасибо” и эмоционально поддерживать. Предыдущий ректор относился к нам трепетнее, а сейчас ощущение, что людей используют»). Обозначенная проблематика иллюстрирует потребительское отношение к сотрудникам со стороны некоторых работодателей.

Перечислим основные преимущества социально-академических оснований.

1. Академическое развитие научно-педагогических работников в университете. В контексте высокого интеллектуального запроса к НПР очевидна необходимость регулярного участия сотрудника в корпоративных программах академического развития, прохождения программ повышения квалификации и самостоятельных (инициативных) обучений. При этом существенную часть образовательных программ финансирует университет: «Руководство предоставляет почти безграничный доступ к обучению. Многие организации могут дать преподавателям столько возможностей для развития: несколько раз в год повышать квалификацию за счет работодателя. Удается совмещать развитие с основной деятельностью. Причем это курсы не для формальной отчетности, а нужные и полезные. Коллеги из других вузов говорят: “Повезло вам, что такие курсы посещаете и у именитых экспертов учитесь”».

2. Престиж работы университете, престиж конкретного университета и репутация ректора. По оценкам информантов, позиция университетского преподавателя дает высокий социальный статус, но это касается не любого вуза – значим престиж вуза, узнаваемый бренд и «сформированный годами статус старейшего и виднейшего»: «Я была во многих университетах России и мира. Всегда осознавала, что наш [региональный классический вуз] очень приличный вуз и от этого становилось гордо!»; «[Столичный вуз] – хороший бренд. Знаю коллег, которые стесняются сказать, в каком вузе работают. Я не стесняюсь! Люблю вуз, мне в нем комфортно». Важны репутация и сформированный бренд вуза, его включенность в рейтинги: «Грамотная рекламная кампания университета позволяет сформировать положительный имидж и узнаваемость. Это приносит пользу вузу и помогает привлечь абитуриентов». Укрепляется имидж организации, она растет в предметных рейтингах, развиваются новые научные области. Отмечается серьезное отношение к университету как к контрагенту: «Одно дело, когда заказчики взаимодействуют с каким-то обществом с ограниченной ответственностью, и другое – взаимодействие с университетом. Вуз воспринимается солидно и надежно»; «Когда говоришь, в каком вузе работаешь, тебя слушают совершенно по-другому». На имидж университета оказывают влияние и репутация ректора: «Главное для руководителя вуза – это чтобы его признавала законодательная и исполнительная власть. Когда ректор обладает политическим весом, сотрудникам жить легче»; «Находясь внутри вуза, мы не можем ощутить, насколько высок его репутационный уровень. Понять можно только снаружи».

3. Автономия, продолжительный отпуск, гибкий график работы и возможность выбора тематики научных исследований и приоритетного карьерного трека. Преподаватели ценят работу в университете

за автономию деятельности: «В университете много творчества и возможностей выбирать фронт работы, чтобы она не наскучила, не превратилась в рутину. Мы разрабатываем новые учебные курсы, не рассказываем одно и то же из года в год; сами определяем направление научных исследований в соответствии с актуальной повесткой». Информанты отмечали свободу в определении приоритетного карьерного трека, имея возможность выбрать исследовательскую, преподавательскую или управленческую деятельность: «Главное, чтобы результат был значим университету и помогал подниматься в рейтингах. Если правильно понимать и выполнять задачи, работа в вузе дает полную свободу».

Гибкий график позволяет часть работы (учебно-методическую и научно-исследовательскую) выполнять за пределами основного рабочего места. Для эффективности и результативности работы важны дисциплина и умение распределять время в соответствии с ключевыми приоритетами: «Кто-то любит работать с утра, кто-то вечером. Мне нравится, что график на 50 % планирую сам. Меня никто не контролирует, как на заводе, где зашел в 9:00, вышел в 17:00. Для меня такая автономия – колоссальный плюс!».

В качестве сильной стороны работы в университете информанты обозначали отсутствие строгого контроля за ежедневными действиями НПП (за исключением соблюдения графика преподавания и обязательных мероприятий). Остальным временем работник распоряжается самостоятельно и контроль за его работой итоговый – по достижении/недостижении ключевых показателей академического контракта: «Если удобно, работаю ночью, а днем занимаюсь личными делами, читаю, встречаюсь с друзьями, играю с внуком. Для работы выделяю наиболее продуктивное время – вечер или утро»; «Условия труда у нас комфортнее, чем у офисных работников и трудящихся в сфере обслуживания».

Достаточно свободный график при высокой интенсивности интеллектуального труда позволяет преподавателю избежать профессионального выгорания, сохранив качество работы: «Работа интересная и разнообразная: ведешь занятия, общаешься с молодежью, участвуешь в научных проектах, выступаешь на конференциях, пишешь статьи... Если бы приходилось работать с 9 до 18 часов и делать одно и то же, это была бы катастрофа для меня!». Относительно свободный рабочий график позволяет преподавателю или научному сотруднику при желании совмещать основную работу с внешним совместительством. Некоторые информанты ведут бизнес, как правило, связанный с их профессиональными навыками. НПП ценят работу в университете за продолжительные отпуска: «В отпуске не только в потолок смотрю и у моря лежу, но и продолжаю исследования или ищу альтернативную область изучения». При этом каждые 10 лет, согласно Трудовому Кодексу Российской Федерации (ст. 335 «Длительный отпуск педагогических работников»), преподаватель имеет право на оплачиваемый годовой отпуск с сохранением должности. В иностранной практике такой отпуск называется саббатикал.

4. Высокий уровень корпоративного доверия. В качестве значимого преимущества работы в вузе информанты отмечали, что многое делается на доверии. Сотрудники начинают выполнять задание не потому, что их устраивает размер оплаты, а потому, что им интересно и работа вписывается в сферу профессиональных интересов. Зачастую они не знают точной суммы оплаты и сроков получения финансирования, но уверены, что оплата непременно будет, пусть и позже: «Проводили пятидневное мероприятие на несколько сотен студентов. Мы отработали, но заплатили нам только в конце года. Мы не переживали – понимали, что точно заплатят. Разумеется, учитывая человеческий фактор и сменяемость представителей руководящего состава, необходимо напоминать о выполненных работах и ожидаемой оплате». При выплате премии не принято детализировать, за что она выплачена и какой объем оплаты приходится на каждый вид работы: «Научно-педагогические сотрудники в большинстве случаев – “вынужденные альтруисты”. Они не всегда претендуют на авторские выплаты за соавторство в учебниках и редко коммерциализируют и патентуют разработки. Одна из причин этого – низкая осведомленность о возможностях защиты результатов интеллектуального труда». В качестве позитивной черты работы в вузе НПП упоминали «сформировавшуюся эмоциональную установку принадлежности к большой корпорации, к которой испытывают доверие».

5. Устойчивая команда профессионалов и комфортная рабочая атмосфера. Среди сильных сторон и преимуществ работы в университете информанты называли сложившийся дружный коллектив высококвалифицированных специалистов: «Я ценю в университете профессиональное сообщество. Мне есть с чем сравнивать – в вузе бывает “твоя” среда, которая благотворно влияет на личностный и профессиональный рост, и “не твоя”. Искренне уважаю коллег, для меня они авторитеты и ориентиры развития».

Преподаватели ценят окружение: постоянных сотрудников и приезжающих временно; представителей своей профессиональной отрасли и иных научных направлений (что открывает возможности для

коллабораций и проведения междисциплинарных исследований); ровесников и представителей младшего и старшего поколений. Информанты отмечали, что некоторые межличностные связи сформировались еще в студенчестве. Такая преемственность – преимущество университета: «Работаю в университете давно и знаю всех, здесь комфортное окружение, чувствую себя на своем месте».

В вузе нет стагнации, идет приток новых лиц и кругооборот идей: «Мне нравится общение с интересными людьми, приезжающими к нам в качестве приглашенных лекторов, у них есть чему поучиться». В университетских коллективах много умной и перспективной молодежи: «Для меня ценно качественное профессиональное окружение – активные, образованные сотрудники с научными степенями. Если когда-то уйду из академической сферы, для меня это будет болезненно – уже привык к высокопрофессиональному, яркому и умному окружению, такого нет в других сферах».

Университетские команды характеризуются интеллектуальной емкостью – «здесь высокая концентрация интересных людей на квадратный метр». Раскрывая мысль, информанты называли в качестве значимого для них позитивного аспекта трудового процесса в университетах сформированность профессиональной команды, где «каждый – эксперт высокого уровня и год от года его квалификация растет. Гордо осознавать, что принадлежишь к сильной команде». Многолетняя работа в академическом секторе (не обязательно в стенах одного вуза) позволяет сформировать круг единомышленников, стремящихся к развитию. Благодаря этому в вузах создаются коллаборации, вырастают преемники из аспирантов, формируются научные школы.

В университетах распространен вариант расширенных коллективов, где важна сила слабых связей (М. Грановеттер). Благодаря таким связям исследователи могут находить единомышленников, приглашать в совместные научные проекты и становиться соавторами публикаций, получая новые знания и опыт: «Вуз – открытая система. Мы поддерживаем не только нынешний коллектив, но и людей, которые вышли из академического сектора: бывших сотрудников и выпускников. Отправил недавно аспиранта во Францию, где он показывает лучшие способности, чем местная молодежь. Поддерживая с отношения с выпускниками, мы формируем сеть “тайных агентов”».

Поддержание контактов с бывшими коллегами приносит пользу в долгосрочной перспективе: «В девяностые годы мы переживали упадок атомной отрасли и снижение престижа высшего образования. Было нелегко, 10–15 лет с физикой ничего не делали, а потом вдруг специалисты нашлись. Как? Мы их позвали, они и вернулись. Ни в одной области, кроме науки и высшего образования, невозможно представить подобное. Специалисты за эти годы давно бы переквалифицировались и не вернулись назад. Вот так наша научная школа не распалась и сохранила приверженность идее».

Университет отличается высоким потенциалом командной работы в условиях творческой атмосферы профессионального коллектива НПП. «Если хотите заниматься наукой и получать значимые результаты, крупный вуз – лучшее место для этого, есть ресурсы и материал для исследований». В вузе сильны межличностные профессиональные взаимоотношения. Один из информантов емко описал их как «силу и поддержку консорциума»: «Есть понятие “человек университетский”. Если ты им стал, к тебе иное отношение в коллективе – ты “свой”. Есть нечто семейное в хорошем смысле – доброта, теплота, поддержка. Если нужно собрать мероприятие, кинул клич по чатам в мессенджерах и тебе помогли сделать конференцию».

Перечислим основные недостатки социально-академических оснований.

1. Недостаток ответственности преподавателей за результаты педагогической деятельности. «Оценка меня как преподавателя основана на том, как я пишу статьи. При этом, если я выпущу студентов, которые ничего не знают, я никак не пострадаю».

2. Низкая мотивация студентов к обучению. «Не всем студентам интересно учиться. Часто мы взаимодействуем с демотивированными студентами, и это снижает заинтересованность преподавателей».

3. Недостаточная мотивация преподавателей работать со студентами младших курсов. «Мне трудно читать лекции бакалаврам до четвертого курса – они еще мало знают, больше люблю работать с магистрами».

4. Незащищенность НПП от экстремизма студентов. «Отсутствие рычагов влияния преподавателя на студентов и сильные рычаги влияния студентов на администрацию. В вузе многие вопросы студентов решаются жалобами в деканат или ректору. Меня с двух курсов сняли, так как студенты подумали, что им будет сложно сдавать. Это неприятно и лишает преподавателя мотивации. Фактически я, как телевизор, должен говорить красиво и несложно, а потом даже спрашивать с них не могу. Если что-то не так, студенты начнут плакать в деканате: “Уберите его, поставьте другого, который не будет много спрашивать”».

5. Снижение конкурентоспособности и востребованности преподавателя как профессионала для реального сектора экономики. «Меня беспокоит, насколько я востребован на профессиональном рынке. Пока я пишу диссертацию, занимаюсь научными исследованиями и веду занятия, что происходит со мной в плане профессиональной востребованности? То, что я делаю в университете, сильно оторвано от реального рынка труда. Не всегда возможен бесшовный переход студента из вуза в реальный сектор экономики, и тем более он сложен для преподавателя».

Перечислим основные преимущества финансово-экономических оснований.

1. Справедливость оплаты труда. Информанты в большинстве случаев отмечали, что за работу получают справедливое вознаграждение (исходя из объема затраченных сил и времени). Работники, активно участвующие в исследовательских проектах и имеющие значимые наукометрические показатели, получают конкурентоспособную зарплату. Более того, размер финансирования существенно возрастает при высокой продуктивности НПР коммерциализации научных разработок: «С точки зрения амбиций и зарплаты сотрудники университета практически ничем не ограничены. Если заинтересован в финансах, ориентируйся на прикладные задачи, гранты и заказы предприятий и увеличивай доход». НПР имеют достойную оплату труда, позволяющую не отвлекаться на заработок вне вуза.

2. Финансирование академической мобильности. Информанты из отдельных университетов упоминают в качестве преимущества работы выделение финансирования на стажировки и экспедиции (в том числе зарубежные), оплату организационных взносов за участие в научных мероприятиях. Возможность академической мобильности позволяет сотрудникам развивать профессиональные компетенции и наладить коммуникацию с коллегами из других вузов: «Для меня важно, что руководство [регионального классического] университета не препятствует выездам сотрудников. Поездка на ключевую в нашей науке конференцию в [столичный вуз] – это, как в “Аватаре”, возможность подключиться к своим деревьям». НПР ценят имеющиеся инструменты поддержки академической мобильности, что дает возможность интеграции в научное сообщество, в том числе международное. Геополитические события 2022 г. переориентировали отечественные вузы в отношении стран-партнеров для коллабораций, однако не пресекали сотрудничество с зарубежными учеными.

Международное сотрудничество вузов привлекло иностранных студентов и позволило преподавателям пройти стажировки в зарубежных вузах: «Университет создает среду молодых заинтересованных и “кипящих” людей». В вузе создается «живительная креативная среда, развиваются структурные подразделения, обновляется подход к организации работы. Обучение становится креативным и современным».

Перечислим основные недостатки финансово-экономических оснований.

1. Низкий уровень оплаты труда (по сравнению с бизнесом). «В сфере высшего образования заработок ниже по сравнению с коммерческой сферой и в соотношении с трудоемкостью. В других местах можно получить больше при меньших физических и интеллектуальных вложениях»; «Заработная плата в вузе низкая, но за научные публикации полагается хорошая доплата».

2. Отсутствие прозрачности распределения финансирования (в том числе премиального фонда). «Важно понимание системы надбавок и стимулирования сотрудников. У некоторых работников нет понимания когда и какие документы подавать, что поощряется и за что они могут получить надбавки и стимулирующие выплаты». Некоторые информанты ощущали себя некомфортно при попытке заранее узнать стоимость работ, которые они выполняли за пределами непосредственной нагрузки. Работник получил от руководства ответ: «Не с того разговор начинаешь. Сначала сделай, потом посмотрим и решим, сколько сможем заплатить». Отдельные преподаватели связывали причины этого недостатка с поколенческими особенностями: альтруизм старшего поколения и меркантильность молодежи («В университетах работают люди старой закалки, которые не торгуются о том, сколько им заплатят и без разговоров берутся за работу. У людей до 40 лет совсем другие требования – им сначала надо заплатить»; «В бизнесе никто не скажет: “Сделай, а потом разберемся, получишь деньги за это или нет”, а в вузе по умолчанию: делаешь, и все, но есть печальное правило – оказанная услуга ничего не стоит»).

Перечислим основные преимущества территориально-инфраструктурных оснований.

1. Удовлетворенность географическим и территориальным расположением университета. Для некоторых сотрудников значимы расположение университета по отношению к другим субъектам Российской Федерации и его включенность в межрегиональные взаимодействия: «Вуз имеет удачное расположение внутри города и страны, он географически не изолирован, притягивает научные группы и отдельных

ученых из различных стран». Приоритетным оказывается и расположение университета в городе, чтобы до него удобно добираться: «Возле вуза красивый парк – работаем почти в лесу». Смещение внимания с города на конкретные здания выделяет в качестве приоритета компактность университетского кампуса: «Удобно, что все рядом, на одном пяточке, и не приходится ежедневно проходить большие расстояния между корпусами».

2. Развитая инфраструктура университета. Ключевыми преимуществами вуза становятся развитая инфраструктура и современное материально-техническое оснащение: «Недавно мы ездили в [региональный вуз], у них полы проваливаются! Мы удивились, как это возможно? Сказали им, что у нас такого нет, и получили ответ: “У вас денег много”. Но дело не в деньгах, а в том, куда их направляют. В нашем вузе хорошо следят за инфраструктурой». Продолжая разговор про материально-техническую базу, логично обратить внимание на широкий доступ работников и обучающихся университета к информационным ресурсам и электронным базам для образования и научно-исследовательской деятельности: «Преимущества вуза – развитые научные центры, библиотека с обширными и обновляемыми фондами, доступ по вузовской подписке к электронным библиотекам международных издательств».

Отдельно информанты подчеркнули значимость высокой технологичности академического сектора и доступ к уникальному оборудованию, наличие центра коллективного пользования с достойным лабораторным оборудованием для научных экспериментов: «В университете есть возможность использовать в работе и обучении современную аппаратуру. У нас в вузе есть оборудование, которому позавидуют зарубежные научные организации, наши сотрудники и аспиранты могут работать на нем». Оборудование в университете регулярно обновляется за счет грантового и целевого финансирования. Еще один блок преимуществ связан с развитой информатизацией университета, введением программ оптимизации работы и электронных платформ для обеспечения образовательного процесса и организационной работы вуза и его структурных подразделений.

Перечислим основные недостатки территориально-инфраструктурных оснований.

1. Низкая обеспеченность актуальной профессиональной литературой. «Из командировок привозим книги на кафедру и аспирантам. Тратим личные средства на пополнение библиотеки кафедры».

2. Нехватка кабинетов для лабораторий. «Нам не хватает площадей, тесно, нет места развернуться. В других российских научных центрах, напротив, есть кабинеты, заставленные оборудованием, но нет людей».

3. Географическое положение, провоцирующее оторванность от мировой научной повестки. «Проблема многих региональных университетов – сложно и затратно от нас уехать куда-то или к нам привезти кого-то крутого»). Информанты подчеркивали удаленность региональных университетов от центров научной жизни и оторванность от международной научной повестки: «Больше возможностей у коллег из менее богатых традициями университетов, но живущих ближе к столицам. Мы же ощущаем изолированность вследствие удаленности от российских научных центров и высокие затраты на поездки на запад страны».

Резюмируя обзор преимуществ работы в вузе, отметим, что определенным результатом осознания комплекса преимуществ, которые университет предоставляет работникам, становится их высокая трудовая удовлетворенность [21]. По оценкам информантов, значительная доля НПП отличается высокой трудовой вовлеченностью и мотивацией к работе, энтузиазмом и альтруизмом: «Большинству сотрудников нравится работать в вузе: преподавать и проводить научные исследования, они любят университетскую атмосферу, кампус и общение. Исключительно как возможность заработка университет воспринимает минимальная доля сотрудников». Высокая трудовая вовлеченность сотрудников коррелирует с удовлетворенностью ключевыми аспектами удовлетворенности работой в вузе. Для вовлеченных сотрудников работа становится образом жизни, обеспечивая самореализацию, социальную и финансовую стабильность: «Работу в вузе не отделяю от жизни. Это и есть моя жизнь»; «В вузе есть энтузиасты, у них горят глаза. Если нет любознательности, можно ставить крест на работе в вузе. Хотя мы изнурены отчетами, все равно уделяем время своему научному интересу».

Недостатки работы в университете в подавляющем большинстве случаев имеют субъективный характер и во многом связаны с ценностями работника, отношением к работе и профессии в целом. По результатам эмпирического исследования выявлено, что наиболее ярко о недостатках работы в вузе высказываются сотрудники, имеющие низкие показатели научно-исследовательской продуктивности, обладающие недостаточной вовлеченностью в деятельность университета и низкой трудовой удовлетворенностью, испытывающие усталость и профессиональное выгорание. В рамках дальнейших исследований предполагается более детально изучить что является первопричиной данных явлений, а что – следствием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Степень значимости объективно существующих или субъективно осознаваемых преимуществ и недостатков работы в университете может варьироваться на различных этапах трудовой деятельности НПП от максимальной до минимальной, а преимущества могут терять привлекательность и даже выходить в негативную плоскость, трансформируясь в недостатки. Например, высокая вовлеченность работников в академическое развитие на начальных этапах карьеры может быть неоспоримым преимуществом, когда он приобретает значимые профессиональные компетенции за счет образовательного учреждения, способствующие его карьерному росту и самореализации. Однако для работников предпенсионного и пенсионного возраста интенсивное академическое развитие становится не столь ценным, а в условиях обязательного включения работника в программу дополнительного профессионального образования может восприниматься как негативное и реализоваться механически.

Критический анализ полученных эмпирических данных позволил выделить базовые преимущества работы в университете, характерные для НПП в зависимости от их возраста и пола. Для молодых преподавателей и исследователей (до 35–40 лет) значимым преимуществом работы в университете оказывается «возможность совершенствования профессиональных и социокультурных компетенций», «устойчивая команда профессионалов и комфортная рабочая атмосфера», «профессиональный рост и академическое развитие, возможность повышать квалификацию», «постоянное развитие, трансформационные изменения, отсутствие инерционности и рутины в университете», «возможность участия во внутривузовской политике». Отдельные представители НПП старшего поколения некоторые преимущества считают за недостатки, например, «международные коллаборации» и «развитая инфраструктура вуза», в то время как значимыми для них преимуществами (сильными сторонами) становятся «сильная фундаментальная подготовка и высокий уровень обучающихся», «лояльность к коллективу и поддержка со стороны руководства вуза», «высокий уровень корпоративного доверия», «стабильность работы и социальные гарантии», «прозрачные и объективные конкурсные процедуры», «продолжительный отпуск, гибкий график работы». Мы намеренно рассмотрели предпочтения полярных возрастных групп, упустив средний возраст.

Для мужчин более характерно (по сравнению с женщинами) обозначать в качестве сильной стороны работы в университете «возможность участия во внутривузовской политике», «международные коллаборации», «достойный уровень заработка, справедливую оплату труда». При этом женщины чаще, чем мужчины, называли в качестве преимуществ «географическое и территориальное положение университета», «продолжительный отпуск, гибкий график работы» и «стабильность работы и социальные гарантии».

Альтернативной классификацией преимуществ и недостатков трудовой деятельности научно-педагогических работников может служить разделение на основании масштаба их распространения в академическом секторе:

- 1) индивидуальный микроуровень (влияние распространяется на личность конкретного научно-педагогического работника; высокая степень субъективности восприятия);
- 2) корпоративный микроуровень (масштаб распространения на этом уровне шире и предполагает влияние на коллектив кафедры, лаборатории);
- 3) корпоративный мезоуровень (учитывается специфика конкретного вуза, не распространяющаяся на другие учреждения высшего образования);
- 4) институциональный мезоуровень (характерно для университетов отдельной направленности: классические, технические, медицинские и др.);
- 5) макроуровень (университет как социальный институт; на этом уровне влияние субъективного восприятия минимально, предполагается, что преимущества и недостатки, относящиеся к нему, характерны для подавляющего большинства вузов и академического сектора в целом).

Данная классификация может служить одним из результатов эмпирического исследования и нуждается в дальнейшем уточнении на следующих этапах исследовательского поиска.

Понимая противоречивость перечня преимуществ и недостатков, автор обращает внимание читателя на ограничения проведенного исследования, связанные с субъективностью оценок, вызванных индивидуальным восприятием работы в университете конкретным сотрудником, спецификой конкретного университета или обстоятельствами, сложившимися в отдельном рабочем коллективе. Нами не учитывались специфические различия в условиях работы НПП в университетах разных регионов,

что не позволяет экстраполировать полученные выводы на все без исключения вузы. Полученные результаты могут быть полезны руководству университета при формировании кадровых стратегий развития НПР и принятии управленческих решений.

Список литературы

1. Ефимова Г.З. Восприятие справедливости оплаты труда научно-педагогическими работниками. Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021;4(14):297–317. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021>
2. Дюркгейм Э. Социология образования. М.: ИНТОР; 1996. 80 с.
3. Бурдьё П. Homo academicus. М.: Изд-во Института Гайдара; 2018. 464 с.
4. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Научно-педагогические работники как социальная общность в меняющихся условиях академического развития. Образование и наука. 2022;5(24):147–180. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-5-147-180>
5. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Социология высшего образования. Екатеринбург: Гуманитарный университет; 2019. 539 с.
6. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. 2^е изд. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ; 2022. 616 с.
7. Yudkevich M.M., Balbachersky E., Finkelstein M.J., Jayaram N., Jones G.A., Kehm B.M., Mao D., Musselin C., Scott P., Yan F., Yonezawa A. Professorial Pathways: Academic Careers in a Global Perspective. Johns Hopkins University Press; 2019. 312 p.
8. Сивак Е.В., Юдкевич М.М. Академическая профессия в сравнительной перспективе: 1992–2012. Форсайт. 2013;3(7):38–47.
9. Юдкевич М.М. Российская академическая профессия и построение передовых университетов. Отечественные записки. 2013;4(55):1–8.
10. Сивак Е.В., Юдкевич М.М. «Закрытая» академическая среда и локальные академические конвенции. Форсайт. 2008;4:32–41.
11. Аблажей А.М. Академическая профессия в иерархии социальных приоритетов современного российского общества. Идеи и идеалы. 2014;3(21):103–115.
12. Фадеева И.М., Федосеева М.В. Самочувствие преподавателя в обществе, профессии, вузе. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015;6:153–163.
13. Кротова И.В. Психологические детерминанты достижения первой ступени академической карьеры в системе высшего образования. Образование и саморазвитие. 2017;2(12):62–72. <https://doi.org/10.26907/esd12.2.06>
14. Layton R.L., Solberg V.S., Jabangir A.E., Hall J.D., Ponder Ch.A., Micoli K.J., Vanderford N.L. Career planning courses increase career readiness of graduate and postdoctoral trainees. F1000Research. 2022;9:1230. <https://doi.org/10.12688/f1000research.26025.2>
15. Gump J. What They Didn't Teach You in Graduate School: 199 Helpful Hints for Success in Your Academic Career (review). Journal of Scholarly Publishing 2009;3(40):323–328. <https://doi.org/10.1353/scp.0.0047>
16. Файнман Н.С. Неустойчивость условий занятости научно педагогических кадров как фактор формирования академического прекарната. Народонаселение. 2019;4(22):103–114. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00042>
17. Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А. Академический профессионализм в эпоху перемен: ролевые субидентичности и трансформация бюджетов времени. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015;6:136–152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.08>
18. Таракановская К.С. Дискурс баланса жизни и труда в академии. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019;3:48–67. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.04>
19. Давыдова И.А., Козьмина Я.Я. Профессиональный стресс и удовлетворенность работы преподавателей российских вузов. Вопросы образования. 2014;4:169–183.
20. Грибовский М.В., Сорокин А.Н., Ефимова Г.З. Pro et contra. Преподаватели Томского и Тюменского университетов - о достоинствах и недостатках своей профессии. Университетское управление: практика и анализ. 2020;3(24):77–89. <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.03.027>
21. Ефимова Г.З., Латышев А.С. Удовлетворенность трудом у работников высшего учебного заведения. Вопросы образования. Educational Studies Moscow. 2023;1:72–108. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-72-108>

References

1. Efimova G.Z. Perception of fairness in pay by academic and teaching staff. Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology. 2021;4(14):297–317. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.401>
2. Durkheim E. Sociology of education. Moscow: INTOR; 1996. 80 p. (In Russian).
3. Bourdieu P. Homo academicus. Moscow: Gaidar Institute Publ. House; 2018. 464 p. (In Russian).
4. Zborovskiy G.E., Ambarova P.A. Scientific and pedagogical staff as a social community in the changing conditions of academic development. The Education and science journal. 2022;5(24):147–180. (In Russian). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-5-147-180>

5. Zborovskiy G.E., Ambarova P.A. Sociology of Higher Education. Yekaterinburg: Gumanitarnyi universitet; 2019. 539 p. (In Russian).
6. Kuz'minov Ya.I., Yudkevich M.M. Universities in Russia: how it works. 2nd ed. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2022. 616 p. (In Russian).
7. Yudkevich M.M., Balbachersky E., Finkelstein M.J., Jayaram N., Jones G.A., Kebm B.M., Mao D., Musselin C., Scott P., Yan F., Yonezawa A. Professorial Pathways: Academic Careers in a Global Perspective. Johns Hopkins University Press; 2019. 312 p.
8. Sivak Ye.V., Yudkevich M.M. Academic Profession in a Comparative Perspective: 1992–2012. Foresight-Russia. 2013;3:38–47. (In Russian).
9. Yudkevich M.M. The Russian academic profession and the construction of advanced universities. Otechestvennye zapiski. 2013;4(55):1–8. (In Russian).
10. Sivak Ye.V., Yudkevich M.M. “Closed” Academic Environment and Local Academic Conventions. Foresight-Russia, 2008;4:32–41. (In Russian).
11. Ablazhey A.M. The Academic Profession In The Hierarchy Of The Social Priorities Of The Modern Russian Society. Ideas and ideals. 2014;3(21):103–115. (In Russian).
12. Fadeeva I.M., Fedoseeva M.V. Subjective well-being of university teacher in society, in profession and in university. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015;6:153–163. (In Russian).
13. Krotova I.V. Psychological Determinants of Achieving the First Stage of an Academic Career in Higher Education. Education and Self-Development. 2017;2(12):62–72. (In Russian). <https://doi.org/10.26907/esd12.2.06>
14. Layton R.L., Solberg V.S., Jabangir A.E., Hall J.D., Ponder Ch.A., Micoli K.J., Vanderford N.L. Career planning courses increase career readiness of graduate and postdoctoral trainees. F1000Research. 2022;9:1230. <https://doi.org/10.12688/f1000research.26025.2>
15. Gump S. What They Didn't Teach You in Graduate School: 199 Helpful Hints for Success in Your Academic Career (review). Journal of Scholarly Publishing. 2009;3(40):323–328. <https://doi.org/10.1353/scp.0.0047>
16. Faïman N.S. Instability of terms of employment of scientific and pedagogical personnel as a factor of formation of the academic precariat. Population. 2019;4(22):103–114. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00042>
17. Abramov R.N., Gruzdev I.A., Terentiev E.A. Academic professionalism in the era of change: sub-identities and transformation of time-budgets Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015;6:136–152. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.08>
18. Tarakanovskaya K.S. Discourse of worklife balance in academy. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2019;3:48–67. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.04>
19. Davydova I.A., Koz'mina Ya.Ya. Occupational Stress and Job Satisfaction among Professors in Russian Higher Education Institutions. Voprosy obrazovaniya. 2014;4:169–183. (In Russian).
20. Gribovskiy M.V., Sorokin A.N., Efimova G.Z. Pro et Contra. Lectures of Tomsk and Tyumen Universities on the Advantages and Disadvantages of their Profession. University Management: Practice and Analysis. 2020;3(24):77–89. (In Russian). <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.03.027>
21. Efimova G.Z., Latyshev A.S. Job Satisfaction among Employees of a Higher Educational Institution. Voprosy Obrazovaniya. 2023;1:72–108. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-72-108>

Чувствительность к справедливости молодых людей с различным уровнем достатка как актуальная социально-психологическая проблема

Дементьев Алексей Сергеевич¹

Аспирант

ORCID: 0009-0000-1538-9774, e-mail: alexdemon7771999@gmail.com

Цветкова Надежда Александровна²

Д-р психол. наук, гл. науч. сотр.

ORCID: 0000-0003-0967-205X, e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

¹Государственный университет просвещения, г. Москва, Россия

²Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Москва, Россия

Аннотация

Обоснована актуальность изучения социально-психологических детерминант чувствительности к справедливости у российской молодежи с различным уровнем достатка. Раскрыто само понятие чувствительности к справедливости, представлена его структура и показана эволюция; приведено понятие достатка. Охарактеризованы четыре роли, которые может занимать человек в ситуациях, субъективно воспринимаемых им как несправедливые («жертва» – несправедливость совершается по отношению к нему; «свидетель» – он наблюдает несправедливость по отношению к другому; «бенефициар» – человек получает выгоду из ситуации несправедливости по отношению к другому; «нарушитель» – он сам поступает несправедливо). Дан обзор отечественных и зарубежных исследований связи чувствительности к справедливости с другими личностными характеристиками, выполненных за последние пять лет на различных выборках. Показаны перспективы исследования различных аспектов этой научной проблемы, в том числе межкультурных различий. Отмечено, что чувствительность к справедливости в современной социальной психологии характеризуется как относительно самостоятельная черта личности, но ее социально-психологическая детерминация мало изучена. Представлена модель эмпирического исследования социально-психологических детерминант чувствительности к справедливости у молодых людей с различным уровнем достатка.

Ключевые слова

Проблема чувствительности к справедливости, понятие чувствительности к справедливости, структура чувствительности к справедливости, социально-психологические детерминанты, молодые люди, социально-психологические характеристики, достаток, модель эмпирического исследования

Для цитирования: Дементьев А.С., Цветкова Н.А. Чувствительность к справедливости молодых людей с различным уровнем достатка как актуальная социально-психологическая проблема // Вестник университета. 2024. № 10. С. 196–204.

Justice sensitivity of youth with different levels of income as an actual socio-psychological problem

Alexey S. Dementiev¹

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0000-1538-9774, e-mail: alexdemon7771999@gmail.com

Nadezhda A. Tsvetkova²

Dr. Sci. (Psy.), Chief Researcher

ORCID: 0000-0003-0967-205X, e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

¹Federal State University of Education, Moscow, Russia

²Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

Abstract

The article substantiates the relevance of studying the socio-psychological determinants of sensitivity to justice in Russian youth with different levels of wealth. The sensitivity to justice concept itself has been revealed, its structure presented and its evolution shown; the wealth concept has been given. Four roles that a person can occupy in situations subjectively perceived as unfair (a 'victim' – the injustice is committed towards them; a 'witness' – they observe injustice towards another people; a 'beneficiary' – a person benefits from the situation of injustice towards another one; a 'violatee' – they act unfairly) have been characterized. A review of domestic and foreign studies of the relationship among sensitivity to justice and other personality characteristics, carried out over the past five years on various samples, has been given. Prospects for research into various aspects of this scientific problem, including cross-cultural differences, have been shown. Sensitivity to justice in modern social psychology is characterized as a relatively independent personality trait, but its socio-psychological determination is poorly studied. The model of empirical research of socio-psychological determinants of sensitivity to justice in youth with different levels of wealth has been presented.

Keywords

Issue of sensitivity to justice, sensitivity to justice concept, sensitivity to justice structure, socio-psychological determinants, youth, socio-psychological characteristics, prosperity, empirical research model

For citation: Dementiev A.S., Tsvetkova N.A. (2024) Justice sensitivity of youth with different levels of income as an actual socio-psychological problem. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 196–204.



ВВЕДЕНИЕ

Термин «чувствительность к справедливости» (далее – ЧС) был введен немецким психологом М. Шмиттом в 1995 г., который определил ее как интенсивность реагирования на несправедливость и желание ее восстановить [1]. Изначально сам термин имел другую формулировку – «чувствительность к свершившейся несправедливости», однако затем она подвергалась редакции, так что в настоящее время данное понятие обозначает самостоятельную черту личности, которая показывает индивидуальные различия в восприимчивости к несправедливости, а также различия в интенсивности когнитивных, эмоциональных и поведенческих проявлений на несправедливость. Раскрывая сущность данного термина, М. Шмитт выделил его структурные элементы:

- частота переживаемой несправедливости;
- интенсивность эмоциональных реакций на несправедливость;
- устойчивость мыслей о несправедливых событиях;
- мотивация к восстановлению справедливости.

Этот же исследователь выделил и описал четыре роли/позиции, которые может занимать человек в отношении ситуации несправедливости, – жертва (несправедливость совершается по отношению к нему), свидетель (человек наблюдает несправедливость по отношению к другому), бенефициар (человек извлекает выгоду из ситуации несправедливости по отношению к другому, не совершая никаких действий) и нарушитель (человек сам поступает несправедливо по отношению к другому) [2]. Исследования, выполненные М. Шмиттом в соавторстве, установили, что ЧС является «самостоятельной» характеристикой, не сводимой ни к одному из первичных или вторичных факторов пяти базовых черт «нормальной» личности многофакторного опросника «Большая пятерка» [3]. Также интересны данные о слабой корреляции между ЧС и верой в справедливый мир, о связи ее с диспозициями в отношении дистрибутивной справедливости [4].

Актуальность исследования чувствительности к справедливости у молодых людей с различным уровнем достатка в предметном поле социальной психологии может быть обоснована следующими аргументами: недостаточной разработанностью проблемы чувствительности к справедливости у молодежи и ее влияния на социальную жизнь в отечественной социальной психологии; малой изученностью социально-психологических детерминант чувствительности к справедливости; молодые люди являются наиболее социально активной частью населения, играющей большую роль в общественном развитии страны и в то же время способной создавать ситуации с высоким потенциалом социальной конфликтности. Современный мир динамичен, противоречив и взрывоопасен; он характеризуется социально-политической и социально-экономической нестабильностью, неопределенностью и трудностью в прогнозировании как будущих геополитических событий, так и событий внутри отдельно взятого государства. В условиях беспрецедентной обостренности межгосударственных и межгрупповых конфликтных отношений вопрос о (не)справедливости и чувствительности к ней становится едва ли не главным в социально-психологической науке и социальной практике.

По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, в 2023 г. большинство россиян видели социальную справедливость в правовом поле, как равенство всех перед законом, из них 41 % – это граждане в возрасте от 25 до 44 лет. Различия в понимании справедливости зависели от материального положения. Большинство достаточно обеспеченных людей видели справедливость в том, чтобы каждый получал за свой труд, в то время как люди с низким достатком желали, чтобы у всех был один уровень жизни и не было бы богатых и бедных. Опрошенные также связывали социальную справедливость с наличием возможности для каждого реализовать свои способности¹.

Научно доказано, что интенсивность ощущения справедливости имеет индивидуальные особенности и связана с той или иной степенью готовности действовать, чтобы предотвратить, свести на нет или компенсировать несправедливость. В связи с этим приобретает особую актуальность исследование чувствительности к справедливости у молодых людей с различным уровнем достатка, понимаемого традиционно (как в толковых словарях русского языка) как «уровень дохода или ресурсов для обеспечения основных потребностей и достойного уровня жизни, имущество, зажиточность, материальное благосостояние, обеспеченность, состоятельность, достаточное количество чего-либо, отсутствие нужды» [5, с. 436].

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения. Общество в поисках справедливости. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvo-v-poiskakh-spravedlivosti> (дата обращения: 27.06.2024).

Цель настоящего исследования — определение методологической основы изучения социально-психологических детерминант чувствительности к справедливости у современных молодых людей с различным уровнем достатка.

Исследовательские вопросы:

- 1) какие связи чувствительности к справедливости с другими личностными характеристиками уже изучены;
- 2) каковы перспективы изучения ЧС в социальной психологии;
- 3) какие социально-психологические факторы предположительно могут детерминировать чувствительность к справедливости у молодых россиян с различным уровнем достатка.

Применялись теоретические методы научного психологического исследования: анализ научной литературы по теме, обобщение и систематизация; контент-анализ; абстрагирование и конкретизация; на заключительном этапе — метод моделирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования получены следующие ответы на поставленные выше вопросы.

1. С момента введения термина «чувствительность к справедливости» в психологию было проведено большое количество исследований ее связи с другими личностными характеристиками. За последние пять лет опубликовано немало научных работ по данной проблеме как за рубежом, так и в Российской Федерации.

Немецкие психологи S.C. Rudert и K. Speckert в 2023 г. опубликовали данные, показывающие, что ЧС смягчает влияние соблюдения норм жертвой остракизма на моральные суждения, эмоции и карательное поведение наблюдателей, то есть были обнаружены сильная негативная реакция по отношению к цели остракизма и менее негативная реакция к источникам остракизма (людям), если цели остракизма нарушали социальные нормы, и наоборот. Данный эффект более выражен у людей с высокой чувствительностью к справедливости с позиции «наблюдателя» [6].

Немногим ранее японские психологи Y. Tham, T. Hashimoto, K. Karasawa обнаружили, что склонность людей к добровольчеству значительно предопределяется их чувствительностью к справедливости. Высокая ЧС с позиции «жертвы» опосредует меньшую склонность к добровольчеству, в то время как высокая ЧС с позиции бенефициара опосредует большую склонность к нему. Более того, обнаружен опосредующий эффект злости, то есть злость из-за ожидания быть единственным добровольцем опосредует негативный эффект ЧС с позиции жертвы на склонность к добровольчеству [7].

Чувствительность к справедливости изучалась также в связи с проэкологическими намерениями и проэкологическим поведением. Немецкие психологи S. Nicolai, P. Franikowski, S. Stoll-Kleemann установили, что высокая чувствительность к справедливости с позиций наблюдателя, бенефициара и нарушителя тесно связана с высоким уровнем проэкологических намерений, то есть с сильным стремлением действовать более бережно по отношению к природе и окружающей среде, а также с большей степенью готовности защищать природу. Кроме того, оказалось, что посредником между ЧС с позиций бенефициара и нарушителя и проэкологическими намерениями выступает чувство вины. Авторы обнаружили, что люди с высокой ЧС с позиции жертвы склонны к моральной отстраненности и оправданию своих действий вместо принятия ответственности [8].

В русле данной тематики интерес представляют данные китайских психологов Y. Hong, X. Wang, L. Liu, Y. Su, L. Chen, R. Lian и M. Liao, изучавших отношения между социальным статусом и субъективным благополучием. Ими обнаружены обратная связь между социальным статусом и ЧС с позиции жертвы, а также то, что ЧС с позиции жертвы является посредником между влиянием социального статуса на субъективное благополучие. По словам авторов, низкий социальный статус препятствует ощущению счастья из-за повышенной ЧС с позиции жертвы [9].

Американские психологи Z.K. Rothschild и L.A. Keefer установили, что у людей с высокой чувствительностью к справедливости моральное возмущение усиливает чувство смысла жизни, что в свою очередь ослабляет последующие проявления возмущения [10].

Немецкие эксперты S. Maltese и A. Baumert показали, что ЧС с позиции нарушителя и ЧС с позиции бенефициара отражают силу интернализованных стандартов справедливости, которые могут сделать неэффективными стратегии самоизоляции для предотвращения негативных последствий [11]. Их соотечественники T. Schlösser, T. Steiniger, D. Ehlebracht, D. Fetchenhauer опубликовали результаты исследования, свидетельствовавшие, что у людей с высокой ЧС с позиции жертвы личные интересы становятся

релевантными при принятии решения о системе распределения неравенства, то есть в отличие от ЧС с других позиций они принимают корыстные решения. Однако эти авторы отмечают, что их данные получены в ходе экспериментальной игры [12].

Еще одно исследование ЧС, о котором стоит упомянуть, проведено немецкими психологами А. Gotmann, M.N. Bechtoldt и D. Fetchenhauer. Они выявили связь ЧС со склонностью к жульничеству и констатировали, что люди с высокой ЧС с позиции нарушителя менее подвержены ему, в то время как люди с высокой ЧС с позиции жертвы – наоборот [13]. Таким образом, связи чувствительности к справедливости с другими личностными характеристиками активно изучались и продолжают изучаться в зарубежной психологии.

Исследования ЧС подобного рода проводились и отечественными психологами. В 2011 г. вышла в свет монография О.А. Гулевич «Социальная психология справедливости», оказавшая стимулирующее влияние на интерес исследователей к данному феномену [14].

Научно значимые результаты разработки данной темы представлены в 2020 г. А. Адамян [15]. Ею доказана взаимосвязь чувствительности к справедливости с нейротизмом, уступчивостью, сознательностью, самоуважением, устойчивостью, психологическим благополучием и депрессивной симптоматикой; обнаружены демографические различия в уровне чувствительности к справедливости, а также гендерные отличия в связи ЧС с психологическим благополучием. В том же году А.А. Гайворонская, изучавшая переживания студентами вузов несправедливых ситуаций, показала связь ЧС с ценностями. Она выявила, что для студентов с ЧС с позиции бенефициара ведущей ценностью была власть, для студентов ЧС с позиции жертвы – конформные ценности, а для студентов ЧС с позиции нарушителя – ценности, связанные с достижениями [16].

Из более свежих научных разработок проблемы чувствительности к справедливости обратим внимание на публикации Е.О. Ермоловой и С.А. Чагановой. Они изучали механизмы психологической защиты, копинг-стратегии, а также границы личности у студентов с различными позициями ЧС. Ими установлено, что каждой позиции ЧС соответствуют свои определенные защитные механизмы и границы, а также копинг-стратегии. Например, люди с преобладанием ЧС с позиции нарушителя часто используют компенсацию как защитный механизм и нарушают границы других людей, но в то же время ставят жесткие собственные границы. Им удалось выяснить, что люди с преобладанием определенного типа ЧС имеют определенную структуру взаимосвязей психологических границ и защитных механизмов и, соответственно, по-разному реагируют на несправедливость [17; 18].

2. При введении термина «чувствительность к справедливости» М. Шмитт говорил о перспективности изучения межкультурных различий в уровне ЧС. Такие исследования предпринимались. Так, в 2014 г. коллективом ученых трех стран проводилось кросс-культурное исследование, в ходе которого были установлены различия в чувствительности к справедливости граждан Российской Федерации, Китая и Германии. Удалось выяснить, что для китайцев характерен более высокий уровень ЧС с позиции бенефициара, но более низкий уровень ЧС с позиции наблюдателя [19].

В 2020 г. немецкие, австралийские, филиппинские и чешские исследователи А. Baumert, S. Maltese, D. Reis, C. MacLeod, R. Tan-Mansukhani, A.J.R. Galang, M.G.C. Salanga, M. Schmitt опубликовали статью, в которой показали межкультурные различия, выявленные при сравнении данных, полученных на выборах граждан Германии, Австралии и Филиппин. В разных культурах ЧС с позиции жертвы детерминировала отказ от кооперации из-за угрозы эксплуатации, в то время как ЧС с позиций наблюдателя, бенефициара и нарушителя выступала детерминантой кооперации в условиях искушения [20]. В настоящее время в социальной психологии заметна активность в изучении связи ЧС с различной общественной деятельностью, а также ее влияния на принятие общественно значимых решений.

3. Проведенный нами теоретический анализ научной отечественной и зарубежной литературы позволил прийти к выводу о том, что проблема чувствительности к справедливости является многоаспектной социально-психологической проблемой, повысившей градус своей актуальности к настоящему времени. Одним из актуальных аспектов для ее изучения выступает социально-психологическая детерминация ЧС у молодых россиян, различающихся по уровню материального благополучия. Результаты этого анализа также позволили предположить, что на чувствительность к справедливости у молодежи могут оказывать сильное влияние такие практически неизученные социально-психологические детерминанты ЧС, как дисфункции родительской семьи, статус молодого человека в семье – родительской и собственной, социальная фрустрированность, и такие интегративные социально-психологические качества личности,

как склонность к нарушению социальных норм и правил, «темный» комплекс личностных черт, жизне-способность (в частности, социальная компетентность, социальная поддержка, стиль поведения).

В таблице представлена разработанная нами модель эмпирического исследования социально-психологических детерминант чувствительности к справедливости у молодых людей с различным уровнем достатка, при реализации которой выдвинутая гипотеза может быть проверена.

Таблица

Модель эмпирического исследования социально-психологических детерминант чувствительности к справедливости у молодых людей с различным уровнем достатка, задачи и методики социально-психологической диагностики

Предполагаемые социально-психологические детерминанты чувствительности к справедливости	Задачи эмпирического исследования	Методики социально-психологической диагностики
Достаток	Определение уровня достатка молодых людей	Анкета для сбора объективных данных
Семейные дисфункции в родительской семье	Определение уровня общей семейной дисфункции и факторов семейной дисфункции: – критика; – индуцирование тревоги; – элиминирование эмоций; – фиксация на негативных переживаниях; – внешнее благополучие; – сверхвключенность; – семейный перфекционизм	Опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» А.Б. Холмогоровой и С.В. Воликовой [21]
Статус в родительской и собственной семье	Определение степени близости к отцу, матери, обоим родителям и значимости в родительской и собственной семье	Геносоциограмма семьи «Моя семья» Э.Г. Эйдемиллер, О.В. Черемисин [22]
Социальная фрустрированность	Определение общего уровня социальной фрустрированности и фрустрированности в различных сферах жизни: – отношения с родными и близкими; – социальное окружение; – социальный статус; – социально-экономическое положение; – здоровье и работоспособность	Опросник «Социальная фрустрированность» А.И. Вассермана, Б.В. Иовлева, М.А. Беребина [23]
Склонность к преодолению социальных норм и правил	Определение общего уровня склонности к преодолению социальных норм и правил	Методика «Склонность к преодолению социальных норм и правил» Ю.А. Клейберга [24]
«Темный» комплекс личностных черт	Определение показателей макиавеллизма, неклинического нарциссизма, неклинической психопатии, садизма	Опросник темной тетрады Д.С. Корниенко и др. [25]

Предполагаемые социально-психологические детерминанты чувствительности к справедливости	Задачи эмпирического исследования	Методики социально-психологической диагностики
Жизнеспособность	Определение общего уровня жизнеспособности и показателей ее структурных компонентов: – самомотивация и достижения; – активность и инициатива; – эмоциональный контроль и саморегуляция; – позитивные установки и гибкость мышления; – самоуважение; – социальная компетентность и социальная поддержка; – стиль поведения; – самоорганизация и планирование будущего.	Методика «Жизнеспособность личности» А.А. Нестеровой [26]

Составлено авторами по материалам исследования

ВЫВОДЫ

Опираясь на результаты анализа научных публикаций отечественных и зарубежных психологов, утверждать, что чувствительность к справедливости – черта личности, которая отражает индивидуальные различия в готовности воспринимать ситуации несправедливости и в интенсивности когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций на несправедливость. Каждой позиции (жертва, бенефициар, наблюдатель, нарушитель), с которой переживается ЧС, соответствуют специфические особенности личности, а также социально-психологические факторы, в совокупности с личностными особенностями обуславливающие тип ЧС и ее уровень. Каждый человек имеет свой профиль ЧС, который проявляется ярче или слабее в зависимости от характера социальной ситуации. Индивидуальные профили ЧС молодых людей с различным уровнем достатка могут быть типизированы с учетом социально-психологической детерминации их чувствительности к справедливости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование, нацеленное на выявление социально-психологических детерминант чувствительности к справедливости у молодых людей с различным уровнем достатка, позволит не только получить новые научные данные о личностной детерминированности ЧС у самой социально активной части российского сообщества, но и дать ответ на вопрос о связи чувствительности к справедливости с уровнем удовлетворенности их жизненно важных потребностей, то есть достатка в широком смысле его понимания. Такое знание полезно как при разработке различных программ социальной поддержки молодежи, так и в целях совершенствования программ профилактики экстремизма в молодежной среде.

Список литературы

1. Schmitt M., Neumann R., Montada L. Dispositional sensitivity to befallen injustice. *Social Justice Research*. 1995;4(8):385–407.
2. Schmitt M. Individual differences in sensitivity to befallen injustice (SBI). *Personality and individual differences*. 1996;1(21):3–20.
3. Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D. Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space. *European Journal of Psychological Assessment*. 2005;21:202–211.
4. Schmitt M., Baumert A., Gollwitzer M., Maes J. The justice sensitivity inventory: Factorial validity, location in the personality facet space, demographic pattern, and normative data. *Social Justice Research*. 2010;23:211–238.
5. Евгеньева А.П. (ред.) *Словарь русского языка*. М.: Полиграфресурсы; 1999. 698 с.
6. Rudert C., Speckert K. You shouldn't have shut them out: Justice sensitivity and norm adherence affect moral reactions to observed ostracism. *Personality and Individual Differences*. 2023;201. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111929>
7. Tham Y., Hashimoto T., Karasawa K. The positive and negative effects of justice sensitivity and justice-related emotions in the volunteer's dilemma. *Personality and Individual Differences*. 2019;1(151). <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.07.011>

8. Nicolai S., Franikowski P., Stoll-Kleemann S. Predicting Pro-environmental Intention and Behavior Based on Justice Sensitivity, Moral Disengagement and Moral Emotions – Results of Two Quota-Sampling Surveys. *Frontiers in Psychology*. 2022;13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.914366>
9. Hong Y., Wang X., Liu L., Su Y., Chen L., Lian R., Liao M. The relationship between social class and subjective wellbeing: A serial mediation model. *Frontiers in Psychology*. 2022;13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1002585>
10. Rothschild Z.K., Keefer L.A. Meaningful outrage: Anger at injustice bolsters meaning for justice sensitive individuals. *European Journal of Social Psychology*. 2022;52:124–146. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2820>
11. Maltese S., Baumert A. Linking longitudinal dynamics of justice sensitivity and moral disengagement. *Personality and Individual Differences*. 2019;136:173–177. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.06.041>
12. Schlösser T., Steiniger T., Ehlebracht D., Fetchenhauer D. How justice sensitivity predicts equality preferences in simulated democratic systems. *Journal of Research in Personality*. 2018;73:75–81. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2017.11.005>
13. Gotmann. A., Bechtoldt M.N., Fetchenhauer D. Breathing to the path of virtue – The effects of justice sensitivity and state mindfulness on cheating behavior in a group performance task. *Personality and Individual Differences*. 2021;178. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110851>
14. Гулевич О.А. Социальная психология справедливости. М.: ИП РАН; 2011. 288 с.
15. Адамян А.А. Чувствительность к справедливости и ее последствия для личности. *Психология. Журнал ВПЭ*. 2019;3(16):479–490. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-3-479-493>
16. Гайворонская А.А. Переживания студентами вуза несправедливых ситуаций в учебном процессе. *Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2020;1(33):69–76. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-1-69-76>
17. Ермолова Е.О., Чаганова С.А. Границы личности и механизмы психологической защиты студентов с различными типами чувствительности к справедливости. *Системная психология и социология*. 2022;4(44):28–47. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2022.44.4.03>
18. Ермолова Е.О., Чаганова С.А. Системно-психологический анализ профилей личности с разными типами чувствительности к справедливости. *Системная психология и социология*. 2023;2(46):93–113. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2023.46.2.8>
19. Wu M.S., Schmitt M., Zhou C., Nartova-Bochaver S., Astanina N., Khachatryan N., Han B. Examining self-advantage in the suffering of others: Cross-cultural differences in beneficiary and observer justice sensitivity among Chinese, Germans, and Russians. *Social Justice Research*. 2014;27:231–242.
20. Baumert A., Maltese S., Reis D., MacLeod C., Tan-Mansukhani R., Galang A.J.R., Salanga M.G., Schmitt M.J. Cross-Cultural Study of Justice Sensitivity and Its Consequences for Cooperation. *Social Psychological and Personality Science*. 2020;7(11):899–907. <https://doi.org/10.1177/1948550619896895>
21. Холмогорова А.Б., Воликова С.В., Сорокова М.Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации». *Консультативная психология и психотерапия*. 2016;4(24):97–125.
22. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. 4е изд. СПб: Питер; 2016. 672 с.
23. Васерман А.И., Павлив Б.В., М.А. Методика для психологической диагностики уровня социальной фрустрированности и ее практическое применение. *Методические рекомендации*. СПб: НИПНИ им. В.М. Бехтерева; 2004. 28 с.
24. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Ин-т психотерапии; 2002. 488 с.
25. Вязовкина В., Горностаев И., Корниенко А.С. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады». *Психологический журнал*. 2022;5(43):87–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920022787-1>
26. Нестерова А.А. Разработка и валидизация методики «Жизнеспособность личности». *Психологический журнал*. 2017;4(38):93–108.

References

1. Schmitt M., Neumann R., Montada L. Dispositional sensitivity to befallen injustice. *Social Justice Research*. 1995;4(8):385–407.
2. Schmitt M. Individual differences in sensitivity to befallen injustice (SBI). *Personality and individual differences*. 1996;1(21):3–20.
3. Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D. Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space. *European Journal of Psychological Assessment*. 2005;21:202–211.
4. Schmitt M., Baumert A., Gollwitzer M., Maes J. The justice sensitivity inventory: Factorial validity, location in the personality facet space, demographic pattern, and normative data. *Social Justice Research*. 2010;23:211–238.
5. Yevgenieva A.P. (ed.) Russian language dictionary. Moscow: Poligrafresursy; 1999. 698 p. (In Russian).

6. Rudert C., Speckert K. You shouldn't have shut them out: Justice sensitivity and norm adherence affect moral reactions to observed ostracism. *Personality and Individual Differences*. 2023;201. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111929>
7. Tham Y., Hashimoto T., Karasawa K. The positive and negative effects of justice sensitivity and justice-related emotions in the volunteer's dilemma. *Personality and Individual Differences*. 2019;1(151). <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.07.011>
8. Nicolai S., Franikowski P., Stoll-Kleemann S. Predicting Pro-environmental Intention and Behavior Based on Justice Sensitivity, Moral Disengagement and Moral Emotions – Results of Two Quota-Sampling Surveys. *Frontiers in Psychology*. 2022;13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.914366>
9. Hong Y., Wang X., Liu L., Su Y., Chen L., Lian R., Liao M. The relationship between social class and subjective wellbeing: A serial mediation model. *Frontiers in Psychology*. 2022;13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1002585>
10. Rothschild Z.K., Keefer L.A. Meaningful outrage: Anger at injustice bolsters meaning for justice sensitive individuals. *European Journal of Social Psychology*. 2022;52:124–146. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2820>
11. Maltese S., Baumert A. Linking longitudinal dynamics of justice sensitivity and moral disengagement. *Personality and Individual Differences*. 2019;136:173–177. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.06.041>
12. Schlösser T., Steiniger T., Eblebracht D., Fetchenbauer D. How justice sensitivity predicts equality preferences in simulated democratic systems. *Journal of Research in Personality*. 2018;73:75–81. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2017.11.005>
13. Gotmann. A., Bechtoldt M.N., Fetchenbauer D. Breathing to the path of virtue – The effects of justice sensitivity and state mindfulness on cheating behavior in a group performance task. *Personality and Individual Differences*. 2021;178. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110851>
14. Gulevich O.A. Social psychology of justice. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2011. 288 p. (In Russian).
15. Adamyan A.A. Justice Sensitivity and Its Consequences for an Individual. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2019;3(16):479–490. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-3-479-493>
16. Gaivoronskaya A.A. Experience of Unfair Situations in University Students in the Course of Educational Process. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2020;1(33):69–76. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-1-69-76>
17. Ermolova E.O., Chaganova S.A. Boundaries of personality and mechanisms of psychological defense of students with different types of sensitivity to justice. *Systems Psychology and Sociology*. 2022;4(44):28–47. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2022.44.4.03>
18. Ermolova E.O., Chaganova S.A. System-psychological analysis of personality profiles with different types of sensitivity to justice. *Systems Psychology and Sociology*. 2023;2(46):93–113. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2023.46.2.8>
19. Wu M.S., Schmitt M., Zhou C., Nartova-Bochaver S., Astanina N., Khachatryan N., Han B. Examining self-advantage in the suffering of others: Cross-cultural differences in beneficiary and observer justice sensitivity among Chinese, Germans, and Russians. *Social Justice Research*. 2014;27:231–242.
20. Baumert A., Maltese S., Reis D., MacLeod C., Tan-Mansukhani R., Galang A.J.R., Salanga M.G., Schmitt M.J. Cross-Cultural Study of Justice Sensitivity and Its Consequences for Cooperation. *Social Psychological and Personality Science*. 2020;7(11):899–907. <https://doi.org/10.1177/1948550619896895>
21. Kholmogorova A.B., Volikova S.V., Sorokova M.G. Standardisation of the Family Emotional Communications questionnaire. *Counselling Psychology and Psychotherapy*. 2016;4(24):97–125. (In Russian).
22. Eidemiller E.G., Justickis V.V. Psychology and psychotherapy of family. 4th ed. St. Petersburg: Piter; 2016. 672 p. (In Russian).
23. Wasserman L.I., Iorlev B.V., Iorlev M.A. Methodology for psychological diagnostics of the level of social frustration and its practical application. Methodical recommendations. St. Petersburg: National Medical Research Centre of Psychiatry and Neurology named after V. M. Bekhterev; 2004. 28 p. (In Russian).
24. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Socio-psychological diagnostics of development of personality and small groups. Moscow: Institute of Psychotherapy; 2002. 488 p. (In Russian).
25. Vjazovkina V., Gornostaev I., Kornienko D.S. Adaptation and Psychometric Properties of the Dark Tetrad Short Questionnaire. *Psychological Journal*. 2022;5(43):87–98. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S020595920022787-1>
26. Nesterova A.A. Development and validation of the Viability of Personality Methodology. *Psychological Journal*. 2017;4(38):93–108. (In Russian).

Предметные олимпиады как эффективный инструмент подготовки управленческих кадров в вузах в современных условиях

Захарова Ирина Олеговна

Ст. преп. каф. иностранных языков
ORCID: 0000-0003-0479-2116, e-mail: io_zakharova@guu.ru

Орлова Светлана Николаевна

Канд. фил. наук, доц. каф. иностранных языков
ORCID: 0000-0002-5594-5090, e-mail: sn_orlova@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Настоящее исследование посвящено проблематике использования предметных олимпиад в высших учебных заведениях для эффективной подготовки управленческих кадров на примере внутривузовской олимпиады по английскому языку, проведенной в ноябре 2023 г. в Государственном университете управления. Исследован количественный и качественный состав участников по направлениям подготовки и образовательным программам, освещены социологические и дидактико-методические аспекты проведения олимпиады, приведены описания отдельных заданий, демонстрирующие их высокую практико-ориентированность и релевантность. Сделан вывод о том, что участие в предметных вузовских олимпиадах стимулирует интерес студентов управленческих специальностей к предмету обучения и повышает уровень их компетентности. Конкурсный характер олимпиад способствует более успешной последующей адаптации обучающихся к высококонкурентной профессиональной среде, создавая условия здорового соперничества. Проведение предметных олимпиад в вузах решает задачи, стоящие перед системой высшего образования в части создания креативной образовательной среды, отвечающей вызовам времени, и подготовки специалистов по управлению, способных к эффективному решению профессиональных задач на фоне постоянно меняющейся экономической и политической ситуации в условиях жесткой внешней и внутренней конъюнктуры.

Ключевые слова

Предметная олимпиада в вузе, подготовка управленческих кадров, креативная образовательная среда, студенческая олимпиада, специалисты по управлению, направления подготовки, образовательные программы

Для цитирования: Захарова И.О., Орлова С.Н. Предметные олимпиады как эффективный инструмент подготовки управленческих кадров в вузах в современных условиях // Вестник университета. 2024. № 10. С. 205–211.



Subject Olympiads as an effective tool of management personnel training in universities in modern conditions

Irina O. Zakharova

Senior Lecturer at the Foreign Languages Department
ORCID: 0000-0003-0479-2116, e-mail: io_zakharova@guu.ru

Svetlana N. Orlova

Cand. Sci. (Phil.), Assoc. Prof. at the Foreign Languages Department
ORCID: 0000-0002-5594-5090, e-mail: sn_orlova@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The present article studies the issue of using subject Olympiads in higher education institutions for effective training of managerial personnel on the example of the intra-university Olympiad in English language, held in November 2023 at the State University of Management. The quantitative and qualitative composition of participants by training areas and educational programs has been studied, sociological and didactic and methodological aspects of the Olympiad have been highlighted, individual tasks descriptions have been given, demonstrating their high practice-orientedness and relevance. The article concludes that participation in subject university Olympiads stimulates the interest of students of management specialties to the subject of study and increases their competence level. The competitive nature of the Olympiads contributes to a more successful subsequent adaptation of students to a highly competitive professional environment, creating conditions of healthy competition. Conducting subject competitions in universities solves the problems facing the system of higher education in terms of forming a creative educational environment that meets the challenges of the time, and training management specialists capable of effectively solving professional problems against the background of constantly changing economic and political situation in a tough external and internal environment.

Keywords

University subject Olympiad, management personnel training, creative educational environment, student Olympiad, management specialists, training areas, educational programs

For citation: Zakharova I.O., Orlova S.N. (2024) Subject Olympiads as an effective tool of management personnel training in universities in modern conditions. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 205–211.



ВВЕДЕНИЕ

Проведение предметных олимпиад в высших учебных заведениях – важная часть эффективного процесса подготовки высококвалифицированных кадров. Олимпиадное движение в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) как форма интеллектуального состязания талантливой молодежи зародилось еще в конце XIX в. [1]. В 1960-е гг. были утверждены государственные системы предметных олимпиад. В настоящее время олимпиады широко распространены в системе высшего образования. В отечественных вузах ежегодно проводится более 2 тыс. различных интеллектуальных соревнований, ведущие позиции среди которых занимают именно олимпиады и конкурсы [2].

Конкурсные мероприятия в вузах в значительной степени способствуют поддержанию качества высшего образования в России на должном уровне. Высокий уровень сферы в стране находит подтверждение в том факте, что студенты отечественных вузов одержали наибольшее количество побед в 17 международных студенческих олимпиадах в период с 2017 г. по 2021 г., а именно 89. Наиболее близок к результатам России Китай с 70 победами. У Соединенных Штатов Америки только 30 побед, как и у Великобритании и Германии. Стоит отметить, что страны БРИКС наращивают данный показатель (Индия – 6,7; Бразилия – 13,8)¹.

Проблематика проведения предметных студенческих олимпиад широко освещена в исследовательских работах. Е.Г. Репина рассматривает предметную олимпиаду как организованную форму краткосрочного по времени состязания студентов, требующую от участников высокого развития интеллектуальных способностей, демонстрации знаний, умений и навыков в предметных областях, устойчивых личностных и коммуникативных качеств его участников [1]. Н.И. Холод полагает, что олимпиада – это образовательное пространство, создаваемое с целью популяризации знаний, формирования мотивации, ответственности обучаемых, создания духа соревновательности, здорового соперничества [3].

Е.А. Шалагинова указывает, что участие в олимпиадах повышает учебную мотивацию студентов, расширяет круг их интересов, развивает умение выражать свое мнение [4]. Это также способствует личностному росту и повышению уровня профессионального развития студентов [1]. По мнению Н.И. Холод, благодаря участию в олимпиадах расширяется общий и профессиональный кругозор обучающихся, формируется устойчивая мотивация как к изучению различных дисциплин, так и к участию в работе различных студенческих научных обществ [3]. Кроме того, предметные олимпиады способствуют развитию познавательной потребности и стремления студентов к самообразованию [5]. Г.Ф. Привалова, Л.А. Ткаченко, А.В. Ткаченко считают, что современные олимпиады в вузах наряду с выполнением функции совершенствования профессиональных умений и улучшения качества подготовки специалистов способствуют формированию и развитию имиджа социально успешных и творчески активных молодых исследователей [2].

Цель данной статьи – исследование значения предметных олимпиад как одной из эффективных форм подготовки управленческих кадров в вузах в современных условиях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

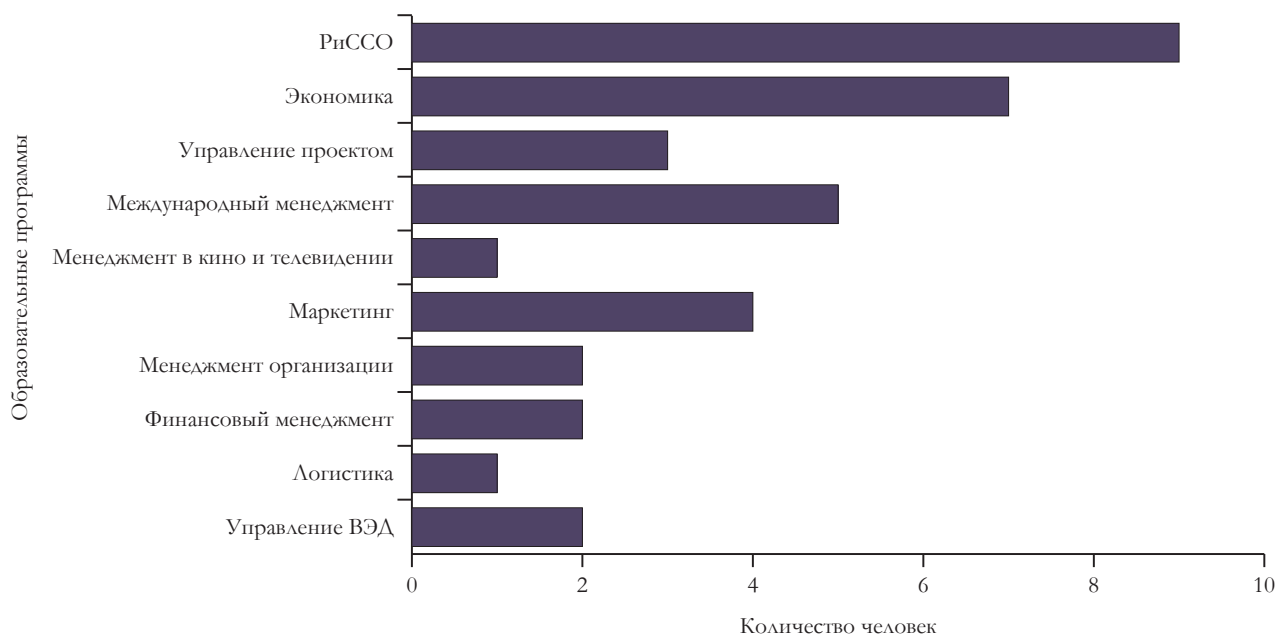
В настоящем исследовании рассмотрены различные аспекты проведения студенческой внутривузовской олимпиады по английскому языку, проведенной кафедрой иностранных языков Института управления персоналом, социальных и бизнес-коммуникаций в Государственном университете управления (далее – ГУУ) в ноябре 2023 г. В мероприятии приняли участие 44 обучающихся по программам бакалавриата основных направлений подготовки очной и очно-заочной форм обучения.

Примененные методы исследования – сбор данных, их описание, количественный и качественный анализ, в том числе сравнение и сопоставление, с последующим синтезом и обобщением полученных результатов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим социологические и дидактико-методические аспекты проведения студенческой внутривузовской олимпиады ГУУ по английскому языку, в том числе состав участников, структуру, содержание заданий и итоги (рисунки).

¹ Российский Союз Ректоров. Результаты студенческих олимпиад на карте мира. Режим доступа: https://rsr-online.ru/news/2023/4/12/student_olymp_third_mission/ (дата обращения: 28.07.2024).



Примечание: РиССО – Реклама и связи с общественностью, ВЭД – внешнеэкономическая деятельность

Составлено автором по материалам исследования

Рисунок. Распределение участников олимпиады по образовательным программам

Примечательно, что наибольшее количество участников являлись обучающимися по образовательной программе «Реклама и связи с общественностью» (9 чел. из 44, или 20 % от общего количества). На втором месте по количеству участников – обучающиеся по направлению «Экономика» (7 чел.), пять чел. из числа участников обучались по программе «Международный менеджмент», четверо – по программе «Маркетинг». От одного до трех участников проходили обучение по программам «Управление проектом», «Менеджмент в кино и телевидении», «Менеджмент организации», «Финансовый менеджмент», «Логистика и управление цепями поставок», «Управление внешнеэкономической деятельностью» и др. В целом можно констатировать, что наибольшее количество участников олимпиады обучались по тем направлениям подготовки и образовательным программам, для которых требуется хорошее владение английским языком для дальнейшей успешной профессиональной деятельности.

Первый тур олимпиады имел формат тестирования. Наряду с заданиями на определение уровня лингвистической компетенции онлайн-тест включал вопросы на проверку страноведческих знаний социокультурного характера.

В условиях интенсификации международного сотрудничества России со странами Азии, Африки и Ближнего Востока социокультурная компетенция специалистов по управлению и международному сотрудничеству приобретает все большее значение. Она предполагает владение социокультурными знаниями (знаниями о стране, духовных и культурных ценностях, особенностях менталитета, традициях, социальных условиях, ритуалах, социальных стереотипах) [6]. На сегодняшний день для обучающихся в отечественных вузах релевантны социокультурные знания, касающиеся основных партнеров России – участников объединений Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, Организации стран – экспортеров нефти. На данный момент важно включать в состав олимпиадных заданий вопросы социокультурного характера, относящиеся именно к этим странам.

Второй тур олимпиады носил очный формат. Участникам были предложены задания на проверку понимания прослушанного текста (аудирование) и письма (написание эссе).

Авторы убеждены, что аудирование должно быть неотъемлемой составной частью олимпиад по иностранному языку в вузах. Именно хорошо развитый навык восприятия иноязычной речи на слух имеет определяющее значение для успешной коммуникации в рамках делового и профессионального общения (на деловых встречах, мероприятиях, в процессе ежедневной работы с иностранными контрагентами по согласованию бизнес-предложений, заказов, поставок). Однако далеко не всегда олимпиадные задания в ряде других высших учебных заведений включают блок аудирования.

Что касается эссе, то организаторы также постарались сделать тематическую область максимально актуальной – “Tectonic shifts in the global world over the last 10 years” («Тектонические сдвиги в глобальном мире за последние 10 лет»):

- “The changing balance of powers on the world stage” («Меняющийся баланс сил на мировой арене»);
- “Most influential international organizations with Russia’s membership (BRICS, SCO, OPEC): history, member countries, present-day status” («Наиболее влиятельные международные организации с участием России (БРИКС, ШОС, ОПЕК): история, страны-участники, современный статус»).

Тематическая область эссе была сообщена участникам заранее, а точную тему (“The growing role of Russia in modern world” («Растущая роль России в современном мире»)) участники получили непосредственно в день проведения олимпиады. Отдельные работы участников второго тура были насыщены содержательно. Особенно стоит выделить работы конкурсантов из Вьетнама, которые были подготовлены в высшей степени основательно. Подобная тематика заданий способствует формированию положительного имиджа России среди обучающихся из «дружественных» стран.

В третьем туре участникам предлагались задания на проверку навыков говорения в формате монологического и диалогического высказывания, максимально приближенные к ситуациям реального делового и профессионального общения.

В первом задании необходимо было подготовить и представить краткую самопрезентацию для будущего работодателя по своему направлению подготовки (так называемый elevator pitch)². Время говорения было ограничено двумя минутами. Участники должны были описать свои личностные и профессиональные качества, которые делали бы их наилучшими кандидатами на вакантную позицию. Данное задание имеет ярко выраженную практико-ориентированную направленность, так как способствует формированию навыков, необходимых для достижения успеха в профессиональной деятельности, а именно умения максимально кратко изложить информацию о себе в наиболее выгодном для себя свете³.

Второе задание представляло собой интервью из трех вопросов в области бизнес-коммуникации, карьерного развития, использования иностранных языков в профессиональной деятельности. Приведем пример:

“1. Rules of business communication.

- 1) Is it necessary for everybody to follow the rules of business communication?
- 2) What are the principal rules of business communication?
- 3) Would you agree that violating the rules of business communication can bring about failures? Why? / Why not?”

«1. Правила бизнес-коммуникации

- 1) Необходимо ли следовать правилам бизнес-коммуникации?
- 2) Каковы основные правила бизнес-коммуникации?
- 3) Согласны ли Вы, что нарушение правил бизнес-коммуникации может привести к провалам? Почему? / Почему нет?»

Как видно из примера, задания этого этапа олимпиады также непосредственно связаны с будущей профессиональной деятельностью обучающихся.

В третьем задании третьего тура участникам предлагалось обсудить некоторые вопросы в области социокультурной компетенции, отношений человека и общества на основе визуальной опоры, а именно ментальных карт (mind maps). Такие задания развивают навык восприятия и интерпретации схематически изображенной информации, так востребованный в настоящее время.

Таким образом, участники олимпиады продемонстрировали разный уровень владения английским языком, однако можно утверждать, что все они смогли повысить свой уровень языковой, общекультурной, социокультурной и профессиональной компетентности благодаря участию в данном мероприятии, что полностью соответствовало его воспитательно-познавательному характеру.

ВЫВОДЫ

Что касается необходимости, а также целей и задач проведения студенческих олимпиад, то представляется очевидным, что все образовательные мероприятия (в том числе олимпиады) должны соответствовать актуальным потребностям системы высшего образования и государства в целом. Однако зачастую

² Совкомбанк. Elevator pitch. Режим доступа: <https://journal.sovcombank.ru/biznesu/elevator-pitch-kak-ubedit-investorov-ili-nachalnika-za-neskolko-sekund> (дата обращения: 28.07.2024).

³ Job search bible. Elevator pitch examples. Режим доступа: <https://jobsearchbible.com/elevator-pitch-with-examples/> (дата обращения: 28.07.2024).

имеет место несоответствие знаний и компетенций студентов и выпускников вузов ожиданиям потенциальных работодателей, что оказывает неблагоприятное влияние на уровень занятости и производительность и снижает потенциал роста экономики в целом [7].

В современных реалиях в обществе резко вырос спрос на высококвалифицированных специалистов, которые необходимы стране для успешного развития собственной научно-производственной и технологической баз, поступательного развития экономики в жестких внешних и внутренних условиях. Высокотехнологичные решения требуют грамотных компетентных специалистов с максимальным квалификационным уровнем [8].

В «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г.» отмечено, что развитие сферы образования должно быть ориентировано на подготовку квалифицированных кадров всех уровней профессионального образования, способных быстро реагировать на запросы рынка труда⁴. В Постановлении Правительства РФ «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» указывается, что программы развития университетов должны быть направлены на увеличение вклада университетов в достижение национальных целей развития страны на период до 2030 г.⁵

Данная повестка требует от системы высшего образования оптимизации и увеличения эффективности процессов обучения, развития в обучающихся способности результативно действовать в условиях постоянно меняющейся внешней среды и оперативно генерировать наилучшее решение профессиональных задач. Формирование подобных компетенций достигается благодаря проведению среди обучающихся конкурсных мероприятий, одной из разновидностей которых является предметная олимпиада.

Целями олимпиады ГУУ по английскому языку (наряду с вышеприведенными) являются:

- повышение интереса обучающихся к изучению иностранного языка профессионального и делового общения;
- расширение спектра знаний языкового и культурологического характера и повышение уровня социокультурной компетентности обучающихся, необходимой в профессиональной деятельности в текущих условиях;
- расширение представления обучающихся об этикете делового общения, а также правилах и нормах межкультурного общения в профессиональной сфере;
- привлечение внимания студентов к вопросам личностного роста, профессиональной пригодности и этики вербального и невербального поведения;
- формирование у обучающихся адекватного представления о глобальных процессах, происходящих в мире, и возрастающей роли России.

Как следует из заявленных целей, организаторы стремились сделать мероприятие максимально практико-ориентированным, чтобы участники могли использовать приобретенные в ходе участия знания и навыки в дальнейшем, непосредственно в профессиональной среде. Для Государственного университета управления, ориентированного на удовлетворение потребностей в управленческих кадрах во всех важнейших секторах экономики и управления государством, прикладной характер знаний имеет определяющее значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторам настоящего исследования представляется обоснованным следующее определение студенческой предметной олимпиады – это интеллектуальное соревнование обучающихся по различным дисциплинам, способствующее выявлению талантливых студентов, позволяющее проверить и критически оценить их способности и компетенции в предметных и смежных областях, а также повысить уровень их профессиональной подготовки. Участие в олимпиаде стимулирует интерес к обучению и содействует популяризации научных знаний, а также способствует более успешной адаптации студентов к высококонкурентной профессиональной среде.

Подводя итог, необходимо отметить, что проведение предметных олимпиад в вузах способствует не только повышению уровня компетентности обучающихся в той или иной области, но и формированию личностных качеств, необходимых для эффективной научной и профессиональной деятельности, а именно

⁴ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. от 25 марта 2013 г. Режим доступа: <http://government.ru/news/12582> (дата обращения: 28.07.2024).

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 13 мая 2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Режим доступа: <https://priority2030.ru/upload/iblock/436/i71xsmbmrn2s6rwhaif5yapvboxihc5/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-N-729.pdf> (дата обращения: 28.07.2024).

нацеленности на результат, ответственности, решительности, настойчивости, выдержки, умения быстро ориентироваться в новой ситуации, адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, находить нестандартные решения учебных и профессиональных задач. В частности, познавательный-воспитательный характер олимпиад по английскому языку, проводимых в ГУУ, содействует формированию у обучающихся правильных представлений о геополитической ситуации в мире, растущей роли России на международной арене.

Проведение предметных олимпиад в высших учебных заведениях отвечает задачам, стоящим перед системой высшего образования РФ в части создания креативной образовательной среды, отвечающей вызовам времени, и подготовки специалистов, способных к эффективному решению профессиональных задач в условиях жесткой внешней и внутренней конъюнктуры, на фоне турбулентности экономической сферы и нестабильности внешнеполитической ситуации.

Список литературы

1. *Репина Е.Г.* Студенческое олимпиадное движение как инструмент поиска одаренной молодежи и педагогической работы с ней: принципы организации и опыт проведения. Самарский научный вестник. 2017;3(20):1–6. <http://dx.doi.org/10.17816/snv201763308>
2. *Привалова Г.Ф., Ткаченко Л.А., Ткаченко А.В.* Предметные олимпиады как способ повышения качества образования студентов вуза культуры. Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020;2(38):160–165.
3. *Холод Н.И.* Конкурсы и олимпиады как средство формирования творческой культуры студентов во внеаудиторной деятельности по иностранному языку в вузе. Вестник ТГПУ. 2016;1(166):115–118.
4. *Шалагина Е.А.* Проведение олимпиады по иностранному языку как формы самостоятельной работы магистрантов неязыковых факультетов. Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021;3(51):92–95. https://doi.org/10.52772/25420291_2021_3_92
5. *Колесова Т.В.* Применение новых информационных технологий для проведения языковых олимпиад в вузе. Вестник ТГПУ. 2016;4(169):76–79.
6. *Тимофеева С.П.* Формирование социокультурной компетенции китайских студентов при обучении русскому языку как иностранному. МНКО. 2021;3(88):120–122.
7. *Бровкин А.В.* Проблемы современной российской системы высшего образования и пути их решения в интересах всех участников образовательного процесса: часть 1. Современное образование. 2018;1:1–10. <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2018.1.25053>
8. *Захарова И.О.* От рабочей силы и трудовых ресурсов к человеческому капиталу. Новая парадигма отношений между работодателем и работником на стыке тысячелетий. В кн.: Человек, природа, общество и технологии: материалы Национальной научно-практической конференции, Москва, 16 декабря 2022 г. М.: Государственный университет управления; 2023. С. 85–88.

References

1. *Repina E.G.* Student Olympiad movement as a search tool and pedagogical work with gifted youth: principles, characteristics, experience. Samara Journal of Science. 2017;3(20):1–6. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.17816/snv201763308>
2. *Privalova G.F., Tkachenko L.A., Tkachenko A.V.* Subject Olympiads as a way of education quality improvement of students of university of culture. Professional education in Russia and abroad. 2020;2(38):160–165. (In Russian).
3. *Kholod N.I.* Contests and Olympiads as the means of forming student's creative culture in extracurricular activities at studying of foreign languages at the universities. TSPU Bulletin. 2016;1(166):115–118. (In Russian).
4. *Shalaginova E.A.* Foreign language Olympiad as a form of independent work for master's students of non-linguistic faculties. Journal of Shadrinsk State Pedagogical University. 2021;3(51):92–95. (In Russian). https://doi.org/10.52772/25420291_2021_3_92
5. *Kolesova T.V.* Application of new information technologies for holding language Olympiads at university. TSPU Bulletin. 2016;4(169):76–79. (In Russian).
6. *Timofeeva S.P.* Formation of socio-cultural competence among Chinese students in teaching Russian as a foreign language. The world of science, culture and education. 2021;3(88):120–122. (In Russian).
7. *Bronkin A.V.* Problems of the modern Russian higher education system and ways to solve them in the interests of all participants of the educational process: Part 1. Modern education. 2018;1:1–10. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2018.1.25053>
8. *Zakharova I.O.* From labor force and labor resources to human capital. A new paradigm of relations between employer and employee at the turn of the millennium. In: Human, nature, society, and technology: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference, Moscow, December 16, 2022. Moscow: State University of Management Publ. House; 2023. Pp. 85–88. (In Russian).

Социально-обусловленные факторы позитивной трансформации профессионально- трудовой Я-концепции лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата

Истомина Елена Владимировна,

Канд. психол. наук, доц. каф. психологии

ORCID: 0000-0001-0777-2455, e-mail: eKryzhko@yandex.ru

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Статья содержит результаты исследования социальных факторов, обуславливающих особенности трансформации профессионально-трудовой Я-концепции студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата, обучающихся в условиях инклюзии в организациях среднего профессионального и высшего образования. Исследование осуществлялось на выборке, состоящей из 106 студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата выпускных курсов образовательных организаций, у которых за время обучения зафиксированы позитивная, негативная и нейтральная формы трансформации. Выявлено, что в группе студентов, характеризующихся позитивными изменениями в профессионально-личностном развитии во время обучения и профессиональной подготовки, переходом дезадаптивных форм профессионально-трудовой Я-концепции в адаптивные, позволяющие им достичь успехов в профессиональном становлении, большинство составляют те, кто имеет разветвленную сеть социальных контактов, включающих как друзей с ограниченными возможностями здоровья, так и однокурсников и других людей без каких-либо нарушений, преподавателей и учителей, которые дают им чувство автономии, одобрение их самостоятельности и инициативы в собственной учебной деятельности и жизнедеятельности в целом. В этой группе у большинства студентов отмечены высокие показатели удовлетворенности базовых психологических потребностей в автономии, социальных контактах и компетентности, тогда как в группе студентов, характеризующихся негативной трансформацией профессионально-трудовой Я-концепции, многие идентифицируют себя только с социальной группой инвалидов, чувствуют отчужденность от внешнего мира при чрезмерно высоких показателях удовлетворенности базовых психологических потребностей, что демонстрирует их беспомощность и депривированность условий профессионально-личностного развития.

Ключевые слова

Студенты с нарушениями опорно-двигательного аппарата, профессионально-личностное развитие, профессионально-трудовая Я-концепция, базовые психологические потребности, поддержка автономии, социальная сеть контактов, социально-обусловленные факторы

Для цитирования: Истомина Е.В. Социально-обусловленные факторы позитивной трансформации профессионально-трудовой Я-концепции лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата // Вестник университета. 2024. № 10. С. 212–220.



Socially-determined factors of positive transformation of the professional and labor self-concept of persons with musculoskeletal disorders

Elena V. Istomina

Cand. Sci. (Psy), Assoc. Prof. at the Psychology Department
ORCID: 0000-0001-0777-2455, e-mail: eKryzhko@yandex.ru

St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K.D. Ushinsky, St. Petersburg, Russia

Abstract

The article studies social factors that determine the features of transformation of professional-labor self-concept in students with musculoskeletal disabilities studying under inclusive conditions in organizations of secondary vocational and higher education. The study was carried out on a sample of 106 students with musculoskeletal disorders of final years of educational organizations, in whom positive, negative, and neutral forms of transformation were recorded during the study. It has been revealed that in the group of students characterized by positive changes in professional and personal development during education and professional training, the transition of maladaptive forms of professional and labor self-concept into adaptive ones that allow them to achieve success in professional development, the majority of them are those who have an extensive network of social contacts, including friends with disabilities, classmates, and other people without any disabilities, teachers, and professors who give them the opportunity to develop their professional self-concept. In this group, most students have high rates of satisfaction of basic psychological needs for autonomy, social contacts, and competence, whereas in the group of students characterized by negative transformation of professional and labor self-concept, many identify themselves only with the social group of disabled people, feel alienated from the outside world with excessively high rates of satisfaction of basic psychological needs, which demonstrates their helplessness and deprivation of conditions of their professional and personal development.

Keywords

Students with musculoskeletal disorders, professional and personal development, professional and labor self-concept, basic psychological needs, autonomy support, social network of contacts, socially determined factors

For citation: Istomina E.V. (2024) Socially-determined factors of positive transformation of the professional and labor self-concept of persons with musculoskeletal disorders. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 212–220.



ВВЕДЕНИЕ

Исследование факторов профессионально-личностного развития лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ), в частности с нарушениями опорно-двигательного аппарата (далее – НОДА), имеет ярко выраженное прикладное значение, заключающееся в поиске «мишеней» психологического воздействия и оказании психологической помощи таким категориям людей в их профессиональном самоопределении и успешной интеграции в общество за счет достижения психологического благополучия и реализации личностного потенциала в профессиональной деятельности.

Главный принцип – это полная социальная инклюзия, отказ от сегрегации и любого вида дискриминации людей по состоянию здоровья, построение такого общества, чтобы не люди с нарушенным развитием приспосабливались к нему, а само общество создало условия для комфортного проживания в нем всех категорий людей вне зависимости от их происхождения и особенностей развития. Такие цели, с одной стороны, отражают путь развития общества в направлении гуманных ценностей, согласно которым каждый человек вне зависимости от его особенностей имеет право на реализацию своего личностного потенциала и нахождения своего призвания, качественное образование и самостоятельный профессиональный выбор, а с другой – актуализируют множество проблем, обусловленных необходимостью поиска действенных способов разрушения привычных стереотипов, выработанных разветвленной и действующей в течение многих лет системой специального образования лиц с ОВЗ, заботы государства об их благополучии.

Многочисленные исследования, касающиеся вопросов профессионально-личностного развития обучающихся с ОВЗ, свидетельствуют о том, что такие студенты в меньшей степени, чем их сверстники и однокурсники, обладают внутренней мотивацией к профессиональной деятельности; у многих из них наблюдаются синдром «выученной беспомощности», виктимность, пассивность в поиске работы, неуверенность в себе, отсутствие стремления к овладению профессиональными компетенциями [1]. Существуют исследования, подтверждающие факт отсутствия у студентов с ОВЗ профессиональных намерений, реальных целей, способности к планированию своей карьеры [2]. Отмечаются личностные деформации студентов с ОВЗ, снижение волевых процессов, профессиональной мобильности и субъектности, их неготовность к осознанному профессиональному выбору, профессиональному и личностному самоопределению, поиску работы, стремлению к реализации себя именно в профессиональной деятельности [3–8].

Вместе с тем известны случаи (не единичные) успешной самореализации лиц с нарушенным развитием и ограниченными возможностями здоровья. Существуют также исследования, свидетельствующие о том, что многие студенты с НОДА поступают в образовательные организации высшего и среднего профессионального образования для того, чтобы, найти подходящую для себя работу, что по некоторым показателям готовности к профессиональной деятельности между студентами с ОВЗ и без ОВЗ нет достоверно значимых различий, а в некоторых случаях именно студенты с ОВЗ превосходят своих однокурсников в проявлении силы воли, настойчивости и упорства, стремления к учебе и получению образования [9; 10].

В связи с этим актуализируются исследования, направленные на выявление факторов, блокирующих или, напротив, стимулирующих позитивный профессиональный рост студентов с ОВЗ, обучающихся в условиях инклюзивного образования, на поиск тех условий, которые необходимы для их поступательного профессионального становления, достижения способности конкурировать на современном рынке труда наравне со специалистами без нарушенных функций опорно-двигательного аппарата.

В качестве таких факторов могут быть рассмотрены социальные факторы: влияние окружения студентов с НОДА, отношение к ним со стороны однокурсников и преподавателей, субъективное восприятие таких отношений. Сведений для разработки действенных методов сопровождения в вузе профессионального развития студентов с ОВЗ недостаточно, чем и обусловлена актуальность настоящего исследования. Его целью стало выявление социально обусловленных факторов позитивной трансформации профессионально-трудовой Я-концепции студентов с НОДА.

МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось на базе российских вузов, где наряду с условно здоровыми студентами обучались студенты с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата легкой и средней тяжести и сохранностью интеллекта. Всего были обследованы 106 студентов с НОДА. В качестве показателей позитивных изменений в профессионально-личностном развитии студентов выбран характер трансформации их профессионально-трудовой Я-концепции, которая отражает их готовность к адекватному выбору стратегий профессионального роста и построения реальных планов профессионального становления [11].

Для определения формы трансформации профессионально-трудовой Я-концепции на первом курсе все студенты общей исследовательской выборки прошли психологическое тестирование с помощью разработанной методики, направленной на выявление преобладающего типа профессионально-трудовой Я-концепции: адаптивного или дезадаптивного. Под адаптивными типами понимается новообразование их личности, отражающее их убеждения относительно своего профессионального будущего, отношение к себе как к субъекту труда в определенной сфере профессиональной деятельности, конкретные действия для достижения реальных профессионально-карьерных целей. Дезадаптивные типы отражают либо негативное к себе отношение как к будущему профессионалу и неверие в возможность построения карьеры, либо фантастические, далекие от реальности профессиональные планы.

По истечении трех лет обучения проведено повторное тестирование с использованием того же опросника. Выявлена форма трансформации профессионально-трудовой Я-концепции у студентов с НОДА в процессе их обучения. На основании такого исследования общая выборка разделена на три группы.

Первую составили 29 студентов-выпускников, у которых отмечалась позитивная динамика, и к концу срока обучения они приобрели реальное представление о своей будущей профессиональной деятельности, адекватное отношение к ней с определением своих потенциальных возможностей и своего акме.

Вторая группа состояла из 31 студента, у которых зафиксирована негативная динамика в представлениях себя как субъекта профессиональной и трудовой деятельности в определенных сферах профессий (дезадаптивные типы профессионально-трудовой Я-концепции).

В третью исследовательскую группу вошли те студенты с НОДА ($n = 46$), у которых за время обучения не прослеживалась позитивная динамика в восприятии себя как представителей определенной профессии (нейтральные формы трансформации): псевдопозитивное, фантастическое представление о своих возможностях и о своем профессиональном будущем или, напротив, неприятие профессиональной составляющей своей жизнедеятельности, отсутствие веры в возможность построения карьеры и в поиск подходящей работы по приобретаемой специальности остались у таких студентов неизменными.

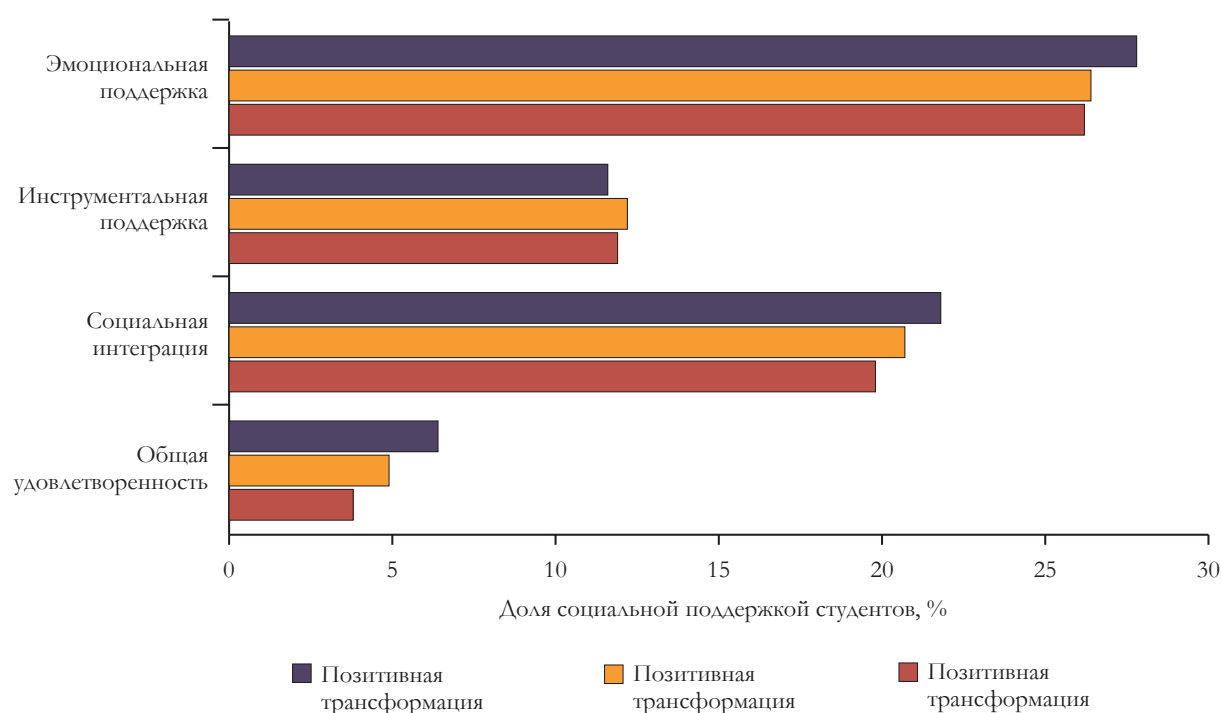
Во всех трех группах испытуемых изучались степень их удовлетворенности социальной поддержкой (с помощью методики F-SOZU-22 (Sommer, Frydrich) в адаптации А.Б. Холмогоровой, Г.А. Петровой), особенности поддержки автономности со стороны окружающих людей, в том числе родственников и друзей (Шкала поддержки автономии), степень удовлетворенности базовых социальных потребностей, общий объем их социального окружения (проективная методика «Социальные сети») [12–15]. Выбор диагностического инструментария исходил из стремления выявить социально обусловленные факторы трансформации профессионально-трудовой Я-концепции как представлений о себе как о субъекте конкретного вида труда по получаемой в образовательных организациях профессии.

Для сравнительного анализа выбран непараметрический критерий U-критерий Манна Уитни.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование удовлетворенности респондентов социальной поддержкой показало отсутствие между группами статистически достоверных различий по многим показателям (рис. 1).

Достоверные различия зафиксированы только в показателях общей степени удовлетворенности социальной поддержкой (табл. 1).



Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Удовлетворенность социальной поддержкой студентов с НОДА трех исследовательских групп

Таблица 1

Различия в показателях удовлетворенности студентов с НОДА социальной поддержкой

Шкалы	Достоверность различия между группами		
	1–2 р	1–3 р	2–3 р
ЭмП	0,638	0,589	0,932
ИнП	0,804	0,562	0,989
СоцИнт	0,809	0,783	0,848
Общая удовлетворенность	0,371	0,097	0,581

Примечание: ЭмП – удовлетворенность эмоциональной близостью, ИнП – удовлетворенность помощью в совете и бытовом плане, СоцИнт – наличие своего круга социальных контактов

Составлено автором по материалам исследования

Известно, что социальная поддержка нужна далеко не всем людям и не во всех ситуациях. Однако в силу особенностей развития лиц с НОДА, специфики их обучения в условиях инклюзии и совместно с условно здоровыми студентами, формирование личности которых проходило не в условиях депривации и вынужденного ограничения социальных контактов, социальная поддержка может оказывать благотворное влияние на профессиональное развитие, особенно на этапе адаптации к новым условиям обучения и жизнедеятельности в целом. Результаты исследования показали, что многие студенты с НОДА вне зависимости от характера трансформации их профессионально-трудовой Я-концепции за годы обучения имеют определенный круг друзей и близких им людей, с которыми они могут разделить свои переживания и проблемы, которым могут довериться и от которых могут получить нужный совет или помощь. Многие из них включены в определенную сеть социальных контактов и имеют друзей, разделяющих их ценности и приоритеты.

Вместе с тем между группой студентов с НОДА, характеризующихся позитивной и, напротив, негативной трансформацией профессионально-трудовой Я-концепции, существуют статистически достоверные различия в показателях общей удовлетворенности социальной поддержкой. Дальнейшее исследование продемонстрировало, что такие различия между группами наблюдаются и в объеме, составе и плотности их социальных контактов (табл. 2).

Таблица 2

Результаты исследования социальной сети студентов с НОДА трех исследовательских групп

Категория анализа	Показатели	Позитивная трансформация (n = 29), абс./%	Нейтральная трансформация (n = 46), абс./%	Негативная трансформация (n = 31), абс./%
Объем социальной сети	< 5	0/0,00	1/2,17	3/9,68
	5–10	1/3,45	22/47,83	22/70,97
	10–15	13/44,83	12/26,09	1/3,23
	15–20	12/41,38	14/30,43	2/6,46
	> 20	3/10,34	7/15,22	3/9,68
Категории людей ближнего окружения	Родители	26/89,65	31/67,39	21/67,74
	Сиблинги	9/31,03	4/8,70	0/0,00
	Другие родственники	17/58,62	12/26,09	11/35,48
	Специалисты (врачи, реабилитологи)	6/20,69	2/4,35	0/0,00
	Преподаватели, учителя	19/65,52	2/4,35	2/6,46
	Друзья-инвалиды	14/48,28	39/84,78	31/100,00
	Однокурсники	27/93,10	11/23,91	5/16,13
	Другие друзья без ОВЗ	29/100,00	15/32,61	4/12,90
Плотность	< 2 взаимных связей	5/17,24	11/23,91	18/58,06
	2–4 взаимосвязей	9/31,03	22/47,83	12/38,71
	> 5 взаимосвязей	15/51,72	13/28,26	1/3,23

Составлено автором по материалам исследования

Большинство студентов с НОДА, у которых за время обучения зафиксирована негативная трансформация профессионально-трудовой Я-концепции, идентифицируют себя только с теми людьми, кто имеет такие же нарушения. Идентификация с инвалидами при отсутствии других контактов, отличающихся близкими и поддерживающими отношениями, свидетельствует о существовании в их сознании противопоставления «Мы» и «Они», которое было характерно для лиц с нарушенным развитием при функционировании в обществе системы изолированного специального образования. С переходом общества к инклюзивному образованию фактически ничего не меняется в отношении студентов с НОДА, особенно если именно для них создаются в вузе специальные условия и к ним относятся как к людям другой категории, оказывая им поддержку и помощь в адаптации и в обучении. Они лишаются самостоятельности и независимости, возможности саморазвиваться в выбранной сфере деятельности.

В этой группе многие студенты указали на достаточно объемную социальную сеть. Вместе с тем такая сеть не включает ни друзей из «другого круга», ни специалистов, ни преподавателей. В группе студентов с позитивной трансформацией профессионально-трудовой Я-концепции, напротив, большинство составляют те из них, которые в свою социальную сеть включили именно друзей из условно здоровых людей, наставников, однокурсников, специалистов, учителей и преподавателей.

В связи с этим на основе положений теории самодетерминации, проведено исследование удовлетворенности студентов с НОДА, характеризующихся разными формами трансформации профессионально-трудовой Я-концепции, поддержкой автономии со стороны преподавателей.

ВЫВОДЫ

Получены данные, подтверждающие доминирующее влияние способности преподавателя поддерживать самостоятельный выбор студентов, передавать им ту информацию, которая позитивно оценивает их инициативу, стремление к самостоятельному управлению собственной активностью в обучении и освоении профессии. Так, показатели удовлетворенности значимо выше в первой группе (8,2) и ниже – в третьей (2,6).

Согласно психологической теории самодетерминации, человек обладает врожденными базовыми психологическими потребностями в ощущении безопасности, то есть в социальных связях, автономии

и компетентности [16–20]. Потребность в социальных контактах и взаимосвязях проявляется в стремлении личности наладить отношения с другими, чтобы испытать чувство принадлежности. Лица с нарушенным развитием, развивающиеся в условиях депривации, в том числе социальной, могут испытывать повышенную потребность в сопричастности и принадлежности к определенной группе людей, с которыми они чувствуют безопасность и психологический комфорт. Результаты проведенного исследования показали, что в группе студентов, характеризующихся позитивной трансформацией в вузе профессионально-трудовой Я-концепции, зафиксированы высокие, но не чрезмерные, как в других исследовательских группах, показатели удовлетворенности психологических базовых потребностей.

Несмотря на отсутствие статистически достоверных различий между группами ($p > 0,05$), выявлено, что степень удовлетворенности в первой группе входит в диапазон оптимальных, нормальных значений, тогда как в двух других одна часть студентов характеризуется очень низкими показателями такой удовлетворенности, а другая – напротив, чрезмерно высокими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что необходимым условием профессионально-личностного развития студентов с НОДА, обучающихся в системах среднего профессионального и высшего образования, достижения ими адаптивных типов профессионально-трудовой Я-концепции, позволяющих адаптироваться в мире профессий, найти свое призвание и построить карьеру, является создание в образовательных организациях такой социальной среды, которая оказывала бы им эмоциональную и инструментальную поддержку, обеспечивала разнообразные социальные контакты и конструктивные отношения внутри их социальных сетей, способствовала удовлетворению их базовых психологических потребностей: в автономии, социальных взаимосвязях и компетентности. Это напрямую зависит от позиции преподавательского состава вуза в отношении с обучающимися с НОДА, их способности стимулировать самостоятельность студентов, их субъективной позиции в учебной деятельности и жизнедеятельности в целом.

Список литературы

1. *Скрябина Д.Ю.* Особенности профессионального самоопределения лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Среднее профессиональное образование. 2021;5(309):42–47.
2. *Белозерцева Н.В., Беленкова Л.Ю.* Формирование мотивации профессиональной деятельности студентов с инвалидностью в условиях инклюзивного высшего образования. Проблемы современного педагогического образования. 2021;71-2:417–422.
3. *Абдурасулов Д.А., Воронина П.П.* Особенности профессионального развития студентов с ограниченными возможностями здоровья инклюзивного образования. В кн.: Современные тенденции развития науки и образования: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, София, 18 марта 2021 г. Нефтекамск: Мир науки; 2021. С. 121–126.
4. *Виноградова Н.И., Ходюкова Т.А., Кохан С.Т.* Психологические факторы становления жизнестойкости студентов-инвалидов. Ученые записки ЗабГУ. 2019;2(14):62–68. <https://doi.org/10.21209/2658-7114-2019-14-2-62-68>
5. *Братцева О.А., Мионов А.В., Миняйло К.О., Булатова О.В.* Развитие профессионально мобильности у студентов с инвалидностью на этапе подготовки в вузе. Science for Education Today. 2019;1(9):109–122. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1901.07>
6. *Пряжников Е.Ю., Чистовский Д.П.* Самосознание студентов с ОВЗ на этапе профессионального развития. Психологическая наука и образование. 2014;4(19):81–91.
7. *Бонкало Т.И., Гребенникова В.М.* Соблюдение принципа инклюзии в системе высшего образования как условие успешной профессиональной подготовки студентов с инвалидностью и ОВЗ. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2022;4(308):73–81.
8. *Бонкало Т.И., Шмелева С.В., Аралова Е.В., Ковалева М.Н., Еремин М.В.* Динамика взаимосвязи самоотношения и самоактуализации у студентов меdvузов. Фарматека. 2023;1-2(30):240–247. <https://dx.doi.org/10.18565/pharmateca.2023.1-2.240-246>
9. *Bonkalo T.I., Shmeleva S.V., Nazarenko V.V., Karpov V.Yu., Logachev N.V., Kumanceva E.S.* Activating model of professional training of persons with disabilities as competitive specialists in higher education establishment. Laplage em Revista. 2021;3A(7):235–244.

10. Мартынова Е.А. Системное организационно-педагогическое содействие непрерывному профессиональному становлению молодых инвалидов при инклюзивном высшем образовании. Современные проблемы науки и образования. 2020;5. <https://doi.org/10.17513/spno.30116>
11. Истомина Е.В. Условия трансформации профессионально-трудовой Я-концепции лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Мир науки. Педагогика и психология. 2024;1(12).
12. Холмогорова А.Б., Петрова Г.А. Методы диагностики социальной поддержки при расстройствах аффективного спектра. Медицинская технология. М.: МНИИ психиатрии Росздрава; 2007.
13. Бонкало Т.И., Цыганкова М.Н. Активизация личностного и профессионального самоопределения обучающихся с ОВЗ в условиях инклюзивного образования. М.: РГСУ; 2015. 215 с.
14. Суворова И.Ю. Адаптация общей шкалы удовлетворения базовых социальных потребностей // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2016;4:126–132.
15. Аифинцев Д.В., Аифинцева А.А., Серых А.Б. Стандартизированные методы оценки сетей социальных связей индивида в социальной работе и психологической практике. Клиническая и специальная психология. 2015;4(4):1–11.
16. Плотнокова Е.С. Автономия и самодетерминация в структуре самоактуализации личности. Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2022;4(61):40–48.
17. Степанова Н.А. Проблема изучения самодетерминации личности в отечественной психологической науке. Известия Саратовского университета. Философия. Психология. Педагогика. 2019;1:69–73. <http://dx.doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-69-75>
18. Чернышченко Э.А. Самодетерминационный аспект профессионального развития личности: современные методы исследования. Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2023;4(81).
19. Zhao J., Qin Y. Perceived Teacher Autonomy Support and Students' Deep Learning: The Mediating Role of Self-Efficacy and the Moderating Role of Perceived Peer Support. *Frontiers in Psychology*. 2021;12:652796. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.652796>
20. Osin E., Boninwell I. Self-determination and well-being. Poster presented at the 4th International Self-Determination Conference. Ghent, Belgium; 2010.

References

1. Scryabina D.Yu. Features of professional self-determination of persons with health limitations and disabilities. *The Journal of Secondary Vocational Education*. 2021;5(309):42–47. (In Russian).
2. Belozertseva N.V., Belenkova L.Yu. Formation of motivation of professional activity at disabled students in the conditions of inclusive education. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2021;71-2:417–422. (In Russian).
3. Abdurasulov D.A., Voronina P.P. Features of professional development of disabled students in inclusive education. In: *Modern trends in science and education development: Proceedings of the International (correspondence) Scientific and Practical Conference*, Sofia, March 18, 2021. Neftekamsk: Mir nauki; 2021. Pp. 121–126. (In Russian).
4. Vinogradova N.I., Khodyukova T.A., Kokhan S.T. Psychological factors for the viability of students with disabilities. *Scholarly Notes of Transbaikal State University*. 2019;2(14):62–68. (In Russian). <https://doi.org/10.21209/2658-7114-2019-14-2-62-68>
5. Bratsva O.A., Mironov A.V., Minyailo K.O., Bulatova O.V. Development of professional mobility among university students with disabilities. *Science for Education Today*. 2019;1(9):109–122. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1901.07>
6. Pryazhnikova E.Yu., Chistovsky D.P. Self-awareness of students with disabilities at the stage of professional development. *Psychological Science and Education*. 2014;4(19):81–91. (In Russian).
7. Bonkalo T.I., Grebennikova V.M. Compliance with the principle of inclusion in the higher education system as a condition for successful professional training of students with disabilities and limited health options. *Bulletin of the Adyghe State University. Series: Pedagogy and Psychology*. 2022;4(308):73–81. (In Russian).
8. Bonkalo T.I., Shmeleva S.V., Aralova E.V., Kovaleva M.N., Eremin M.V. Dynamics of the relationship between self-attitude and self-actualization among medical students. *Farmateka*. 2023;1-2(30):240–247. (In Russian). <https://dx.doi.org/10.18565/pharmateca.2023.1-2.240-246>
9. Bonkalo T.I., Shmeleva S.V., Nazarenko V.V., Karpov V.Yu., Logachev N.V., Kumanceva E.S. Activating model of professional training of persons with disabilities as competitive specialists in higher education establishment. *Laplace em Revista*. 2021;3A(7):235–244.
10. Martynova E.A. Systemic organizational and pedagogical support to young disabled people of the continuous professional formation in inclusive higher education. *Modern problems of science and education*. 2020;5. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/spno.30116>

11. *Istomina E.V.* Conditions for the transformation of the professional and labor self-concept of persons with musculoskeletal disorders. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2024;1(12).
12. *Kholmogorova A.B., Petrova G.A.* Diagnostic methods of social support in affective spectrum disorders. *Medical technology*. Moscow: Moscow Research Institute of Psychiatry; 2007. (In Russian).
13. *Bonkalo T.I., Tygankova M.N.* Activation of personal and professional self-determination of students with disabilities in inclusive education: monograph. Moscow: Russian State Social University; 2015. 215 p. (In Russian).
14. *Suvorova I.Yu.* Adaptation of the general scale of satisfaction of basic social needs. *New in psychological and pedagogical research*. 2016;4:126–132. (In Russian).
15. *Lifintsev D.V., Lifintseva A.A., Serykb A.B.* Standardized methods for evaluating the networks of social connections of an individual in social work and psychological practice. *Clinical and special psychology*. 2015;4(4). (In Russian).
16. *Plotnikova E.S.* Autonomy and self-determination in the structure of self-actualization of personality. *Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology*. 2022;4(61):40–48. (In Russian).
17. *Stepanova N.A.* The Problem of Studying Self-Determination of Personality in the Domestic Psychological Science. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2019;1:69–73. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-69-75>
18. *Chernyshenko E.A.* Motivational aspect of professional personality development: modern research methods. *The World of Pedagogy and Psychology: an international scientific and practical journal*. 2023;4(81). (In Russian).
19. *Zhao J., Qin Y.* Perceived Teacher Autonomy Support and Students' Deep Learning: The Mediating Role of Self-Efficacy and the Moderating Role of Perceived Peer Support. *Frontiers in Psychology*. 2021;12:652796. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.652796>
20. *Osin E., Boninwell I.* Self-determination and well-being. Poster presented at the 4th International Self-Determination Conference. Ghent, Belgium; 2010.

Влияние взаимоотношений с матерью на романтические отношения дочерей

Козырева Валентина Валерьевна

Канд. психол. наук, доц. каф. политического анализа и социально-психологических процессов

ORCID: 0000-0003-2033-2726, e-mail: val_kozyreva@mail.ru

Фам Во Ань Тхи

Студент

ORCID: 0009-0005-5547-4347, e-mail: nobithu308@gmail.com

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Аннотация

Исследовано влияние отношений матери и дочери на то, как женщины строят романтические отношения во Вьетнаме и в Российской Федерации. Дети часто подражают родителям в своих мыслях и поведении, поэтому матери оказывают важное влияние на процесс формирования взаимодействия дочерей с окружающей средой. Отношения между матерью и дочерью представляют помощь, которую дочь получает от матери, и признательность дочери к ней. В процессе исследования применялись две методики: «Опросник для определения типа привязанности к матери» М.В. Яремчука и «Трентские шкалы взаимоотношений» E. Scharfe. Привязанность в отношениях с матерью имеет аналогичный вектор в романтических отношениях: негативная привязанность в отношениях с матерью приводит к негативной привязанности в романтических отношениях, позитивная привязанность в отношениях с матерью – к позитивной привязанности в романтических отношениях. Выявлено, что у российских женщин более позитивные отношения со своими матерями, чем у вьетнамских, что приводит их к построению более позитивных романтических отношений.

Ключевые слова

Отношения с матерью, романтические отношения, любовь, поддержка, матери и дочери, русские женщины, вьетнамские женщины, типы привязанности в отношениях, родители

Для цитирования: Козырева В.В., Фам В.А.Т. Влияние взаимоотношений с матерью на романтические отношения дочерей // Вестник университета. 2024. № 10. С. 221–228.

Influence of relationships with mothers on romantic relationships of daughters

Valentina V. Kozyreva

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Political Analysis and Social and Psychological Processes Department
ORCID: 0000-0003-2033-2726, e-mail: val_kozyreva@mail.ru

Pham Vo Anh Thu

Student
ORCID: 0009-0005-5547-4347, e-mail: nobithu308@gmail.com

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Abstract

The influence of mother-daughter relationships on how women build romantic relationships in Vietnam and Russia has been studied. Children often imitate their parents in their thoughts and behaviors, so mothers have an important influence on the process of shaping daughters' interaction with the environment. The relationship between mother and daughter represents the help daughter receives from her mother and daughter's appreciation for her mother. Two techniques were used in the research process: "Questionnaire for determining the type of attachment to mother" by M.V. Yaremchuk and "Trent relationship scales" by E. Scharfe. Attachment in relationships with mothers has a similar vector in romantic relationships. Thus, negative attachment in relationships with mothers leads to negative attachment in romantic relationships, while positive attachment in relationships with mothers leads to positive attachment in romantic relationships. It has been revealed that Russian women have more positive relationships with their mothers than Vietnamese women, which leads them to build more positive romantic relationships.

Keywords

Relationships with mother, romantic relationships, love, support, mother and daughter, Russian women, Vietnamese women, attachment type in relationships, parents

For citation: Kozyreva V.V., Pham V.A.T. (2024) Influence of relationships with mothers on romantic relationships of daughters. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 221–228.

ВВЕДЕНИЕ

Родительское влияние является важным фактором, который играет роль в формировании и развитии психологических характеристик личности, а также в том, как люди выстраивают отношения вокруг себя. З. Фрейд писал, что у детей часто складываются близкие отношения с родителями противоположного пола – другими словами, девочки часто ближе к своим отцам. Кроме того, ученый также считал, что дочери часто склонны выбирать любовника или спутника жизни со сходными характеристиками с их отцами. Однако то, как они строят отношения, справляются с конфликтами или чего ожидают от романтических отношений, не зависит от образа их отца, – напротив, дочери часто перенимают модели поведения своей матери и демонстрируют поведение в романтических отношениях, основанное на ее влиянии [1].

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Согласно теории социального обучения А. Бандуры, дети усваивают правила социального взаимодействия, наблюдая за своими родителями, то есть поведение родителей является моделью, которую они используют для участия в жизни общества [2]. Другой родительский навык, социально-эмоциональная способность, также влияет на то, как дети адаптируются к другим социальным отношениям. Социально-эмоциональные навыки родителей играют важную роль в формировании у детей навыков управления эмоциями и их способности развивать просоциальное поведение и уменьшать поведенческие отклонения [3]. Итак, процесс социализации ребенка начинается с формирования отношений с его родителями и усвоения социальных правил, обучения контролировать свои эмоции, чтобы он мог строить различные отношения с другими людьми, включая романтические [4].

М. Окелло писал в своем исследовании, что любовь матери к своему ребенку сильнее, чем любовь отца к нему. Первым и наиболее разумным этапом в процессе формирования взаимоотношений ребенка с окружающим миром является период грудного вскармливания, который помогает создать биологическую и физиологическую связь между матерью и ребенком. Это показало, что мать – первый и самый важный человек в жизни ребенка, она не только приводит его в этот мир, но и ведет его на протяжении многих лет поведенческого и личностного развития, пока он не будет готов стать независимым [5].

В психоанализе изучались чувства женщин, связанные с опытом воспитания матерью или бабушкой. Французский психоаналитик А. Иригарай считает, что образ матери тесно связан с физиологическим и психосоциальным развитием женщин. Р. Эмде и Х. Буксбаум отмечают, что связь и общение с матерью необходимы дочерям для их психического развития [6]. Поведение матери в ее собственных романтических отношениях или частые перемены в них оказывают большое влияние на отношения ее детей [7]. Это означает, что дочери часто проводят больше времени в эмоциональной связи с матерью в семье [8]. Семья – это место, где люди усваивают социальные принципы и ценности, необходимые для интеграции в общество. Кроме того, родители одного пола станут для детей образцами поведения, которые помогут им учиться и справляться с ситуациями в межличностных отношениях [9]. Таким образом, отношения матери и дочери влияют на всю жизнь дочери. Мать оказывает большое влияние на ее личность и поведение, поскольку является образцом для подражания своего пола, которому дочь должна следовать, чтобы адаптироваться в обществе [10].

Одно из существенных влияний образа матери на дочь заключается в том, как она строит романтические отношения. Романтическая эмоция – это эмоциональные установки, познания и поведение партнеров по отношению друг к другу, а также по отношению к самим себе в контексте отношений. Эмоция создает отношения – это эмоциональная, психологическая и физическая связь между двумя людьми [11]. Отношения с матерью – это фундамент, который помогает дочерям формировать свое собственное понимание, чувства и ожидания относительно близких отношений [12]. Благодаря отношениям с матерью дочь видит ее поведение, то, как она проявляет любовь к своему мужу или к дочери, то, как решает конфликты в отношениях с ними, – все это влияет на ожидания дочери относительно романтических отношений с другими. Исходя из этого, она формирует поведение, которое считает разумным для построения этих отношений и которое позволяет справляться с конфликтами, которые происходят в них [13]. В отношениях между матерью и дочерью мать также будет давать прямые советы своему ребенку о том, как выбрать партнера, или стандарты поведения в отношениях, а также о том, как дочь

может защитить себя [14]. Исследование Л.А. Пузыревой показало, что дочь будет следовать поведенческим моделям своей матери, поэтому, если та не выразит свое мнение четко, дочери также будет трудно самостоятельно принять решение. Если дочь чувствует, что мать не уважает себя (не дает себе покоя, помогает другим независимо от собственной выгоды), она будет стремиться к подобным отношениям и будет склонна ценить мнение других людей больше, чем свое собственное [15].

Кроме того, характер общения между матерями и дочерьми является одним из механизмов передачи благодарности между поколениями. Социальная благодарность дочери, самоуважение, эмоциональная стабильность, принятие внешности и готовность к браку и материнству во многом зависят от отношений с матерью [16]. Более того, забота, равнодушие и отклик матери по отношению к своей дочери, к их отношениям создают у дочери чувство безопасности, позволяя ей уверенно строить романтические отношения с другими, а также знать, как защитить свою самооценку [17]. Исследование влияния отношений матери и дочери на то, как девочки формируют романтические отношения, поможет объяснить, как женщины выстраивают отношения и почему они преуспевают или терпят неудачу на данном поприще.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 30 вьетнамских и 30 российских женщин в возрасте 18–35 лет. Из вьетнамок 7 женщин состоят в отношениях, 12 – в браке, 11 – одиноки, но были в романтических отношениях в прошлом. Из россиянок 12 женщин состоят в отношениях, 6 – в браке, 12 – одиноки, но были в романтических отношениях в прошлом.

Для исследования использовались следующие методы: «Трентские шкалы взаимоотношений» Е. Scharfe и «Опросник для определения типа привязанности к матери» М.В Яремчука.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данные о типах привязанности в отношениях с матерями у женщин собраны с помощью методики «Опросник для определения типа привязанности к матери» М.В Яремчука. Типы привязанности в отношениях с матерями у женщин рассматриваются в трех подшкалах: надежная привязанность, тревожно-амбивалентная привязанность, избегающая привязанность. По каждой из них рассчитан общий балл по всем предметам, результаты сопоставлены, найдена подшкала с наивысшим баллом. Она считается основной характеристикой, выраженной в отношениях с матерью у женщин.

Результаты сбора данных о типах привязанности в отношениях с матерями у женщин во Вьетнаме и в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) представлены в табл. 1.

Таблица 1

Типа привязанности в отношениях с матерями у женщин во Вьетнаме и в России

Тип привязанности	Вьетнамская выборка		Российская выборка	
	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%
Надежная	18	60,0	21	70
Тревожно-амбивалентная	2	6,7	3	10
Избегающая	10	33,3	6	20

Составлено авторами по материалам исследования

На основе статистических данных можно увидеть, что среди вьетнамских женщин больше всего женщин с типом надежной привязанности (60 %), за которыми следует тип избегающей привязанности (33,3 %). Тип тревожно-амбивалентной привязанности имеет наименьшее процентных выражений (на его долю приходится всего 6,7 % от общей выборки). У российских женщин наблюдаются аналогичные проявления в отношениях со своими матерями. На тип надежной привязанности отношения также приходится наибольшее количество выражений (70 %), за ним следует тип избегающей привязанности (20 %) и, наконец, тип тревожно-амбивалентной привязанности (10 %). Таким образом, отношения с матерью как у российской, так и у вьетнамской групп испытуемых являются прочными. Они получают как поддержку, так и признание от матерей, кроме того, стиль воспитания не вносит конфликтов в отношения, и мать предоставляет самостоятельность дочери.

Можно видеть, что уровень выраженности надежной привязанности во Вьетнаме ниже, чем в России (60 % против 70 %), в то время как уровень выраженности избегающего типа привязанности во Вьетнаме выше (33,3 % против 20 %). Это показывает, что в России связь с матерью несколько более позитивна. Российские женщины имеют более прочные привязанности и получают большую поддержку и положительную оценку от своих матерей, чем вьетнамские. Напротив, во Вьетнаме отношения женщин со своими матерями в высшей степени избегающие, а позитивное внимание со стороны матерей ниже. Однако в обеих странах отношения женщин с матерями характеризуются низким уровнем конфликтности. Мать в меньшей степени диктаторствует в отношениях и предоставляет дочери больше самостоятельности и уважения к ее свободе.

Данные о типах привязанности в романтических отношениях у женщин собраны с помощью методики «Трентские шкалы взаимоотношений» E. Scharfe. Типы привязанности рассматриваются в четырех подшкалах: надежная, тревожная, избегающая, боязливая. Подшкала с наивысшим баллом считается основной характеристикой, выраженной в отношениях с матерью у женщин.

Результаты сбора данных о типах привязанности в романтических отношениях у женщин во Вьетнаме и в России представлены в табл. 2.

Таблица 2

Тип привязанности в романтических отношениях у женщин во Вьетнаме и в России

Тип привязанности	Вьетнамская выборка		Российская выборка	
	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%
Надежная	10	33,3	14	46,7
Тревожная	3	10,0	4	13,3
Избегающая	4	13,3	3	10,0
Боязливая	13	43,4	9	30,0

Составлено авторами по материалам исследования

Во Вьетнаме в эмоциональных отношениях женщин боязливый и надежный типы привязанности выражены наиболее сильно (боязливый – 43,4 %, надежный – 33,3 %), в то время как тревожный и избегающий типы проявились меньше (тревожный – 10 %, избегающий – 13,3 %). В России типы проявления привязанности в романтических отношениях у женщин имеют схожее выражение, однако в отличие от вьетнамских женщин надежный тип привязанности более распространен по сравнению с боязливым (46,7 % против 30 %). В тревожном и избегающем типах наблюдается противоположное выражение по сравнению с вьетнамской группой: на тревожный приходится 13,3 %, в то время как на избегающий – только 10 %.

В целом у вьетнамских и российских женщин привязанность в эмоциональных отношениях отчетливо проявляется в двух совершенно противоположных стилях привязанности. Видно, что два противоположных типа эмоционально-родственных связей (надежный и боязливый) составляют наибольший процент (более 70 %) как в России, так и во Вьетнаме. Однако в России позитивный тип чаще встречается, чем боязливый, в то время как во Вьетнаме эти два типа имеют противоположное выражение: боязливый встречается чаще надежного. Таким образом, российские женщины имеют более высокую степень позитивного эмоционального выражения, чем вьетнамские. Кроме того, тревожный и избегающие типы имеют низкую выраженность как во Вьетнаме, так и в России, что показывает, что в обеих группах женщин отсутствует потребность в романтических отношениях привлекать внимание или избегать близких отношений. Они склонны ценить только себя и возлагать надежды на своих партнеров, а также выражать потребности в общении с другими людьми; они не убегают от близких отношений и не имеют низкой самооценки и нелюбви к другим. Можно также заметить, что вьетнамская группа стремится сохранять чувство независимости, не будучи зависимой от близких отношений, в то время как российская выборка стремится завоевать больше внимания и положительных отзывов от окружающих.

Проведем корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена (табл. 3).

Корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена

«Трентские шкалы взаимоотношений» E. Scharfe	«Опросник для определения типа привязанности к матери» М.В Яремчука		
	Надежная	Тревожно-амбивалентная	Избегающая
Надежная	0,780 при $p < 0,05$	0,167 при $p > 0,05$	0,322 при $p < 0,05$
Тревожная	0,660 при $p > 0,05$	0,740 при $p < 0,05$	0,306 при $p < 0,05$
Избегающая	0,276 при $p < 0,05$	0,267 при $p < 0,05$	0,770 при $p < 0,05$
Боязливая	0,006 при $p > 0,05$	0,750 при $p < 0,05$	0,760 при $p < 0,05$

Составлено авторами по материалам исследования

Результаты сбора данных с помощью двух методик «Трентские шкалы взаимоотношений» E. Scharfe и «Опросник для определения типа привязанности к матери» М.В Яремчука показывают, что существует взаимосвязь между отношениями с матерью и типом привязанности в романтических отношениях у женщин. В частности, тип надежной привязанности в отношениях с матерью у женщин имеет сильную положительную корреляцию с надежным типом и слабую положительную корреляцию с избегающим типом выражения в романтических отношениях. Напротив, тревожно-амбивалентный тип в отношениях с матерью имеет сильную положительную корреляцию с тревожным типом и не имеет корреляции с надежным типом в романтических отношениях у женщин. Хотя избегающий тип привязанности в отношениях с матерью имеет слабую положительную корреляцию с надежным и тревожным типами в романтических отношениях у женщин, избегающий тип в отношениях с матерью имеет сильную положительную корреляцию с избегающим типом в романтических отношениях. Как и в случае с избегающим типом, боязливый тип выражения в романтических отношениях имеет сильную положительную корреляцию с тревожно-амбивалентным и избегающим типами в отношениях с матерью у женщин. У вьетнамских и русских женщин надежный тип привязанности в отношениях с матерью составляет более 60 %, в то время как надежный тип в их романтических отношениях составляет самую высокую долю (33,3 % во Вьетнаме и 46,7 % в России).

Избегающий и тревожно-амбивалентный типы привязанности в отношениях с матерью также влияют на тревожный тип привязанности в романтических отношениях женщин. Избегающий тип в романтических отношениях составляет 13,3 % во Вьетнаме и 10 % в России, в то время как избегающий тип привязанности в отношениях с матерями составляет 33,3 % во Вьетнаме и 20 % в России, а тревожно-амбивалентный – более 6 % во Вьетнаме и 10 % в России. На избегающий тип привязанности в романтических отношениях у женщин влияют следующие типы в отношениях с матерью: надежный, тревожно-амбивалентный и избегающий, однако позитивный стиль привязанности в отношениях с матерью (тип привязанности надежный), как правило, оказывает на него меньшее влияние, чем в отношениях с матерью при негативном стиле привязанности (типы привязанности – тревожно-амбивалентный и избегающий) у женщин.

Тревожно-амбивалентный тип привязанности в отношениях с матерью оказывает сильное влияние на тревожный тип привязанности в романтических отношениях у женщин, а также на связь боязливо-го типа привязанности в романтических отношениях. Он составляет всего 6,7 % во Вьетнаме и 10 % в России. В то же время тревожный тип привязанности романтических отношений также имеет низкую долю у вьетнамских и русских женщин (13,3 и 10 % соответственно). Боязливый тип привязанности зависит от избегающего и тревожно-амбивалентного типов привязанности в отношениях с матерью, поэтому его доля выше у вьетнамских женщин (43,4 %), чем у русских (30 %).

Таким образом, типы привязанности в отношениях с матерями связаны с типами выражения в романтических отношениях женщин в соответствии с аналогичными тенденциями. Позитивные типы привязанности в отношениях женщины со своей матерью влияют на позитивные привязанности типов в романтических отношениях, а негативные – на негативные. Уровни различных типов привязанности в отношениях с матерями у женщин создают различные уровни типов привязанности в их романтических отношениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тип связи в отношениях с матерью влияет на то, как дочь строит романтические отношения. Позитивные типы привязанности взаимоотношений со своими матерями помогают женщинам выстраивать позитивные романтические отношения, а негативные типы привязанности приводят их к построению негативных романтических отношений. В частности, тип привязанности надежный в отношениях с матерью создает надежный тип привязанности и оказывает незначительное влияние на тревожный и избегающий типы привязанности в романтических отношениях у женщин. Тревно-амбивалентный тип привязанности в отношениях с матерью порождает тревожный и боязливый типы привязанности и оказывает незначительное влияние на надежный стиль привязанности в романтических отношениях, в то время как избегающий тип привязанности в отношениях с матерью порождает избегающий и боязливый типы привязанности и оказывает незначительное влияние на надежный и тревожный типы привязанности в романтических отношениях. Кроме того, российские женщины имеют более позитивную привязанность к своим матерям, чем вьетнамские, следовательно, они имеют более высокую позитивную привязанность в романтических отношениях.

Список литературы

1. *Miri S., Ofra M.* Late adolescent girls' relationships with parents and romantic partner: The distinct role of mothers and fathers. *Journal of Adolescence*. 2008;6(31):837–855. <http://dx.doi.org/10.1016/j.adolescence.2008.06.012>
2. *Бандура А.* Теория социального научения. СПб.: Евразия; 2000. 320 с.
3. *Евтушенко А.М.* Влияние родителей на развитие и поведение детей. Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2015;28:61–66.
4. *Supe I., Martinsone B., Cefai C., Conte E.* Changes in Social-Emotional Skills and Behaviour in Preschool Children after Participation in the Promoting Mental Health at Schools Program: The Social-Emotional Skills of Parents as a Mediator. To Be or Not to Be a Great Educator. 2023;824–837.
5. *Okello M.* The Role of Parents in Their Children's Education. *African Journal of Education and Practice*. 2023;9:27–37. <http://dx.doi.org/10.47604/ajep.1883>
6. *Фаро И.* Материнские связи: когда дочь становится матерью. Брэфорд: Деметер Пресс; 2022. 198 с.
7. *Charlton J., Grassia E., Popovich A., Mushquash A.* Like Mother, Like Daughter: Excessive Reassurance Seeking Across Mother–Daughter and Romantic Relationships. *Psi Chi Journal of Psychological Research*. 2023;28:157–161. <http://dx.doi.org/10.24839/2325-7342.JN28.2.157>
8. *Izenstark D., Ravindran N., Rodriguez S., Devine N.* The affective and conversational benefits of a walk-in nature among mother–daughter dyads. *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 2021;2(13):299–316. <http://dx.doi.org/10.1111/aphw.12250>
9. *Акмалов А.Ю.* Семейное воспитание: психология и педагогика родительства. Челябинск: Печатный двор; 2023. 160 с.
10. *Мордас Е.С., Иванова И.Н.* Отношения мать–дочь у женщин, страдающих психогенным бесплодием: психолого-психоаналитический взгляд. *Психолог*. 2020;4:1–11.
11. *Сычев О.* Социально-психологические факторы, влияющие на удовлетворенность отношениями в молодых супружеских парах. *Социальная психология и общество*. 2017;8:56–74.
12. *Jones C.C., Young S.L.* The Mother–Daughter Body Image Connection: The Perceived Role of Mothers' Thoughts, Words, and Actions. *Journal of Family Communication*. 2021;2(21):118–126. <http://dx.doi.org/10.1080/15267431.2021.1908294>
13. *Hart E.* Interdependence of Emotion Regulation Difficulty in Mother–Daughter Dyads in Adolescence: Implications for Anxiety, Depressive Symptoms, and Relationship Quality. *Eastern Michigan University*. 2023;1–20.
14. *Romo L.F., Hurtado A.* “Know your worth and play it safe:” messages to daughters from Mexican-origin mothers in conversations about dating and romantic relationships. *Culture, Health & Sexuality*. 2021;1–15. <http://dx.doi.org/10.1080/13691058.2021.1887523>
15. *Пузырева А.А.* Влияние субъективного образа матери на формирование созависимого поведения дочери. *Вестник ВятГУ*. 2022;4:159–166.
16. *Трошихина Е.Г., Данилова М.В.* Мать и дочь: взаимосвязь психологического благополучия и родительских установок в разные периоды взрослости. *Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика*. 2023;2:199–213.
17. *McKone K.M.P., Woody M.L., Ladouceur C.D., Silk J.S.* Mother–Daughter Mutual Arousal Escalation and Emotion Regulation in Adolescence. *Research on Child and Adolescent Psychopathology*. 2021;5(49):615–628. <http://dx.doi.org/10.1007/s10802-020-00763-z>

References

1. *Miri S., Ofra M.* Late adolescent girls' relationships with parents and romantic partner: The distinct role of mothers and fathers. *Journal of Adolescence*. 2008;6(31):837–855. <http://dx.doi.org/10.1016/j.adolescence.2008.06.012>
2. *Bandura A.* The theory of social learning. St. Petersburg: Evraziya; 2000. 320 p. (In Russian).
3. *Yevtushenko A.M.* The influence of parents on the development and behavior of children. The intellectual potential of the XXI century: the stages of knowledge. 2015;28:61–66. (In Russian).
4. *Supé I., Martinson B., Cefai C., Conte E.* Changes in Social-Emotional Skills and Behaviour in Preschool Children after Participation in the Promoting Mental Health at Schools Program: The Social-Emotional Skills of Parents as a Mediator. To Be or Not to Be a Great Educator. 2023;824–837.
5. *Okello M.* The Role of Parents in Their Children's Education. *African Journal of Education and Practice*. 2023;9:27–37. <http://dx.doi.org/10.47604/ajep.1883>
6. *Faro I.* Maternal Connections: When Daughter becomes Mother. Bradford: Demeter Press; 2022. 198 p. (In Russian).
7. *Charlton J., Grassia E., Popovich A., Mushquash A.* Like Mother, Like Daughter: Excessive Reassurance Seeking Across Mother–Daughter and Romantic Relationships. *Psi Chi Journal of Psychological Research*. 2023;28:157–161. <http://dx.doi.org/10.24839/2325-7342.JN28.2.157>
8. *Izenstark D., Ravindran N., Rodriguez S., Devine N.* The affective and conversational benefits of a walk-in nature among mother–daughter dyads. *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 2021;2(13):299–316. <http://dx.doi.org/10.1111/aphw.12250>
9. *Akmalov A.Yu.* Family education: psychology and pedagogy of parenthood. Chelyabinsk: Pechatnyi dvor; 2023. 160 p. (In Russian).
10. *Mordas E.S., Ivanova I.N.* Mother-daughter relationships in women suffering from psychogenic infertility: a psychological and psychoanalytic view. *Psychologist*. 2020;4:1–11. (In Russian).
11. *Sychev O.* Sociopsychological factors affecting the relationship satisfaction in young married couples. *Социальная психология и общество*. 2017;8:56–74. (In Russian).
12. *Jones C.C., Young S.L.* The Mother-Daughter Body Image Connection: The Perceived Role of Mothers' Thoughts, Words, and Actions. *Journal of Family Communication*. 2021;2(21):118–126. <http://dx.doi.org/10.1080/15267431.2021.1908294>
13. *Hart E.* Interdependence of Emotion Regulation Difficulty in Mother–Daughter Dyads in Adolescence: Implications for Anxiety, Depressive Symptoms, and Relationship Quality. Eastern Michigan University. 2023;1–20.
14. *Romo L.F., Hurtado A.* “Know your worth and play it safe:” messages to daughters from Mexican-origin mothers in conversations about dating and romantic relationships. *Culture, Health & Sexuality*. 2021;1–15. <http://dx.doi.org/10.1080/13691058.2021.1887523>
15. *Puzyreva L.A.* The influence of a subjective image of a mother on the formation of a daughter's codependent behavior. *Vestnik of VyatSU*. 2022;4:159–166. (In Russian).
16. *Troshikhina E.G., Danilova M.V.* Mother and daughter: the relationship of psychological well-being and parental attitudes in different periods of adulthood. *Vestnik of St. Petersburg State University. Episode 16: Psychology. Pedagogy*. 2023;2:199–213. (In Russian).
17. *McKone K.M.P., Woody M.L., Ladouceur C.D., Silk J.S.* Mother-Daughter Mutual Arousal Escalation and Emotion Regulation in Adolescence. *Research on Child and Adolescent Psychopathology*. 2021;5(49):615–628. <http://dx.doi.org/10.1007/s10802-020-00763-z>

Психологические факторы принятия экономических решений

Мишенин Евгений Сергеевич

Аспирант

ORCID 0009-0009-4386-8583, e-mail: j.j.-winner@bk.ru

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт,
г. Москва, Россия

Аннотация

Исследованы личностно-психологические аспекты, влияющие на экономическое поведение индивидов. Проанализировано, как когнитивные способности и личностные характеристики воздействуют на процесс принятия решений в условиях неопределенности. Рассмотрены теоретические концепции и эмпирические исследования, доказывающие значимость субъективных и неосознаваемых факторов, таких как эмоции, предубеждения и восприятие риска, в формировании сложных моделей экономического поведения. Изучены механизмы обработки информации и этапы принятия решений в контексте экономической деятельности. Продемонстрировано, что психологические факторы играют ключевую роль в инвестиционных и потребительских решениях. Подчеркнуто, что процесс принятия экономических решений, таких как выбор объекта производства, ценовой политики, использование технологий, системы налогообложения, потребительский выбор и инвестирование, имеет свою специфику. Отмечена важность учета общих психологических закономерностей, личностных характеристик руководителя, управления рисками и применения системного подхода. Особое внимание уделено значению субъективных и неосознаваемых явлений, таких как предубеждения и стереотипы, которые предопределяют сложные поведенческие модели субъектов экономической сферы. Изучение этих факторов представляет перспективу для дальнейших исследований в области психологии и экономики, способствуя более глубокому пониманию механизмов принятия решений и разработке эффективных стратегий в управлении экономической деятельностью.

Ключевые слова

Психологические факторы, принятие решения, экономические решения, инвестиционные решения, выбор, риск, поведение, инструмент

Для цитирования: Мишенин Е.С. Психологические факторы принятия экономических решений // Вестник университета. 2024. № 10. С. 229–235.



Psychological factors of economic decision-making process

Evgeny S. Mishenin

Postgraduate Student

ORCID 0009-0009-4386-8583, e-mail: j.j.-winner@bk.ru

Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Construction, Moscow, Russia

Abstract

Personality-psychological aspects influencing an individual's economic behavior have been studied. It has been analyzed how cognitive abilities and personality characteristics influence the decision-making process under uncertainty. Theoretical concepts and empirical studies proving the significance of subjective and unconscious factors, such as emotions, biases, and risk perception, when forming complex patterns of economic behavior have been considered. The information processing mechanisms and decision-making stages in the context of economic activity have been considered. It has been demonstrated that psychological factors play a key role in investment and consumer decisions. It has been emphasized that the process of making economic decisions, such as choosing a production object, pricing policy, use of technology, taxation system, consumer choice, and investment, has its own specifics. The importance of considering general psychological regularities, a manager's personal characteristics, risk management, and a systematic approach application has been studied. Special attention has been paid to the importance of subjective and unconscious phenomena, such as prejudices and stereotypes, which predetermine complex behavioral patterns of the economic sphere subjects. The study of these factors presents a prospect for further research in the field of psychology and economics, contributing to a deeper understanding of decision-making mechanisms and effective strategies development in economic activity management.

Keywords

Psychological factors, decision-making process, economic decisions, investment decisions, choice, risk, behavior, tool

For citation: Mishenin E.S. (2024) Psychological factors of economic decision-making process. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 229–235.



ВВЕДЕНИЕ

В современной психологии принятие решения рассматривается в качестве волевого акта выстраивания индивидом оптимальной последовательности действий, которые в перспективе должны привести к достижению желаемой цели на основе преобразования исходной информации, полученной в заданной ситуации неопределенности. На этот сложный процесс влияет комплекс факторов, среди которых выделяются основные группы:

- личностные (доминирующие эмоции, желания, привычки, установки, общее состояние волевой сферы, наличие мотивации и социального опыта, практических наработок и т.д.);
- когнитивные (наличие вводной информации о вариантах решения проблемы, их оценка с последующей расстановкой приоритетов, использование эвристик, то есть упрощенных стратегий, при обработке информации и т.д.);
- процессуальные (субъективное определение желаемого результата, планирование последовательности действий и мыслительных операций, возможная отсрочка принятия решений и т.д.) [1].

Принятие решения с позиции психологической науки – это сложный волевой процесс, опосредованный личностными особенностями индивида, его когнитивными способностями и необходимостью прохождения специфических этапов обработки информации для дальнейшего определения плана действий.

СПЕЦИФИКА ПРИНЯТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Процесс принятия экономических решений (например, выбор объекта производства, ценовой политики, использования технологий, системы налогообложения, потребительский выбор, инвестирование и т.д.) имеет свою специфику. Важно учитывать общие психологические закономерности (рассмотрено выше), личностные характеристики руководителя, необходимость управления рисками, применять системный подход и оперативно реагировать на возможные изменения в экономической среде. В данной сфере особое значение приобретает также использование метода моделирования и прогнозирования последствий принятия решений.

Анализ подходов, представленных в современных исследованиях по данной тематике, позволяет выделить в системе факторов, определяющих поведение индивида в процессе принятия решений экономического характера, внутренние и внешние факторы (аспекты), а также провести их дополнительную классификацию по ряду оснований (рисунок).



Составлено автором по материалам источника [2]

Рисунок. Факторы поведения человека в принятии экономических решений

Целью настоящего исследования является проведение анализа личностно-психологических аспектов, которые наряду с интеллектуальными и социально-демографическими входят в число внешних факторов, определяющих принятие индивидом экономических решений. В научной литературе распространена и аргументирована позиция, согласно которой принятие любых экономических решений (от рутинной покупки устройства для домашнего хозяйства до крупных инвестиций либо стартапов) детерминировано в первую очередь субъективными (психологическими) факторами и лишь затем объективной экономической реальностью либо профессионально обусловленными моделями действий в той или иной среде [2]. Так, феномены, проявляющиеся в психологической сфере (например, эмоции, предубеждение и субъективное восприятие), могут играть важную роль в принятии подобных решений. Они варьируются в зависимости от восприятия и усвоения релевантной информации, уменьшают уровень комфорта в связи с возникновением рисков, а также формируют склонность индивида к следованию общественному мнению или приверженность индивидуальным суждениям и последовательность в принятии личной ответственности за возможные негативные последствия принятых им решений.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ, СОПРЯЖЕННЫЕ С РИСКОМ

Особую сложность в плане принятия экономических решений представляют финансовые сценарии, сопряженные с различными рисками. Например, вложение средств в инновационные технологии или продукты, несмотря на потенциально высокую прибыль и создание уникальной рыночной ниши, сопровождается значительным риском потери капитала. Предприниматели сталкиваются с рисками, связанными с неопределенностью спроса, недобросовестной конкуренцией, изменениями в законодательстве, различного рода форс-мажорами и другими факторами, влияние индивида на которые объективно ограничено. Так, решение о входе на новые рынки сбыта или начало взаимодействия с новыми сегментами потребителей сопровождается риском потери инвестиций в случае низкого спроса на продукцию либо общей неустойчивости рынка. Инвестирование в рискованные финансовые инструменты (акции высокотехнологичных компаний, криптовалюты, инновационные стартапы различного рода и т.д.), несмотря на возможность высокой доходности и роста, испытывает последствия значительного колебания цен и общей конъюнктуры рынка. В приведенных ситуациях отсутствует механизм однозначного определения алгоритма принятия оптимального экономического решения, в связи с чем эффективность последнего во многом определяется субъективными факторами и не может быть диагностирована на этапе предварительного мониторинга.

Если обратиться к практике принятия решений в сфере инвестиционной деятельности, то также необходимо отметить роль психологического феномена предубежденности [3]. Предубеждение представляет неосознаваемую личностную установку, которая затрудняет объективное восприятие информации и возникает как следствие поспешных выводов, основанных на личном опыте (индивидуальные или разделяемые социальные стереотипы), либо неосознанного принятия мнений, распространенных в той или иной социальной группе (предрассудки, традиции и т.д.). Подобная установка формирует склонность инвестора к поиску и интерпретации информации таким образом, чтобы подтвердить собственные убеждения или ожидания (стоит отметить, что это отражает и общие закономерности рецепции социально значимой информации в пространстве массовой коммуникации). Данный процесс может привести к игнорированию или преувеличению значимости противоположной, альтернативной, принципиально новой информации. Также чрезмерная уверенность индивида, подверженность влиянию общественного мнения, неоправданная эмоциональность при оценках, стремление к быстрому получению прибыли и иные негативные установки создают основу для принятия неэффективных инвестиционных решений.

В современных исследованиях обосновывается наличие устойчивой корреляции между психотипами (например, часто встречающихся в бизнес-среде так называемых эпилептоидов и паранойялов), психологическими особенностями инвесторов, а также их возможной предрасположенностью к проявлению в экономическом поведении тех или иных социально или культурно обусловленных предубеждений. Эта закономерность со всей очевидностью проявляется в формировании уровня толерантности к финансовым рискам (способность инвестора переносить финансовые потери, а также субъективный уровень комфорта в условиях неопределенности и возможной потери вложений). Финансовое поведение человека в подобной ситуации может быть описано следующим образом: люди с более высокой толерантностью к риску могут быть склонны к более агрессивным инвестиционным стратегиям, в то время как люди с более низкой толерантностью к риску выбирают более консервативные, типичные стратегии поведения.

Данная закономерность приводит к актуализации проблемы контроля субъектов экономической сферы над возможными психологическими предубеждениями, позволяющего снизить риски, что нашло отражение в представленных в современных исследованиях базовых экономических моделях [4]. Также отмечается влияние на процесс принятия решений в экономической сфере универсальных субъективных факторов, среди которых выделяются:

- индивидуальные потребности;
- желание снизить риски и минимизировать возможные угрозы в условиях неопределенности;
- наличие необходимых компетенций и осознание способов их практического применения;
- соответствие прилагаемых усилий возможности получения прибыли и ее масштабирования;
- потенциал отклонения от намеченного плана действий;
- уровень подготовительной работы [5].

ЛИЧНОСТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Зарубежными авторами Б. Кубилай и А. Байракдароглу предложена универсальная модель принятия решений в сфере инвестиционных проектов, в которой авторы рассматривают различные эмоциональные аспекты, включая риски, предпочтения в отношении времени, чувство собственного достоинства и оценку уровня информационного воздействия [6]. Цель разработанной модели заключается в том, чтобы понять, как данные психологические факторы учитываются при принятии решений инвесторами и как последние оценивают результаты своих инвестиций.

Следовательно, при принятии индивидом тех или иных экономических решений важную роль играют устойчивые личностно-психологические факторы, которые существенным образом влияют на выбор модели поведения. В различных научных источниках выделяются следующие личностно-психологические аспекты.

1. Рисксовая толерантность, которая представляет готовность человека принимать рискованные экономические решения. Отдельные индивиды избегают рисков, в то время как другие демонстрируют склонность к ним и ищут любые возможности для получения максимальной прибыльности вложений. Рисксовая толерантность может повлиять на выбор инвестиционных решений и управление стратегическими бизнес-коммуникациями.

2. Психологические предубеждения, которые проявляются через поиск подтверждения своего решения (склонность искать информацию, которая подтвердит правильность сделанного выбора), эффект доступности (склонность оценивать вероятность событий на основе предварительно полученной информации и имеющегося личного опыта) и эмоциональные установки (решения, основанные на эмоциональных состояниях, а не на анализе с использованием логических операций).

3. Финансовая грамотность, реализующаяся через уровень владения финансовой информацией и понимание экономических законов, знание инструментов. Чем более финансово грамотным является индивид, тем более осознанными и информированными будут его решения по инвестированию, управлению бизнес-процессами и планированию финансового будущего. На более высоком уровне должный уровень финансовой грамотности населения оказывает положительное влияние на социальную и экономическую стабильность в стране, так как граждане, обладающие необходимыми для управления собственной активностью в данной сфере компетенциями, способны принимать обоснованные и рациональные финансовые решения.

4. Эмоциональное состояние как условие выбора действий либо их оценки. Например, вероятность стресса, страха или эйфории от ощущения финансовых выгод может привести к принятию решения и вызвать импульсивное поведение. Согласно исследованиям, ключевыми факторами в данной сфере являются уровень экстраверсии и локуса контроля (люди с внешним локусом контроля и экстравертивные типы личности более склонны к рискованному поведению), общее отношение к деньгам, благосостоянию, риску и неопределенности, текущее эмоциональное состояние (положительные эмоции стимулируют реализацию рискованных форм поведения) [7].

5. Цели и ценности, проявляющиеся в субъективной оценке значимости совершаемых экономических действий, а также их возможного восприятия обществом. Например, финансовое поведение неразрывно связано с культурными ценностями и религиозными убеждениями, которые формируют мотивы экономических действий. Процессы рыночных реформ в странах с культурой «незападного» типа

протекают под воздействием укорененных ценностей, которые формируют как индивидуальное, так и коллективное экономическое поведение, оказывая влияние на распределение ресурсов в обществе, общее благосостояние и его субъективную оценку.

6. Самооценка и уверенность. Люди с высокой самооценкой склонны к инвестициям, решения о которых они принимают на основе знаний и собственного опыта. Низкая самооценка может приводить к иррациональному поведению, например, к продолжению инвестирования в неэффективные проекты из-за страха признания собственной ошибки. Самооценка также влияет на восприятие успеха и неудач – завышенная может привести к недооценке достижений, в то время как адекватная помогает реалистично оценивать возможности.

7. Влияние социальной среды (семья, друзья, коллеги и ближайшие социальные группы). Мнения, советы и наблюдения других индивидов влияют на выбор и решения инвесторов, а такие факторы, как демографический состав населения, уровень доходов и образования, играют ключевую роль в социально-экономическом развитии региона и принятии экономических решений населением. Кроме того, культурные и образовательные аспекты социального окружения, сфера общения и информационные факторы (реклама и контент средств массовой информации) формируют личность, мировоззрение и потребности индивида, что неизбежно находит проявление в типе экономической активности и доминирующих моделях принятия экономических решений. Подробно об этих факторах писали в труде «Принятие решений в неопределенности» Д. Канеман, П. Словик и А.Тверски [8].

8. Временные ориентации: разные временные ориентации формируют различное восприятие экономической информации и, следовательно, разные действия. Люди, ориентированные на настоящее, более склонны к удовлетворению сиюминутных потребностей в краткосрочный период, в то время как люди, ориентированные на будущее, склонны к стратегическому мышлению и выбору долгосрочных проектов (например, в инвестиционной сфере). Психологическая временная ориентация является ключевым фактором, определяющим экономическое поведение человека через мотивационные, когнитивные и эмоциональные процессы [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ актуальных исследований, посвященных проблеме влияния психологических факторов на экономическое поведение, позволяет судить о важности субъективных и неосознаваемых явлений, определяющих сложные поведенческие модели (например, предубеждения и стереотипы). Современные работы во многом продолжают идеи, изложенные в рамках смысловой теории мышления советским и российским ученым О.К. Тихомировым и его учениками (Т.В. Корнилова, Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский и др.), а также в рамках психологической теории решений Ю. Козелецкого [10; 11]. К числу наиболее важных личностно-психологических аспектов, влияющих на активность индивида в сфере экономики, относятся также рискованная толерантность, финансовая грамотность, эмоциональное состояние, субъективные цели и ценности, самооценка, воздействие социального окружения, способность к стратегическому мышлению. Изучение данных феноменов перспективно с точки зрения задачи повышения эффективности деятельности человека в инвестиционной и иных сферах экономики.

Список литературы

1. *Сунцова Я.С., Мешков И.Ю.* Феномены выбора и принятия решения в психологической науке. Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022;4:395–404. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2022-32-4-395-404>
2. *Sarmar A., Afaf G.* A comparison between psychological and economic factors affecting individual investor's decision-making behavior. American Journal of Business and Management. 2016;1(3):77–94. <http://dx.doi.org/10.1080/23311975.2016.1232907>
3. *Jureviciene D., Kristina J.* The Impact of Individuals' Financial Behaviour on Investment Decisions. In: Paper presented at the annual meeting for the Society of 1st Electronic International Interdisciplinary Conference. Slovakia; 2021. Pp. 3–7.
4. *Bruni L., Sugden R.* The road not taken: how psychology was removed from economics, and how it might be brought back. The Economic Journal. 2020;5:146–173. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-0297.2007.02005.x>
5. *Doya K.* Modulators of decision-making. Nature Neuroscience. 2018;11:410–416. <http://dx.doi.org/10.1038/nn2077>
6. *Kübilay B., Bayrakdaroglu A.* An Empirical Research on Investor Biases in Financial Decision-Making, Financial Risk Tolerance and Financial Personality. International Journal of Financial Research. 2016;2(7):171–182. <http://dx.doi.org/10.5430/ijfr.v7n2p171>

7. *Патосха О.И.* Психологические факторы экономического поведения. Вестник науки и образования. 2019;1-2(55):86–89.
8. *Канеман Д., Словик П., Тверски А.* Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный Центр; 2005. 632 с.
9. *Murgea A.* Classical and Behavioural Finance in Investor Decision. Annals of University of Craiova – Economic Sciences Series. 2019;2(38):212–223.
10. *Бабеева Ю.Д., Васильев И.А., Войсунский А.Е., Тихомиров О.К.* Эмоции и проблемы классификации видов мышления. Вестник Московского университета. Серия: Психология. 1999;2(3):42–55.
11. *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М.: Прогресс; 1979. 504 с.

References

1. *Suntsova Ya.S., Meshkov I.Yu.* The phenomena of choice and decision-making in psychological science. Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2022;4:395–404. (In Russian). <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2022-32-4-395-404>
2. *Sarwar A., Afaf G.* A comparison between psychological and economic factors affecting individual investor's decision-making behavior. American Journal of Business and Management. 2016;1(3):77–94. <http://dx.doi.org/10.1080/23311975.2016.1232907>
3. *Jureviciene D., Kristina J.* The Impact of Individuals' Financial Behaviour on Investment Decisions. In: Paper presented at the annual meeting for the Society of 1st. Electronic International Interdisciplinary Conference. Slovakia; 2021. P. 3–7.
4. *Bruni L., Sugden R.* The road not taken: how psychology was removed from economics, and how it might be brought back. The Economic Journal. 2020;5:146–173. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-0297.2007.02005.x>
5. *Doya K.* Modulators of decision-making. Nature Neuroscience. 2018;11:410–416. <http://dx.doi.org/10.1038/nn2077>
6. *Kübilay B., Bayrakdaroglu A.* An Empirical Research on Investor Biases in Financial Decision-Making, Financial Risk Tolerance and Financial Personality. International Journal of Financial Research. 2016;2(7):171–182. <http://dx.doi.org/10.5430/ijfr.v7n2p171>
7. *Patosha O.I.* Psychological factors of economic behavior. Bulletin of Science and Education. 2019;1-2(55):86–89. (In Russian).
8. *Kahneman D., Slovic P., Tversky A.* Decision Making under Uncertainty: Rules and Biases. Kharkov: Gumanitarnyi Tsentr; 2005. 632 p. (In Russian).
9. *Murgea A.* Classical and Behavioural Finance in Investor Decision. Annals of University of Craiova – Economic Sciences Series. 2019;2(38):212–223.
10. *Babaeva Yu.D., Vasiliev I.A., Voiskunsky A.E., Tikhomirov O.K.* Emotions and problems of classification of types of thinking. Moscow University Psychology Bulletin. 1999;2(3):42–55. (In Russian).
11. *Kozeletsky Yu.* Psychological Theory of Decisions. Moscow: Progress; 1979. 504 p. (In Russian).

Профессиональная мотивация как фактор эмоционального выгорания тренеров-преподавателей по шахматам

Уманская Эльвира Энзионовна

Директор

ORCID: 0009-0005-3908-8788, e-mail: 89151479832@mail.ru

Центр интеллектуальной культуры и спорта «КАИССА», г. Москва, Россия

Аннотация

Цель исследования – выявить взаимосвязи между определенными мотивами профессиональной деятельности тренеров-преподавателей по шахматам и уровнем их эмоционального и профессионального выгорания. На основании результатов теоретического анализа выдвинуто предположение о том, что профессиональная мотивация тренеров, в основе которой лежит стремление к достижению высоких спортивных результатов их воспитанников, при отсутствии таких результатов является одним из доминирующих факторов нарастания скрытой эмоциональной напряженности и неудовлетворенности своей профессиональной деятельностью. Верификация выдвинутой гипотезы осуществлялась на исследовательской выборке в количестве 118 тренеров-преподавателей, чей стаж профессиональной деятельности в шахматных секциях и клубах составлял от двух до 30 лет. Исследование осуществлялось с помощью методик, ориентированных на выявление потребностей и мотивов профессиональной деятельности, а также накопленных эмоционально-энергетических зарядов и профессионального выгорания. Выявлено, что большинство тренеров-преподавателей по шахматам ориентированы на достижение высоких спортивных результатов своих воспитанников, а не на их общее психическое и интеллектуальное развитие, что при отсутствии таких результатов у работников нарастает латентная эмоциональная напряженность, что ведет к возникновению и развитию профессиональных деформаций их личности, обесцениванию своей профессиональной деятельности, склонности к занижению значимости своего труда. Для достижения приоритетных целей развития шахматного образования в Российской Федерации необходимо переориентировать тренеров-преподавателей по шахматам с позиции ценности соревновательных результатов на ценность развития своих учеников.

Ключевые слова

Тренер-преподаватель по шахматам, профессиональная мотивация, мотивационный критерий успешности профессиональной деятельности, потребности в профессиональной деятельности, скрытая эмоциональная напряженность, профессиональное выгорание, профессиональные деформации личности

Для цитирования: Уманская Э.Э. Профессиональная мотивация как фактор эмоционального выгорания тренеров-преподавателей по шахматам // Вестник университета. 2024. № 10. С. 236–244.

Professional motivation as a factor in emotional burnout of chess coaches and teachers

Elvira E. Umanskaya

Director

ORCID: 0009-0005-3908-8788, e-mail: 89151479832@mail.ru

KAISSA Center for Intellectual Culture and Sports, Moscow, Russia

Abstract

The purpose of the study is to reveal the relationship between certain motives of professional activity of chess coaches and the level of their emotional and professional burnout. On the basis of the theoretical analysis results it has been suggested that professional motivation of coaches, which is based on the desire to achieve high sports results of their students, in the absence of such results is one of the dominant factors of the growing latent emotional tension and dissatisfaction with their professional activity. Verification of the put forward hypothesis was carried out on the research sample of 118 coaches and teachers, whose experience of professional activity in chess sections and clubs was from two to 30 years. The research was carried out with the help of methods oriented on revealing the needs and motives of professional activity, as well as accumulated emotional-energetic charges and professional burnout. It has been revealed that the majority of chess coaches and teachers are focused on achieving high sports results of their students, but not on their general mental and intellectual development, that in the absence of such results workers have latent emotional tension, which leads to emergence and development of professional deformations of their personality, devaluation of their professional activity, and tendency to underestimate the importance of their work. In order to achieve the priority goals of chess education development in Russia it is necessary to reorient chess coaches from the position of the value of competitive results to the value of their students' development.

Keywords

Chess coach-teacher, professional motivation, motivational criterion of success in professional activity, needs in professional activity, hidden emotional tension, professional burnout, professional deformations of personality

For citation: Umanskaya E.E. (2024) Professional motivation as a factor in emotional burnout of chess coaches and teachers. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 236–244.



ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время актуализируется проблема профессиональной подготовки педагогических кадров для реализации приоритетных целей развития шахматного образования в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и шахматного всеобуча. Многочисленные исследования показывают значимую роль шахматной игры в общем развитии детей и подростков, ее позитивное влияние на формирование их познавательной активности, развитие высших психических функций, когнитивных способностей, интеллекта, волевых качеств личности, реализацию их творческого потенциала [1–10].

Шахматное образование, особенно на уровне начальной шахматной подготовки, становится популярным, и если в общеобразовательной школе обучение игре входит в вариативные программы начального общего образования, то в системе дополнительного образования детей наблюдается устойчивая тенденция увеличения количества желающих поступить в детско-юношеские спортивные школы, шахматные клубы и секции, причем вне зависимости от наличия или отсутствия у ребенка специальной одаренности. В связи с этим профессия тренера-преподавателя по шахматам становится престижной и востребованной.

Вместе с тем практический опыт позволяет констатировать тот факт, что среди тренеров-преподавателей по шахматам есть такие специалисты, которые по определенным причинам либо расстаются с профессией и уходят из нее, либо уезжают за границу с целью поиска новых стимулов построения карьеры. Это позволяет говорить о том, что многие испытывают психологический дискомфорт и эмоциональное напряжение, отражающее неудовлетворенность своей профессиональной деятельностью, обусловленную синдромом эмоционального выгорания [11]. Выявление причин такого состояния и деформаций личности обеспечит разработку и реализацию действенных программ по предотвращению негативных явлений в современном шахматном спорте. В качестве такой причины могут быть рассмотрены профессиональная мотивация тренеров-преподавателей, особенности и направленность ее содержания.

Проблема профессиональной мотивации субъекта труда является одной из центральных в современной психологической науке, где накоплен объемный теоретический и эмпирический материал о сущности и структуре мотивационной сферы личности, соотношении мотивов ее деятельности, потребностей и ценностей, влиянии мотивации на успешность и результативность профессиональной и трудовой деятельности. Глубоко исследованы и вопросы мотивации спортивных тренеров: существуют научно обоснованные и эмпирически подтвержденные сведения о ведущей роли профессиональной мотивации в достижении тренером профессионального успеха, удовлетворенности своим трудом, возникновении и развитии определенных психоэмоциональных состояний, влияющих на эмоциональное и психологическое здоровье [12–15]. Как правило, в исследованиях представлены доказательства того, что внутренняя мотивация является источником позитивного развития личности, в том числе профессионального; внешняя мотивация может оказывать негативное влияние на психологическое благополучие и вызывать определенный дискомфорт в состоянии личности.

Однако, учитывая специфику профессиональной деятельности тренера-преподавателя по шахматам, его чрезмерные интеллектуальные нагрузки, требования к его психолого-педагогической подготовке, современные цели развития шахмат в России, можно предположить, что особенности мотивов могут оказывать доминирующее влияние не только на результативность самого труда, но и на профессиональное здоровье человека.

В связи с этим целью настоящего исследования стало выявление взаимосвязи профессиональной мотивации тренеров-преподавателей по шахматам и уровня сформированности у них эмоционального выгорания.

МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

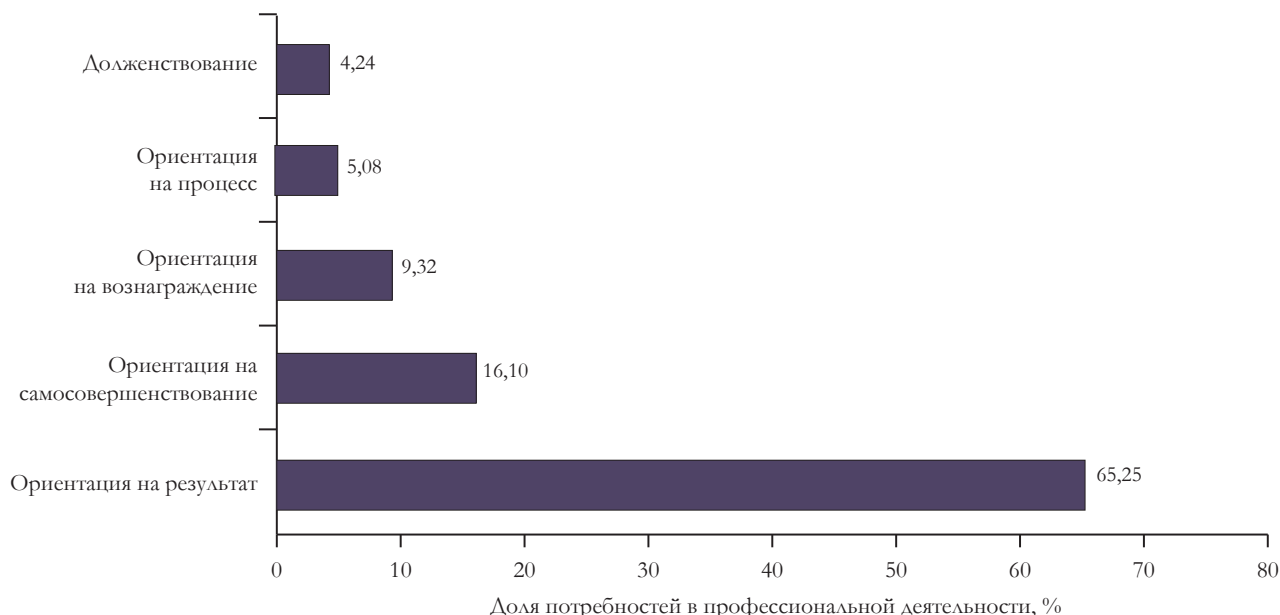
Исследование осуществлялось на базе шахматных клубов и секций городов России. Исследовательская выборка включала 118 тренеров, чей стаж профессиональной деятельности составлял от двух до 30 лет. Для изучения особенностей профессиональной мотивации выбраны методика Г.В. Лозовой «Потребности в профессиональной деятельности» и опросник, разработанный и апробированный Т.Н. Францевой для диагностики профессиональных мотивов специалистов, а также авторская анкета, разработанная на основе исследований А.Н. Николаева и позволяющая определить приоритетные цели профессиональной деятельности тренеров [16].

Для определения уровня сформированности у респондентов синдрома эмоционального выгорания использовались методика В.В. Бойко, направленная на выявление скрытой эмоциональной напряженности, и опросник К. Маслач «Профессиональное выгорание» (в адаптации Н.Е. Водопьяновой) [17].

Корреляционный анализ осуществлялся по методу Спирмена.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование потребностей в профессиональной деятельности показало, что большинство респондентов (65,25 %) ориентированы на удовлетворение потребностей в достижении определенных результатов (рис. 1).



Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Иерархия потребностей в профессиональной деятельности, преобладающих у тренеров-преподавателей по шахматам

Второй по значимости потребностью является потребность в самосовершенствовании (16,10 %), 9,32 % респондентов характеризуются стремлением получить за свой труд соответствующее вознаграждение.

Интересны результаты исследования мотивов профессиональной деятельности, проведенного с помощью методики Т.Н. Францевой (рис. 2).

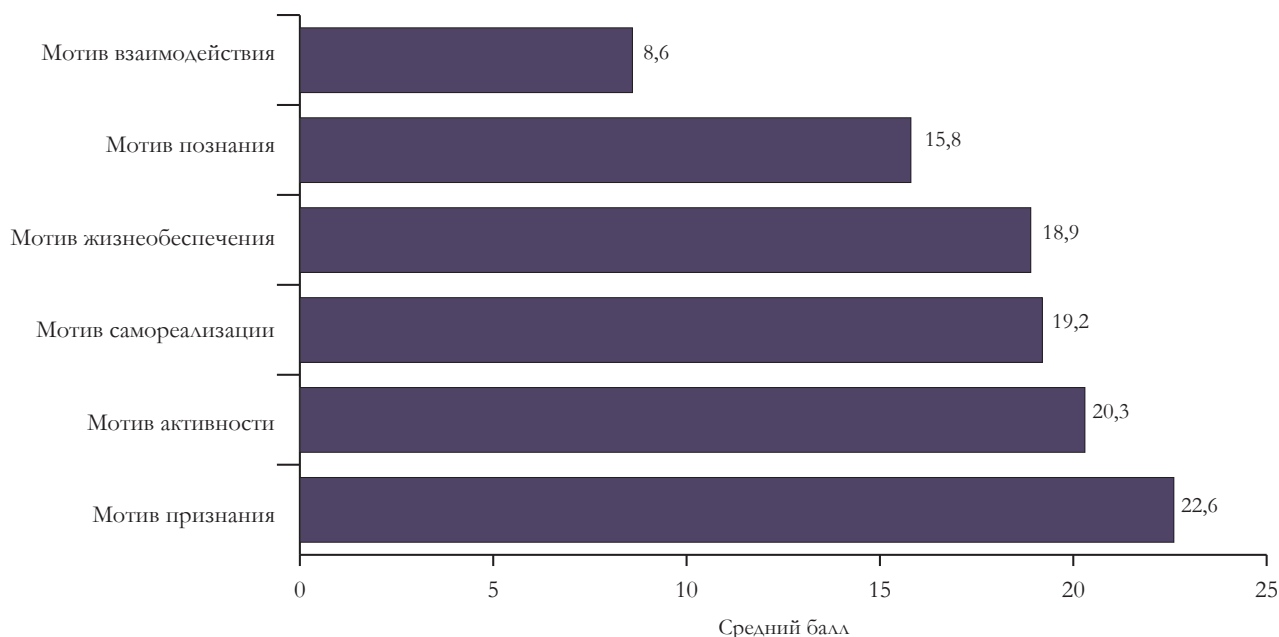
Так, на мотив признания приходится наивысший балл (22,6). Именно в достижении признания за счет высоких спортивных результатов своих воспитанников многие из опрошенных тренеров-преподавателей видят смысл своей профессиональной деятельности. Не менее значимы для них и мотив активности (20,3), стремление к постоянному активному поиску себя и своего места в жизни, склонность к преобразованию, созиданию, творческому самовыражению. Показатели потребности в самореализации (19,2) также входят в диапазон высоких значений.

Анкетирование респондентов позволило прийти к выводу о том, что большинство тренеров-преподавателей по шахматам основную цель своей профессиональной деятельности видят в соревновательных победах своих учеников-воспитанников (рис. 3).

На то, что основная цель профессиональной деятельности тренера-преподавателя по шахматам заключается в достижении высоких спортивных результатов воспитанниками, указали абсолютное большинство респондентов — средний балл составляет 9,8 из 10 возможных. Вторым по популярности ответом стало развитие одаренности (9,2), третьим — победа в турнирах (9,1). Менее значимыми для тренеров-преподавателей, принявших участие в исследовании, являются цели оказания помощи юным спортсменам в самореализации их личности (2,4), а также развитие у них волевых качеств (4,2) и их общее развитие (4,4).

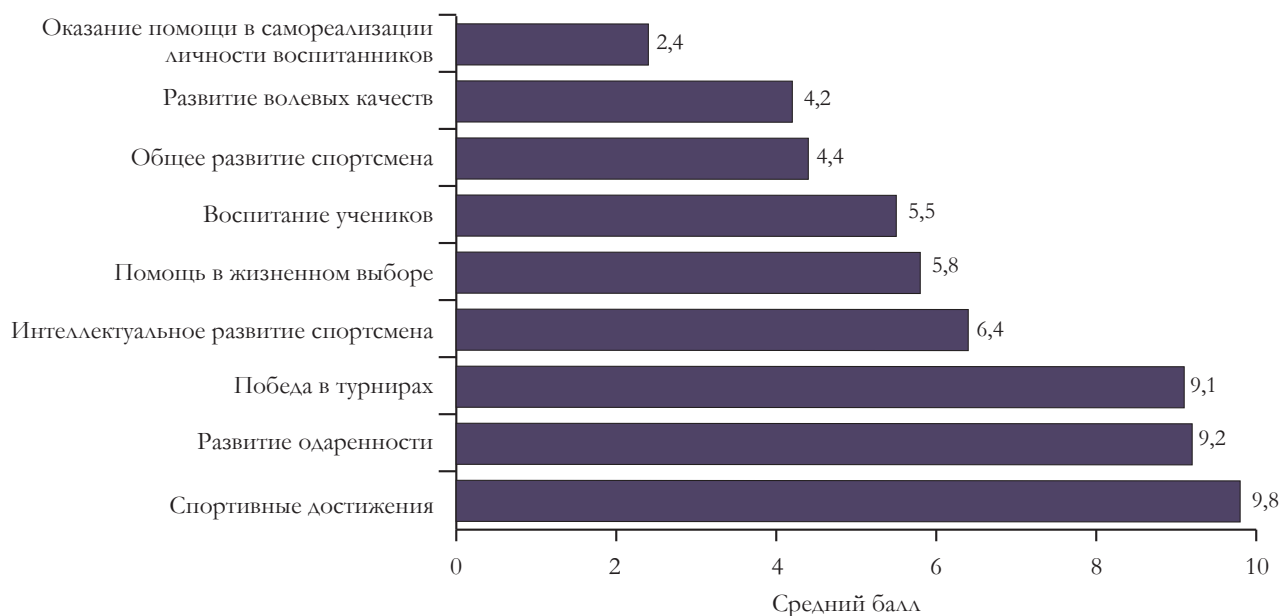
Именно за победы в спортивных соревнованиях, шахматных турнирах многие тренеры-преподаватели осуществляют свою профессиональную деятельность, в спортивных результатах своих воспитанников

видят ее смысл, вследствие чего отсутствие одаренных юных спортсменов при направленности личности тренера на спортивный результат может стать источником возникновения эмоционального напряжения и неудовлетворенности своей профессиональной карьерой и, как следствие, развития синдрома эмоционального выгорания.



Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Мотивы профессиональной деятельности тренеров-преподавателей по шахматам



Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Цели в профессиональной деятельности тренеров-преподавателей по шахматам

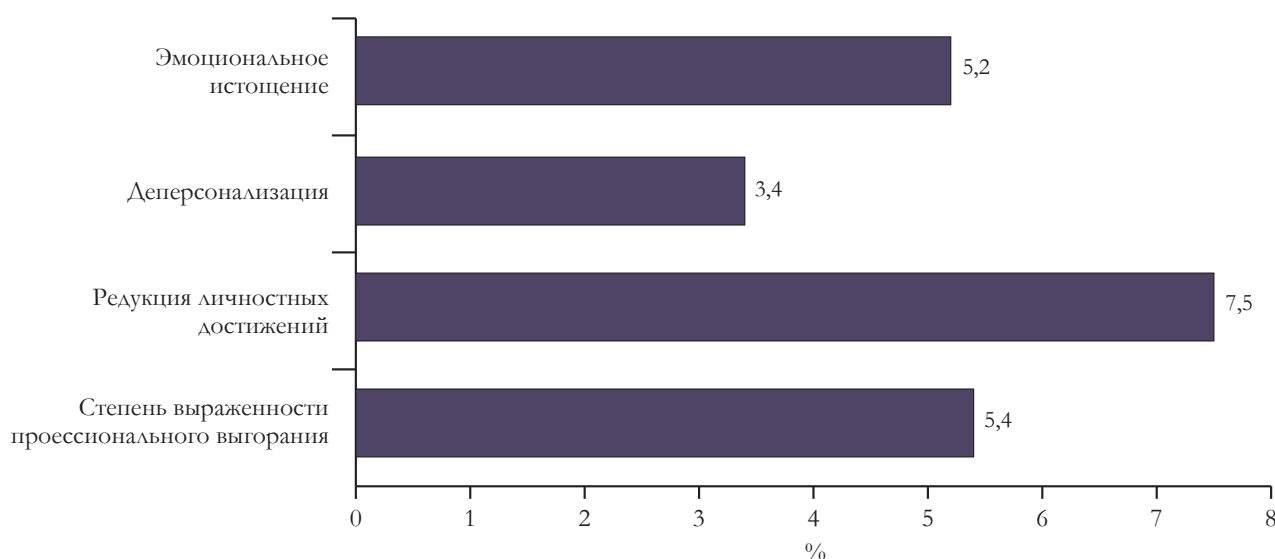
Как отмечают исследователи в области экономики, организация труда тренеров включает их материальное и нематериальное стимулирование, где в качестве мотивирующего критерия рассматривается количество побед на соревнованиях их учеников [18]. В исследованиях по спортивной психологии установлено, что можно выделить две основные цели, преследуемые тренерами в своей профессиональной деятельности, — это достижения в спортивных соревнованиях учеников и их общее развитие как личности и как субъекта своей жизнедеятельности [19].

Результаты исследования профессиональной мотивации тренеров-преподавателей по шахматам свидетельствуют о том, что абсолютное большинство из них нацелены только на спортивный результат своих учеников, что проблемы их общего развития, формирования их личности становятся второстепенными и не столь важными, несмотря на то что даже в названии самой профессии, согласно разработанным профессиональным стандартам, профессия тренер и его трудовые функции интегрируются с педагогическими профессиями и трудовыми функциями педагога-психолога.

ВЫВОДЫ

Исследование степени выраженности и фаз сформированности эмоционального выгорания тренеров-преподавателей по шахматам показало, что проявление такого синдрома у многих из них имеет свои особенности.

Во-первых, при общем достаточно низком, нормальном уровне развития эмоционального истощения высокие среднегрупповые значения выявлены по шкалам скрытой эмоциональной напряженности и редукции личностных достижений (рис. 4).



Составлено автором по материалам исследования

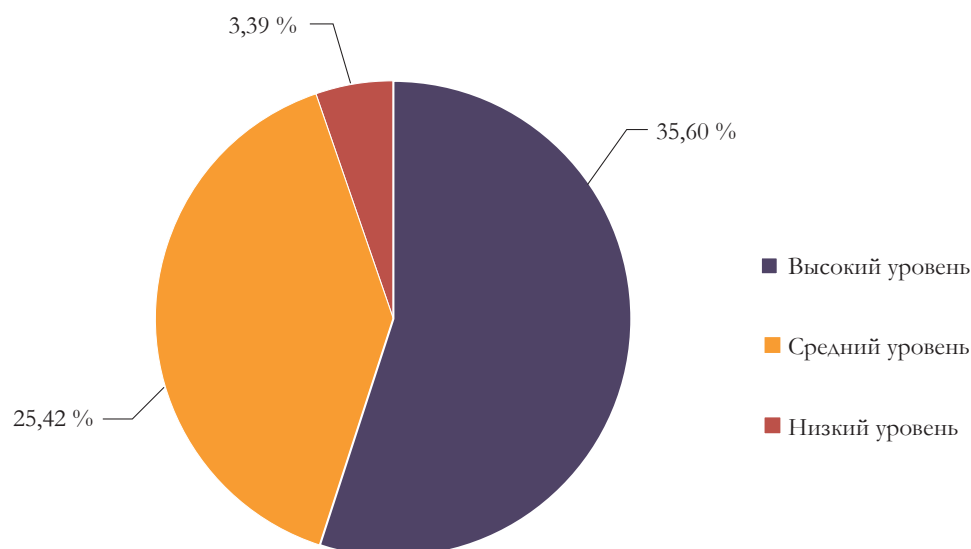
Рис. 4. Результаты изучения степени выраженности у тренеров-преподавателей по шахматам профессионального выгорания по методике Маслач

Высокие значения по шкале редукции личностных достижений, зафиксированные у большинства респондентов, свидетельствуют о нарастании неудовлетворенности своей профессиональной деятельностью, ее обесценивании вследствие отсутствия достижения значимых для них профессиональных целей.

Во-вторых, выявлено, что у многих респондентов присутствует скрытая эмоциональная напряженность и что накапливаемые эмоционально-энергетические заряды могут в определенный момент стать источником серьезных проблем в их профессионально-личностном развитии (рис. 5).

Только у 3,39 % респондентов от общего количества опрошенных тренеров-преподавателей по шахматам отмечен низкий уровень скрытой эмоциональной напряженности.

Последующий корреляционный анализ эмпирических данных позволяет говорить о том, что между мотивами профессиональной деятельности тренеров-преподавателей по шахматам, в основе которых лежит их стремление к достижению высоких спортивных результатов учениками, и особенностями проявлений их профессионального выгорания существуют статистически достоверные взаимосвязи. Так, выявлено, что ориентация на результат, мотивы достижения высоких спортивных результатов положительно коррелируют с показателями скрытой эмоциональной напряженности ($r = 0,514; p < 0,001$) и степенью выраженности редукции личностных достижений ($r = 0,619; p < 0,001$).



Составлено автором по материалам исследования

Рис. 5. Процентное распределение тренеров-преподавателей по шахматам по уровню их скрытого эмоционального напряжения

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В спортивной психологии отмечается, что профессиональная мотивация тренеров имеет два основных направления – ориентация на спортивный результат воспитанников и ориентация на самого юного спортсмена, его развитие и формирование его личности. В проведенном исследовании выявлено, что абсолютное большинство тренеров-преподавателей по шахматам ориентировано именно на работу с одаренными юными шахматистами и достижение ими высоких спортивных результатов, что не может не влиять на удовлетворенность профессиональной деятельностью, скрытую эмоциональную напряженность тренера и, как следствие, достижение целей развития массового шахматного образования.

В связи с этим необходимы разработка целенаправленных программ психологического сопровождения профессиональной деятельности тренеров-преподавателей по шахматам, ориентированных на трансформацию их профессиональной направленности, переориентации с позиции ценностей соревновательных результатов на ценности развития своих учеников, оказание им помощи в своем личностном самоопределении и создание условий для самореализации их личности в спортивной деятельности.

Список литературы

1. Глухова О.В., Воликова С.В., Зарецкий Ю.В., Зарецкий В.К. Результаты лонгитюдного диагностического исследования по проекту «Шахматы для общего развития». Консультативная психология и психотерапия. 2022;4(30):49–75. <https://doi.org/10.17759/cpr.2022300404>
2. Задохина Н.А. Влияние игры в шахматы на развитие познавательной активности младших школьников. Аллея науки. 2020;11(50):5–10.
3. Щербинин М.Н., Мартиш В.С. Шахматы как форма самопознания. Вестник Челябинского государственного университета. 2017;13(409):78–81.
4. Сухоруков А.С., Петров П.В. Творческая самореализация и динамика внутренней и внешней мотивации у школьников: представления родителей. Непрерывное образование: XXI век. 2024;1(45). <https://doi.org/10.15393/j5.art.2024.9189>
5. Алифиров А.И., Зарыкина А.В. Развитие интеллектуальных способностей студентов посредством игры в шахматы. Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2016;1:12–24.
6. Пенькова И.В., Карпова Н.В., Шмелева С.В. Особенности физического воспитания детей. В кн.: Инновации и традиции в современном физкультурном образовании: материалы межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 23 марта 2022 г. М.: Манускрипт; 2017. С. 281–285.
7. Уманская Э. Социокультурные функции шахмат. Двигатель. 2012;1(79):61–62.

8. Гутенев М.Ю. Влияние шахматной игры на развитие творческого потенциала личности. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014;3(14):57–62.
9. Саранцева С.Г., Посохова А.В. Влияние мотивации на психологические факторы успешности в профессиональной деятельности фитнес-тренера. Вестник науки. 2023;12(1):713–721.
10. Шмелева С.В., Логачев Н.В., Бонкало Т.И. Индивидуально-личностные факторы профессиональной подготовки лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья как конкурентоспособных специалистов по адаптивной физической культуре. Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2019;1(8):81–87.
11. Перевезенцева А.В. Роль морального и материального стимулирования в деятельности тренера. Молодой ученый. 2022;26(421):263–265.
12. Николаев А.Н. Влияние профессиональной мотивации тренеров на характеристики их деятельности. Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2021;4(10):344–351. <http://dx.doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-4-344-351>
13. McLean K.N., Mallett C.J., Newcombe P. Assessing coach motivation: The development of the Coach Motivation Questionnaire (CMQ). Journal of Sport and Exercise Psychology. 2012;2(34):184–207. <https://doi.org/10.1123/jsep.34.2.184>
14. Rocchi M.A., Pelletier L.G., Couture A.L. Determinants of coach motivation and autonomy supportive coaching behaviours. Psychology of Sport and Exercise. 2013;6(14):852–859. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2013.07.002>
15. Довжик А.М., Бочавер К.А., Резниченко С.И., Бондарев А.В. Выгорание спортивного тренера: угроза профессиональной успешности, ментальному здоровью и благополучию. Клиническая и специальная психология. 2021;4(10):24–47. <https://doi.org/10.17759/cpse.2021100402>
16. Францева Т.Н. Опросник для диагностики мотивов профессиональной деятельности специалистов. Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2010;1:15–21.
17. Аксенова Е.И., Полякова О.Б., Бонкало Т.И. Профессиональные деформации медицинских работников: сущность, структура, особенности диагностики, профилактики и коррекции: монография. М.: НИИ ОЗММ ДЗМ; 2022. 265 с.
18. Ащелов А.В., Трофименко Е.А. Особенности мотивации персонала физкультурно-спортивных организаций. Креативная экономика. 2022;10(16):4071–4082. <https://doi.org/10.18334/ce.16.10.116379>
19. Марков К.К. Тренер – педагог и психолог. Иркутск: ИрИИТ; 1999. 252 с.

References

1. Glukhova O.V., Volikova S.V., Zaretsky Y.V., Zaretsky V.K. The Results of a Longitudinal Diagnostic Study on the Project “Chess for Overall Development”. Counseling Psychology and Psychotherapy. 2022;4(30):49–75. (In Russian). <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300404>
2. Zadokhina N.A. Influence of playing chess on the development of cognitive activity of younger schoolchildren. Alley of Science. 2020;11(50):5–10. (In Russian).
3. Scherbinin M.N., Martish V.S. Chess as a form of self-knowledge. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2017;13(409):78–81. (In Russian).
4. Sukhorukov A.S., Petrov P.V. Creative self-realization and dynamics of internal and external motivation in schoolchildren: representations of parents. Lifelong Education: the 21st Century. 2024;1(45). (In Russian). <https://doi.org/10.15393/j5.art.2024.9189>
5. Alifirov A.I., Zarynkina A.V. The development of intellectual abilities of students through the game of chess. Physical Culture. Sport. Tourism. Motor recreation. 2016;1:12–24. (In Russian).
6. Penkova I.V., Karpova N.V., Shmeleva S.V. Features of physical education of children. In: Innovations and traditions in modern physical education: Proceedings of the Interuniversity Scientific and Practical Conference, Moscow, March 23, 2022. Moscow: Manuscript; 2017. Pp. 281–285. (In Russian).
7. Umanskaya E. Sociocultural functions of chess. Dvigatel. 2012;1(79):61–62. (In Russian).
8. Gutenev M.Yu. Influence of chess game on the development of creative potential of personality. Bulletin of the South Ural State University. Series “Social sciences and the humanities”. 2014;3(14):57–62. (In Russian).
9. Sarantseva S.G., Posokhova A.V. Influence of motivation on psychological factors of success in a sport trainer’s professional activity. Vestnik nauki. 2023;12(1):713–721. (In Russian).
10. Shmeleva S.V., Logachev N.V., Bonkalo T.I. Individual personal factors of professional training of persons with disabilities and limited opportunities of health as competitive specialists in adaptive physical culture. Scientific Research and Development. Socio-humanitarian Research and Technology. 2019;1(8):81–87. (In Russian).

11. *Perevezentseva A.V.* Role of moral and material incentives in the activity of a coach. *Molodoy uchenyi*. 2022;26(421):263–265. (In Russian).
12. *Nikolaev A.N.* The influence of coaches' professional motivation on characteristics of their activities. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2021;4(10):344–351. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-4-344-351>
13. *McLean K.N., Mallett C.J., Newcombe P.* Assessing coach motivation: The development of the Coach Motivation Questionnaire (CMQ). *Journal of Sport and Exercise Psychology*. 2012;2(34):184–207. <https://doi.org/10.1123/jsep.34.2.184>
14. *Rocchi M.A., Pelletier L.G., Couture A.L.* Determinants of coach motivation and autonomy-supportive coaching behaviors. *Psychology of Sport and Exercise*. 2013;6(14):852–859. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2013.07.002>
15. *Dovzhyk L.M., Bocharov K.A., Reznichenko S.I., Bondarev D.V.* Sport Coaches Burnout as a Threat to Professional Success, Mental Health and Well-Being. *Clinical Psychology and Special Education*. 2021;4(10):24–47. (In Russian). <https://doi.org/10.17759/cpse.2021100402>
16. *Frantseva T.N.* Questionnaire for diagnostics of motives of specialists' professional activity. *Vestnik Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology*. 2010;1:15–21. (In Russian).
17. *Aksenova E.I., Polyakova O.B., Bonkalo T.I.* Professional deformations of medical workers: essence, structure, features of diagnostics, prevention, and correction. Moscow: Research Institute of Health Care Organization and Medical Management of the Moscow City Health Department; 2022. 265 p. (In Russian).
18. *Ascheulov A.V., Trofimenko E.A.* Specifics of staff motivation in sports and physical training organisations. *Kreativnaya ekonomika*. 2022;10(16):4071–4082. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/ce.16.10.116379>
19. *Markov K.K.* Trainer – a pedagogue and a psychologist. Irkutsk: Irkutsk State University of Railway Transport Publ. House; 1999. 252 p. (In Russian).